171
3641123

20 45/103 Том 90-1
801-15
610

БОГОСЛОВСКІЯ

АКАДЕМИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА

Епископа Смоленскаго.

Іоанн
РАЗРЕШЕНО

Второе изданіе
„Общества распространенія
религіозно-нравственнаго просвѣщенія
въ духѣ Православной
Церкви“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

Государственная библиотека им. В. И. Ленина

Печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 27-го Ноября 1906 года.

Протоіерей *Философъ Орнатскій.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
9759-14

2012353678

ПРѢДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Преосвященный Іоаннъ (Соколовъ), епископъ смоленскій, по окончаніи курса въ Московской духовной академіи вторымъ магистромъ въ 1842 году, оставленъ былъ при академіи баккалавромъ по нравственному и пастырскому богословію, откуда черезъ два года съ небольшимъ переведенъ въ петербургскую академію на церковное законовѣдѣніе, и здѣсь былъ назначенъ инспекторомъ. Въ 1853 году получилъ степень доктора богословія за сочиненіе: «Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія». Затѣмъ онъ былъ ректоромъ петербургской семинаріи (1855—1857 г.), казанской академіи 7 лѣтъ (1857—1864 г.) и наконецъ петербургской академіи, оставаясь въ то же время профессоромъ богословія. Въ 1865 году онъ посвященъ во епископа, съ назначеніемъ викаріемъ выборгскимъ, а въ 1866 году назначенъ епископомъ въ смоленскую епархію, гдѣ прослужилъ съ небольшимъ два года и скончался вдругъ 17 марта 1869 года.

Человѣкъ въ высшей степени даровитый и многосторонній по способностямъ, по характеру вообще непреклонный и самостоятельный, въ официальныхъ же отношеніяхъ большею частію сухой и даже суровый,—пресвященный Іоаннъ прежде всего извѣстенъ, какъ замѣчательный церковный ораторъ и талантливый духовный публицистъ, которому приписывается

открытіе новой эпохи—жизненно-практическаго направленія въ проповѣди и стремленія освѣщать и оцѣнивать въ духовной журналистикѣ факты общественной жизни съ религіозно-нравственной точки зрѣнія; въ то же время онъ прославился и какъ ученый профессоръ, творецъ системы церковнаго законовѣдѣнія и глубокомысленный богословъ, обладавшій блестящей діалектикой и тонкимъ философскимъ анализомъ, оригинальной аргументаціей, свободной и сильной ораторской рѣчью. Онъ является однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ представителей прежней діалектической школы богословія,—большею частію сухо отвлеченной, не чуждой схоластичности и не признававшей историко-литературной постановки науки; но въ лекціяхъ преосв. Іоанна эта школа представила, можно сказать, все, что у нея было наиболѣе живого, увлекательнаго и плодотворнаго.

Редакція «С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника», при посредствѣ достопочтеннаго о. протоіерея І. И. Сергіева (Кронштадтскаго) имѣла случай пріобрѣсти собственныя записки покойнаго Іоанна смоленскаго по «Дѣятельному Богословію» (или нравственному), которое, какъ выше упомянуто, онъ читалъ въ московской академіи въ началѣ 40-хъ годовъ; на одной изъ тетрадей имѣется его собственноручная помѣтка—«1844 г.» Рукопись эта была подарена авторомъ, въ бытность его ректоромъ казанской академіи, одной изъ его казанскихъ знакомыхъ, поступившей по его же совѣту и наставленію въ монашество,—съ слѣдующею собственноручною надписью карандашомъ на первомъ листѣ, адресованной къ ея роднымъ: «Это—мое дѣло и писано собственною моею рукою. Передайте Е. З. (мірское имя монахини) на память обо мнѣ, въ признательность за ея молитвы. 7 октября 1861 г. Казань».

Эти собственноручныя записки самаго перваго времени профессорства преосв. Іоанна представляются весьма важными особенно въ виду того, что онъ, какъ извѣстно, впо-

слѣдствіи не имѣлъ обыкновенія вести писанныхъ лекцій, а предоставлялъ записывать студентамъ свои импровизаціи и послѣ иногда просматривалъ ихъ записки. Сохранившаяся, такимъ образомъ, рукопись лекцій по нравственному богословію не представляетъ собственно какой-либо цѣльной системы, а отдѣльные трактаты, особенно изъ 3-й части науки или, такъ называемой, аскетики, напр.: о силахъ духовныхъ для подвиговъ христіанскаго благочестія, о нравственномъ состояніи человѣка благодатію возрожденнаго, о законѣ Евангельскомъ и проч. Нѣкоторые изъ отдѣловъ рукописи въ извлеченіяхъ уже напечатаны въ «Спб. Духовномъ Вѣстникѣ» 1896 г. (№№ 46—48) и 1897 г. (№№ 4, 7, 10, 12, 14—16). Вѣроятно, изъ тѣхъ же лекцій самимъ авторомъ былъ выбранъ и извѣстный трактатъ, напечатанный въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1857 года (т. III), подъ заглавіемъ: «Вѣра—основаніе истинной нравственности». Нынѣ означенныя чтенія по нравственному богословію печатаются отдѣльнымъ изданіемъ, въ полномъ видѣ, безъ всякихъ сокращеній, въ порядкѣ трактатовъ, указываемомъ самой рукописью, а на первомъ мѣстѣ изъ нихъ перепечатывается поименованный трактатъ изъ «Правосл. Собесѣдника».

Но чтенія по Дѣятельному богословію составляютъ собственно 2-й отдѣлъ настоящаго изданія. Въ 1-й же отдѣлъ вошли записи лекцій преосв. Іоанна студентами казанской и петербургской академій изъ богословія догматическаго, напечатанныя раньше въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1874 г. (XII), 1876 г. (5—10) и 1877 г. (1—2). Въ настоящемъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ распорядкѣ догматическихъ трактовъ, ради послѣдовательности и связи между ними, такъ какъ въ «Христ. Чтеніи» они печатались безъ системы, по времени лишь поступленія въ редакцію. При этомъ и орѳографическая сторона дѣла потребовала нѣкоторыхъ исправленій. Это присоединеніе студенческихъ записей по Догматическому богословію къ запискамъ самого автора

по Нравственному сдѣлано съ цѣлью представить въ болѣе или менѣе полномъ видѣ особый цѣльный томъ *Богословскихъ академическихъ чтеній* преосв. Іоанна.

О студенческихъ запискахъ лекцій преосв. Іоанна вообще можно замѣтить, что онѣ не могли быть надлежаще точны и полны, но болѣе обстоятельными изъ нихъ являются трактаты о Богѣ и троичности Лицъ, записанные въ Казанской академіи (VIII курса), также о значеніи догматовъ и объ Откровеніи. Менѣе полно и отчетливо записаны лекціи, читанныя въ Петербургской академіи (XXVI и XXVII курсамъ), о Промыслѣ Божіемъ и о лицѣ Іисуса Христа.

Что касается записокъ самого автора по Дѣятельному богословію, то, представляя собственно отдѣльные, какъ сказано выше, трактаты по этой наукѣ, онѣ только въ началѣ 3-й части Дѣятельнаго богословія, или аскетики, представляютъ попытку систематическаго изложенія науки, или какъ бы научнаго руководства, съ извѣстными опредѣленіями, отдѣльными заголовками и сжатостію изложенія, и рукопись въ этомъ отдѣлѣ болѣе отчетливо переписана. Большею же частію она имѣетъ видъ черновыхъ записокъ, при чемъ въ ней встрѣчаются повторенія, иногда даже дословныя, которыя, при печатаніи, пришлось опускать, затѣмъ, исправленія и вставки на поляхъ, не всегда сдѣланныя аккуратно и въ законченной формѣ, наконецъ, описки и пропуски словъ, или же слова не вычеркнутыя при поправкахъ: все это требовало исправленія. Тексты Св. Писанія въ запискахъ не всегда приводятся съ надлежащею точностію и очень часто безъ цитатъ, такъ что приходилось подъискивать эти мѣста, возстановлять ихъ точность и проставлять цитаты. Иныя слова написаны такъ неразборчиво, что немало требовалось времени, чтобы прочесть ихъ, или догадываться по смыслу, или же навести соотвѣтствующія справки, если слова и выраженія откуда-либо заимствованы. Наконецъ, орѳографія и пунктуація у автора не совсѣмъ исправны и требовали, хотя въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ, исправленія. Изложеніе записокъ нѣсколько тяжело, въ сравненіи съ записями позднѣйшихъ по времени лекцій преосв. Іоанна.

Но означенные внѣшніе недостатки нисколько не умаляютъ внутреннихъ достоинствъ богословскихъ чтеній преосв. Іоанна, которыя, какъ произведенія глубокой самородной мысли, для лицъ, интересующихся духовною ученостію и любящихъ вдумываться въ сущность христіанства и различныя стороны высокаго христіанскаго ученія, особенно для духовенства, могутъ быть весьма интересны и плодотворны, въ виду возбужденія самодѣятельной мысли читателя и развитія его способности къ самостоятельному богословскому мышленію, а также пополненія и расширенія его религіознаго міросозерцанія. Въ своихъ богословскихъ чтеніяхъ преосв. Іоаннъ является не только какъ догматистъ, дающій такіе интересные по глубинѣ и оригинальности богословско-умозрительнаго мышленія трактаты, какъ о Пресвятой Троицѣ или объ отношеніи разума и Откровенія, не только какъ моралистъ, выясняющій столь глубокіе вопросы, какъ недостаточно еще разработанный въ нашихъ богословскихъ системахъ вопросъ о нравственномъ возрожденіи человѣка благодатію, столь важные предметы, какъ содержаніе молитвы Господней, великое значеніе таинствъ, особенно покаянія и причащенія, или важность христіанскаго воспитанія,—но и апологетъ защищающій христіанство противъ антирелигіозныхъ доктринъ и тѣхъ или другихъ невѣрующихъ мыслителей, хотя онъ касается ихъ только мимоходомъ, останавливаясь болѣе на положительномъ раскрытіи и уясненіи вопросовъ, избѣгая при этомъ повторенія обычныхъ и общеизвѣстныхъ рѣшеній ихъ и стараясь подойти къ предмету новымъ, неизбитымъ путемъ и освѣтить главнымъ образомъ тѣ стороны его, какія оказываются болѣе трудными и неудобопонятными.

Въ настоящее время, когда русская богословская литература далеко не изобилуетъ выдающимися болѣе или менѣе

произведеніями, когда запросъ на духовно-нравственное чтеніе существуетъ, между тѣмъ точное, живое и глубоко-обдуманное уясненіе различныхъ сторонъ христіанской религіи и нравственности почти отсутствуютъ,—такое изданіе, какъ *Богословскія академическія чтенія* преосв. Іоанна, должно быть признано весьма умѣстнымъ.

А. Надеждинъ.

I.

Изъ чтеній по Догматическому Богословію.

1. Неизмѣняемость и развитіе христіанскихъ догматовъ.

Неизмѣняемость догматовъ не отрицаетъ ихъ развитія въ извѣстной степени. Послѣднее не противорѣчитъ первой. Впрочемъ, понятіе о развитіи догматовъ нужно еще опредѣлить, и какъ можно точнѣе.

Нѣкоторые думаютъ, что вслѣдствіе постояннаго прогресса въ человѣчествѣ настоящіе догматы будутъ постепенно развиваться и наконецъ должны будутъ уступить свое мѣсто другимъ. Здѣсь, очевидно, понятіе о развитіи смѣшивается съ понятіемъ о видоизмѣненіи и отсюда выводится неправильное, содержащее въ себѣ внутреннее противорѣчіе, заключеніе, что догматъ вслѣдствіе своего развитія уничтожаетъ себя. Развитіе догматовъ должно принимать не въ томъ видѣ, будто вслѣдствіе его могутъ происходить существенныя перемѣны въ догматахъ: оно состоитъ въ постепенномъ раскрытіи и уясненіи ихъ для ума. Этого естественнаго развитія ихъ не отрицаетъ и откровеніе, потому что оно само предоставляетъ человѣку раскрывать и уяснять ихъ для себя во всемъ ихъ свѣтѣ подъ руководствомъ церкви. Въ исторіи церкви мы дѣйствительно видимъ такое развитіе догматовъ. Въ ученіи Іисуса Христа многія истины представлены еще кратко, не вполнѣ раскрытыми. У апостоловъ, въ ихъ посланіяхъ, эти истины раскрываются полнѣе. Въ послѣдующія времена въ церкви раждались разные вопросы и недоумѣнія, вслѣдствіе которыхъ разные догматы были разсматриваемы на соборахъ, уясняемы и раскрываемы, смотря по потребностямъ православной церкви. Въ настоящее время они подробно раскрываются въ православныхъ догматикахъ и другихъ твореніяхъ догматическаго содержанія. Само собою разумѣется, что все развитіе догматовъ, идущее чрезъ всю

церковную исторію, не привнесло въ ученіе Христово чего нибудь новаго; какъ апостолы, такъ и соборы и отцы и всѣ учители церкви раскрываютъ тоже ученіе Христово, только излагаютъ полнѣе то, что сначала заключено въ писаніе въ краткомъ видѣ. Въ этомъ смыслѣ нельзя отрицать развитія догматовъ: всѣ догматы въ самихъ себѣ носятъ зародышъ этого развитія.

Въ настоящее время въ большомъ ходу еще одна мысль. Говорятъ, что человѣчество въ своемъ развитіи, достигнувъ высшей степени совершенства, можетъ изжить настоящіе догматы, опередить ихъ своимъ развитіемъ и потребовать новыхъ, которые были бы для него удовлетворительнѣе. Но въ развитіи человѣчества можно различать двѣ стороны: развитіе религіозное въ собственномъ смыслѣ и развитіе умственное. По первому развитію человѣчество никогда не дойдетъ до отверженія настоящихъ догматовъ. Исторія показываетъ намъ, что религіозное развитіе дѣйствительно существуетъ. Для ясности приведемъ примѣры изъ исторіи религіознаго развитія. Богопочтеніе въ началѣ развитія человѣчества, послѣ паденія, является намъ въ самыхъ чувственныхъ чертахъ: все богопочтеніе, по понятію грубаго и неразвитаго человѣчества, заключалось въ жертвоприношеніяхъ и внѣшнихъ обрядахъ. На слѣдующей ступени религіознаго развитія является болѣе возвышенное понятіе о Богѣ и почитаніе Его—болѣе духовное. Съ явленіемъ на землѣ Іисуса Христа и съ проповѣдію христіанскою, идея о Богѣ и богопочтеніи была раскрыта вполнѣ, во всей ея возвышенности и чистотѣ. Хотя и въ христіанской церкви богопочтеніе носитъ слѣды образности и заключено во внѣшнія формы,—въ обряды, но вмѣстѣ съ развитіемъ идеи о Богѣ въ христіанствѣ необходимо должно было одухотвориться, такъ сказать, и богослуженіе. На это ясно указалъ Самъ Іисусъ Христосъ въ бесѣдѣ съ женой самарянкой: *Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: ибо Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему. Духъ есть Богъ. И иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 23, 24). Въ царствѣ славы, наконецъ, человѣчество еще болѣе возвысится въ вѣдѣніи Бога, ибо тогда по слову апостола Павла, мы увидимъ Его лицомъ къ лицу. Тогда наше богопочтеніе окончательно будетъ чисто и совершенно.

Вотъ въ чемъ состоитъ религіозное развитіе человѣчества, которое необходимо должно осуществиться на самомъ дѣлѣ какъ потому, что возможножность развитія лежитъ въ самомъ духѣ человѣка, такъ и по существу христіанства, и по ученію откровенія. Но это развитіе нисколько не отрицаетъ настоящихъ догматовъ христіанства, потому что оно само возможно только въ связи съ этими догматами. Поклоненіе Богу духомъ и истиною возможно только при содѣйствіи благодати, очищающей душу плотскаго человѣка, а догматъ о благодати—коренной догматъ христіанства; слѣдовательно, и самая высшая степень религіознаго развитія—въ царствѣ славы—зависима отъ догматовъ вѣры: о благодати, объ искупленіи, о прославленіи во Іисусѣ Христѣ и проч.

Умственное развитіе также не можетъ быть соединено съ отрицаніемъ христіанскихъ догматовъ. Это развитіе состоитъ въ томъ, что разумъ все болѣе и болѣе будетъ развивать свои врожденныя идеи и умножать познанія, пріобрѣтенныя отвнѣ, однимъ словомъ, стремиться и приближаться къ истинѣ. Что такое идеи ума? Это темные первообразы въ душѣ человѣка всѣхъ его стремленій, однѣ пустыя формы познаній, положимъ, хоть образцовыя. Слѣдовательно, онѣ нуждаются еще въ содержаніи, которое наполнило бы ихъ. Гдѣ же взять это содержаніе? Въ самомъ себѣ человѣкъ найти его не можетъ; внѣ—также; потому что ничто—ни внутреннее, ни внѣшнее, особенно внѣшнее, не можетъ наполнить безконечной идеи. Слѣдовательно, идея всегда будетъ возвышаться надъ всѣмъ и внутреннимъ и внѣшнимъ и приближаться къ сферѣ откровенія. Само собою разумѣется, что подъ развитіемъ умственнымъ мы понимаемъ здѣсь развитіе правильное. Опытъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ наши мысли о развитіи умственномъ. Исторія показываетъ, что человѣчество постоянно стремилось развивать свои идеи и употребляло къ тому всѣ свои усилія. Но это было выше силъ его. Безконечная идея ничемъ не могла быть наполнена, и никогда конечный разумъ не могъ обнять ее во всей ея полнотѣ. И нынѣ еще при богатствѣ и обиліи человѣческихъ знаній, при всемъ изумительномъ развитіи ума, идеи также остаются пусты и требуютъ содержанія, и слѣдовательно нѣсколько не отрицаютъ откровенія, а еще приближаются къ нему. Лучшіе умы нашего вѣка сознаются въ истинности и величіи Откровенія; знаніе все болѣе и болѣе направляется къ тому, что есть высшее начало знаній. Это — вѣрный знакъ того, что и въ послѣдующія времена человѣчество не уклонится отъ ученія догматовъ, напротивъ, все болѣе и болѣе будетъ соглашаться съ нимъ. Въ доказательство можно привести нѣсколько примѣровъ изъ современнаго естествознанія. Такъ, современная наука признаетъ истинность бытописанія Моисея о твореніи міра. Вся разница между ея ученіемъ и ученіемъ Моисея состоитъ въ томъ, что она еще не опредѣлила еврейскаго—*Іом—день*, и видитъ въ дняхъ міротворенія огромные періоды,

въ которые совершилось образованіе земли. Другой примѣръ. Современная наука, изслѣдуя пути небесныхъ свѣтилъ и время ихъ движенія, на основаніи математическихъ законовъ, утверждаетъ, что наступитъ день, когда свѣтила небесныя выйдутъ изъ своихъ орбитъ и вслѣдствіе этого произойдетъ страшный переворотъ во вселенной, и послѣдуетъ новый порядокъ. Это — конецъ міра, который не будетъ концомъ въ собственномъ смыслѣ, а только преобразованіемъ. Этотъ результатъ, къ которому пришла наука, согласуется съ ученіемъ христіанства о концѣ міра. По словамъ Спасителя, предъ концомъ настоящаго міра *звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся* (Мѳ. XXIV, 29, Марк. XIII, 25), вслѣдъ затѣмъ, *по обѣтованію* Его, мы *чаемъ нова небесе и новы земли* (2 Петр. III, 13). Въ доказательство противорѣчія выводамъ науки въ этомъ случаѣ нѣкоторые приводятъ эти же слова Спасителя о паденіи звѣздъ. Возражаютъ: какимъ образомъ звѣзды спадутъ съ неба, когда многія изъ нихъ, каждая въ отдѣльности, въ нѣсколько разъ болѣе земли? Возраженія эти не имѣютъ никакого основанія. Спаситель не сказалъ: звѣзды спадутъ *съ неба на землю*, а просто сказалъ: *спадутъ съ неба*, какъ бы предвидя это возраженіе.

Такимъ образомъ, наука не только не отступаетъ отъ ученія Откровенія, но еще постоянно болѣе и болѣе сходится съ нимъ своими результатами.

Далѣе, въ жизни человѣчества видно, что оно стремится къ какому-то преобразованію, а послѣднее необходимо должно быть съ рѣшеніемъ участи человѣчества. Человѣчество не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, какъ нынѣ, по ходу развитія. Это показываетъ необходимость преобразованія. Каково же должно быть это преобразованіе? Развитіе необходимо должно совершаться по нравственнымъ началамъ; такъ же равно и преобразованіе человѣчества должно касаться нравственной стороны его жизни. Отсюда два слѣдствія: 1) будетъ эпоха преобразованія; 2) преобразованія моральнаго; слѣдовательно, будетъ и судъ.

Такимъ образомъ, возраженіе: не уничтожитъ ли развитіе человѣчества догматовъ вѣры?—рѣшено. Такого уничтоженія ожидать никакъ нельзя.

2. Взаимное отношеніе разума и откровенія.

Въ связи съ понятіемъ о развитіи догматовъ стоитъ вопросъ о взаимномъ отношеніи разума и откровенія. Это самый старый вопросъ, который рѣшали разными способами. Но до сихъ поръ онъ не рѣшенъ еще окончательно; можно сказать, что онъ

даже неопредѣленно поставленъ. Приблизиться къ такому рѣшенію вопроса,—чтобы удержать при рѣшеніи, съ одной стороны, мысль о чистотѣ и возвышенности откровенія, а съ другой—о природѣ разума,—не иначе возможно, какъ приведши этотъ вопросъ въ правильныя границы.

Если относить этотъ вопросъ къ догматикѣ, какъ наукѣ,—то его нечего и рѣшать. Наука вообще есть дѣло разума;—слѣдовательно, и догматика также должна подлежать началамъ и законамъ разума. Т. е. откровеніе, въ этомъ случаѣ, есть готовый матеріалъ для науки, основаніе знанія, а разработка его—раскрытіе, сочетаніе частей его—вполнѣ принадлежитъ разуму. Такимъ образомъ разсматриваемый нами вопросъ будетъ имѣть такой смыслъ: какое отношеніе имѣетъ естественный разумъ къ авторитету высшаго откровенія? Правда, если и на этотъ вопросъ взглянуть проще, естественнѣе, то и его нечего рѣшать. Если откровеніе—свѣтъ, истина, а разумъ долженъ принимать этотъ свѣтъ, эту истину,—то нѣтъ ничего проще, какъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе. Это отношеніе похоже на взаимное отношеніе свѣта и глаза человѣческаго. Если бы не было свѣта, глазъ ничего не могъ бы видѣть; и наоборотъ, не будь глаза, свѣтъ не будетъ замѣченъ. Точно также ни откровеніе безъ разума, ни разумъ безъ откровенія быть не могутъ. Слѣдовательно, отношеніе ихъ состоитъ во взаимодѣйствіи. Если бы человѣкъ оставался съ однимъ разумомъ безъ откровенія, то онъ многаго не узналъ бы; и наоборотъ, безъ разума онъ не могъ бы принять откровенія. Нѣтъ ничего, кажется, проще и естественнѣе подобнаго разсужденія.

Но вопросъ объ отношеніи разума и откровенія не останавливается на этомъ рѣшеніи, потому что встрѣчается съ неограниченнымъ развитіемъ разума, въ силу котораго разумъ можетъ при своемъ развитіи измѣнить это отношеніе свое къ откровенію. Чтобы взглянуть на предметъ съ этой точки зрѣнія, надобно представить всевозможныя отношенія между разумомъ и откровеніемъ. Здѣсь мы можемъ представить слѣдующія отношенія: или 1) разумъ долженъ оставаться въ подчиненіи откровенію; или 2) послѣднее должно подчиниться человѣческому разуму; или 3) они должны идти параллельно другъ другу, не соединяясь и не расходясь въ разныя стороны; или же 4) они должны находиться въ единеніи между собою, образуя никогда неизмѣнный органъ человѣческаго знанія истины. Разсмотримъ всѣ эти виды отношенія между разумомъ и откровеніемъ.

1) Подчиненіе разума откровенію опредѣляетъ само откровеніе. Первое слово откровенія — вѣра. *Покайтеся и вѣруйте*

(Марк. I, 15). Какъ бы мы ни объясняли слово «вѣра», предположимъ ли, что оно означаетъ убѣжденіе ума человѣческаго или довѣріе высшему водительству,—во всякомъ случаѣ, это слово опредѣляетъ подчиненіе разума откровенію. Евангеліе, апостолы, отцы Церкви,—всѣ говорятъ объ этомъ подчиненіи разума. Если мы не станемъ допускать этого подчиненія, то мы на это должны представить основанія. Основаніемъ тутъ можетъ быть или: а) то, что это подчиненіе не естественно для разума, или б) унизительно для него, или же в) стѣснительно для его самостоятельнаго развитія.

Что касается до того, естественно ли разуму подчиняться откровенію,—на это не трудно отвѣчать. Анализируя человѣческое знаніе, мы видимъ, что въ основаніи знанія всегда лежитъ вѣра. Не говоря о первоначальномъ обученіи, напримѣръ, объ изученіи азбуки, и въ высшихъ сферахъ знанія нельзя не видѣть въ основаніи вѣру. Это потому, что, съ одной стороны, полное знаніе, совершенно равносильное истинѣ, въ этой жизни невозможно; а съ другой стороны, разумъ, при всемъ напряженіи, не можетъ дойти до такого развитія, чтобы могъ постигать самую сущность предметовъ знанія. Слѣдовательно, для разума необходима—вѣра. Тоже показываетъ и опытъ. Во всѣхъ отрасляхъ знанія, во всѣхъ его областяхъ, и въ основаніи и составѣ есть непремѣнно вѣра. Напримѣръ, чѣмъ докажетъ астрономъ, что свѣтила небесныя движутся по тѣмъ законамъ, на которые онъ указываетъ? Онъ укажетъ на свои математическія вычисленія? Но чѣмъ онъ докажетъ, что планеты дѣйствительно подлежатъ этимъ, а не другимъ вычисленіямъ?! Вездѣ главную роль играетъ вѣра; половина доказательствъ астронома основывается на одной моей вѣрѣ. Не вѣрь я, мнѣ никто ничего не докажетъ. При томъ же и его собственныя вычисленія основываются на его вѣрѣ; потому что половина его вычисленій — гипотезы. То же должно сказать и о другихъ отрасляхъ знанія. Вся жизнь человѣческая, во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ половину основывается на вѣрѣ. Безъ нея не было бы истинной дѣятельности. Почему я, напримѣръ, спокойно сижу въ комнатѣ и думаю, что не провалюсь, что не задавитъ меня потолокъ? Потому, что вѣрю въ безопасность моего положенія. Если же такова сила вѣры: то что противнаго для разума, если въ областяхъ знанія, выходящихъ за предѣлы разума, полагается въ основаніе вѣра? Отнимите вѣру, и знаніе невозможно. Во всякомъ знаніи на половину—вѣра. Мысль, что разумъ можетъ обойтись безъ вѣры, не естественна. Слова апостола: *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. V, 7),—это общій законъ жизни и дѣятельности.

Другое возраженіе состоитъ въ томъ, что подчиненіе разума откровенію унизительно для разума. Т. е. разумъ представляется какою-то самостоятельною силою, для которой нѣтъ и не можетъ быть никакого авторитета, и которой все достоинство—въ самостоятельности. Это возраженіе опровергается само собою, потому что въ основаніи его лежитъ ложная мысль, похожая на мысль,—будто подчиненіе воли нравственному закону унизительно для нея. Поэтому, какъ для свободы человѣка нѣтъ униженія подчиняться величію нравственнаго долга, такъ нѣтъ униженія и для ума, если онъ подчиняется авторитету откровенія. Такое униженіе возможно было бы въ томъ случаѣ, еслибы откровеніе предлагало уму предметы, недостойные знанія. Но этого нельзя допустить, потому что предметы откровенія такого рода, что еще возвышаютъ разумъ человѣческій. Если въ области философіи, гдѣ разумъ дѣйствуетъ самостоятельно, онъ почитаетъ своимъ достоинствомъ возвышеніе къ абсолютной истинѣ: неужели онъ унизитъ это достоинство, если будетъ стремиться и возвышаться до той-же абсолютной истины, но подъ руководствомъ откровенія? Такимъ образомъ съ этой стороны нѣтъ униженія для разума. Съ другой стороны, было бы унизительно для него подчиненіе откровенію въ томъ случаѣ, если бы откровеніе подавляло разумъ. Но и это допустить нѣтъ никакого основанія. Откровеніе не только не подавляетъ разумъ, напротивъ, оно благопріятствуетъ его развитію и всячески помогаетъ ему на пути къ истинѣ. Опытъ, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ нашу мысль. Гдѣ болѣе униженія для разума? Тамъ ли, гдѣ онъ идетъ ощупью, принужденъ ограничиться тѣмъ, что для развитія своей идеи беретъ бѣдные образы изъ видимой природы и такимъ образомъ нерѣдко искажаетъ идеи, или тамъ, гдѣ разумъ находитъ готовые образы въ откровеніи, образы, которые обладаютъ всею чистотою и возвышенностію, какая принадлежитъ идеямъ? Въ первомъ случаѣ разумъ бываетъ рабомъ низшей природы,—во второмъ его самостоятельность возвышается высотою откровенія и нисколько не уничтожается, потому что разумъ доходитъ до той же истины. Нельзя сказать и того, чтобы откровеніе препятствовало развитію человѣческой мысли. Исторія умственнаго развитія показываетъ, что не только въ высшихъ, но даже самыхъ близкихъ къ уму сферахъ знанія мысль стала дѣйствовать быстрѣе и глубже послѣ того, какъ ее озарило откровеніе. Всѣми лучшими познаніями человѣкъ обязанъ не себѣ. Если обратить вниманіе на направленіе разума, на то, что есть лучшаго въ его полетѣ, что возвышаетъ его надъ матеріею и даетъ духъ и силу мысли,—то нельзя не со-

знаться, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ откровенію. Мысль, будто авторитетъ откровенія стѣсняетъ мысль, мысль — ложная. Это будетъ очевиднѣе, если мы будемъ анализировать процессъ организованія этой мысли.—Откуда она? Источникъ ея мутный. По-видимому, она проистекаетъ изъ мысли, что человѣкъ назначенъ къ самостоятельному развитію. Но за этою мыслію скрывается другая, задняя мысль, именно та, что авторитетъ откровенія стѣсняетъ свободу человѣка. Что сказать на это? Не свободу стѣсняетъ онъ, а *вольность*. Неизвѣстно почему—по самой ли природѣ, или же отъ дѣйствія внѣшнихъ причинъ, только человѣкъ любитъ волю въ худшемъ смыслѣ слова.

Это давняя болѣзнь, которую совершенно вылѣчить невозможно; а въ половину лѣчить—безполезно, потому что, если въ душѣ останутся слѣды этой болѣзни, то они будутъ мѣшать и здоровымъ отправленіямъ духовнаго организма. Исторія показываетъ, что человѣкъ принимаетъ различныя мѣры къ уврачеванію этой болѣзни, но безъ пользы, потому что болѣзнь проникла слишкомъ глубоко, а съ другой стороны потому, что въ самой природѣ человѣка лежатъ элементы такого развитія воли, которое уклоняется въ сторону. Именно: въ свободѣ есть дѣйствительно элементъ воли или, лучше, вольности; въ разумѣ есть тоже этотъ элементъ, сказывающійся въ вольномысліи,—въ образованіи произвольныхъ умозаключеній. Это—нѣчто подобное тому, что мы замѣчаемъ въ тѣлесномъ организмѣ: въ силахъ, составляющихъ здоровье человѣка, лежатъ и элементы его болѣзней. Такимъ образомъ, надобно сознаться, что мысль о стѣсненіи разума откровеніемъ свойственна человѣку, и едва ли когда человѣкъ радикально вылѣчиться отъ этой болѣзни. Но все-таки эта мысль должна быть опровергаема, когда она выходитъ за границы. Странно не лѣчить больнаго потому, что болѣзнь его врожденна или слишкомъ упорна. Все это говорится къ тому, чтобы, съ одной стороны, понять смыслъ того явленія въ человѣчествѣ, что человѣкъ при самомъ яркомъ свѣтѣ откровенія борется противъ него, что рядомъ съ истиною идетъ и разливается въ немъ ложь; а съ другой стороны, чтобы не придавать стремленію къ свободѣ болѣе значенія, чѣмъ сколько оно заключаетъ въ себѣ законнаго и справедливаго. Эта болѣзнь, правда, неизбѣжная, но не такая, чтобы она составляла какую-то непреоборимую силу. Допустить, что противодѣйствіе разума когда нибудь можетъ побороть откровеніе,—не основательно. Этого не можетъ быть, потому что вольномысліе разума—болѣзнь, слабость, слѣдовательно, не можетъ быть положительною силою. Оно будетъ бороться съ откровеніемъ, уклоняться отъ истины, давать торжество лжи, застѣнять для разума свѣтъ откровенія; но чтобы это вело къ рѣшительному торжеству лжи,—это невозможно. Невозможно, потому что неестественно; неестественно, потому что вольность—болѣзнь, а свѣтъ откровенія есть сила живая, дѣйственная, неистощимая, неодолимая.—Такова сущность этого авторитета сама по себѣ; то же показываетъ и его исторія.

2) Доселѣ мы разсматривали первый видъ отношенія между вѣрою и разумомъ, именно тотъ: не долженъ ли разумъ подчиниться откровенію,—и дошли до того заключенія, что разумъ не можетъ оставаться внѣ подчиненія вѣрѣ. Разсмотримъ теперь другое отношеніе между вѣрою и разумомъ, именно: не можетъ ли сама вѣра подчиниться разуму?

Разсматривая глубже и со всею точностію это предположеніе, нельзя не замѣтить, что въ самыхъ словахъ, выражающихъ оное, нѣтъ смысла. Что такое «вѣра, подчиненная разуму»? Если будемъ анализировать понятіе о вѣрѣ, то найдемъ, что въ вѣрѣ принимаетъ необходимое участіе разумъ.

а) Вѣра есть согласіе разума на истины, сообщаемыя откровеніемъ; однимъ словомъ,—вѣра есть тоже, что вѣрующій разумъ; вѣры безъ разума нельзя и представить. Если предположимъ, что вѣра должна подчиняться разуму, то это будетъ значить тоже, что разумъ въ дѣлахъ вѣры долженъ быть подчиненъ разуму. Ясно, что вѣра должна, такимъ образомъ, уничтожиться. Это все равно, что вѣры не должно быть. b) Потомъ, если мы будемъ разсматривать вѣру, какъ убѣжденіе сердца то увидимъ, что и здѣсь она не подчиняется разуму. Нельзя допускать этого подчиненія иначе, какъ допуская, что разумъ долженъ анализировать чувство вѣры. Но чувствованія анализу не подлежатъ. Анализировать убѣжденія сердца, значитъ — разрушать ихъ. Итакъ, подчиненіе вѣры разуму есть опять тоже, что уничтоженіе ея. c) Обратимъ, далѣе, вниманіе на самые предметы вѣры: пусть разумъ будетъ анализировать ихъ. Но спрашивается: возможенъ ли и въ какомъ отношеніи возможенъ этотъ анализъ? На какомъ основаніи разумъ будетъ анализировать предметы вышеестественные? Предметы вышеестественные не подлежатъ анализу, потому что разумъ не можетъ разлагать ихъ, не можетъ имѣть о нихъ раздѣльнаго понятія. Потомъ спрашивается: гдѣ будетъ предѣлъ анализа и будетъ ли предѣлъ этотъ? Если не будетъ предѣла—это значитъ, что вѣра должна уничтожиться. Если будетъ: то гдѣ? И сколько бы ни вертѣлись мысли наши около этого понятія объ анализѣ, оно будетъ равносильно уничтоженію вѣры. Предположеніе это

равносильно тому положенію, что разумъ будетъ вѣрить, чему хочетъ. Но и тутъ, строго говоря, вѣры нѣтъ. Далѣе изслѣдовать это — нечего: потому что это значитъ тоже, что доказывать опять необходимость вѣры.

3) Разсмотримъ теперь третье отношеніе между вѣрою и разумомъ, именно: не могутъ ли разумъ и вѣра идти параллельно другъ другу, не соединяясь, не расходясь и не подчиняясь другъ другу? Чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить, нужно выяснить приведенное положеніе. Что это за параллель? Это то, что разумъ будетъ идти и развиваться самъ по себѣ, а вѣра сама по себѣ. Но это предположеніе тоже не состоятельно, потому что противорѣчитъ понятію и о разумѣ, и о вѣрѣ. Разумъ не имѣетъ ни права, ни нужды отказываться отъ вѣры, какъ чуждой ему. Онъ можетъ отрицать, опровергать вѣру; но чтобы онъ развивался, не соприкасаясь съ нею, это невозможно и неестественно. Равнымъ образомъ вѣра не можетъ отрицать участіе разума въ сферѣ ея дѣятельности. Это неестественно: вѣра должна допускать участіе разума,— иначе вѣра будетъ неразумная.

Нѣтъ ничего, съ одной стороны, хуже и страннѣе, а съ другой стороны — вреднѣе и достойнѣе всякаго осужденія и сожалѣнія—того предположенія, что разумъ можетъ развиваться самъ по себѣ, а вѣра сама по себѣ. Это хуже всего, потому что оно вноситъ въ жизнь человѣческую и въ самыя лучшія стороны жизни начало противорѣчія, начало разрушенія. Нужно представить себѣ положеніе человѣка, когда онъ подлежитъ двумъ противоположнымъ началамъ, и когда на него то и другое начало дѣйствуютъ равносильно. Что это за состояніе? Здѣсь происходитъ явленіе той борьбы, которая такъ часто и такъ глубоко возмущаетъ жизнь человѣка и сопровождается самыми печальными слѣдствіями. Тутъ-то возможна та ужасная борьба сомнѣній, въ которой человѣкъ не имѣетъ основанія, на которое сталъ бы твердою ногою; а между тѣмъ не можетъ и идти на перекоръ тому и другому изъ дѣйствующихъ на него началъ и долженъ выбрать которое нибудь одно изъ нихъ, чтобы имѣть для себя точку опоры. Однимъ словомъ, человѣкъ обрѣтается въ борьбѣ, которая подавляетъ его силы духовныя и изъ которой онъ ровно ничего не выноситъ. Въ этой борьбѣ человѣкъ не находитъ никакого источника ни для убѣжденія своего разума, ни утѣшенія для своего сердца и не имѣетъ никакой опредѣленной нормы дѣятельности. Борьбу эту испытываютъ иногда люди не дѣятельные, но съ большимъ умомъ и крѣпкимъ сердцемъ. Но потому-то самому, вѣроятно, что они обладаютъ крѣпкими силами души, — они и подвергаются сильнѣйшей борьбѣ.

Для нихъ, конечно, остается одно изъ двухъ: они должны склониться на одну какую нибудь сторону — на сторону вѣры или разума, или они должны находиться въ колебаніи, какъ люди, потерявшіе для себя возможность убѣжденія и утѣшенія и норму для своей дѣятельности, словомъ—какъ люди отчаянные. Это и видимъ мы въ недѣлимыхъ. Въ цѣломъ же человѣчествѣ параллель между вѣрою и разумомъ, философіею и откровеніемъ, къ счастію, невозможна: потому что, если, съ одной стороны, разумъ составляетъ основу жизни, какъ это и естественно, за то, съ другой стороны, и вѣра пустила глубокіе корни въ жизни человѣчества. Много можетъ быть мнѣній, которыя произведутъ эту борьбу между вѣрою и разумомъ, возможно время, когда человѣчество склонится на сторону разума, будетъ попирать вѣру; но это не надолго. Судьбы человѣчества непреложны. Какъ, съ одной стороны, основы вѣры непреложны, и она должна на землѣ исполнить судьбы, для нея предназначенныя, такъ, съ другой стороны, разумъ не можетъ существовать отдѣльно, и необходимо долженъ относиться къ вѣрѣ. Яснѣе мы видимъ это въ современномъ опытѣ. При современномъ развитіи разума явилась мысль о параллели между разумомъ и откровеніемъ. Нынѣ хотятъ какъ будто пріучиться къ той мысли, что вѣра можетъ быть чѣмъ-то постороннимъ для ума, но съ перемѣною духа времени, при дальнѣйшемъ развитіи разума, это мнѣніе должно перемѣниться. И нынѣ лучшіе умы, и въ наукѣ и въ жизни, никакъ не могутъ обходиться безъ откровенія, хотя, можетъ быть, въ этомъ и не сознаются. Такъ, что должно сказать о современныхъ идеяхъ: идеѣ о человѣкѣ, о свободѣ, объ отраженіи правъ и проч.? Правда, всѣ эти идеи представляются какъ бы результатомъ развитія разума, который теперь ушелъ гораздо дальше, нежели какъ это было въ прежнее время. Но если бы разумъ отвергъ здѣсь участіе вѣры, то сдѣлалъ бы неосновательно: прежде откровенія — этихъ идей онъ не зналъ. Развитію разума мы обязаны въ настоящее время тѣмъ, что онъ уясняетъ эти идеи, но укорененіе и воспріятіе ихъ нравственными силами человѣка безъ вѣры невозможно. И это подтверждаетъ намъ всего лучше опытъ. Представимъ себѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ усвояетъ вѣрой, а другой разумомъ. Идеи гораздо глубже будутъ усвоены вѣрующимъ, нежели невѣрующимъ.

4) Теперь остается разсмотрѣть тотъ видъ отношенія между вѣрою и разумомъ, по которому можно предполагать, что вѣра и разумъ соединятся между собою и образуютъ одинъ неизмѣнный и совмѣстный органъ знанія и жизни человѣческой.

Если, при рѣшеніи этого вопроса, обратиться къ откровенію, то мы находимъ, что это отношеніе нисколько не чуждо откровенія. Напротивъ, если, съ одной стороны, откровеніе потребовало прежде всего вѣры, — то, съ другой стороны, оно прежде всего призвало въ участіе и разумъ. Самъ божественный Спаситель, который первый призвалъ къ вѣрѣ, требовалъ, чтобы Его ученіе было испытываемо разумомъ. Это показываетъ, что разумъ и откровеніе могутъ и должны быть соединены между собою. Если обратимся къ ученикамъ Божественнаго учителя, то увидимъ, что они проповѣдуютъ столько же разуму и заставляютъ разумъ соединяться съ вѣрою. Въ возвышенномъ ученіи ап. Павла объ искупленіи, оправданіи, о нравственной свободѣ, мы видимъ соединеніе съ откровеннымъ ученіемъ богопросвѣщеннаго ума. Дальнѣйшая судьба христіанства свидѣтельствуетъ о томъ же. Во времена отеческія, тогда, когда особенно развивалась вѣра, мы видимъ вѣру и разумъ соединенными между собою и находимъ, что тамъ, гдѣ особенно напрягался разумъ, тамъ возвышалась и вѣра. Лучше всего свидѣтельствуетъ о соединеніи вѣры съ разумомъ та печальная въ исторіи церкви сторона, которая называется исторіею ересей. Ереси первыхъ вѣковъ христіанства, особенно IV и V, представляютъ чрезвычайное напряженіе ума человѣческаго. Ереси сами въ себѣ представляютъ усиліе анализировать ученіе вѣры; но это усиліе оказывалось несостоятельнымъ и не выдерживало до конца, — и напряженіе разума отъ натуги, такъ сказать, падало. Для усиленной, напряженной дѣятельности у разума было мало силъ, у него не было и свѣдѣній, которыми бы онъ могъ вооружиться для анализа. Если познакомиться, напримѣръ, съ ученіемъ аріанъ, монофелитовъ, монофизитовъ и другихъ, то нельзя не видѣть, съ одной стороны, чрезвычайнаго напряженія ума, съ которымъ онъ хочетъ завоевать область вѣры; съ другой же стороны, нельзя не видѣть и слабости этого же разума. Такъ, стремленіе Арія, который поставилъ задачею для себя—изслѣдовать одинъ изъ высочайшихъ догматовъ христіанства—о Божествѣ Господа Іисуса Христа, обнаруживаетъ его нелогичность и скудный запасъ свѣдѣній. Его толкованія мѣстъ священ. Писанія иногда ребяческія; положительныхъ свѣдѣній, которыми могъ бы онъ вооружиться, у него не было ни какихъ. Словомъ, — его стремленія обнаружили напряженіе, не соотвѣтствующее силамъ и крѣпости ума. За то, если мы обратимся къ другой сторонѣ, той, которая дѣйствовала противъ ересей, мы видимъ единеніе вѣры и разума и видимъ, при этомъ единеніи, развитіе вѣры и разума въ самой возвышенной степени, до которой только могутъ доходить вѣра и разумъ. Высшіе умы: Аѳанасій Александрійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе, не столько старались опровергать ереси ученіемъ положительнымъ, сколько изъ разума. Въ ихъ дѣятельности, трудахъ — высказался полный запасъ современныхъ имъ философскихъ свѣдѣній и сила умственнаго напряженія, до которой только можетъ достигать разумъ. Читая сочиненія Аѳанасія Великаго, Григорія Богослова, нельзя не удивляться напряженности разума, напряженности, до которой можетъ дойти только разумъ. Здѣсь открылось единеніе вѣры и разума,—и открылось въ то время, когда и вѣра должна была защищать свои высочайшіе догматы, и разумъ, во что бы то ни стало, долженъ былъ достигнуть постиженія вѣры. Если бы великіе умы, призванные въ это время объяснять вѣру, обладали тѣми свѣдѣніями, которыми обладаетъ настоящее время, то, можетъ быть, въ дѣятельности ихъ мы увидѣли бы тотъ высокій идеалъ. до котораго только можетъ достигнуть разумъ, въ единеніи своемъ съ вѣрой.

Во всякомъ случаѣ можно заключить, что если разумъ сохранитъ истинное направленіе и не увлечется идеями своей самостоятельности, то онъ, можетъ быть, достигнетъ того единенія, которое составляетъ для насъ теперь идеалъ или задачу. Это видно изъ самыхъ свойствъ вѣры и разума. Вѣра не можетъ подчиниться разуму, и разумъ, съ своей стороны, также не можетъ подчиниться вѣрѣ; слѣдовательно, нужно ожидать, что когда нибудь они соединятся между собою. Откровеніе не противорѣчитъ этому ожиданію, но даже предполагаетъ и требуетъ этого единенія. Вѣра, съ своей стороны, не противна единенію, но имѣютъ даже нужду въ немъ. Притомъ самое назначеніе человѣчества состоитъ въ томъ, что при постепенномъ развитіи оно должно дойти до высшей степени совершенства. Вѣра говоритъ, что человѣчество должно перейти въ состояніе видѣнія; въ это состояніе мы и придемъ въ будущей жизни. Но нельзя думать, разумѣется, чтобы нынѣшняя жизнь не имѣла никакого значенія и отношенія къ будущей; она есть приготовленіе къ этому состоянію. Нужно думать, что человѣчество, восходя здѣсь отъ одной степени совершенства къ другой, дойдетъ, наконецъ, до той степени, съ которой можетъ перейти въ состояніе видѣнія. Эту степень можно назвать степенью разума богопросвѣщеннаго, т. е. разумъ дойдетъ до той степени совершенства, до какой только можетъ дойти онъ, и притомъ когда онъ не будетъ останавливаться въ однихъ своихъ предѣлахъ, но озарится свѣтомъ вышеестественнымъ. Въ этомъ состоитъ нашъ

будущій идеалъ. Тогда-то, на этой послѣдней ступени умственнаго развитія, мы будемъ вѣдать разумомъ то, во что теперь только вѣруемъ, тогда-то достигнемъ возможности созерцанія вѣчной истины, которую нынѣ *видимъ* лишь *зерцаломъ въ гаданіи*, подъ образами болѣе или менѣе темными. И тогда разумъ убѣдится, что вѣра его не обманывала, что въ ней заключено было то сѣмя, изъ котораго развилось его вѣдѣніе, и которое должно будетъ переступить черту видимаго міра, и которому ни предѣловъ, ни конца уже не будетъ.

3. Христіанское ученіе о Богѣ.

Предметъ догматическаго ученія есть Богъ. Останавливаться на подробномъ изслѣдованіи о бытіи и свойствахъ Божіихъ— надобности нѣтъ: это хорошо извѣстно. Вмѣсто этого остановимся на томъ, чѣмъ отличается христіанское ученіе о Богѣ и какой характеръ этого ученія.

Чтобы видѣть особенности христіанскаго ученія о Богѣ, довольно взглянуть на понятія о Верховномъ существѣ въ человѣчествѣ прежде откровенія.

Общій и главный недостатокъ этихъ понятій тотъ, что человѣческій разумъ не могъ точно опредѣлить для себя самый образъ Верховнаго существа. И тогда, когда представлялъ Его подъ образомъ всераждающей и всеживотворящей природы, или подъ образомъ безпредѣльнаго ума, когда представлялъ Его антропоморфически, — всетаки не находилъ возможности опредѣлить, что такое это существо въ Его образѣ. Онъ доходилъ до того, что это—существо всеблагое и премудрое; но не могъ никакъ представить образъ Его; не зналъ, въ какомъ видѣ представить себѣ это существо. Этотъ недостатокъ понятій объ образѣ Божіемъ состоитъ въ томъ, что люди не могли опредѣлить,— лицо ли это существо, или нѣтъ. Въ философскихъ представленіяхъ о Богѣ не найдемъ, что Богъ есть лицо; всѣ представляли Его существомъ безличнымъ, хотя безконечнымъ и совершеннымъ. Первымъ и главнѣйшимъ слѣдствіемъ такого представленія въ понятіяхъ о Богѣ, по отношенію Его къ міру, была темнота, въ которой человѣкъ запутывался и изъ которой не могъ выдти. Теперь ясно преимущество христіанскаго ученія о Богѣ: оно дало ясное понятіе о Богѣ, какъ о лицѣ; оно сказало, что Верховное существо не судьба, не рокъ, вообще — не отвлеченная идея, а есть лицо, существо самостоятельное, самодѣйствующее, личность. Самыя первыя строки откровенія даютъ понятіе о Богѣ, какъ о лицѣ: *Рече Богъ: да будетъ... и сотвори... и видѣ,*

яко добро (быт. I). Выраженія: *сказалъ, сдѣлалъ, призналъ*, выраженія такія, которыя показываютъ лицо. Между тѣмъ, понятіемъ о личности объясняется самое существо Бога и Его отношеніе къ міру.

Никакія другія понятія о Богѣ не объясняютъ намъ Его существа, какъ объясняетъ понятіе объ Его личности. Только тогда, когда понимаемъ Бога, какъ лицо, становятся для насъ понятными и свойства, Ему приписываемыя, и отношенія Его къ міру, которыя опредѣляютъ необходимыя условія бытія міра и человѣка. Можетъ быть, разумъ и не возвысился бы до понятія о Богѣ, какъ лицѣ, потому что представленіе о лицѣ не могъ согласить съ своей идеей о безконечномъ. Быть можетъ, это происходило отъ того, что образы для своей идеи онъ заимствовалъ изъ сферы ограниченной. Потому, когда онъ представлялъ Верховное существо въ этихъ образахъ, выходило безобразіе. Когда онъ олицетворялъ животворящую природу, въ идеѣ о Богѣ выходилъ матеріализмъ. Даже когда для Верховнаго существа онъ заимствовалъ образъ человѣческій, представленіе о Богѣ нисходило до сферы самыхъ униженныхъ явленій, какія представляютъ слабости человѣческой природы. Напротивъ, христіанское откровеніе нисколько не унижаетъ понятія о Богѣ, оно еще уясняетъ личность божественную тѣмъ, что образъ для Его существа выводитъ не изъ чего либо ограниченнаго, а изъ самаго Существа верховнаго. И это должно быть естественно: образъ въ какомъ оно существуетъ, долженъ развиваться изъ Него же самаго. Такимъ образомъ понятіе о Богѣ просто и естественно, и потому понятно и истинно. Но какъ откровеніе пришло не отъинуду, а отъ того же свѣта безпредѣльнаго, въ которомъ живетъ безпредѣльное лицо, то естественно, что съ этимъ общимъ понятіемъ о Верховномъ существѣ, какъ лицѣ, откровеніе принесло черты болѣе возвышенныя, свойственныя только Ему одному, которыя не могутъ быть заимствованы изъ другаго источника. Такъ, раскрывая опредѣленнѣе божественную личность, оно даетъ видѣть, что эта личность, возвышающаяся надъ нашимъ представленіемъ, неограничена сама въ себѣ; что она, при своей безконечности, троична въ единствѣ. Разумъ ни откуда не могъ почерпнуть такого возвышеннаго понятія о лицѣ безконечномъ, какъ изъ откровенія, принесеннаго отъ того же лица.

Не менѣе важно преимущество христіанскаго откровенія и въ тѣхъ отношеніяхъ Верховнаго существа, въ какихъ оно представлено къ міру и человѣку. При понятіи о личности Верховнаго существа, эти отношенія лучше и совершеннѣе.

Когда человѣкъ—существо личное—находитъ выше себя силу, которая создала все, которая, однакожъ, не имѣетъ личности, будетъ ли она матеріальная природа, умъ ли безконечный, то онъ не можетъ опредѣлить своихъ отношеній къ этому существу безличному; тѣмъ болѣе не можетъ опредѣлить своихъ нравственныхъ отношеній, касающихся жизни и судьбы его; представлять же Бога и человѣка внѣ всякихъ отношеній другъ къ другу — невозможно. Нельзя представить, чтобы эта сила, всезиждущая, сотворившая все—человѣка и міръ, не имѣла никакихъ отношеній къ нимъ. Но какъ скоро Верховное существо представляется лицомъ, тогда взаимныя отношенія Бога и человѣка уясняются. Потому что съ понятіемъ о лицѣ соединяется понятіе о лицѣ самосознающемъ, нравственномъ, имѣющемъ разумное вліяніе на человѣка и міръ. Такъ и должно быть по естественному разсужденію, если анализировать понятіе о Богѣ, какъ лицѣ. И такъ дѣйствительно опредѣляетъ наши отношенія къ Богу и отношенія Его къ міру и человѣку откровеніе. Ничего не можетъ быть, съ одной стороны, возвышеннѣе этихъ отношеній, а съ другой — и разумнѣе. Когда откровеніе представляетъ человѣка созданнымъ по образу и подобію этого существа, когда представляетъ человѣка, какъ средоточіе видимаго творенія, когда изображаетъ человѣка, какъ особенный предметъ любви и попеченій этого существа, когда опредѣляетъ и его обязанности въ отношеніи къ Нему,—тогда изъ всѣхъ этихъ изображеній образуется дивная, прекрасная, возвышенная гармонія міра физическаго и нравственнаго, которую можно найти только въ откровеніи, и которая противъ себя ничего не имѣетъ и въ критикѣ разума человѣческаго. Все это сообразно съ понятіями о Богѣ, человѣкѣ и цѣломъ мірѣ. Чтобы осязательнѣе видѣть это, нужно сравнить эту дивную гармонію взаимныхъ отношеній съ идеями о Верховномъ существѣ, какія существуютъ внѣ откровенія, не говоря о мірѣ дохристіанскомъ. Тамъ, гдѣ сила творческая представляется только силою, дѣйствующею по необходимымъ законамъ и опредѣленнымъ процессамъ, силою безличною, не самосознающею, гдѣ человѣкъ, съ другой стороны, представляется существомъ въ природѣ самостоятельнымъ, не имѣющимъ никакихъ отношеній къ творческой силѣ, между тѣмъ развивающимся по законамъ этой же не самосознающей силы, тамъ въ результатѣ выходитъ дисгармонія совершенная. Что особенно непріятно для сознанія и несообразно съ достоинствомъ человѣка,—это то, что міръ и человѣкъ представляются какимъ то механическимъ орудіемъ этой силы, которая дѣйствуетъ только по необходимымъ законамъ. Выходитъ, что міръ и человѣкъ есть какая то машина, какое то строеніе бездушное, безсознательное, болѣе или менѣе грубое. Сравнивая съ такимъ представленіемъ разума о Богѣ и человѣкѣ богооткровенное ученіе объ этихъ предметахъ, яснѣе видимъ высокое преимущество послѣдняго.

Потомъ въ этомъ общемъ христіанскомъ ученіи о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ открывается много частныхъ сторонъ, въ которыхъ выражаются идеи творенія и промышленія, лежащія въ основаніи бытія міра и человѣка. Ни разумъ человѣческій, ни природа со всѣмъ тѣмъ, что въ ней есть, никакая сфера познаній естественныхъ не могутъ опредѣлить и изъяснить эти идеи. Ихъ могло дать и уяснить одно только откровеніе.

Первая идея, послѣ творенія, есть идея возстановленія рода человѣческаго. Въ этой идеѣ всего поразительнѣе то, что силою возстановляющею, даже болѣе—самымъ орудіемъ возстановленія представляется тоже Верховное существо. Откровеніе учитъ, что возстановленіе человѣка совершилъ самъ Творецъ. Подробности этого ученія таковы, что, съ одной стороны, обнаруживаютъ все совершенство этого ученія, а съ другой—показываютъ, какъ идея творенія и промышленія—истинна сама въ себѣ, потому что раскрываетъ совершеннѣйшіе и истиннѣйшіе законы міротворенія. Быть можетъ, для разума человѣческаго не достанетъ силъ и познаній, чтобы исчерпать всю исторію возрожденія человѣчества. Но если бы разумъ, вооруженный всѣми своими идеями и познаніями, дошелъ до такой высоты, чтобы могъ обозрѣть всю идею возрожденія и вникнуть во всѣ ея подробности: тогда увидѣлъ бы чистѣйшую истину, которая закрыта многосложными и потому темными образами, которой не выясняетъ вполнѣ и откровеніе, — потому что идея сама безпредѣльна, и человѣчество не возросло въ разумѣ и жизни духовной настолько, чтобы обнимать эту идею.

Въ связи съ этою идеею стоитъ въ христіанскомъ откровеніи ученіе о послѣдней судьбѣ міра и человѣка. Какъ ни естественно человѣческому духу проникать въ будущія судьбы свои, однако мы видимъ, что разумъ не только мало проникъ, но и мало думаетъ о томъ. Это происходитъ, быть можетъ, отъ того, что лѣнь думать о томъ, чего нѣтъ предъ глазами; а съ другой стороны, здѣсь имѣетъ мѣсто и то безсиліе, которое дѣлаетъ для разума прозрѣніе въ будущее невозможнымъ. Однако жъ, человѣку нельзя отказаться узнать свою будущность, чтобы онъ могъ лучше понимать свои судьбы настоящія и прошедшія. И тутъ помогаетъ ему христіанское ученіе. Оно указываетъ будущія судьбы, которыя ожидаютъ человѣка и міръ, и при томъ

не какъ нибудь неопредѣленно, гадательно, въ видѣ пророченія или безусловнаго предопредѣленія, но въ логической связи съ идеями творенія и промышленія, такъ что въ системѣ христіанскаго ученія послѣднія судьбы представляются какъ бы конечнымъ результатомъ прошедшихъ судебъ міра и человѣка, открываемыхъ и опредѣляемыхъ тѣмъ же откровеніемъ.

Вотъ главныя и особенныя черты христіанскаго ученія о Богѣ въ самомъ себѣ и въ отношеніи Его къ міру и человѣку! Съ этой только точки зрѣнія (точки преимущества христіанскаго ученія) и нужно изучать тѣ особенныя подробныя черты, въ которыхъ откровеніе изображаетъ Бога. Если въ немъ есть много непонятнаго въ ученіи о Богѣ, то это само собой объясняется тѣмъ, что само откровеніе пришло къ намъ не изъ нашей сферы знаній и жизни, а изъ тѣхъ безпредѣльныхъ сферъ бытія, гдѣ живетъ и открываетъ себя Верховное существо. Съ другой стороны, нечего слушать и ложныхъ представленій человѣческаго ума, которому многое кажется темнымъ, непостижимымъ, удобоотвержимымъ потому только, что ему лѣнь думать, или разсуждать. Нѣтъ лучшаго способа убѣдиться въ истинѣ откровенія, какъ прониканіе и углубленіе разума въ тайны его, насколько это возможно. Этотъ анализъ не только не противорѣчитъ духу и основамъ откровенія, напротивъ, еще требуется самимъ откровеніемъ, потому что, въ сущности, откровеніе удовлетворяетъ идеямъ разума человѣческаго. Анализъ долженъ вести къ полному согласію идей откровенія съ идеями разума. При этомъ, когда разумъ будетъ пристально и глубоко изучать откровеніе,—всѣ возраженія разума противъ откровенія падутъ сами собою, потому что они большею частію основываются на томъ, что разумъ не хочетъ поглубже вникнуть въ высшее откровеніе. Это такъ же, какъ, въ прежнія времена,—не дальше прошедшаго и даже начала нынѣшняго столѣтія,—человѣку многое казалось нелѣпымъ, неестественнымъ, невозможнымъ, что теперь у него предъ глазами. Теперь разумъ убѣдился въ истинѣ того, что отвергалъ прежде, именно тѣмъ самымъ, что вооружился всѣми способами знанія, сталъ глубже и острѣе проникать въ природу, на которую смотрѣлъ онъ издалека. Такъ случилось съ естественными познаніями: такъ должно случиться и съ познаніями сверхъестественными.

4. Догматъ о Пресвятой Троицѣ.

Первый и высочайшій догматъ христіанскаго ученія есть догматъ о св. Троицѣ. Два свойства отличаютъ этотъ догматъ: первое—его совершеннѣйшая необходимость въ христіанствѣ и

второе—совершеннѣйшая непостижимость. Совершеннѣйшая его необходимость заключается въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ сущность христіанства. Какъ вообще христіанство въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и каждый отдѣльный пунктъ его ученія имѣютъ свое основаніе и точку опоры въ этомъ догматѣ. Безъ него какъ цѣлое христіанство, такъ и каждый частный догматъ его не могутъ держаться. Второе свойство, отличающее этотъ догматъ,—его совершеннѣйшая непостижимость—обусловливается самою сущностью его. Естественно, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самомъ существѣ безконечномъ, понятіе человѣческое изнемогаетъ и рѣчь человѣческая является несостоятельною. Изъ этихъ двухъ свойствъ разсматриваемаго догмата объясняется вся его исторія. Сколько ни старались, въ разныя времена, постигнуть его человѣческіе умы,—они никогда не могли ни понять, ни отвергнуть его. Они могли извратить его, или не вѣровать въ него; но чтобъ уяснить или опровергнуть его,—этого сдѣлать они были не въ состояніи. Поэтому можно сказать, что догматъ о Святой Троицѣ держится силою собственной воутренней необходимости. Только развѣ съ уничтоженіемъ христіанства онъ могъ бы быть уничтоженъ, или съ совершеннымъ уясненіемъ всей глубины христіанства онъ могъ бы быть вполнѣ объясненъ. Что касается самаго откровеннаго ученія объ этомъ догматѣ, то оно только предлагаетъ его, но сущности его не разъясняетъ, какъ это можно сказать и относительно другихъ таинъ вѣры, какъ напримѣръ—тайны творенія. Какъ въ первоначальномъ откровеніи сказано: *въ началѣ сотвори Богъ... и рече Богъ...* но не объяснено, что такое Богъ и какъ открылась Его творческая сила, такъ и въ новозавѣтномъ откровеніи указано на бытіе Отца, Сына и Святаго Духа въ триипостасномъ Существѣ Божіемъ (Мато. XXVIII. 19 и др.), но не объяснено самое таинство божественной троичности, и понятно почему. Откровеніе не объясняетъ сущности догмата о святой Троицѣ потому, что для изображенія этого возвышеннѣйшаго изъ всѣхъ догматовъ въ нашемъ понятіи нѣтъ образовъ, для изложенія его, въ языкѣ нашемъ—нѣтъ словъ. Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, умъ человѣческій пробовалъ касаться этого догмата, чтобы сколько нибудь приблизиться къ его пониманію, или самое откровенное ученіе о немъ представить въ видѣ, болѣе доступномъ для себя.

Всѣ попытки въ этомъ родѣ, какъ уже выше замѣчено, слабы и недостаточны. Но лучшими изъ нихъ должны быть признаны тѣ, которыя имѣли своею задачею не сведеніе догмата въ область разсудочныхъ понятій, но лишь раскрытіе основаній для разумной вѣры въ него, и шли къ этой цѣли не

путемъ отрицанія и сомнѣнія, а путемъ положительнаго уясненія откровеннаго ученія и христіанскаго вѣрованія въ этотъ догматъ. Этимъ путемъ и мы позволимъ себѣ нѣсколько пройти, для того, чтобы приблизиться къ уразумѣнію—не самой сущности догмата,—а лишь нашей вѣры въ него и ея основаній. Замѣчательно въ этомъ случаѣ изреченіе блаженнаго Августина, когда онъ приступалъ къ разсужденію объ этомъ догматѣ: Dictum est tres sunt personae non ut diceretur illud, sed ut non taceretur. Т. е. мы говоримъ «три лица» не потому, чтобы такъ *должно* было сказать, но говоримъ потому, чтобъ не молчать.

Прежде всего надобно припомнить отличительныя черты откровеннаго ученія о Богѣ вообще. Самою выдающеюся чертою этого ученія, какъ уже было сказано нами, служитъ представленіе Бога, какъ лица. По коренному христіанскому воззрѣнію, Богъ—высочайшее и безконечное существо—есть лицо. Если мы будемъ анализировать понятіе о Богѣ, то и путемъ анализа можемъ дойти до убѣжденія, что Существо верховное должно быть лицо. И, прежде всего, это требуется идеею безконечнаго существа. Если Богъ—существо безконечное, то Онъ долженъ быть личнымъ, такъ какъ личная жизнь есть высшая форма жизни по сравненію съ безличнымъ бытіемъ. Если мы представимъ, что безконечное существо—не лицо, а сила: то, представляя себѣ эту силу безличною, мы не будемъ имѣть въ своемъ представленіи идеи о существѣ высочайшемъ, безконечномъ. Если мы будемъ представлять себѣ верховное существо силою матеріальною, хотя бы то и самою тончайшею, то все-таки эта сила не можетъ быть безконечною. Если же она—сила не матеріальная, а духовная, то должна быть разумною, сознательною, нравственною; слѣдовательно, должна быть лицемъ, потому что безличная сила не можетъ быть ни разумною, ни сознательною, ни нравственною. Если будемъ представлять себѣ существо верховное какъ умъ: то съ понятіемъ объ умѣ необходимо соединяется понятіе о мысли и о самосознаніи; слѣдовательно, этотъ умъ опять долженъ быть лицемъ. Если духовная сила не можетъ быть представлена иначе, какъ лицемъ, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о силѣ безконечной, безпредѣльной, потому что безпредѣльное совершенство можетъ быть только въ существѣ разумномъ, сознательномъ, нравственномъ и самодѣятельномъ, т. е. въ лицѣ. Безличное не можетъ быть не только безконечнымъ совершенствомъ, но и ограниченнымъ совершенствомъ, если разумѣть совершенство не въ матеріальномъ смыслѣ, а въ болѣе возвышенномъ. Конечно, и не лицо можетъ быть въ своемъ родѣ совершенствомъ; но если сравнивать совершенство его съ совершенствомъ лица, лицо окажется всегда совершеннѣе не-лица. Такъ неорганическіе виды творенія и растенія въ своемъ родѣ совершенны; но если сравнить ихъ съ животными, которыя имѣютъ произвольное движеніе и ощущеніе, то они окажутся несовершенными. Животныя оказываются несовершенными въ сравненіи съ человѣкомъ, у котораго развита личность. Существа, высшія человѣка, по тому же закону должны быть болѣе развиты, совершенны; слѣдовательно, должны быть болѣе лица, чѣмъ человѣческія. Слѣдовательно, восходя далѣе къ Существу безконечному, совершеннѣйшему, должно признать, что Оно должно быть лицо, и лицо по преимуществу. Такимъ образомъ откровенное ученіе о верховномъ Существѣ, какъ о лицѣ, находитъ для себя оправданіе и въ соображеніяхъ разума. Представленіе Бога личнымъ не только не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія уму, но скорѣе должно быть признано повелительнымъ требованіемъ человѣческаго разума.

Если Богъ—лицо, то спрашивается: какъ понятіе о лицѣ надобно соотносить съ понятіемъ о Его существѣ, и какъ можно дойти до понятія о множественности лицъ въ божественномъ Существѣ? Если бы Откровеніе говорило, что единое верховное Существо имѣетъ одно лицо, тогда непонятнаго ничего бы не было. Но оно говоритъ, что верховное существо имѣетъ не одно, а три лица. Чтобы приблизиться къ уразумѣнію этого, нужно разъяснить отношеніе между существомъ и лицомъ. Понятіе о существѣ не то, что понятіе о лицѣ; иное дѣло—существо, иное—лицо. Лицо относится къ существу, какъ видъ къ роду. Поэтому существо можетъ быть одно, а лицъ въ немъ можетъ быть много, и множественность лицъ не будетъ препятствовать единству существа. Это потому, что лицо есть только индивидуальное явленіе или, выражаясь точнѣе, видъ извѣстнаго рода. Но, какъ въ одномъ родѣ могутъ быть разные виды, такъ и въ одномъ существѣ—различныя лица. Это мы видимъ отчасти и въ природѣ существъ, насъ окружающихъ. По законамъ бытія, они устроены такимъ образомъ, что изъ одного существа происходятъ разные виды того же существа. Такъ, напримѣръ, корень составляетъ одно существо; между тѣмъ изъ этого одного существа выходятъ разные виды дерева: стволъ, листья, цвѣты и плоды, которые составляютъ не одно и то же, хотя выходятъ и развиваются изъ одного и того же существа. Тоже можно находить въ нѣкоторой степени и въ родѣ существъ личныхъ. Младенецъ, напримѣръ, во чревѣ матери до извѣстной степени составляетъ одно съ нею существо, потому что изъ нея образуется и живетъ одною съ нею жизнію; между тѣмъ личность

младенца и матери—не одно и тоже лицо, а разныя лица. Приведенныя сравненія и аналогіи, конечно, крайне недостаточны для полнаго уясненія разсматриваемаго нами догмата, но по нимъ, по крайней мѣрѣ, можно умозаключать, что и въ природѣ высочайшаго Существа не невозможно, не немыслимо различіе лицъ при единствѣ существа.

Другія соображенія могутъ вести насъ далѣе,—къ признанію не только возможности, но и необходимости различія лицъ въ единомъ высочайшемъ Существѣ. Останавливаясь на понятіи о единствѣ божественнаго Существа, мы должны точнѣе анализировать это понятіе и прежде всего рѣшить вопросъ: какъ понимать «единство» существа по отношенію къ Существу безконечному? Такъ ли, что это Существо «единично», или иначе? По здравымъ соображеніямъ разума, единство божественнаго существа нельзя представлять въ смыслѣ единичности. Такая единичность, или одинокость, противорѣчила бы идеѣ о существѣ *безконечномъ*. Потому что такое понятіе о существѣ безконечномъ предполагаетъ, будто безконечное существо заключено, такъ сказать, въ одномъ себѣ, исключительно дѣйствуетъ въ своемъ я, какъ бы замкнуто въ себѣ и такимъ образомъ ограничено. Но такое понятіе несогласно съ понятіемъ о безконечномъ въ томъ отношеніи, что безконечное, по самой идеѣ безконечнаго, предполагаетъ безпредѣльную полноту бытія, требуетъ неограниченнаго проявленія внѣ своего *я*, требуетъ, наконецъ, безконечной дѣятельности, не замкнутой въ ней самой, а болѣе и болѣе развивающейся и раскрывающейся. Такое понятіе выходитъ изъ идеи безконечнаго. Безконечное, представляемое замкнутымъ само въ себѣ, не есть безконечное, потому уже самому, что ограничиваетъ само себя. Дѣятельность, направленная исключительно только къ своему *я*, не выходящая изъ сферы своего чисто индивидуальнаго бытія, не сообразна и съ природою *разумнаго* существа. Мы видимъ, что даже ограниченная разумная природа стремится къ самораскрытію своихъ силъ до предѣловъ возможнаго; слѣдовательно, неограниченной разумной природѣ тѣмъ болѣе должно быть свойственно самораскрытіе безконечное. Если мы представимъ себѣ умъ божественный и волю божественную обращенными только къ единичному собственному своему существу, то выйдетъ, что умъ и воля божественная становятся ограничивающими самихъ себя, т. е. выходило бы, что умъ не мыслитъ ни о чемъ, кромѣ самого себя, и воля ни къ чему не стремится, кромѣ самой себя. Слѣдовательно, безконечное представлялось бы въ кругу, изъ котораго оно никогда не выходило бы.

Съ другой стороны, эта одинокость, уединенность, противорѣчила бы идеѣ о безконечномъ *совершенствѣ* высшаго существа. Совершенство природы разумно-нравственнаго существа состоитъ въ томъ, когда оно не только дѣятельно развиваетъ свои силы въ себѣ самомъ, но оказывается способнымъ къ дѣятельности и внѣ себя, или же, по крайней мѣрѣ, къ единенію и гармоническому соразвитію съ тѣмъ, что внѣ его существа и вмѣстѣ—сводно съ его существомъ. Неспособность къ этому гармоническому соразвитію съ другими существами, сродными себѣ, была бы признакомъ несовершенства въ существѣ. Эта идея о совершенствѣ вѣрна и такъ обща—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ доступной намъ области бытія,—что, можно сказать, простирается на все существующее, составляетъ законъ всего существующаго. Мы видимъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего уединеннаго или одинокаго, а все существуетъ во взаимодѣйствіи и общеніи между собою, и поэтому-то міръ представляется въ такомъ совершенствѣ. Напротивъ, если бы въ немъ все было внѣ союза: то онъ былъ бы несовершеннымъ, такъ какъ представлялъ бы одни отрывочныя и разобщенныя явленія. Прилагая это понятіе о совершенствѣ къ бытію Существа высочайшаго, мы должны такимъ образомъ заключить, что оно не должно быть одиноко. Если бы оно было одиноко, то было бы не совершенно, потому что было бы въ несообщеніи съ сроднымъ, было бы замкнуто въ самомъ себѣ, и оставалось бы мертвымъ, безжизненнымъ. Такимъ образомъ, безконечный умъ, созерцая истину одиноко, оставался бы несовершеннымъ. Такимъ образомъ и воля всемогущая была бы несовершенна, если бы не допускала общенія своей дѣятельности. Словомъ, Существо безконечное не было бы безконечно совершеннымъ, если бы не сообщало другимъ своихъ совершенствъ. Совершенство изолированное было бы несовершенствомъ. Понятію о верховномъ Существѣ, его безконечности и совершенствѣ должно соотвѣтствовать понятіе о его *дѣятельности*. Существо безконечно-совершенное должно быть по преимуществу дѣятельнымъ. Оно, какъ безконечно-совершенное само въ себѣ, должно быть совершенно неограниченно и въ своей дѣятельности. Состояніе покоя не свойственно существу безконечно-совершенному: недѣятельное, покойное существо не можетъ быть безконечно совершеннымъ. Если представимъ себѣ это Существо одинокимъ, то спрашивается: какова должна быть его дѣятельность? Она не могла бы быть безконечно-совершенною дѣятельностью. Такимъ образомъ безконечный умъ, если представить его изолированнымъ, разсматривающимъ, познающимъ только себя,—былъ бы только покоющимся самосозерцаніемъ, но не дѣятельнымъ самопознаніемъ: слѣдовательно, это познаваніе его было бы несовер-

шенно. Если бы онъ познавалъ себя только въ тваряхъ, то опять познаніе это было бы несовершеннымъ, по самой ограниченности тварей, какъ конечныхъ существъ. Въ такомъ случаѣ дѣятельность его въ познаніи не могла бы быть равносильна идеѣ безконечнаго всевѣдѣнія. Слѣдовательно, безконечный умъ—изолированный—былъ бы умомъ несовершеннымъ. Точно также, если будемъ разсматривать волю безконечнаго существа,—то придемъ къ такому же заключенію. Какъ, спрашивается, можетъ дѣйствовать воля безконечная, но одинокая? Если бы она стала осуществлять безконечныя идеи въ себѣ только, то это не было бы осуществленіемъ ея дѣятельности. Потому что она оставалась бы съ одними идеями, идеи не выходили бы изъ существа божественнаго. Или же,—это было бы самоусовершеніе себя,—что противно понятію о безконечномъ совершенствѣ Божіемъ. Если же воля безконечная осуществляла бы свои идеи только въ конечныхъ тваряхъ, то такая дѣятельность воли безконечной была бы опять несовершенна. Вообще, если станемъ разсматривать всѣ совершенства безконечнаго существа, то мысль наша не можетъ представить проявленія этихъ совершенствъ въ единичномъ бытіи. Безконечной природѣ свойственно безконечное проявленіе; въ чемъ же состояло бы проявленіе этихъ совершенствъ? Въ самомъ себѣ?—Но это было бы не раскрытіе, а самозаключеніе ихъ въ собственномъ существѣ. Въ тваряхъ?—но тварь не можетъ проявлять къ себѣ безконечныхъ совершенствъ.

Будемъ ли разсматривать Верховное существо *съ нравственной стороны*, придемъ къ тѣмъ же затрудненіямъ, при представленіи его единичнымъ. Если всѣ нравственныя совершенства заключимъ въ понятіи любви (а это необходимо, ибо одна только любовь безгранична, совершенна), и если въ божественномъ существѣ должна быть любовь совершенная,—то спрашивается: на какой предметъ можетъ быть обращена эта любовь? Если исключительно только на себя,—то это будетъ себялюбіе. Если—на твари, то конечная тварь не можетъ удовлетворить безконечной любви Верховнаго Существа. Для его любви должна быть природа безпредѣльная и всесовершенная. По самому понятію о любви безпредѣльной долженъ быть таковъ же и предметъ ея.

Къ тому же, наконецъ, приводитъ самое понятіе *о жизни* божественнаго Существа, когда мы будемъ размышлять о ея свойствахъ. Жизнь, говоря вообще, не есть только развитіе силъ, но и взаимодѣйствіе, сообщеніе ихъ съ другими силами. Жизнь божественнаго Существа разумнаго должна быть такою по преимуществу; внѣ этого общенія жизнь должна быть не полная,—даже не естественная. Въ ней не могло быть ни совершенства,

ни блаженства, еслибы Существо Верховное оставалось внѣ всякаго общенія. Его блаженство было бы только въ уединенномъ самосозерцаніи. Но жизнь изолированная не есть жизнь. Такою, напримѣръ, представляла себѣ жизнь и блаженство безконечнаго Существа индійская религіозная философія. Но такое блаженство не только не можетъ быть полно, оно даже не достойно Существа безконечнаго, высочайшаго. Жизнь и блаженство Существа безконечнаго должны стоять въ безпредѣльномъ общеніи силъ его съ тѣмъ, что можетъ также безпредѣльно участвовать въ ихъ и раздѣлять ихъ.—Вотъ путь естественныхъ соображеній разума, по которому онъ можетъ доходить до того понятія о Верховномъ Существѣ, что оно при единствѣ природы своей не только можетъ, но и должно имѣть различіе въ лицахъ, т. е., что мы не можемъ представить, что оно должно быть существомъ изолированнымъ, одинокимъ, уединеннымъ въ самомъ себѣ.

Мы видѣли, что, по самому понятію о Существѣ безконечномъ, разумномъ, совершенно дѣятельномъ, о его безконечныхъ, нравственныхъ совершенствахъ, о его жизни и блаженствѣ, это существо не должно быть представляемо одинокимъ, какъ бы уединеннымъ въ самомъ себѣ. Въ этомъ отношеніи для насъ замѣчательна мысль одного учителя церкви: «Deus solus, sed non solitarius», т. е. Богъ единъ, но не одинокъ. Теперь спрашивается: какимъ образомъ можно представить себѣ эту неодинокость, или множественность въ единствѣ Существа безконечнаго? Можно ли признать бытіе двухъ или многихъ существъ безконечныхъ? Нельзя, потому что по самому понятію о Существѣ безконечномъ оно должно быть одно, не можетъ быть двухъ или многихъ безконечныхъ, потому что каждое изъ нихъ ограничивалось бы другимъ и такимъ образомъ необходимо не было бы безконечнымъ. Слѣдовательно, вопросъ о множественности въ отношеніи къ Существу безконечному надобно разсматривать такъ, чтобы не нарушить единства самаго его существа. Какъ же это?—Представлять бытіе Существа безконечнаго должно не одинаково по отношенію къ существу и лицу его; потому что, какъ пояснено выше, иное—существо и иное—лицо; какъ во всемъ существующемъ мы замѣчаемъ, что каждое бытіе раскрывается въ различныхъ видахъ, такъ и въ безконечномъ существѣ можно представлять множественность, не нарушая понятія объ его единствѣ. Если нельзя допустить множественности въ самой природѣ существа безконечнаго,—то остается допустить, что, при единствѣ природы, въ немъ находится множественность лицъ. Представить себѣ эту множественность лицъ при единствѣ существа дѣло, конечно, трудное. Но этому могутъ помогать отчасти

нѣкоторыя данныя изъ области міра конечнаго, гдѣ всякое частное бытіе проявляется въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ замѣчаемъ это, напримѣръ, въ образѣ существа безконечнаго—въ человѣкѣ. Разсматривая бытіе человѣческаго духа, мы замѣчаемъ, что коренную основу этого бытія составляетъ то, что называемъ мы личностью, или *я;* безъ этой личности и самаго его существа представить нельзя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что изъ этой коренной основы, изъ нашего *я*, развивается особенная сфера его бытія внутренняго, которое мы называемъ сознаніемъ, въ которомъ *я* какъ бы видитъ и познаетъ само себя и которое, между тѣмъ, развивается изъ самаго существа этого *я*, такъ что хотя оно и не отдѣльно отъ этого существа, тѣмъ не менѣе, однакожъ, представляетъ изъ себя какъ бы отличное бытіе. Можно сказать, что сознаніе человѣка и самое существо его составляютъ какъ бы два различные вида бытія одного того же человѣка. Что дѣйствительно есть нѣкоторое раздвоеніе въ одномъ и томъ же разумномъ бытіи: на существо—*я* и на сознаніе его личности, такъ что *я* самосущее и *я* самосознающее представляютъ изъ себя два вида одного бытія и какъ бы двѣ личности,— это подтверждается тѣмъ явленіямъ въ нашей внутренней природѣ, что когда закрывается *я* коренное, или самосущее, тогда остается еще другое—самосознающее; и наоборотъ, когда самосознающее *я* закрывается,—остается еще *я* самосущее. Такъ, напримѣръ, во снѣ наше *я* самосознающее какъ бы закрывается, потому мы и не сознаемъ того, что происходитъ въ насъ въ это время—своихъ мыслей, своей дѣятельности; но *я* самосущее остается,—жизнь его не прекращается. Или при болѣзненныхъ состояніяхъ, происходящихъ въ душѣ, *я* самосущее живетъ и дѣйствуетъ, а *я* самосознающее закрывается; такъ, напр., это бываетъ при душевныхъ болѣзняхъ. Въ этомъ состояніи человѣкъ сознаетъ, что мыслитъ и дѣйствуетъ, но не сознаетъ того, что мыслитъ и дѣйствуетъ онъ. Есть еще явленія въ душѣ необычайныя, въ которыхъ личность человѣка какъ бы раздвояется, такъ что двоится и самое сознаніе; въ этихъ случаяхъ человѣкъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Этотъ фактъ выражаетъ то, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ происходитъ раздвоеніе между его самосущимъ *я* и *я* самосознающимъ. Это обнаруживается также, по нѣкоторымъ наблюденіямъ, при концѣ жизни человѣка. Разумѣется, что эти явленія, происходящія въ человѣкѣ, существѣ ограниченномъ, слишкомъ мало могутъ объяснить намъ явленія, совершающіяся въ Существѣ безконечномъ; но тѣмъ не менѣе первыя даютъ намъ нѣкоторыя данныя къ заключенію о послѣднихъ.—Но, кромѣ этихъ явленій, можно примѣчать и то, что, независимо отъ выраженія одного и того же бытія души въ двойственности *я* самосущаго и *я* самосознающаго, изъ глубины *я* развивается та самодѣятельность, которая проявляется въ мысли и чувствѣ и даетъ бытіе какъ бы особенному *я;* такъ что въ этой дѣятельности одно и тоже бытіе души проявляется какъ бы въ двухъ личностяхъ, которыя по существу своему нераздѣльны и вмѣстѣ не суть одно и тоже. Но дѣло въ томъ, что эти явленія въ природѣ нашей составляютъ только ея разныя формы, явленія видоизмѣненія, и нельзя сказать, чтобы изъ нихъ являлись въ собственномъ смыслѣ раздѣльныя лица, потому что духъ нашъ, по природѣ своей, хотя и безсмертный,—ограниченъ и, какъ ограниченный, не можетъ развивать изъ себя многихъ личностей, Гдѣ ограниченное существо только одно, тамъ и лицо одно, хотя проявленія этого существа и могутъ быть многообразны по своимъ видамъ. Не такъ въ Существѣ безконечномъ. Въ немъ какъ бытіе безконечно и природа безпредѣльна, такъ и самыя проявленія этого бытія должны быть безпредѣльны. Важное и существенное отличіе Его отъ ограниченныхъ существъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ этихъ послѣднихъ всякое проявленіе выражаетъ собою только форму, образъ существа, а не самую сущность его,—въ Существѣ безконечномъ, напротивъ, какъ сущность безконечна, такъ и самыя проявленія Его должны быть безконечны; должны имѣть не только безконечное развитіе, но и безконечную жизнь, такъ, чтобы жизнь выражалась въ нихъ въ той же безграничности, какъ безгранично самое Существо. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невозможнаго, что въ Существѣ безконечномъ эти проявленія до такой степени развиты и полны жизни, что могутъ составлять отдѣльныя лица. Далѣе, вопросъ о множественности лицъ въ единствѣ Существа безконечнаго представляемъ неодолимыя трудности, смотря потому, какъ его поставимъ. Если мы представимъ себѣ, что лица въ Существѣ безконечномъ развиваются не изъ одного и того же, а изъ различныхъ источниковъ, то рѣшеніе вопроса сдѣлается невозможнымъ. Если множественность лицъ въ единствѣ божественнаго Существа мы представимъ себѣ въ состояніи раздѣльномъ, то рѣшеніе вопроса опять будетъ невозможнымъ. Если мы представимъ себѣ эти лица хотя и не отдѣльными одно отъ другаго, но имѣющими свою независимую другъ отъ друга дѣятельность, то рѣшеніе вопроса опять невозможно. Но если мы представимъ, что эти лица развиваются изъ одного и того же нераздѣльнаго существа; что хотя они и раздѣльны, но заключаются одно въ другомъ; что, наконецъ, хотя они имѣютъ отдѣльную и самостоятельную жизнь, но тѣмъ не менѣе въ своей жизни и дѣя-

тельности имѣютъ общее между собою: тогда вопросъ этотъ становится для насъ нѣсколько яснѣе и рѣшеніе его до нѣкоторой степени возможнѣе. Что дѣйствительно такъ надобно представлять множественность лицъ въ единствѣ Существа безконечнаго,—это видно изъ самаго откровенія, которое представляетъ намъ раздѣльныя лица Святой Троицы заключенными одно въ другомъ, въ нераздѣльности Существа божественнаго, когда учитъ, что какъ Сынъ во Отцѣ, такъ и Отецъ въ Сынѣ и во Святомъ Духѣ; что отдѣльныя лица имѣютъ одно общее въ единствѣ Существа, «яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый». Слѣдовательно, и наше отвлеченное представленіе о множественности лицъ въ единствѣ природы Существа безконечнаго не противорѣчитъ откровенію, но, напротивъ, получаетъ отъ него полное подтвержденіе и становится вѣрнѣе и яснѣе въ самомъ себѣ.

Затѣмъ въ постепенномъ раскрытіи этого догмата остается еще вопросъ: какъ опредѣлить самыя Лица Святой Троицы? Какъ они, если можно такъ сказать, являются, или—говоря древнеотеческимъ языкомъ—«просіяваютъ» въ безконечномъ Существѣ? Прежде, когда мы говорили, что существо безконечное не можетъ быть одиноко,—общая мысль въ основаніи нашихъ разсужденій была та, что существо безконечное, по самому понятію о безконечномъ, не можетъ быть заключено и неподвижно замкнуто въ своей отрѣшенной единичности, что идеею безконечнаго предполагается, напротивъ, безконечное самораскрытіе. Теперь, обращаясь къ общему закону развитія существъ разумныхъ, мы замѣчаемъ, что ихъ раскрытіе опредѣляется тремя законами, или, что развитіе ихъ раскрывается въ трехъ формахъ. Каждому существу разумному ограниченному принадлежитъ: 1) раскрытіе его личнаго самосознанія и мыслительной дѣятельности, 2) воспроизведеніе его существа въ подобныхъ себѣ существахъ и 3) развитіе его совершенствъ. Правда, это общій законъ развитія существъ разумныхъ ограниченныхъ, но на основаніи той истины, что въ разумныхъ существахъ отражается образъ Божій, мы можемъ позволить себѣ отъ означеннаго закона ихъ развитія сдѣлать нѣкоторыя аналогическія умозаключенія и относительно самораскрытія жизни безконечнаго Существа, не упуская, конечно, изъ виду существеннаго различія существъ ограниченныхъ отъ Существа безконечнаго. Говоря прежде о самосознаніи человѣка, мы замѣтили, что, раскрываясь въ глубинѣ его *я*, оно составляетъ особенную сферу его *я*, какъ бы нѣчто отличное отъ самаго существа его, что въ самосознаніи наше *я* какъ бы видитъ и познаетъ само себя. Умозаключая къ Существу безконечному, мы должны предположить, что въ немъ должно быть самосознаніе безконечное,—такое самосознаніе, которое служило бы полнымъ отраженіемъ его безконечности, его жизни и личности, такъ чтобы въ этомъ отраженіи безконечное Существо могло вполнѣ видѣть и созерцать самого Себя. Если мы представимъ себѣ, что безконечное самосознаніе проявляется въ раздѣльныхъ и разобщенныхъ формахъ и образахъ, тогда оно не было бы безконечнымъ. Поэтому относительно проявленія самосознанія Существа безконечнаго нельзя допустить мысли Гегеля, что существо это сознаетъ себя въ своихъ разумныхъ твореніяхъ. Спрашивается: можетъ ли Существо это сознавать себя въ своихъ твореніяхъ такъ, какъ оно должно сознавать себя? Если оно по природѣ своей безпредѣльно, то и самосознаніе его должно проявляться въ образѣ безпредѣльномъ. Но могутъ ли конечныя существа представить изъ себя такіе образы для безконечнаго самосознанія? Слѣдовательно, если Существо безконечное не можетъ раскрывать своего самосознанія въ конечныхъ образахъ, то оно должно выражаться въ образѣ безконечномъ. И такъ какъ этотъ образъ, какъ выше сказано, долженъ быть полнымъ отраженіемъ природы безконечной, долженъ выразить въ себѣ самую жизнь и личность ея: то мы заключаемъ, что это самосознаніе должно быть живое лицо, въ которомъ бы Существо безконечное отъ вѣчности созерцало самую жизнь и личность свою, въ которомъ бы Оно вполнѣ познавало само себя. Такъ мы заключаемъ по соображеніямъ ума; такъ же точно заключаемъ и на основаніи откровенія, которое учитъ, что въ Существѣ безконечномъ есть второе лицо,—*образъ Ипостаси Его* (Евр. I, 3). И такъ какъ это лицо является изъ Существа безконечнаго и какъ бы раскрываетъ это существо, то откровеніе представляетъ его безконечнымъ Сыномъ безконечнаго Отца, и по понятію о томъ, что этотъ образъ раждается изъ сущности безконечнаго,—откровеніе приписываетъ Ему предвѣчное рожденіе.—Такъ учитъ откровеніе и такъ постигаетъ, сколько можетъ, человѣческій разумъ. Потомъ, при разсмотрѣніи развитія человѣческаго духа, мы замѣчаемъ, что, кромѣ *я* самосознающаго, изъ него развивается *я* дѣятельное, которое преимущественно выражается въ его мышленіи, такъ что изъ него образуется *я* мыслящее. И въ Существѣ безконечномъ, кромѣ его безконечнаго самосознанія, нужно предположить силу Его безконечной дѣятельности, именно силу Его безпрерывной мысли, въ которой выражается Его жизнь и дѣятельность отъ вѣчности. Опять и это внутреннее проявленіе мысли Существа безконечнаго не можетъ быть выражено въ твореніи; ибо, проявляясь въ тваряхъ, мысль эта не можетъ быть выражена вполнѣ, а только въ ограниченныхъ проявленіяхъ и

въ ограниченной дѣятельности. Слѣдовательно, это проявленіе въ тваряхъ божественной мысли нельзя считать проявленіемъ, свойственнымъ внутренней безконечной мысли, какое должно быть по идеѣ о жизни Существа безконечнаго. Слѣдовательно, въ самомъ Существѣ безконечномъ должно быть проявленіе безконечной мысли,—такое проявленіе, въ которомъ бы эта мысль была живымъ выраженіемъ безконечнаго существа со всѣмъ, что въ немъ есть, со всѣми его идеями, такъ, чтобы мысль эта въ своемъ проявленіи вполнѣ отражала его безпредѣльный умъ. А при такихъ условіяхъ заключаемъ, что такое проявленіе не можетъ быть только, такъ сказать, формальнымъ отраженіемъ безпредѣльнаго ума, а должно быть отраженіемъ живымъ, безпредѣльно-дѣятельнымъ,—должно представлять Силу самосущую, какая приличествуетъ Существу безпредѣльному, словомъ, должно быть самосущимъ Лицомъ. Божественное откровеніе дѣйствительно учитъ, что въ Богѣ есть третье Лицо—Святой Духъ,—проявленіе Божественной мысли, полное отраженіе Ея силы и дѣятельности, или проявленіе той дѣятельности мысли, которая совершается въ глубинѣ самого Существа безконечнаго. По этому откровеніе и говоритъ, что *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Коринѳ. II, 10). И какъ проявленіе мыслящей силы отлично отъ самосознанія, то третьему Лицу Св. Троицы свойственнѣе приписать сообразно съ характеромъ мысли не рожденіе, а исхожденіе отъ Существа безконечнаго. Откровеніе учитъ, что *Духъ* Святый не рождается, а *исходитъ отъ Отца* (Іоан. XV, 26).

Вотъ, по возможности, усилія человѣческаго разума къ прояснению откровеннаго ученія о тайнѣ Троичности лицъ въ Единствѣ безконечнаго существа,—усилія, которыя, по зрѣломъ размышленіи, открываютъ намъ, что въ тайнѣ этой, какъ ничего нѣтъ несообразнаго съ тѣмъ, что сообщаетъ намъ о ней откровеніе, такъ нѣтъ ничего противнаго и человѣческому разуму. Замѣтимъ, между прочимъ, что представленнымъ нами объясненіямъ не слѣдуетъ придавать безусловной вѣрности; такъ какъ условій бытія конечнаго невозможно прилагать съ совершенною точностію къ дѣйствительному бытію безконечнаго, для выраженія котораго нѣтъ и словъ на человѣческомъ языкѣ. Эти мысли суть только образы, въ которыхъ мы усматриваемъ только, такъ сказать, тѣнь существа предмета, но никакъ не самое существо. Такимъ образомъ, когда мы усиливаемся представить себѣ рожденіе Сына и исхожденіе Св. Духа, то у насъ является не точное изображеніе дѣйствительности, а не больше какъ образъ ея. Повторимъ еще разъ то, что сказалъ блаж. Августинъ: «Dictum est tres personae, non ut illud diceretur, sed ut non taceretur»...

Доселѣ мы занимались уясненіемъ только одного вида раскрытія разумныхъ существъ, имѣя въ виду степень примѣнимости его къ Существу безконечному, именно, разсматривали—процессъ раскрытія самосознанія и мыслительной дѣятельности разумныхъ существъ, и пришли къ тому умозаключенію, что въ безконечномъ существѣ самосознаніе и мыслительная сила, вполнѣ отражая и проявляя въ себѣ природу, жизнь и личность безпредѣльнаго существа, должны быть самосущими лицами. Другой видъ раскрытія существъ разумныхъ (ограниченныхъ), какъ раньше было сказано, состоитъ въ воспроизведеніи себя въ подобныхъ себѣ существахъ. Какъ всякая жизнь имѣетъ силу воспроизводить саму себя въ подобномъ существѣ или видѣ, такъ и разумная природа имѣетъ ту же силу духовнаго воспроизведенія. Это воспроизведеніе духовнаго бытія заключается въ двухъ видахъ: а) въ воспроизведеніи собственнаго существа разумной природы и б) въ воспроизведеніи той силы, которая составляетъ основу жизни этого существа и самую эту жизнь. Такъ человѣкъ, существо разумное, воспроизводитъ подобнаго себѣ, другаго человѣка и, воспроизводя его по законамъ природы, въ то же время сообщаетъ ему и ту жизненную силу, которая не только должна оживотворить это существо, но и должна въ немъ самомъ послужить началомъ къ непрерывному продолженію жизни. Такимъ образомъ человѣкъ, рождая другаго человѣка, подобнаго себѣ по самому существу своему, передаетъ ему и свой духъ,—даетъ ему дыханіе жизни. Само собою разумѣется, что этотъ процессъ нельзя относить къ жизни Существа безконечнаго; тамъ воспроизведеніе не можетъ быть представляемо ни подъ тѣми же законами, ни въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ оно проявляется въ жизни ограниченныхъ существъ. Воспроизведеніе, совершающееся въ существахъ конечныхъ, заключено не только въ формахъ матеріи, но и въ законахъ ограниченія, между тѣмъ какъ существо безконечное совершенно чуждо всякой матеріи и ограниченія. Но спрашивается: можно ли Существо безконечное представлять себѣ безъ всякаго какого бы то ни было воспроизведенія самого себя? Уже изъ того, что мы прежде сказали, именно, что существо безконечное нельзя представлять замкнутымъ въ себѣ, одинокимъ, что оно должно постоянно и безконечно проявлять себя, мы должны заключить, что существо это не можетъ не быть воспроизводительнымъ. Если и конечныя существа, при ограниченности своей природы, имѣютъ неисчерпаемую силу воспроизведенія, то въ существѣ безпредѣльномъ тѣмъ болѣе сила эта должна быть безпредѣльна. Теперь если мы допустимъ ту мысль, что оно воспроизводитъ себя въ своихъ твореніяхъ, то мы не можемъ ска-

зать, чтобы его воспроизведенія были равносильны его природѣ, потому что конечныя творенія могутъ представить въ себѣ развѣ одни только оттѣнки безконечныхъ совершенствъ Существа верховнаго, но никакъ не самое существо его. Воспроизведенія существа безконечнаго должны быть равносильны ему, должны быть безпредѣльны въ своемъ бытіи, жизни и совершенствахъ, должны быть полнымъ и безграничнымъ подобіемъ существа безконечнаго. И какъ такое воспроизведеніе необходимо должно рождаться изъ самой сущности безконечнаго, то мы приходимъ къ тому изображенію этого воспроизведенія, какое представляетъ намъ откровеніе, когда учитъ, что Богъ прежде всѣхъ вѣковъ рождаетъ изъ себя существо, которое само въ себѣ есть полнѣйшее Его подобіе по бытію, жизни и совершенствамъ. Итакъ какъ, далѣе, божественная сущность рождаетъ изъ себя существо совершенно себѣ равносильное, то это существо есть Лицо и вмѣстѣ Сынъ. Въ Сынѣ, который представляетъ въ себѣ равное существо съ Отцемъ, Отецъ видитъ Свое собственное безконечное существо, Свое совершенное воспроизведеніе. Когда аріане, въ опроверженіе божественности втораго Лица Св. Троицы, возражали, что слишкомъ странно и непонятно представлять себѣ, что существо безконечное, будучи безпредѣльнымъ по своему собственному бытію, воспроизводитъ еще изъ себя другое безпредѣльное существо, кромѣ творенія; тогда св. отцы удивлялись, какъ аріане, допуская воспроизведеніе Бога въ тваряхъ, не могутъ понять Его воспроизведенія въ безконечномъ и равносущномъ Ему Сынѣ, въ которомъ выражается образъ упостаси Отца, и какъ Богъ, будучи силою творческою, не можетъ быть воспроизводительнымъ по самому существу Своему. Св. Аѳанасій замѣчаетъ, что для него гораздо непонятнѣе представить, какимъ образомъ Существо творческое производитъ твари конечныя, чѣмъ представить, что оно не можетъ воспроизвести себя въ лицѣ существа совершенно себѣ равносильнаго, т. е. какимъ образомъ существо, обладающее безпредѣльною дѣятельностію и жизнію, можетъ быть совершенно поглощено въ самомъ себѣ, когда, согласно съ самою идеею о немъ, оно должно быть безконечно производительно, и, слѣдовательно, должно произвести изъ себя такое существо, которое заключало бы въ себѣ его совершенное, полное подобіе. Конечно, природа безконечная произвела твари конечныя, но эти твари не суть воспроизведенія самой природы безконечной. Всѣ эти твари суть дѣйствія воли, а не природы безконечной; всѣ онѣ произошли во времени, а не отъ вѣчности; всѣ онѣ конечны, ограниченны; слѣдовательно, могли быть и не быть. Но воспроизведенія безконечной природы должны быть также безконечны.

Поэтому святый Аѳанасій замѣчалъ также противъ аріанъ, что несообразно и унизительно представлять природу безконечную безплодною, или такою, которая можетъ производить только существа конечныя. Такимъ образомъ, представляя природу безконечную производительною по законамъ ея собственнаго бытія и существа, мы должны необходимо допустить, что это воспроизведеніе должно быть сообразно съ ея существомъ и свойствами, т. е. должно выходить изъ глубины ея существа и характеристическою чертою этого воспроизведенія должно быть рожденіе. Оно должно быть предвѣчно по отношенію къ природѣ конечной, необъятно, неограниченно и всесовершенно. Такимъ воспроизведеніемъ божественнаго Существа можетъ быть не иное что, какъ лицо, которое, рождаясь отъ Отца, въ самомъ себѣ проявляетъ всю Его сущность со всѣми совершенствами. Такъ божественное откровеніе учитъ насъ, что изъ сущности Отца прежде вѣкъ рождается Слово—Сынъ, Который имѣетъ съ Нимъ единое существо, и Который, отличаясь отъ Него, какъ Лицо, единосущенъ съ Нимъ по своей природѣ, и Который совершенно тожественъ съ Нимъ по существу и совершенствамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе на тѣ законы, по которымъ воспроизводится разумная природа, мы замѣчаемъ, что природа разумная вмѣстѣ съ произведеніемъ того или другаго существа производитъ изъ себя и главное начало, главную основу бытія и жизни этого существа. Такимъ образомъ, съ рожденіемъ существа разумнаго, воспроизводится и разумная природа, производящая это существо, отъ рождающаго происходитъ и та основная сила въ духѣ, которая производитъ его дальнѣйшее развитіе. Нѣчто подобное нужно предположить и въ отношеніи къ природѣ безконечной. Отъ Отца рождается Сынъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны предположить, что изъ того же существа безконечнаго происходитъ и та сила жизни, которая есть Духъ безконечный. Исходя изъ глубины природы безконечной, сила эта должна почить въ той природѣ безконечной, которая единосущна Отцу и есть Его образъ,—т. е. въ Сынѣ. Такимъ образомъ Духъ Святый, исходя отъ природы безконечной, долженъ чрезъ Сына дѣйствовать на природу конечную. Такъ и откровеніе учитъ, что вмѣстѣ съ рожденіемъ Сына, исходитъ и Духъ, Который, исходя отъ Отца, почиваетъ въ Сынѣ, и чрезъ Сына является въ дальнѣйшей творческой дѣятельности.

Если нужно еще что-нибудь прибавить къ объясненію разсматриваемаго нами догмата, то нужно остановиться на раскрытіи понятія о безпредѣльныхъ совершенствахъ безконечнаго существа. Существо безконечное, обладая безпредѣльными совершен-

ствами, непремѣнно должно проявлять эти совершенства. Но спрашивается, какъ могутъ проявиться безпредѣльныя совершенства безконечной природы? Уже прежде было замѣчено, что выраженіе, или проявленіе совершенствъ природы божественной никакъ не можетъ ограничиваться міромъ конечнымъ. Надобно, чтобы та сфера, въ которой вполнѣ проявляется природа безконечная, была такъ же безконечна и безпредѣльна, какъ само безпредѣльное существо; словомъ, сфера эта должна быть такова, чтобы существо безконечное видѣло и созерцало въ ней всѣ свои безконечныя совершенства. Ничего нельзя разумнѣе представить, какъ то, что изъ Существа безконечнаго рождается совершеннѣйшій образъ его—Сынъ, въ которомъ оно созерцаетъ себя и свои совершенства. Ясно, что такой образъ не можетъ быть только какой-нибудь идеальный, отвлеченный, а тѣмъ менѣе—формальны образъ; напротивъ, этотъ образъ долженъ быть живой и совершенный образъ существа безконечнаго, и долженъ отражать въ себѣ всѣ его дѣйствительныя совершенства,—слѣдовательно, долженъ быть лицемъ. Такъ и откровеніе учитъ, что изъ сущности Отца рождается Сынъ—«совершеннѣйшій образъ» Отца, въ которомъ безконечное Существо видитъ себя и свои совершенства. Образъ этотъ, называемый вторымъ Лицомъ—Сыномъ, называется также сіяніемъ славы Отчей. Выраженіе: сіяніе славы—означаетъ то, что Сынъ отражаетъ въ себѣ всѣ совершенства Отца.—Далѣе, откровеніе называетъ Сына образомъ Лица или ѵпостаси Отца. Этимъ выражается не извѣстная только мѣра совершенствъ, но самое существо, самая ѵпостась Отчая. Можно прибавить къ этому и то, что въ этомъ образѣ существа безконечнаго должно выражаться и то направленіе, которое свойственно совершенствамъ безконечной природы, чтобы этотъ образъ не только въ себѣ самомъ отражалъ совершенства существа безконечнаго, но чтобы и въ собственной дѣятельности, при отраженіи этихъ совершенствъ, второе Лицо было едино съ первымъ,—имѣло одно направленіе и одинъ духъ съ первымъ. Поэтому вмѣстѣ съ раскрытіемъ этого безпредѣльнаго образа, въ которомъ отражается вся полнота совершенствъ безконечнаго, изъ того же безпредѣльнаго существа исходитъ Духъ, Который почиваетъ въ Сынѣ и, такъ сказать, соединяетъ Его съ первымъ Лицомъ, не только въ отношеніи къ существу, но и къ волѣ и къ дѣятельности. Такимъ образомъ, не смотря на различіе лицъ, въ нихъ сохраняется единство мыслей, воли и дѣятельности. Такъ какъ основаніе или, точнѣе говоря, органъ такого единенія между лицами Божества не можетъ иначе быть представляемъ, какъ въ видѣ силы также совершенной, какъ первое и второе Лица,—то и эта сила должна

быть Лицемъ. Такъ и откровеніе учитъ, что отъ Отца рождается Сынъ и исходитъ Духъ Святый, Который почиваетъ въ Сынѣ и соединяетъ Ихъ существо и волю, такъ что, какъ ни Отецъ не мыслитъ и не дѣйствуетъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Отца, ни Сынъ безъ Духа,—такъ ни Духъ безъ Сына и Отца.—Такимъ образомъ, внутреннее отношеніе между лицами св. Троицы таково, что, какъ Отецъ существуетъ и живетъ въ Сынѣ, такъ Сынъ въ Отцѣ, и тотъ и другой—оба въ Духѣ. Такъ учитъ Откровеніе о непостижимой и безпредѣльной Троицѣ.

Всѣ высказанныя нами умозрительныя представленія о троичности лицъ въ Божествѣ не лишены сами въ себѣ положительныхъ основаній; но представляютъ въ себѣ не болѣе, какъ снятый умомъ *очеркъ* съ того положительнаго ученія о Св. Троицѣ, которое находится въ откровеніи и ученіи Церкви. Само собою разумѣется, что многаго здѣсь не достаетъ такого, что нужно къ полному уразумѣнію этого догмата; много здѣсь неточнаго и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частяхъ не вполнѣ соотвѣтствующаго тому изображенію его, какое находится въ откровеніи. По крайней мѣрѣ, наше умозрѣніе должно вести къ тому, чтобы въ ученіи откровенія о Троицѣ видѣть разумныя основанія. Очень близкое къ подобному умозрительному представленію догмата о Святой Троицѣ, находится въ одномъ памятникѣ христіанской древности,—именно: въ символѣ св. Григорія Неокесарійскаго. Что особенно замѣчательно въ этомъ вѣроизложеніи,—это то, что св. Григорій говоритъ въ немъ языкомъ философскимъ и представляетъ этотъ догматъ въ такихъ чертахъ, которыя подходятъ къ умозрѣніямъ философскимъ, не смотря на то, что этотъ догматъ преподанъ въ откровеніи. Слѣдовательно, онъ подтверждаетъ путь разумнаго созерцанія этого догмата,—тотъ путь, которымъ мы идемъ сами.

Онъ такъ излагаетъ этотъ догматъ:

«Единъ Богъ, Отецъ Слова живаго, премудрости и силы самосущей, и образа Вѣчнаго; совершенный родитель совершеннаго, Отецъ Сына единороднаго.

Единъ Господь; единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, образъ и выраженіе Божества, Слово дѣйственное, мудрость, содержащая составъ всего, и сила, зиждущая все твореніе; истинный Сынъ истиннаго Отца, невидимый невидимаго, нетлѣнный нетлѣннаго, безсмертный безсмертнаго, вѣчный вѣчнаго.

И единъ Духъ Святый, отъ Бога исходящій, посредствомъ Сына явившійся, то есть, людямъ; жизнь, въ которой причина живущихъ; святый источникъ; святыня подающая освященіе. Имъ

является Богъ Отецъ, Который надъ всѣмъ и во всемъ, и Богъ Сынъ, Который черезъ все.

Троица совершенная, славою и вѣчностью и царствомъ нераздѣльная и неразлучная. Почему нѣтъ въ Троицѣ ни сотвореннаго, ни служебнаго, ни привходящаго, чего бы прежде не было, и что вошло бы послѣ. Ни Отецъ никогда не былъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа, но Троица непреложна, неизмѣнна и всегда одна и та-же».

Весь составъ откровеннаго и церковнаго ученія о Св. Троицѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣловъ, или частей. Въ первомъ заключается общее и основное ученіе объ этомъ догматѣ, именно: что въ Богѣ три Лица. Потомъ это общее положеніе заключается въ двухъ частныхъ,—что эти лица, хотя и различны между собою, составляютъ, однакожъ, одно существо безпредѣльное, что они, хотя нераздѣльны по существу, различаются однакожъ своими личными свойствами. Слѣдовательно, въ раскрытіи этого ученія надобно обратить вниманіе на доказательства дѣйствительности троичности лицъ, а потомъ на ихъ свойства личныя и ихъ взаимное отношеніе.

Замѣчено было прежде, что въ откровеніи мы не находимъ подробнаго разъясненія догмата о Троицѣ, что оно вводитъ насъ въ этотъ свѣтъ, не предваряя насъ о томъ, подобно тому, какъ говоря о сотвореніи міра, оно не говоритъ напередъ о самомъ Богѣ, не доказываетъ самого бытія Его.

Обыкновенно, при изложеніи доказательствъ троичности лицъ, обращаются прежде всего къ Ветхому Завѣту и сознаются при этомъ, что хотя нѣтъ въ немъ прямыхъ и ясныхъ доказательствъ троичности лицъ, однако есть нѣкоторые намеки на это. Замѣтимъ, что слово «намекъ» нисколько несообразно съ существомъ дѣла. Предположеніе, что въ Ветхомъ Завѣтѣ нѣтъ основанія для ученія о Троицѣ, а есть только слова и *намеки* на него, ведетъ къ тому, что нельзя, стало быть, и опираться на Ветхій Завѣтъ, потому что намеки всегда ничего не стоятъ опровергнуть. Но нельзя такъ думать о Ветхомъ Завѣтѣ. Чтобы видѣть лучше и точнѣе, есть ли въ Ветхомъ Завѣтѣ основаніе для догмата о св. Троицѣ,—надобно обратиться къ духу и свойству Ветхаго Завѣта.— И здѣсь замѣчаемъ черту, ограничивающуюся не намеками, а знаменательно характеризующую догматъ о св. Троицѣ. Ветхій Завѣтъ, по самому свойству и духу, есть завѣтъ таинственный. Поэтому, если мы не встрѣчаемъ въ немъ ясныхъ указаній о св. Троицѣ,—то во всякомъ случаѣ въ немъ есть *начатки* ученія объ этомъ. Неясность эта объясняется тѣмъ, что Ветхій Завѣтъ выражается о Богѣ таинственно. Но эта таинственность глубокознаменательна потому, что она заключаетъ въ себѣ *сѣмена* ученія, въ полномъ свѣтѣ раскрытаго уже въ Новомъ Завѣтѣ. Таинственность, въ которую облекаетъ Ветхій Завѣтъ ученіе о Богѣ, заключается прежде всего въ томъ, что Богъ не представляется въ немъ ясно и прямо являющимся и дѣйствующимъ. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ представляется дѣйствующимъ, то сначала Онъ обыкновенно представляется говорящимъ, а потомъ дѣйствующимъ, какъ это можно видѣть изъ библейскаго повѣствованія о твореніи, гдѣ говорится, что прежде Богъ сказалъ: *да будетъ... и бысть...* (Быт. I). Если въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится о какихъ либо особенно важныхъ событіяхъ, какъ наприм. о потопѣ, то Богъ представляется не прямо дѣйствующимъ; но прежде разсуждающимъ; «и сказалъ Господь (Богъ): не вѣчно Духу Моему быть пренебрегаемому человѣками сими... И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ Я сотворилъ» и проч.: (Быт. VI). Если наприм. разсказывается о разрушеніи города, то прежде говорится, что Богъ пришелъ и посмотрѣлъ, что дѣлается въ городѣ, и увидѣлъ беззаконія, и въ слѣдъ затѣмъ уже посылаетъ наказаніе на него. Это не простыя и случайныя черты, тутъ есть таинственность, сквозь которую можно прозрѣвать образное указаніе на тайну Троичности,—на проявленіе тѣхъ лицъ, которыя въ Новомъ Завѣтѣ представляются прямо говорящими и дѣйствующими. Къ такому заключенію могутъ вести самыя первыя выраженія Ветхаго Завѣта; *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ...* (Быт. I, 3). Конечно, выраженія эти можно объяснять иначе: слово *рече* можно объяснять такъ, будто имъ означается то, что Богъ совѣтовался съ самимъ собою, съ своею мыслію; или: что Богъ возымѣлъ мысль. Но это объясненіе заимствуется извнѣ, а не извнутри, и свойственно уже временамъ позднѣйшимъ, а не тѣмъ, въ которыя писанъ Ветхій Завѣтъ. Когда мы знаемъ, что въ Богѣ три лица, что существо безконечное безпредѣльно, какъ въ сущности и жизни, такъ и въ своей дѣятельности, и эта безконечная сущность, жизнь и дѣятельность проявляются не въ простыхъ формахъ и образахъ, а въ такихъ явленіяхъ, которыя суть лица: то доходимъ до инаго уразумѣнія таинственныхъ словъ: *рече и бысть. Рече*—надобно понимать такъ, что божественная мысль, переходя и отражаясь въ Сынѣ и св. Духѣ, выражается (говоря человѣческимъ языкомъ) въ видѣ слова, или разговора. Не даромъ само откровеніе второе Лице Св. Троицы представляетъ подъ образомъ слова.—Таковы и вообще всѣ тѣ мѣста Ветхаго Завѣта, въ которыхъ Богъ представляется не прямо, непосредственно дѣйствующимъ, а какъ бы прежде разсуждающимъ, совѣтующимся, или

говорящимъ. Напримѣръ, *рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему... Словомъ Господнимъ небеса утвердишася...* и проч. Какъ ни неясно Богъ открывалъ себя въ Ветхомъ Завѣтѣ, всетаки Онъ проявлялъ Себя не иначе, какъ въ истинномъ своемъ существѣ. А существо это троично въ лицахъ; потому и Ветхій Завѣтъ долженъ былъ высказывать это такъ или иначе. Весьма знаменательнымъ также представляется твореніе человѣка. Особенная знаменательность здѣсь была необходима, потому что Существо творческое, созидая природу разумную и безсмертную, а не матерію, должно было по необходимости организовать ее по образу своему; такъ какъ разумная природа была тогда одна,— и слѣдовательно, при созданіи разумной природы конечной, должна была высказаться разумная природа безконечная. Такъ Ветхій Завѣтъ, повѣствуя о сотвореніи человѣка, говоритъ, что этому творенію предшествовалъ совѣтъ: *сотворимъ человѣка...* и потомъ къ этому прибавляется: *по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Здѣсь невольно обращается вниманіе наше на вопросъ: что значитъ—*по образу Нашему?* Здѣсь какъ будто представляется внѣ самого Бога существующимъ какой-то образъ существа безконечнаго, по которому Онъ хотѣлъ создать человѣка... Древніе учители церкви видѣли этотъ образъ въ Сынѣ и думали, что по нему именно созданъ человѣкъ, такъ какъ онъ не могъ быть созданъ по образу Сына Божія,—выводили основаніе для того, что искупленіе падшаго человѣка совершенно вторымъ же Лицомъ пресвятой Троицы. Ученіе Ветхаго Завѣта о троичности лицъ можно видѣть и въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя приписываетъ Богу ветхозавѣтное откровеніе. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ ветхозавѣтнаго откровенія, въ повѣствованіи о твореніи, Богъ представляется: а) изрекающимъ свою волю, б) совершающимъ твореніе и в) послѣ произведенія твари, совершенствующимъ свое твореніе. Такимъ образомъ твореніе представляется подъ видомъ именно трехъ знаменательныхъ божественныхъ дѣйствій.—*Рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ: и видѣ Богъ свѣтъ... и разлучи Богъ между свѣтомъ и между тьмою...* (Быт. I, 3, 4). Такъ и при созданіи человѣка Богъ говоритъ: *сотворимъ человѣка... и сотвори Богъ человѣка... и благослови ихъ Богъ...* (I, 26—28). Точно также представляется Богъ раздѣльно дѣйствующимъ во внутренней жизни человѣка подъ образомъ Духа. Такъ и въ особенномъ дѣйствіи—искупленіи міра—Богъ представляется обѣщающимъ и опредѣляющимъ искупленіе, потомъ совершающимъ это искупленіе и, наконецъ, совершенствующимъ духовную жизнь людей. Такимъ образомъ, хотя Ветхій Завѣтъ образно и таинственно указываетъ на тайну Троичности, но тѣмъ не менѣе

все ветхозавѣтное откровеніе должно считать предуготовительнымъ откровеніемъ о троичности лицъ.—Теперь перейдемъ къ Новому Завѣту. Прежде всего естественно спросить: было ли извѣстно людямъ ученіе о троичности лицъ Божества прежде пришествія Спасителя? Судя по тому, какъ это ученіе открыто было въ Ветхомъ Завѣтѣ нельзя думать, чтобы оно было неизвѣстно. По крайней мѣрѣ оно должно было быть извѣстно тѣмъ людямъ, которые лучше другихъ могли понимать откровеніе. Такъ, дѣйствительно, въ памятникахъ еврейскаго духовнаго просвѣщенія, еще до пришествія Іисуса Христа, находимъ ясные слѣды этого ученія. Ученые раввины, писавшіе около самаго рождества Спасителя, и потомъ вскорѣ послѣ, значитъ, прежде, нежели что нибудь могли взять изъ Евангелія, прежде, нежели вступили въ состязаніе съ проповѣдью Евангелія и, слѣдовательно, когда могли повредить свои сочиненія,—и въ это время ученые раввины довольно ясно выражали ученіе о троичности лицъ въ Божествѣ, такъ что у нѣкоторыхъ есть даже прямыя выраженія—«Отецъ и Сынъ и Св. Духъ». Доказательствомъ этому служитъ и само новозавѣтное откровеніе. Мы, напримѣръ, видимъ что самъ Іисусъ Христосъ, когда излагаетъ ученіе о троичности лицъ,—излагаетъ его не какъ новое ученіе, неслыханное доселѣ а какъ извѣстное, болѣе или менѣе. Это подтверждается и тѣмъ, что тѣ-же самые евреи, которые возставали противъ разныхъ предметовъ ученія Спасителя, ничего не говорили противъ Его ученія о св. Троицѣ. Такъ, напримѣръ, когда Іисусъ Христосъ говоритъ о своемъ отношеніи къ Богу Отцу, представляя Себя равнымъ Ему, то іудеи возставали противъ личности Спасителя, т. е. противъ того, что Онъ называлъ себя равнымъ Богу, но не возражали ничего противъ самаго догмата о троичности, т. е. не представляли, что это ученіе новое, неслыханное, неудобопріемлемое. Такъ, въ частности, тоже показываютъ и нѣкоторые особенные случаи изъ Новаго Завѣта. Когда Іоаннъ Креститель видѣлъ откровеніе Троицы:—въ гласѣ Отца, въ крещеніи Сына, въ явленіи св. Духа,—видно, что это не казалось никому новымъ и особенно поразительнымъ. То обстоятельство, что самъ Спаситель, при изложеніи ученія о Троичности, не счелъ нужнымъ сдѣлать никакихъ предварительныхъ объясненій, но передавалъ его, какъ положительное, можетъ также вести къ заключенію въ пользу извѣстности этого ученія. Значитъ, и общему разумѣнію тѣхъ временъ, несмотря на слабость мысли и недостатокъ развитыхъ религіозныхъ представленій въ тогдашнемъ еврейскомъ народѣ, ученіе это не казалось ни страннымъ, ни безусловно новымъ. Въ такихъ мысляхъ мы тѣмъ

удобнѣе можемъ прослѣдить ученіе о св. Троицѣ въ Новомъ Завѣтѣ.

Мѣста, въ которыхъ излагается ученіе о троичности Лицъ въ Новомъ Завѣтѣ, не одинаковы, какъ по содержанію и по направленію, такъ и по тѣмъ образамъ, въ которыхъ предлагается это ученіе. Въ иныхъ мѣстахъ ясно и положительно выражается ученіе о троичности лицъ, такъ и о единосущіи ихъ. Въ другихъ мѣстахъ излагается только то или другое: или свидѣтельство о троичности лицъ безъ указанія взаимнаго отношенія ихъ, или указываются два лица, или три, смотря по обстоятельствамъ, какъ слѣдовало открыть это ученіе.

Если бы еще, не заглядывая въ Новый Завѣтъ, судить по однимъ соображеніямъ разума, когда при какихъ обстоятельствахъ это ученіе должно было быть изложено Спасителемъ съ особенною ясностью и точностью,—то, конечно, надобно было бы предположить, что оно должно было быть предложено тогда, когда Спаситель приступалъ къ совершенію того дѣла, для котораго былъ посланъ, т. е. спасенія міра. Потому что, какъ самое ученіе о Троицѣ имѣетъ непосредственную связь и свое приложеніе въ дѣлѣ искупленія, и какъ, съ другой стороны, дѣло искупленія должно было совершиться смертію Искупителя,—то и нужно было Ему передъ нею сообщить ясное и положительное ученіе, какъ о Себѣ самомъ, такъ и о всей Троицѣ. Онъ долженъ былъ объяснить значеніе своей смерти, слѣдовательно, долженъ былъ объяснить ученіе о св. Троицѣ, и потому тутъ было необходимо, чтобы Спаситель сообщилъ истинное понятіе о лицахъ св. Троицы. Такъ, дѣйствительно, мы и находимъ, что съ особенною ясностію и точностію о троичности лицъ Спаситель говоритъ въ послѣдніе дни Своей жизни. Такъ это находимъ у св. Іоанна въ XIV гл., гдѣ Спаситель учитъ, что поприще Его должно окончиться смертію, и смертію насильственною. Такъ какъ учениковъ должно было возмутить это ученіе, которое они понимали чувствомъ, а не разсудкомъ; то поэтому, когда Спаситель прямо говоритъ, что «Я *иду*», у нихъ естественно долженъ былъ родиться вопросъ:—куда онъ идетъ? Т. е. что будетъ значить его смерть, и куда онъ послѣ нея пойдетъ?—На это Спаситель отвѣчалъ, что окончательное Его поприще, Его смерть, есть съ одной стороны исполненіе пророчествъ о Немъ, а съ другой—Его возвращеніе къ Отцу Своему. Вслѣдствіе этого ученики, какъ и надобно было ожидать, спрашиваютъ:—что же значитъ этотъ путь къ Отцу, и что такое Отецъ? Надобно замѣтить, что этотъ вопросъ въ настоящую минуту имѣлъ въ устахъ апостоловъ особенное значеніе и силу. Это не былъ уже

вопросъ мимоходящій, но вопросъ рѣшительный. Апостолы какъ бы такъ спрашивали Спасителя: если Ты отъ насъ отходишь къ Отцу, то мы должны знать, кто Онъ и какія Твои отношенія къ Нему? Такимъ образомъ апостолъ Филиппъ отъ лица всѣхъ апостоловъ спрашиваетъ: *покажи намъ Отца и довлѣетъ намъ* (XIV, 8). Здѣсь выраженіе: *довлѣетъ*, т. е. будетъ съ насъ, довольно,—весьма знаменательно. Выраженіемъ этимъ означается то, что если Самъ Спаситель укажетъ Его значеніе, то все объяснится,—значеніе и цѣль смерти, воскресеніе, судьба апостоловъ и проч. На этотъ вопросъ Спаситель отвѣчалъ въ стихѣ 9 и 10: *глагола ему Іисусъ: толико время съ вами есмь и не позналъ еси Мене, Филиппе? Видѣвый Мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть?* Спаситель какъ будто не прямо отвѣчаетъ на вопросъ: Филиппъ спрашиваетъ объ Отцѣ, Спаситель отвѣчаетъ о Себѣ. Апостолы желали узнать Отца, чтобы узнать Сына, а Спаситель говоритъ сначала о Себѣ, чтобы черезъ Себя показать Отца. Но внутренняя связь отвѣта съ вопросомъ очевидна. Спаситель отвѣчаетъ на мысль апостола: «Если ты могъ знать Меня хорошо, т. е. изъ моего ученія и изъ моихъ дѣлъ, изъ всего того, что видѣлъ около Меня,—ты могъ узнать хорошо и Отца; потому что видѣть Меня—значитъ видѣть Отца, слѣдовательно узнать Сына, значитъ—узнать Отца. Слѣдовательно, продолжаетъ Спаситель, къ чему спрашиваешь ты:—покажи Отца? Ты долженъ знать и вѣрить, что Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. То есть: «Я по существу и лицу (личности) есмь истинный и живой образъ Отца». Если бы кто на это объясненіе сказалъ, что слова эти можно разумѣть въ смыслѣ нравственномъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, вѣрующіе находятся въ Богѣ,—то надобно замѣтить, что отвѣтъ былъ бы несообразенъ. Дѣло было не о нравственномъ отношеніи, а вопросъ—о личности. Такимъ образомъ, здѣсь Спаситель во всей ясности и точности, какъ требовали обстоятельства, показываетъ два лица, т. е. лицо Свое и—Отца. Ясно, что дѣло идетъ здѣсь о существѣ Божественномъ, и такъ какъ существо Божественное едино, то и эти слова нужно понимать въ отношеніи къ лицамъ и въ отношеніи къ единой сущности. Естественно, что на вопросъ: покажи намъ Отца—отвѣчать указаніемъ только на духовное нравственное единеніе съ Отцомъ,—значило бы не рѣшить вопроса. Такъ какъ объясненіе Спасителя: Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ—должно было оставаться непонятнымъ для апостоловъ, потому что они не знали естественныхъ отношеній ихъ между собою, то Спаситель присовокупляетъ объясненіе въ 11 стихѣ: *вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во*

Отцъ, и Отецъ во Мнѣ: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми. «Если вы еще рѣшительно Мнѣ не могли повѣрить, что Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ, потому что не можете представить Нашихъ отношеній,—то вотъ вамъ доказательство, что Я нахожусь точно въ такомъ отношеніи къ Отцу, о какомъ говорю, это—Мои дѣла». Ясно, что дѣла, на которыя здѣсь указываетъ Спаситель, касаются Его ученія и чудотвореній. Поелику Ему нужно было доказать не нравственное только, но и существенное единство съ Отцемъ, то и дѣла, на которыя указываетъ, какъ на доказательство,—должны быть тѣ вышеестественныя дѣла, которыя совершилъ Онъ въ глазахъ учениковъ и которыя заключаются въ Его вышеестественномъ ученіи и чудесахъ. Далѣе, у апостоловъ естественно могла родиться мысль, что если ихъ учитель отходитъ къ Отцу, съ которымъ Онъ—единъ, а ихъ оставляетъ на землѣ, то какое ихъ состояніе безъ Него? На эту ихъ мысль Спаситель отвѣчаетъ въ стих. 16 и 17: *И Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, Его же міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ пребываетъ и въ васъ будетъ...* Чтобы показать апостоламъ, что отшествіе Его къ Отцу не измѣнитъ ихъ состоянія, что ихъ особенное назначеніе останется во всей силѣ и что тогда исполнится ихъ назначеніе, когда Онъ отойдетъ къ Отцу,—Онъ говоритъ, что Его отсутствіе будетъ замѣнено помощію свыше. Въ этихъ словахъ Спаситель указываетъ еще на особенное и отличное отъ Отца лице въ Божествѣ. Оно есть Утѣшитель и Духъ истины. Что этотъ Духъ Утѣшитель есть лице, а не сила только, сила благодатная, которую Іисусъ Христосъ имѣлъ бы послать въ души учениковъ Своихъ,—видно изъ самыхъ словъ, которыми Онъ называетъ Духа Святаго, Онъ называетъ Его, во-первыхъ, *инымъ*. Если бы это была только сила Божественная, то нельзя было бы назвать ее иною, потому что, по отношенію къ Божеству, она есть своя, а не иная. Во-вторыхъ, если бы это была сила, то никакъ нельзя было бы назвать эту силу «утѣшителемъ», именемъ, которое принадлежитъ лицу. Что этотъ «*иной*» и «*утѣшитель*» будетъ не какое либо лице случайное, земное, человѣческое, которое, слѣдовательно, не могло бы вполнѣ замѣнить ихъ божественнаго Учителя,—это Спаситель изъясняетъ тѣмъ, что этого Духа міръ не можетъ принять, потому что Онъ—лицо, которое міръ не видитъ и не знаетъ; есть, слѣдовательно, Духъ совершенно чуждый міру, духъ не человѣческій. Но между тѣмъ—говоритъ—«вамъ уже извѣстенъ Онъ, вы Его знаете»,—откуда и почему? Или изъ откровенія Спасителя и тѣхъ указаній, какія

дѣлалъ Онъ прежде, или по тѣмъ особеннымъ явленіямъ Духа, которыя относились къ Самому Спасителю, какъ было при крещеніи. Но «этотъ Духъ въ васъ пребываетъ и въ васъ будетъ въ вѣкъ»; слѣдовательно, это существо духовное, вышечувственное, и, слѣдовательно, вышеестественное, потому что оно будетъ въ апостолахъ вѣчно и неизмѣнно.

Еще далѣе, объясняя эту личность Духа, Іисусъ Христосъ продолжаетъ такъ: *Утѣшитель же, Духъ Святый, Его же пошлетъ Отецъ во имя Мое, Той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (26). Усиленіе въ продолженіи рѣчи о Духѣ естественно и было необходимо потому, что этотъ Духъ является въ новомъ и особенномъ отношеніи къ ученикамъ, о какомъ они понятія не имѣли. Слѣдовательно, было совершенно необходимо, по возможности, точно и близко объяснить ученикамъ, кто этотъ Духъ. Этотъ Духъ будетъ посланъ, говоритъ Спаситель, во имя Мое, научитъ всему, и помянетъ все, что Я вамъ говорилъ. Опять, если бы это была сила, или дѣйствіе только божественное, нельзя было бы о немъ такъ говорить. Нельзя было бы сказать, что эта сила научитъ всему и воспомянетъ все, что говорилъ Спаситель, такъ какъ въ этомъ случаѣ представляется не яснымъ то, для чего нужна была эта особенная сила послѣ того, какъ Спаситель довольно бесѣдовалъ съ учениками о томъ, что было нужно для ихъ наученія и послѣдующаго дѣйствованія. Потому самое выраженіе: *научитъ, воспомянетъ*,—показываетъ все-таки лицо, а не какую нибудь силу.

Еще ближе объясняетъ это Спаситель въ XV гл. 26 ст., гдѣ говоритъ: *Егда же пріидетъ Утѣшитель, Его же Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ; той свидѣтельствуетъ о Мнѣ.* Онъ называетъ Духа опять Утѣшителемъ и говоритъ, что Онъ самъ пошлетъ Его отъ Отца. Тамъ говорилъ, что Духъ будетъ посланъ во имя Его, а здѣсь говоритъ, что Онъ будетъ посланъ Имъ отъ Отца. Ясно, что этотъ Духъ представляется въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ къ Отцу и Сыну,—именно, какъ нѣчто единосущное съ Ними. Потомъ, какъ тамъ, такъ и тутъ, посланіе представляется посланіемъ отъ Отца. Что это выраженіе значитъ, объяснилъ Самъ Спаситель, говоря: *Духъ, иже отъ Отца исходитъ.* Самый образъ выраженія показываетъ, что здѣсь имѣется въ виду не временное посланіе Духа, а довременное исхожденіе. И, слѣдовательно, опять, если этотъ Духъ, по естеству своему, исходитъ отъ Отца, а Сынъ можетъ посылать Его отъ Отца, и, однакожъ, этотъ Духъ является для того, чтобы свидѣтельствовать людямъ о Сынѣ: то всѣ эти черты, отдѣльно и вмѣстѣ взятыя, должны свидѣтельствовать о томъ,

что Духъ есть Лицо. И въ слѣдующей XVI главѣ, ст. 13 и 14, также говорится о Духѣ. Не было бы нужды такъ настоятельно продолжать рѣчь объ этомъ Духѣ и такъ осязательно представлять Его характеристическія черты, еслибы этотъ Духъ не былъ что нибудь особенное, еслибы былъ только силою. Довольно было бы только сказать, что Я вамъ посылаю отъ Отца божественную силу, которая будетъ въ васъ дѣйствовать и будетъ васъ просвѣщать. Замѣтимъ еще, что все это говорилось въ самыя важныя минуты, когда нужно было Спасителю рѣшить самые важные вопросы и о Себѣ, и о Богѣ, и о дѣлѣ Своемъ, и о судьбѣ учениковъ; всѣ эти обстоятельства, придающія бесѣдѣ особенное значеніе и силу, даютъ намъ понять, что въ бесѣдѣ этой изображены три раздѣльныя Ипостаси въ Богѣ. Это мѣсто евангелія Іоанна надобно считать самымъ первымъ и самымъ важнымъ въ ученіи о святой Троицѣ,—мѣстомъ по преимуществу классическимъ.

Другое мѣсто, гдѣ Спаситель также ясно и осязательно выражаетъ троичность лицъ въ Божествѣ, то, гдѣ Онъ, послѣ Своего воскресенія, посылаетъ учениковъ на проповѣдь: *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мѳ. XXVIII, 19). Здѣсь, во-первыхъ, чтобы понять въ точности весь смыслъ этого изреченія и всю его силу, надобно понять обстоятельства, когда это было сказано. Это было сказано предъ вознесеніемъ Спасителя, когда Онъ уже рѣшительно оставлялъ учениковъ своихъ. Слѣдовательно, это было въ такое время, когда ученикамъ своимъ Спаситель долженъ былъ показать Себя учителемъ и Мессіею; а потому нельзя было говорить символами, а нужно было высказать дѣло ясно и прямо. Во вторыхъ, здѣсь Спаситель ясно и торжественно посылалъ учениковъ своихъ на проповѣдь всему міру. Опять дѣло было такого рода, что апостолы должны были понести въ міръ самую точную, ясную и опредѣленную идею Божества. Они первые, естественно, должны были точно знать то, чему должны были учить міръ. Мало этого, они должны были узнать, что *особеннаго* въ ихъ ученіи и чему *особенно* они должны были учить міръ. Еслибы, слѣдовательно, Спаситель, посылая ихъ на проповѣдь, сказалъ имъ общую только мысль: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Божіе, или во имя истиннаго Бога*,—то, какъ ни высоко было бы это откровеніе, такъ какъ оно опровергало ложныя ученія и религіи,—все-таки, можно сказать, въ этомъ откровеніи ничего особеннаго не было бы, потому что идея Бога была извѣстна міру, особенно іудеямъ. И, слѣдовательно, если бы апостолы стали проповѣдывать іудеямъ о единомъ истинномъ Богѣ, то іуден имѣли бы полное право не слушать ихъ, потому что въ этомъ ученіи не

было ничего особеннаго, и апостолы не имѣли права проповѣдывать. Точно также, еслибы съ этой общей идеей пошли апостолы въ цѣлый міръ, ко всѣмъ народамъ, проповѣдывать, то и тогда въ этой идеѣ не было бы ничего особеннаго, потому что и здѣсь лучшіе умы были не чужды идеи о Богѣ. Слѣдовательно, когда Іисусъ Христосъ долженъ былъ сообщить апостоламъ предметъ ихъ проповѣди для цѣлаго міра,—долженъ былъ въ этомъ предметѣ ихъ проповѣди указать что нибудь особенное. Съ другой стороны, не надобно забывать, что проповѣдь апостоловъ въ цѣломъ мірѣ имѣла значеніе не только теоретическое, или догматическое, но должна была соединиться съ ученіемъ практическимъ, которое касалось не мысли только или вѣры, но всей жизни цѣлаго міра, съ ученіемъ о возрожденіи, объ искупленіи, слѣдовательно—объ обновленіи всего міра. Это ученіе составляетъ корень и сущность проповѣди апостоловъ; съ другой стороны, оно такъ необычайно и вышеестественно, что должно было въ себѣ самомъ имѣть ручательство своей истинности и дѣйствительности. Такъ какъ это ученіе апостоловъ, кромѣ того, должно было выставить на видъ предъ міромъ особенное божественное Лицо, то именно Лицо, которымъ совершено искупленіе міра, то было естественно и необходимо, чтобы въ ученіи, преподанномъ апостоламъ Іисусомъ Христомъ, высказывалось нѣчто необычайное и свышеоткровенное. И такъ какъ сущность проповѣди апостольской должна была клониться къ обновленію и возрожденію всего человѣчества, то само собой разумѣется, что и въ догматическомъ ученіи апостоловъ должно было выразиться основаніе ученія о возрожденіи. Основаніе этого возрожденія заключалось въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Сына, а Сынъ—Духа, который долженъ былъ совершить это возрожденіе. Отсюда ясно, что въ проповѣди апостольской должно было заключаться ученіе о лицахъ Божества и ихъ взаимномъ отношеніи. Такимъ образомъ мы естественно доходимъ до заключенія, что въ словахъ Спасителя: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, заключается ученіе положительное, а не какое нибудь образное, т. е. заключается ученіе о Лицахъ Божественныхъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ученіе о взаимномъ отношеніи ихъ между собою, а не общее только ученіе о Богѣ.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть откровенное ученіе о *свойствахъ* лицъ божественной Троицы. Свойства эти можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: одни изъ нихъ *общія*, которыя принадлежатъ всѣмъ лицамъ божественнымъ; другія—*частныя*, составляющія личную характеристику каждаго лица и отличающія ихъ одно отъ другаго.

Общее свойство, которое принадлежитъ всѣмъ лицамъ Божества,—*божественность*, въ которой и состоитъ ихъ единосущіе между собою. О божествѣ перваго Лица говорить нечего. Требуется изслѣдованіе вопроса о божествѣ втораго Лица—Сына. Надобно замѣтить, что въ новомъ завѣтѣ Сынъ—второе Лице св. Троицы—изображается по преимуществу, какъ Богъ воплотившійся, явившійся для спасенія міра. Но здѣсь есть, однакоже, и такія мѣста, которыя относятся къ божественному естеству втораго Лица св. Троицы, въ которыхъ изображается домірное, предвѣчное бытіе Слова и Его отношеніе къ Богу. Въ этомъ отношеніи самыя ясныя изображенія божества втораго Лица находятся у евангелиста Іоанна, въ гл. I-й: *Въ началѣ бѣ слово и Слово бѣ къ Богу* (ст. 1) Прежде всего, что здѣсь обращаетъ вниманіе наше, это—необычайная возвышенность и сила рѣчи, повидимому, не свойственныя евангелистамъ. Не только прочіе евангелисты, но и апостолы, и самъ апостолъ Павелъ, не возвышались до такой высоты въ изображеніи личности Сына Божія. Поэтому здѣсь особенно видны лучи высшаго Божественнаго откровенія, которые въ этомъ изображеніи Сына Божія открываются въ первый разъ. Потомъ представляется особенному вниманію исключительно употребленное здѣсь выраженіе: «логосъ» (λόγος). Извѣстно, что на это слово написано много разнообразныхъ изслѣдованій. Прежде всего предлагается вопросъ: откуда этотъ образъ выраженія заимствованъ? Одни думаютъ, что онъ перешелъ изъ александрійской школы, и именно отъ Филона, у котораго находится и этотъ образъ выраженія и даже самое слово—«логосъ»; другіе,—что отъ древнихъ халдеевъ или отъ философа Платона и др. То несомнѣнно, что подобный образъ выраженія встрѣчается и въ философіи халдейской—восточной, и у Платона, и въ особенности въ александрійской школѣ. Древній халдейскій парафразъ слово «Іегова» замѣняетъ иногда словомъ «логосъ». Но надобно замѣтить, что въ этомъ случаѣ у него съ словомъ «логосъ» не соединяется представленія образа божественной личности, но только свойства божественнаго; именно, онъ употребляетъ его какъ слово, изреченное міру. У Платона «логосъ» употребляется не въ одинаковомъ значеніи: иногда въ видѣ образнаго представленія идей, иногда имъ означается разумъ божественный, иногда проявленіе разума въ познаніи истины. Но главное дѣло заключается въ томъ, что и у Платона съ понятіемъ «логосъ» не соединяется понятіе о *личности;* «логосъ» у Платона представляется понятіемъ отвлеченнымъ. Ближе къ понятію личности «логосъ» употребляется у александрійскихъ философовъ. У Филона выраженіе «логосъ» употребляется не только въ смыслѣ отвлеченномъ для

обозначенія идеи или свойствъ божественныхъ, но иногда, повидимому, и для означенія личности. Такъ, онъ называетъ «логосъ» образомъ божества, вторымъ божествомъ, первороженнымъ, виновникомъ бытія міра, особенно разумнаго—словеснаго; даже прямо говоритъ, что «логосъ» было орудіемъ, посредствомъ котораго созданъ Богомъ міръ. Нужно, однакоже, сказать, что и у Филона значеніе этого слова колеблется между понятіемъ о силѣ и понятіемъ о личности. Такъ какъ школа Александрійская впослѣдствіи времени, особенно предъ пришествіемъ въ міръ Спасителя, имѣла обширную славу и огромное значеніе во всемъ мірѣ, въ ней получали образованіе, изъ нея вышли многіе ученые іудеи, и изъ нея многія идеи распространялись повсюду: то очень немудрено, что и выраженіе «логосъ» могло перейти въ Іудею оттуда. Изъ Дѣяній Апостольскихъ извѣстно, что въ Палестинѣ были ученыя общества, членами которыхъ были александрійскіе философы. Эти общества занимались разрѣшеніемъ вопросовъ философскихъ и богословскихъ. Такъ въ VI гл. 9 ст. читаемъ: *восташа же нѣціи отъ сонма глаголемаго Ливертинска, и Киринейска и Александрійска... стязающеся со Стефаномъ.* Это состязаніе членовъ ученаго общества, въ которомъ были и ученые изъ александрійской школы, было религіозно-философское. Притомъ та-же исторія Дѣяній Апостольскихъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ александрійскихъ ученыхъ, обратившись въ христіанство, тотчасъ начинали проповѣдывать его. Именно говорится, что одинъ изъ александрійскихъ ученыхъ, обратившійся въ христіанство, еще до обращенія началъ проповѣдывать и смѣшивать крещеніе Христово съ Іоанновымъ (Дѣян. XVIII, 24—28). Такимъ образомъ неудивительно, если выраженіе «логосъ» перешло изъ александрійской школы. Что это слово было общеупотребительно, это видно изъ того, что евангелистъ Іоаннъ, употребляя его, не даетъ никакихъ объясненій; значитъ, оно было общеупотребительно и общепонятно. Но главное дѣло въ томъ, что евангелистъ, употребляя это выраженіе, придаетъ ему точный и опредѣленный смыслъ, какого оно до тѣхъ поръ ни у кого не имѣло. Именно: тогда какъ это «логосъ» у философовъ не имѣло опредѣленнаго смысла, онъ относитъ этотъ образъ прямо къ лицу божественному. Другой вопросъ, представляющійся здѣсь разсмотрѣнію, есть вопросъ: какое понятіе соединяется съ этимъ образомъ выраженія «логосъ», и почему онъ прилагается къ лицу божественному? Ясно, что здѣсь говорится о второмъ Лицѣ св. Троицы—Сынѣ; потому что далѣе говорится о воплощеніи Слова, о Его пришествіи на землю. Такъ разумѣютъ это отцы церкви и древніе церковные писатели. Оригенъ, напр., въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Бога Отца можно

назвать умомъ—νοῦς, а второе Лице—словомъ «логосъ», потому что, какъ умъ мыслитъ, а слово выражаетъ мысль, такъ и въ существѣ божественномъ Богъ Отецъ опредѣляетъ мысль, Сынъ осуществляетъ эту мысль. Это объясненіе можно принять за образцовое пониманіе этого мѣста. Другіе учители церкви различали двоякое слово: а) слово *внутреннее*, это—внутренняя мысль души, сокровенная въ глубинѣ души, когда душа, производя свою мысль изъ себя, облекаетъ ее въ образъ, который она только созерцаетъ, а не выражаетъ вовнѣ,—и б) слово *внѣшнее*, заключающееся во внѣшнемъ выраженіи этого внутренняго слова души. То и другое объясненіе выраженія «логосъ», прилагая къ лицу Божественному, надобно понимать и объяснять такъ, что второе лице—«логосъ» въ отношеніи къ первому составляетъ живущій внутри его сокровенный образъ, который первое Лице проявило изъ глубины существа вовнѣ; и что потому второе Лице Божества—«логосъ» выразило идею божественную вовнѣ: въ твореніи, промышленіи и искупленіи міра. Такимъ образомъ выходитъ, что въ отношеніи къ Отцу Сынъ есть и слово внутреннее и слово внѣшнее. Ясно, что при такомъ представленіи втораго Лица его нельзя представлять иначе, какъ лицемъ Божественнымъ. Внутреннее слово Божества не иначе можно представлять, какъ совершеннѣйшимъ образомъ Его: выразить же вполнѣ, совершеннымъ образомъ, божественное лице можетъ только Божество; иначе это слово несовершенно облекало бы и выражало образъ Божества, Его идею. Вмѣстѣ съ этимъ евангелистъ Іоаннъ характеризуетъ это слово такими чертами, которыя ясно свидѣтельствуютъ о божествѣ Его. *Въ началѣ бѣ Слово*... Выраженіе: *въ началѣ*—означаетъ бытіе чего нибудь тогда, когда ничего еще другаго не существовало. Если Слово было *въ началѣ*, значитъ, прежде Его не было ничего, значитъ, Оно было предвѣчно. Потомъ самое выраженіе *бѣ* показываетъ, что Слово не есть что-либо сотворенное, подобно тому, какъ міръ, о которомъ говорится: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Выраженіе *бѣ* указываетъ на бытіе самостоятельное. Еще яснѣе показывается отношеніе втораго Лица къ первому выраженіемъ: *бѣ къ Богу*. *Къ Богу*—означаетъ не то, что Слово было въ Богѣ безъ всякаго различенія отъ перваго Лица, но что оно вмѣстѣ съ Нимъ какъ бы сосуществовало; по буквальному выраженіе евангелиста—πρός... оно было какъ бы возлѣ Бога. Этимъ выражается предвѣчность втораго Лица и неизмѣнность сосуществованія Его при первомъ Лицѣ, вслѣдствіе чего второе Лице—Сынъ, какъ образъ Его, долженъ постоянно выражать Его божество и предвѣчность идей... Чтобы не осталось непонятнымъ: что же такое Слово и какова

Его природа?—евангелистъ говоритъ далѣе положительно: *и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша* (1—3). Такъ выражается евангелистъ о Словѣ, различая въ немъ и личность по отношенію къ Богу Отцу, и божество по отношенію къ міру. Въ отношеніи къ существу Божію, Слово не отдѣльно отъ Бога Отца, но составляетъ одно съ Нимъ существо. Словомъ сказать: Оно было и есть Богъ. Неопредѣленное время *бѣ*, употребленное евангелистомъ въ данномъ мѣстѣ, разъясняется изъ послѣдующихъ его рѣчей. Такъ какъ далѣе онъ говоритъ о пришествіи въ міръ этого слова, о его воплощеніи, то ему и нужно было сказать, чѣмъ оно было прежде, и такимъ образомъ прежде временнаго, преходящаго отношенія Слова къ Богу Отцу, евангелистъ показываетъ отношеніе Слова довременное и вѣчное, какое всегда было, есть и будетъ. Эту черту божественности втораго Лица евангелистъ ясно выражаетъ въ словахъ: *сей бѣ искони къ Богу*. Одно выраженіе: *бѣ къ Богу*—могло бы еще наводить на мысль, что это сопричосущіе Слова съ Отцемъ было переходящее; потому евангелистъ говоритъ, что оно было *искони*,—существовало отъ вѣчности. *Вся тѣмъ быша*... Показывая отношеніе этого Лица къ творенію, евангелистъ говоритъ, что Имъ произведено все. Выраженіе: *тѣмъ*—διά—съ одной стороны указываетъ какъ бы на орудіе, чрезъ которое сотворенъ міръ, но съ другой стороны—и на самодѣятельное, самостоятельное участіе Слова въ твореніи, по единству существа Божественнаго. Это подтверждается тѣмъ, что выраженіе: «διὰ αὐτοῦ»—употребляется въ св. Писаніи и въ отношеніи къ первому Лицу св. Троицы, напримѣръ, въ словахъ апостола: *всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Колос. I, 16). Даже если выраженіе *Тѣмъ*... относить ко второму Лицу, какъ къ органу творенія,—то чрезъ это достоинство втораго Лица не унижается. Потому что далѣе говорится, что безъ Него ничто не могло быть, что есть,—*безъ Него ничто же бысть, еже бысть*. Это показываетъ не только то, что все создано чрезъ Него, но что ничто и не могло быть безъ Него сотворено. Слѣдовательно, Его участіе въ твореніи было самостоятельное, не служебное, но творческое. Именно: Сынъ, какъ органъ творенія, долженъ быть понимаемъ такъ, что Онъ есть выразитель творческаго предопредѣленія о мірѣ, творческихъ идей о мірѣ, которыя принадлежали первому Лицу Божества, какъ источнику другихъ лицъ, заключались въ Его божественномъ умѣ. Такимъ образомъ, евангелистъ даетъ разумѣть, что второе Лице должно было не только сотворить міръ, но и отобразить и осуществить идеи Божіи о мірѣ,—мысль Божества.

Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ (ст. 4).

Изображая Божественное существо Сына Божія во всей полнотѣ Его природы, евангелистъ употребляетъ въ этомъ изображеніи слово—*жизнь*. Въ этомъ выраженіи онъ даетъ понять, что существо божественное и Его божественныя безпредѣльныя совершенства во всей ихъ полнотѣ заключаются и отображаются во второмъ Лицѣ, что въ Немъ—жизнь безграничная, самобытная, самостоятельная, жизнь независимая ни отъ чего посторонняго, имѣющая въ себѣ животворное начало всего существующаго, жизнь по преимуществу. Эта жизнь Слова имѣетъ и особенный характеръ; она есть свѣтъ человѣкомъ: *и живот бѣ свѣтъ человѣкомъ*. Сопоставляя эти два понятія—жизнь и свѣтъ—съ предшествующими чертами, мы приходимъ къ заключенію, что какъ въ Немъ *животъ бѣ*—былъ источникъ жизни разумныхъ тварей, такъ эта *жизнь Его была свѣтомъ человѣкамъ*,—началомъ разумности людей. Поэтому у отцовъ церкви можно встрѣтить много мѣстъ, гдѣ говорится, что разумная жизнь человѣковъ по преимуществу имѣетъ происхожденіе свое отъ втораго Лица св. Троицы. Сопоставляя самое это Лице съ прочими лицами св. Троицы, они представляютъ иногда второе Лицо выразителемъ идей перваго Лица, особенно проявившихся въ созданіи разумной жизни. Но кромѣ жизни разумной естественной, здѣсь нужно разумѣть жизнь благодатную, которая вполнѣ открыта намъ вторымъ Лицемъ св. Троицы, по воплощеніи Его. Эта жизнь называется свѣтомъ, потому что вмѣстѣ съ Нею человѣчество озарено лучшими понятіями о Богѣ, лучшими истинами о нравственномъ, духовномъ совершенствѣ,—которыя оно получило въ самомъ началѣ своего происхожденія, но которыя оно затеряло въ падшемъ состояніи и до которыхъ не могло вновь возвыситься, пока не явился въ человѣчествѣ, не возвратилъ и не далъ все это Сынъ Божій неизмѣнно на всѣ вѣка человѣчества. Такимъ образомъ евангелистъ, соединяя съ понятіемъ о второмъ Лицѣ эти возвышенныя, необыкновенныя черты, каковы: Слово, искони, бытіе у Бога, творчество Его, Его самостоятельное участіе въ твореніи, жизнь и свѣтъ,—тѣмъ самымъ совершенно ясно и положительно изображаетъ божественную природу втораго Лица св. Троицы.

Послѣ этого возвышеннаго изображенія божественной природы втораго Лица, понастоящему, нѣтъ надобности останавливаться на другихъ доказательствахъ. Всѣ другія доказательства, встрѣчаемыя какъ у евангелистовъ, такъ и у апостоловъ, представляютъ только тѣ отдѣльныя черты, въ которыхъ изображаются свойства Его божественнаго естества. Такъ, въ нихъ изображаются Его божеская премудрость, всевѣдѣніе, всемогущество,

предвѣчность и др. Всѣ эти мѣста болѣе или менѣе уже извѣстны; и если требуютъ здѣсь объясненія, то лишь въ отношеніи къ тѣмъ сомнѣніямъ, которыя проистекаютъ изъ произвольнаго толкованія этихъ мѣстъ или изъ односторонняго пониманія ихъ. Но и съ этихъ сторонъ останавливаться на нихъ теперь надобности нѣтъ: эти мѣста, безраздѣльно относясь и къ Сыну—второму Лицу Святой Троицы, и къ Сыну воплотившемуся, будутъ приняты нами во вниманіе тогда, когда будетъ говориться о Божествѣ Іисуса Христа, какъ Сына воплотившагося.

5. О промыслѣ Божіемъ.

Идея божественнаго промысла состоитъ въ томъ, что Богъ, обнимая міръ Своимъ промышленіемъ о немъ, не только сохраняетъ, но и направляетъ его къ извѣстнымъ цѣлямъ. Чтобы уяснить эту идею, нужно знать, что промыслительное дѣйствіе божественное—не физическое, а нравственное, не механическое, но свободное и разумное; свободное, потому, что Богъ не стѣсняется никакими внѣшними вліяніями со стороны міра; разумное—потому что преподлагаетъ цѣль; оно не есть дѣйствіе внѣшнее, но есть дѣйствіе внутреннее, которое раскрывается въ жизни существъ; не есть формальное, но духовное, которое даетъ духъ, силу и жизнь. Понятіе о промыслѣ соединяетъ понятіе объ умѣ, который даетъ разумную идею всему, о волѣ, которая стремится осуществить эту идею, и о силѣ, дѣйствительно осуществляющей эту идею. Но этимъ понятіемъ не исчерпывается еще вполнѣ идея промысла. Она получаетъ свою законченность въ христіанствѣ, которое придаетъ ей особый характеръ, указывая на безконечную любовь Промысла въ искупленіи, въ обновленіи человѣчества и возведеніи его къ высшимъ степенямъ совершенства. Дѣйствительность идеи божественнаго промысла доказать не трудно. Можно представить логическія основанія для этой идеи. Прежде всего нельзя не признать, что міръ, въ цѣломъ своемъ составѣ, долженъ выражать какую-либо идею: представить міръ безъ идеи—значитъ представить сборъ различныхъ явленій, не имѣющихъ никакого смысла. Трудно представить, чтобы и отдѣльное явленіе въ мірѣ лишено было идеи; тѣмъ болѣе нужно сказать это о цѣломъ мірѣ. Если міръ нельзя признать лишеннымъ идеи, то нужно признать и высшее существо, которое развиваетъ эту идею. Это тѣмъ неизбѣжнѣе, когда мы обратимъ вниманіе на часть міра,—человѣка. Представить себѣ человѣка безъ идеи, безъ цѣли, безъ назначенія, значитъ представить человѣчество скопи-

щемъ безцѣльныхъ существъ. Другое, что представляется при взглядѣ на міръ, есть единство въ цѣломъ мірозданіи. Разсматривая міръ, мы видимъ безконечное разнообразіе въ бытіи предметовъ, видимъ разнообразіе въ частномъ бытіи и вмѣстѣ съ тѣмъ единство плана и цѣли. Необходимо признать, что это единство произошло оттуда, откуда и бытіе міра, отъ высочайшаго Существа; необходимо предположить также причину, которая сохраняетъ это единство, словомъ—бытіе промысла. Далѣе, мы замѣчаемъ въ мірѣ различныя и постоянныя кажущіяся противорѣчія: великое и малое, крѣпкое и слабое, разумное и не разумное—все это смѣшивается въ мірѣ, сталкивается и борется; все это поражаетъ человѣка. Здравая логика не можетъ допустить, что въ основѣ этихъ противорѣчій должны лежать законы для соглашенія ихъ. Никакая наука противорѣчій не допускаетъ. Есть, стало быть, законы, которыми соглашаются эти противорѣчія; необходимо допустить источникъ, откуда происходятъ законы, соглашающіе эти противорѣчія; необходимо, чтобы, эти законы происходили отъ виновника бытія міра; слѣдовательно, необходимо бытіе Промысла. Эти логическія доказательства не нужно считать только формальными: они совершенно положительны и реальны, потому что, какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и физическомъ, есть своя логика. Простому взгляду трудно примѣтить эту логику, но при взглядѣ, болѣе углубленномъ, нельзя не замѣтить въ явленіяхъ міра физическаго общенія силъ и ихъ взаимодѣйствія. Пока человѣкъ не понималъ этой міровой логики, и управленіе міромъ казалось ему смутнымъ. Въ послѣднее время наука не только не можетъ отвергнуть идеи промысла, но волею или неволею доказываетъ ее. Открывая связь между явленіями міра, она не можетъ не допустить міроуправляющаго ума. Если въ мірѣ физическомъ есть своя логика, то тѣмъ болѣе она должна имѣть мѣсто въ мірѣ человѣческомъ. И здѣсь должны быть законы. Трудно, правда, постигать законы міра человѣческаго. Нельзя не признать, что человѣческій умъ еще мало созрѣлъ для того, чтобы постигать законы нравственнаго міра. Уже давно были попытки проникнуть въ эти законы. Въ католичествѣ эту попытку дѣлалъ Боссюэтъ, въ протестанствѣ—Мюллеръ и оба пришли къ противоположнымъ, одинаково произвольнымъ, выводамъ Боссюэтъ проводитъ идею искупленія чрезъ все человѣчество и приходитъ къ папству; Мюллеръ—къ реформаціи. Но нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ на основаніи однихъ крупныхъ выдающихся явленій приходить къ общимъ заключеніямъ, особенно въ мірѣ нравственномъ. Здѣсь все имѣетъ связь. Каждая отдѣльная личность имѣетъ значеніе и связь съ общимъ. Каждый человѣкъ имѣетъ свою долю значенія; оттого повидимому малыя обстоятельства ведутъ иногда къ широкимъ послѣдствіямъ. Довольно для примѣра указать, что исторія 30-ти лѣтней войны произошла вслѣдствіе ссоры двухъ женщинъ; причиною восточной войны полагается оскорбленіе святыхъ мѣстъ, но эта причина не первоначальная: первоначальная причина—ссора русскаго консула съ іерусалимскимъ пашей. Никакое ничтожное событіе въ человѣческомъ мірѣ не остается безъ послѣдствій. Если бы мы могли разложить исторію человѣчества, подобно химику, на ея составныя части, то увидѣли бы, что тутъ самыя мелкія явленія играютъ весьма важную роль и что между всѣми явленіями есть неразрывная связь. А если такъ, то долженъ же быть умъ, который управляетъ исторіею человѣчества, даетъ ей идею; должна быть воля, которая стремится осуществить эту идею; должна быть сила, дѣйствительно осуществляющая ее.

Мы сказали, что въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, есть связь между причинами и дѣйствіями; слѣдовательно, есть законы. Какіе это законы, этого опредѣлить во всѣхъ частностяхъ нельзя, потому что наблюденія надъ нравственнымъ міромъ слишкомъ еще отрывочны. Тѣмъ не менѣе, о законахъ нравственнаго міра можно дѣлать заключенія по аналогіи съ законами физическаго міра, такъ какъ между тѣмъ и другимъ міромъ есть связь. Задача законовъ физическихъ—развить въ себѣ то, что въ нихъ есть. Часть цѣлаго развивается здѣсь по такимъ же законамъ, какъ и цѣлое. Такъ мы видимъ, что зерно даетъ дерево, а это опять даетъ зерна, отъ которыхъ развиваются дерева. Такимъ образомъ, мы находимъ, что въ природѣ имѣетъ мѣсто постоянное развитіе и на этомъ основаніи заключаемъ, что общій законъ міра физическаго есть развитіе тѣхъ силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются. Подобно этому и законы нравственнаго міра обнаруживаются въ развитіи силъ и средствъ, которыя въ немъ заключаются; и здѣсь законъ развитія является основнымъ закономъ съ тѣмъ различіемъ, что въ первомъ случаѣ происходитъ дѣло механически, а во второмъ—сознательно. Слѣдовательно, назначеніе міра нравственнаго должно состоять въ томъ, чтобы онъ въ своихъ предѣлахъ развивалъ свою массу силъ и средствъ, въ немъ заключающихся.

Въ этомъ развитіи міра нравственнаго есть одно явленіе, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе: это борьба нравственныхъ силъ. Она проявляется въ разныхъ видахъ: то какъ борьба идей и мыслей, то какъ борьба разнородныхъ нравственныхъ стремленій, или борьба добра и зла. Что это за борьба? Какая ея цѣль? Допустимъ, что эта борьба неизбѣжна, потому что сознаніе въ

недѣлимыхъ не можетъ развиваться одинаково. Но оправдываетъ ли эта борьба идею Промысла? При наблюденіи поверхностномъ, борьбу зла съ добромъ трудно согласить съ идеею Промысла; однако, самый фактъ существованія этой борьбы доказываетъ, что есть Промыслъ, потому что при борьбѣ разнородныхъ стремленій нравственный міръ не могъ бы существовать, если бы не было промысла; но если этотъ міръ не уничтожился, то ясно, что есть сила, которая управляетъ этою борьбою. Правда, эта борьба иногда представляетъ странныя явленія, трудно согласимыя съ идеею промысла; но прежде всего нужно замѣтить, что эти явленія частныя, а отъ частнаго нельзя заключать къ общему. Намъ опять помогаетъ тутъ физическая природа, въ которой происходятъ иногда самыя безпорядочныя, повидимому, явленія, напр. бури, ураганы. Не смотря на эти безпорядки, природа физическая не гибнетъ; напротивъ, кажущіеся безпорядки способствуютъ развитію цѣлаго; и новѣйшая наука указываетъ законы этихъ явленій. Это помогаетъ намъ и въ разъясненіи безпорядковъ въ мірѣ нравственномъ, гдѣ часто борьба вырабатываетъ много добрыхъ явленій. По здравому разсужденію, должна быть цѣль этой борьбы; а если есть эта цѣль, то эта цѣль должна быть положительно добрая; а отсюда нужно допустить, что есть умъ, есть воля, которые управляютъ этою борьбою. То же нужно сказать и о понятіяхъ «счастія» и «несчастія», которыя составлены по нашимъ соображеніямъ. Какъ только извѣстное явленіе не подходитъ подъ наши личныя соображенія, мы называемъ его несчастіемъ, забывая, что мы составляемъ только часть цѣлаго, что, очень можетъ быть, наше повидимому несчастіе доставляетъ счастіе тысячѣ недѣлимыхъ. Нужно смотрѣть на несчастіе какъ на фактъ, имѣющій свой смыслъ въ цѣломъ, и на самыя страданія нужно смотрѣть подобно тому, какъ на безпорядки въ мірѣ физическомъ, т. е. какъ на явленія, соотвѣтствующія извѣстнымъ цѣлямъ. При такомъ взглядѣ, если не все зло, то значительная его часть окажется не зломъ, а неизбѣжностію въ цѣломъ, неизбѣжностью, впрочемъ, не въ гегеліанскомъ смыслѣ, не въ смыслѣ чего-то роковаго, а въ смыслѣ чего-то цѣлесообразно-логическаго, что отнюдь не исключаетъ свободы. Мы видимъ, что когда человѣкъ живетъ безъ борьбы, тогда онъ легко доходитъ до апатіи. Такъ бываетъ и въ обществѣ, такъ было и въ исторіи. Наблюдая надъ развитіемъ науки, мы видимъ, что научныя открытія добыты путемъ борьбы. Точно также и въ мірѣ нравственномъ лучшія нравственныя понятія вырабатывались путемъ борьбы за нравственные идеалы. Разсуждая такимъ образомъ, мы не можемъ не сдѣлать заключенія объ управленіи промысла въ мірѣ нравственномъ.

Управленіе это не только не унижаетъ человѣка, какъ говорятъ нѣкоторые, но больше возвышаетъ его. Если бы предоставить человѣка самому себѣ, то необходимо, чтобы онъ самъ развилъ планъ жизни, а для этого нужны бы были милліоны лѣтъ; жизнь тогда была бы самая незавидная; борьба тогда ничѣмъ инымъ не кончилась бы, какъ зломъ. Напротивъ, тутъ-то и возвышается человѣкъ, когда имъ управляетъ высочайшій умъ.

Чтобы выяснить сущность борьбы между добромъ и зломъ, нужно выяснить понятіе о добрѣ и злѣ, нужно выяснить, можно ли по понятію добра судить о злѣ, и наоборотъ. Что такое добро? Естественно, что понятіе о добрѣ нужно заимствовать изъ дѣйствительности; но такъ какъ область дѣйствительности велика и разнообразна, то намъ нужно заимствовать это понятіе изъ самой сущности бытія. Для разъясненія этого понятія мы находимъ указаніе въ божественномъ Откровеніи: *и видѣ Богъ, яко добро*—сказано въ св. Писаніи о явленіи свѣта. Здѣсь свѣтъ называется добромъ, потому что свѣтъ является первымъ движеніемъ жизни, что согласно и съ наукою, по которой міръ въ первоначальномъ видѣ былъ туманомъ. Такимъ образомъ свѣтъ въ этомъ отношеніи сообщаетъ намъ первоначальное понятіе о добрѣ. Точно также и въ дальнѣйшемъ твореніи міра Богъ употребляетъ названіе «добра», когда означается развитіе и совершенствованіе жизни. Такимъ образомъ то, что служитъ къ развитію и совершенствованію жизни, и есть добро; а зло есть то, что препятствуетъ этому развитію. Далѣе: мы замѣчаемъ, что жизнь міра существуетъ и развивается не иначе, какъ поглощеніемъ одной жизни другою; такъ, напр. въ камнѣ жизнь держится организованіемъ частей въ одно цѣлое, и слѣдовательно поглощеніемъ частей, которыя могли бы существовать отдѣльно. Если признать, что части гранита представляютъ не что иное, какъ окаменѣлыя инфузоріи, то это еще будетъ понятнѣе. Растеніе также живетъ поглощеніемъ другихъ жизней: оно поглощаетъ воду, воздухъ, свѣтъ и развивается только тогда, когда зародышъ сгніетъ. Животныя питаются не иначе, какъ растеніями и другими живыми существами. Въ человѣкѣ еще болѣе рѣзко обнаруживается подобное поглощеніе. Само собою разумѣется, что такое поглощеніе нельзя назвать иначе, какъ смертію; слѣдовательно, въ самой основѣ бытія лежитъ борьба между жизнію и смертію. Почему же міръ не устроенъ иначе? Это объясняется тѣмъ, что все въ мірѣ существуетъ взаимодѣйствіемъ, при которомъ неизбѣжны взаимныя столкновенія и уступки; если бы не было въ мірѣ взаимодѣйствія, то не было бы и жизни, и міръ не могъ бы существовать. При этомъ необходимо, чтобы низшее развитіе

служило опорою для высшаго, причемъ опять неизбѣженъ законъ поглощенія. Отсюда рождается вопросъ: есть ли зло? Разсуждая философски, нельзя допустить зла физическаго, потому что нельзя считать зломъ то, что составляетъ законъ. Возьмемъ какую-нибудь стихію природы, напр. огонь. Огонь составляетъ одну изъ необходимыхъ стихій, но онъ иногда производитъ разрушительныя дѣйствія. Можно ли назвать зломъ то, что огонь жжетъ? Можно ли также назвать зломъ то, что вода потопляетъ тяжести? Что же нужно назвать зломъ? Конечно, нельзя назвать добромъ разрушительнаго дѣйствія стихій. Но зло заключается только въ случайныхъ явленіяхъ, а не въ сущности стихій. Огонь не будетъ разрушителенъ, когда будетъ находиться въ должныхъ границахъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы приходимъ къ мысли, что зло, какъ случайное явленіе, не такъ ужасно, какъ если бы оно было постоянно. Но все-таки остается вопросъ: откуда же зло? Изъ тѣхъ соображеній, которыя мы изложили, вытекаетъ, что тутъ должна быть причина не физическая, а нравственная, потому что мы видѣли, что стихіи не производили бы зла, если бы поставлены были въ должныхъ границахъ. Міръ нравственный заключается въ человѣчествѣ, слѣдовательно, тутъ и нужно искать разгадки борьбы, которая составляетъ зло. При этомъ является вопросъ: есть ли въ человѣкѣ зло? Философы приходили къ мысли, что зло заключается въ ограниченности. Но странно ограниченность называть зломъ; это скорѣе недостатокъ. Въ этомъ случаѣ мы, минуя физическую сторону человѣка, обратимся къ нравственной. При первомъ взглядѣ на человѣка, мы не видимъ въ немъ того механизма, который замѣчается въ прочихъ существахъ. Самое первое проявленіе жизни человѣка показываетъ, что онъ является, если не господиномъ, то съ задатками господства. Съ развитіемъ въ немъ замѣчается сила разумнаго сознанія. Въ силу этого сознанія человѣку слѣдовало бы постоянно нравственно совершенствоваться; но мы находимъ наибольшую борьбу нравственныхъ силъ тамъ, гдѣ онѣ широко развиты. Это можетъ быть объяснено тѣмъ, что здоровыя силы требуютъ большаго развитія, а при этомъ необходима борьба. Но замѣчательно то, что тутъ происходитъ разладъ. Этотъ разладъ продолжается всю жизнь человѣка, и нельзя указать момента, когда бы онъ прекращался. Борьба въ нравственномъ мірѣ представляетъ явленіе объяснимое. Но то, что эта борьба производитъ дисгармонію,— это составляетъ загадку, которую одинъ отецъ Церкви назвалъ непостижимымъ таинствомъ жизни. Приписывать это зло физическимъ силамъ—несправедливо; причины его слѣдуетъ искать въ свободѣ. Какимъ же образомъ свобода служитъ причиною зла,

т. е. препятствіемъ къ развитію? Предполагать тутъ въ человѣкѣ намѣренный выборъ зла—странно. Такимъ образомъ, какъ ни разсматривать явленіе зла въ человѣкѣ, все-таки нельзя подойти къ нему иначе, какъ чрезъ разсмотрѣніе первоначальнаго состоянія человѣка. Откуда мы можемъ знать о первоначальномъ состояніи человѣка? Внѣ Божественнаго источника мы ничего объ этомъ не можемъ знать. Новѣйшая наука допускаетъ происхожденіе человѣка путемъ естественнаго развитія, но и она этотъ вопросъ считаетъ нерѣшеннымъ. Но вотъ нить, которая даетъ средство разрѣшить недоумѣніе. Мы сказали, что силы физическія можетъ держать въ должномъ порядкѣ только умъ. Отсюда ясно, что причина зла заключается въ самомъ человѣкѣ, когда онъ не умѣетъ пользоваться силою, или когда даетъ ей превратное направленіе; а это оттого, что человѣкъ имѣетъ не только связь съ міромъ физическимъ, но имѣетъ и вліяніе на него. При этомъ вліяніи возникаютъ разнохарактерныя явленія съ той и другой стороны—со стороны міра и человѣка: стоитъ только человѣку не такъ приложить сознательныя силы къ міру физическому, стоитъ только міру физическому не такъ подойти къ дѣйствію человѣка, какъ является борьба. Что за причина, которая располагаетъ человѣка къ подобному дѣйствію? Въ этомъ не всегда человѣкъ виновенъ: часто это происходитъ отъ физическихъ причинъ, заключающихся въ самомъ человѣкѣ или въ его ограниченности. Ребенокъ, который знаетъ, что огонь жжетъ, но не знаетъ его разрушительной силы, можетъ своимъ дѣйствіемъ произвести пожаръ. Зло здѣсь въ явленіи, потому что по существу дѣла нельзя обвинить огонь въ томъ, что онъ жжетъ, нельзя обвинять и ребенка. Но какъ скоро ребенокъ становится причиною зла, вслѣдствіе неразвитія, то причиною ограждающею отъ зла должно быть высшее духовное развитіе, и здѣсь такимъ образомъ дѣйствительную причину зла нужно искать въ нравственной сторонѣ человѣка, которая подлежитъ особымъ законамъ, и если бы мы могли такъ же анализироровать нравственный міръ, какъ міръ физическій, то мы могли бы указать эти законы.

Мы видимъ, что вліяніе человѣка на міръ физическій не рѣдко сопровождается зломъ. Такъ, земля назначена для того, чтобы служить человѣку на пользу, но она иногда производитъ голодъ. Здѣсь человѣкъ виноватъ иногда тѣмъ, что худо ее обрабатывалъ. Животныя дѣлаются врагами человѣка часто потому, что человѣкъ самъ ихъ раздражаетъ. Какія же причины побуждаютъ человѣка вліять такъ на міръ? Онъ дѣлается врагомъ міра физическаго, и въ свою очередь самъ дѣлается врагомъ себѣ. Разсматривая жизнь человѣка, мы видимъ, что вся она есть не

что иное, какъ борьба. Нельзя указать эпохи въ жизни человѣка, когда бы онъ наслаждался миромъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Изъ законовъ міра физическаго видно, что борьба происходитъ вслѣдствіе нарушенія равновѣсія силъ. Мы видимъ, что преобладаніе одной силы надъ другими и въ человѣкѣ производитъ борьбу. Этотъ перевѣсъ въ крайнемъ своемъ развитіи обращается въ то, что называется страстью. Отчего происходитъ въ человѣкѣ такое нарушеніе силъ и можетъ ли человѣкъ предупреждать это нарушеніе? Мы часто видимъ, что человѣкъ не можетъ владѣть собою. Это явленіе нельзя назвать иначе, какъ болѣзнію. Откуда же эта болѣзнь? Если мы будемъ разсматривать человѣка въ настоящемъ его состояніи, то причины не найдемъ, потому что тутъ видимъ только послѣдствія; если мы обратимся къ предъидущимъ временамъ, то и тамъ увидимъ то же самое; остается искать причины этой ненормальности въ началѣ бытія человѣка, или во мнѣ или внутри его, но такъ какъ внѣшнія причины не могли и въ началѣ имѣть на него такого вліянія, которымъ объяснялось бы происхожденіе зла, то, значитъ, причины эти нравственныя, заключающіяся въ самомъ человѣкѣ. Такимъ образомъ мы путемъ анализа доходимъ до истинной причины происхожденія зла,—открытой въ божественномъ Откровеніи. Намъ остается теперь эти данныя приложить къ идеѣ божественнаго Промысла. Если есть зло и оно—въ человѣкѣ, то есть ли Промыслъ? При рѣшеніи этого вопроса довольно ограничиться самою простою истиною: когда есть разстройство, есть безпорядки и эти безпорядки не сопровождаются разрушеніемъ, то необходимо допустить силу, которая бы сдерживала эту борьбу. Причина этой борьбы, заключающаяся въ человѣкѣ, еще болѣе доказываетъ бытіе Промысла. Если и человѣкъ, высшее твореніе, страдаетъ, то необходимо допустить Существо самодовольное, гармоничное. Съ другой стороны, странно предположить, чтобы человѣкъ брошенъ былъ на волю судьбы, тѣмъ болѣе странно, что тутъ борются силы не физическія, а духовныя, хотя и ограниченныя. Есть, стало быть, высшая Основа, на которой держится разумная, ограниченная сила. То, что мы называемъ смертію, само по себѣ есть чисто физическое явленіе; въ человѣкѣ смерть есть перемѣна формы бытія. Но эта смерть, уничтожающая, повидимому, физическое бытіе, не только не опровергаетъ безсмертія, но болѣе его доказываетъ: если бытіе физическое разлагается, то духовная жизнь должна существовать вѣчно. Если необходимо допустить такое безконечное бытіе, то необходимо допустить и высшую нравственную Силу, которая царствуетъ въ безконечномъ царствѣ.

6. О лицѣ Іисуса Христа.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ личность во всякомъ дѣлѣ. Въ мірѣ нравственномъ она кладетъ свою печать на всѣ дѣйствія человѣка. И всегда, во всякомъ дѣлѣ—вѣрнѣе заключать отъ личности къ дѣлу, чѣмъ наоборотъ (часто бываетъ, что лицо великое и уважаемое случайно можетъ выпустить дѣло изъ рукъ). Поэтому и намъ, для полнаго пониманія христіанскихъ истинъ—догматическихъ и нравственныхъ нѣтъ лучшаго средства, какъ изучить ту Личность, которая основала это ученіе. Эту Личность, Личность Христа мы и прослѣдимъ во всѣхъ проявленіяхъ Ея жизни. Тогда и ученіе будетъ понятнѣе для насъ. Изученіе божественной Личности ведетъ къ тому, что свѣтъ отъ нея больше и обильнѣе будетъ падать на Ея ученіе, и мы тогда лучше поймемъ то громадное значеніе, которымъ міръ обязанъ Ей.

Въ послѣднее время много было попытокъ,—богословскихъ и историческихъ,—съ цѣлію выяснить Личность Спасителя. Но въ этихъ попыткахъ можно замѣтить два основныхъ недостатка: во-первыхъ, недовѣріе къ первичнымъ источникамъ, въ которыхъ описывается жизнь Іисуса Христа. Конечно, эти источники могутъ подлежать изслѣдованію и съ ученою цѣлію можно подвергать ихъ критикѣ; но ученая справедливость и здравая логика говорятъ, что пока не изслѣдованы источники, не нужно писать и жизни Христа. Второй недостатокъ тотъ, что, и съ довѣріемъ относясь къ источникамъ, заранѣе составляютъ для себя масштабъ, съ которымъ приступаютъ къ измѣренію этой Личности. Размѣръ этого масштаба, очевидно, опредѣляется тою точкою зрѣнія, которую избираетъ испытующій умъ, значитъ, опредѣляется «подлежательно» (субъективно). Въ этомъ случаѣ гораздо уже лучше приготовлять мѣру для опредѣленія личности болѣе широкую, нежели узкую. Узкая рамка сдавитъ ее и она со многихъ сторонъ не будетъ понятна, тогда какъ въ широкой рамкѣ личность лучше обозначится, и если личность высока, широкая мѣрка не скроетъ ея высоты. И это естественно: если нужно бываетъ испытать степень ума человѣка, нужно давать ему для испытанія трудъ большой, тяжелый,—умъ слабый прямо покажетъ на немъ свою несостоятельность, а умъ высокій—свою силу; къ малому же труду высокій умъ отнесется не серьезно. Такимъ образомъ и тѣ господа, которые пытались по Евангеліямъ писать жизнь Спасителя, не могли, при своей узкой рамкѣ, изобразить во всемъ свѣтѣ лучезарную Личность Спасителя. Ренанъ въ тѣс-

ныя рамки заключилъ жизнь Спасителя, вслѣдствіе чего его книга («Жизнь Іисуса») оказалась слабой и пустой.

Что касается до принятаго у насъ метода отдѣльнаго изученія догматическаго ученія христіанства, то этотъ методъ, независимо отъ другихъ недостатковъ, страдаетъ еще тѣмъ кореннымъ неудобствомъ, что здѣсь мы изучаемъ ученіе Христа въ разъединеніи съ Его личностію. Правда, Церковь ручается намъ за неповрежденность ученія Христа, но за то при такомъ методѣ мы не видимъ живаго образа Спасителя. Поэтому изученіе становится скучнымъ; изучающему представляются недоумѣнія и сомнѣнія, и неудивительно, если, вмѣсто убѣжденія въ божественности христіанскаго ученія, онъ впадаетъ въ колеблемость относительно его. Чтобы устранить эти недостатки, мы будемъ изучать ученіе христіанское въ связи съ ученіемъ о Личности Христа, и тогда наши чтенія получатъ внутреннюю силу.

I.

Эрнестъ Ренанъ, авторъ сочиненія «Жизнь Іисуса», получившаго незаслуженную и незавидную извѣстность, въ заключеніи введенія къ своей книгѣ говоритъ: «Чтобы представить исторію религіи, нужно, во первыхъ, испытать на себѣ самомъ состояніе вѣрованія въ нее (иначе нельзя понять, чѣмъ она могла плѣнять, чѣмъ удовлетворяла человѣческое сознаніе); во вторыхъ, нужно выйдти изъ безусловнаго въ нее вѣрованія, потому что такая вѣра не совмѣстима съ безпристрастіемъ историка. Но любовь возможна и безъ вѣры. Не связывая себя ни одною изъ формъ обожанія людей, тѣмъ не менѣе можно питать самое живое сочувствіе къ тому, что есть въ нихъ истинно добраго и прекраснаго. Никакое преходящее явленіе не исчерпываетъ божества; Богъ проявлялъ себя и прежде Іисуса, Богъ будетъ проявлять себя и послѣ него. Ни съ чѣмъ несравнимыя откровенія божества, въ глубинѣ человѣческаго самосознанія, носятъ всѣ одну печать, хотя въ высшей степени не равны между собою: чѣмъ выше, чѣмъ самороднѣе эти откровенія, тѣмъ они божественнѣе. Іисусъ не могъ принадлежать исключительно только тѣмъ, которые называли себя Его учениками. Онъ составляетъ достояніе и честь всякаго, въ комъ бьется человѣческое сердце. Исключить Его изъ исторіи, поставить Его выше и внѣ исторіи—не значитъ еще Его прославить. Гораздо полнѣе и вѣрнѣе мы почтимъ Его, когда покажемъ, что безъ него не понятна вся исторія».

Такимъ образомъ, Ренанъ отказывается вѣрить въ Іисуса Христа, какъ лицо въ собственномъ смыслѣ божественное, хотя

не отказывается любить Его, какъ явленіе въ высшей степени доброе и прекрасное; не отказывается признать въ Немъ откровеніе Божества, сокрытаго въ глубинѣ человѣческаго самосознанія. На этомъ онъ и останавливается. Но еслибы онъ обратилъ побольше вниманія на эту глубину человѣческаго самосознанія, то его исторія жизни Іисуса вышла бы иною. Мы и начнемъ съ того, на чемъ остановился Ренанъ, т. е. съ анализа человѣческаго самосознанія.

Что такое самосознаніе? Это не простое сознаніе бытія, не одно чувство индивидуальности, какое замѣчается и у животныхъ, не одно отличіе своего я отъ всего, что не я. Подъ самосознаніемъ нужно разумѣть ту глубину человѣческаго существа, въ которой человѣкъ сознаетъ себя существомъ разумнымъ, свободнымъ, нравственнымъ, откуда выходятъ и развиваются внутреннія существенныя потребности человѣка, гдѣ онъ сознаетъ себя не какъ отдѣльное бытіе, но какъ часть цѣлаго, какъ часть общей жизни, въ которую онъ вноситъ съ своей стороны свою долю жизни, гдѣ онъ сознаетъ себя не какъ временное существо, но какъ существо съ высшими отношеніями, простирающимися далѣе видимаго и чувственнаго міра. Это сознаніе закрыто въ человѣкѣ, такъ сказать, нѣсколькими слоями жизни. Здѣсь есть слой внѣшней, физической жизни, слой жизни духовной, но не коренной. Подъ этими слоями нужно отыскивать самый глубочайшій корень жизни духовной, который составляетъ основаніе и источникъ нравственныхъ явленій, и этотъ корень заключается въ самосознаніи. Чѣмъ самосознаніе живѣе, сильнѣе, яснѣе, полнѣе и совершеннѣе, тѣмъ лучше, выше и совершеннѣе нравственная жизнь. Но для своего раскрытія самосознаніе требуетъ всесторонняго развитія духовныхъ силъ. Даже и при этомъ условіи оно имѣетъ разныя степени. На первой степени развитія самосознаніе говоритъ человѣку, что онъ такое, раскрываетъ связь его съ другими существами и съ цѣлымъ міромъ. Далѣе оно простирается выше видимаго міра,—туда, гдѣ скрываются его законы. На высшей степени оно открываетъ завѣсу будущаго. Теперь вопросъ въ томъ, можетъ ли человѣкъ достигнуть всѣхъ этихъ степеней сознанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія. До Іисуса Христа сознаніе человѣчества было смутно; оно мало давало отвѣтовъ человѣку на тѣ вопросы, которые волновали его. Не смотря на всѣ усилія человѣчества раскрыть въ себѣ самосознаніе, оно не могло раскрыться вполнѣ. Къ концу древней исторіи, предъ пришествіемъ Іисуса Христа, мы замѣчаемъ поразительное затемнѣніе человѣческаго сознанія. Даже лучшій народъ древности народъ еврейскій дошелъ до такой

степени затемнѣнія, что не сознавалъ даже своего частнаго назначенія. Въ это время явились два необычайныхъ лица. Человѣчество не вдругъ могло разгадать ихъ, хотя чувствовало потребность въ нравственной помощи, потому что сознавало свое болѣзненное положеніе и ожидало врача. Первымъ изъ этихъ лицъ былъ Іоаннъ Крститель. Строгость его жизни, его нравственное величіе подали поводъ народу іудейскому думать, не онъ ли Мессія? Іоаннъ сознавалъ себя и человѣчество такъ хорошо, что тотчасъ же отвѣчалъ на это отрицательно. Въ этомъ отвѣтѣ сказывается особенное величіе Іоанна. Изъ него видно, что Іоаннъ понималъ состояніе тогдашняго человѣчества и сознавалъ, что было нужно для его уврачеванія. Здѣсь недостаточно было одной строгости жизни, недостаточно упрековъ и обличеній, которыми гремѣлъ Крститель противъ современныхъ пороковъ и заблужденій. Онъ былъ очень строгъ; уважаемыхъ еврейскихъ учителей называлъ порожденіемъ ехидны, угрожалъ народу грядущимъ гнѣвомъ Божіимъ, возставалъ противъ національной гордости евреевъ, говоря, что Богъ можетъ и изъ камня воздвигнуть чадъ Аврааму (Мато. III, 7—13). Все это было справедливо, но все это не могло исцѣлить ранъ больного человѣчества. Для этого нужно было лицо, которое не только сознавало бы всѣ нужды человѣчества, но и могло бы удовлетворить этимъ нуждамъ и имѣло бы въ себѣ высшую степень самосознанія. И вотъ, дѣйствительно, является это необыкновенное лицо, которое производитъ необычайный переворотъ въ нравственномъ мірѣ и принадлежитъ не только прошедшему, но и настоящему, и будущему. Чтобы понять это лицо, нужно знать, какъ оно смотрѣло само на себя; сознавало ли оно всѣ нужды человѣчества, носило ли въ себѣ средства къ его врачеванію, имѣло ли тѣ свойства, какія нужны для совершенія столь великаго дѣла? Если оно сознавало все это и могло все это выполнить, то нѣтъ сомнѣнія, что это лицо, вышечеловѣческое,—лицо истинно-божественное. Мы не будемъ по порядку Евангелія слѣдить за всею жизнію Спасителя, а разсмотримъ только тѣ черты, въ которыхъ по преимуществу проявляется характеръ Его божественной личности.

Человѣчество до времени пришествія Іисуса Христа, какъ уже сказано, находилось въ болѣзненномъ состояніи въ нравственномъ отношеніи. Оно сознавало свое болѣзненное состояніе, но сознавало темно, потому что не знало источника своей болѣзни, не знало, тѣмъ болѣе, средствъ къ ея исцѣленію.

И, прежде всего, древній человѣкъ не сознавалъ истины. Правда, онъ стремился къ истинѣ, но не находилъ ея, потому что не зналъ, гдѣ искать ее. Не сознавая вполнѣ самого себя, онъ мало постигалъ и окружающій его міръ. Не то это значитъ, чтобы онъ не имѣлъ познаній физическихъ, онтологическихъ, психическихъ и т. п., а то, что онъ не постигалъ идеала истины. Вопросъ Пилата: «что такое истина?» былъ въ извѣстномъ отношеніи вопросомъ всего человѣчества. Ему не доставало полнаго обладанія истиною. Лицо, которое должно было произвести благопріятный переворотъ въ человѣчествѣ, должно было вполнѣ сознавать истину, понимать всѣ нравственныя нужды человѣчества и знать средства къ ихъ удовлетворенію; другими словами: должно быть основателемъ истинной вселенской религіи, образцомъ высочайшаго (идеальнаго) нравственнаго совершенства и Спасителемъ человѣчества.

Религіи принадлежитъ первое мѣсто между нравственными явленіями. Она находится въ тѣснѣйшей связи съ самосознаніемъ: въ немъ она имѣетъ свое бытіе и опредѣленіе. Религія, дѣйствуя на сознаніе, получаетъ достоинство свое отъ степени и качества этого дѣйствія, смотря по тому, удовлетворяетъ ли она существеннымъ потребностямъ сознанія, проясняетъ ли, усиливаетъ ли его, возбуждаетъ ли его къ болѣе широкой, живой и совершенной дѣятельности, и разрѣшаетъ ли его вопросы,—или нѣтъ? Если—да, то въ какой степени и полнотѣ? Насколько религія удовлетворяетъ сознаніе, настолько она и истинна; религія удовлетворяющая сознаніе только въ нѣкоторой степени, и истинна только въ этой степени—не болѣе и не далѣе; и сохраняетъ она свое значеніе за собою только до тѣхъ поръ, пока сознаніе, по своей неразвитости, не требуетъ и не принимаетъ иного и большаго; но эта религія перестаетъ быть удовлетворительною и казаться истинною при бо́льшемъ развитіи человѣческаго или народнаго сознанія. Такова была, приноровленная ко времени и народу, ветхозавѣтная религія. Въ свое время, по духу и по характеру своего времени, по степени и качеству развитія сознанія древняго человѣчества, она была религіею лучшею, вполнѣ достаточною и относительно совершенною. Но когда сознаніе человѣчества развилось настолько, что высшія отношенія человѣка перестали считаться преимущественнымъ и исключительнымъ достояніемъ одного народа,—она должна была потерять свое прежнее обязательное и удовлетворительное значеніе.—Сила и необыкновенные успѣхи мусульманской религіи объясняются только соотвѣтствіемъ ея духу и характеру (чувственному и воинственному) тѣхъ племенъ, между которыми она была проповѣдана. Но она не удовлетворяетъ высшимъ существеннымъ требованіямъ сознанія; поэтому, съ перенесеніемъ на другую почву, она теряетъ всякое значеніе, становится рѣшительно негодною и недостойною.

Лицо, основывающее религію вселенскую, должно было удовлетворить общечеловѣческому сознанію, должно т. е. не только сознать само себя призваннымъ на это дѣло, но и отразить въ себѣ всѣ проявленія и требованія общечеловѣческаго сознанія, должно дать этому сознанію пищу для дѣятельности, силу для развитія, должно тверже, полнѣе и существеннѣе связать его съ міромъ высшимъ и открыть человѣку его будущее. Удовлетворилъ ли Іисусъ Христосъ этимъ требованіямъ? Если удовлетворилъ, то религія Его истинна. Но здѣсь самъ собою рождается вопросъ: возможно ли сдѣлать это человѣку? возможно ли для него удовлетворить всеобщему человѣческому сознанію? можетъ ли въ одномъ лицѣ человѣка отразиться сознаніе всего человѣчества, со всѣми его высшими стремленіями и глубочайшими потребностями? Конечно нѣтъ! Если Іисусъ Христосъ вполнѣ и въ совершенствѣ удовлетворилъ условіямъ, требуемымъ отъ основателя вселенской религіи относительно общечеловѣческаго сознанія, то въ этомъ также заключается доказательство Его вышечеловѣческаго, истинно-божественнаго достоинства.

Что касается до личныхъ свойствъ и характера Спасителя, то Его личность не можетъ быть понята отдѣльно отъ Его религіи, потому что Онъ всѣмъ своимъ существомъ погруженъ былъ въ свою религію. Онъ не былъ не только политическимъ, но и общественнымъ дѣятелемъ въ гражданскомъ смыслѣ этого слова. Вся Его жизнь отъ начала до конца занята была дѣломъ религіи, такъ что отдѣлять Его личность отъ религіи нѣтъ никакой возможности, и судить о Его личности можно только не иначе, какъ въ связи съ Его религіею. Поэтому точка зрѣнія Ренана, что можно судить о лицѣ Іисуса Христа отдѣльно отъ Его религіи, не правильна, точно такъ же, какъ неправильно и мнѣніе его, что можно любить и уважать Іисуса Христа, какъ человѣка, и не видѣть въ Немъ ничего большаго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли любить и почитать лицо Іисуса Христа, не признавая Его религіи? Если лицо Его достолюбезно и божественно въ нравственномъ смыслѣ, какъ признаетъ это и Ренанъ, то послѣ изученія Его съ этой стороны остается вопросъ: обязательна ли для насъ Его религія? Если обязательна, то Онъ лицо божественное; если нѣтъ, то въ чемъ же значеніе Христа, безъ Котораго, какъ самъ же Ренанъ говоритъ, не можетъ быть понятна вся исторія человѣчества. Почему человѣческое сознаніе усвоило Его религію до такой степени, что сдѣлало ее обязательною для себя? Такимъ образомъ о личности Іисуса Христа мы будемъ судить въ связи съ Его религіею и обратимъ вниманіе на тѣ факты Его жизни, которые особенно характеризуютъ Его божественную личность.

Вотъ что говорится въ Евангеліи о дѣтскомъ возрастѣ Спасителя:

«Младенецъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ. Каждый годъ родители Его ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. И когда Онъ былъ двѣнадцати лѣтъ, пришли они также по обычаю въ Іерусалимъ на праздникъ. Когда же, по окончаніи дней праздника, возвращались, остался отрокъ Іисусъ въ Іерусалимѣ; и не замѣтили того Іосифъ и Матерь Его; но думали, что Онъ идетъ съ другими. Прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми. И не нашедши Его, возвратились въ Іерусалимъ, ища Его. Чрезъ три дня нашли Его во храмѣ, сидящаго посреди учителей, слушающаго ихъ и спрашивающаго ихъ. Всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его. И увидѣвъ Его, удивились, и Матерь Его сказала Ему: чадо! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я съ великою скорбію искали Тебя. Онъ сказалъ имъ: зачѣмъ было искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему? Но они не поняли сказанныхъ Имъ словъ» (Лук. II. 40—50).

Двѣнадцатилѣтній возрастъ не таковъ, чтобы въ немъ можно было ожидать полнаго развитія сознанія. Въ этомъ возрастѣ въ обыкновенныхъ людяхъ только отчасти обрисовывается характеръ; въ людяхъ геніальныхъ иногда обнаруживаются проблески способностей, которыя указываютъ на ихъ будущую геніальность. Многое тутъ зависитъ также отъ воспитанія. Но извѣстно, что Іисусъ Христосъ, какъ по бѣдности своихъ родителей, такъ и по духу времени, не могъ получить особеннаго образованія. Въ томъ, что Іисусъ Христосъ, будучи 12-лѣтнимъ отрокомъ появляется въ синагогу, слушаетъ толкованіе ученыхъ, мало этого,—даетъ имъ вопросы, приводитъ въ удивленіе присутствующихъ, хотя много поразительнаго, но еще не заключается чего-либо вышечеловѣческаго, потому что у людей геніальныхъ, особенно расположенныхъ къ какому-нибудь предмету, какъ мы замѣтили уже въ этомъ возрастѣ иногда обнаруживаются признаки геніальности. Но нельзя не признать вышечеловѣческаго въ томъ отвѣтѣ, который двѣнадцатилѣтній отрокъ Іисусъ далъ своимъ родителямъ. Ренанъ съ своей предзанятой точки зрѣнія видитъ въ этомъ отвѣтѣ не больше, какъ только выраженіе холодности и равнодушія Іисуса Христа къ Своимъ родителямъ. Но противъ этого произвольнаго толкованія достаточно замѣтить, что родители Іисуса Христа не поняли словъ Его въ такомъ смыслѣ. Они, напротивъ, вовсе не поняли словъ Его, какъ замѣчаетъ Евангелистъ. Вообще, не видно никакихъ причинъ холоднаго отношенія Іисуса

Христа къ родителямъ, и въ Его отвѣтѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобное расположеніе Его къ отцу и матери. Евангеліе ясно говоритъ, что Іисусъ былъ послушенъ родителямъ. Откуда же у двѣнадцатилѣтняго отрока могла родиться мысль, что Онъ не долженъ жить постоянно съ родителями,—не потому, что Онъ ихъ недостаточно любитъ, а потому, что Ему нужно дѣлать дѣло, высшее и важнѣйшее,—дѣло, которое принадлежитъ Отцу Небесному? Почему двѣнадцатилѣтній отрокъ Іисусъ назвалъ Бога Отцомъ Своимъ, какъ бы выдѣляя Себя изъ среды всего еврейскаго народа, у котораго Богъ назывался Отцомъ только по отношенію къ цѣлому народу? Какой былъ поводъ къ этому? Ясно, что Іисусъ Христосъ въ глубинѣ своей души сознавалъ свои особенныя отношенія къ Богу, преимущественныя, исключительныя, непосредственныя. Отвѣтъ, данный Іисусомъ Христомъ въ синагогѣ родителямъ: «*не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоитъ быти Ми*», особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ Іисусъ Христосъ въ первый разъ проявилъ сознаніе о Себѣ, о своей личности, какъ объ основателѣ новой религіи, и поставилъ Себя въ непосредственное отношеніе къ Богу. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ называется Отцомъ, то не по отношенію къ одному какому бы-то ни было лицу, а по отношенію ко всему еврейскому народу. Между тѣмъ Іисусъ Христосъ называетъ Бога Своимъ Отцомъ: «въ тѣхъ, яже Отца *Моего*». Въ своемъ отвѣтѣ родителямъ Іисусъ Христосъ выразилъ какъ свое призваніе, такъ и Свое личное отношеніе къ Богу-Отцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что Онъ Самъ лицо Божественное. Въ отвѣтѣ Іисуса Христа нельзя видѣть только той мысли, что Онъ предпочитаетъ дѣла Божіи, дѣла религіозныя—житейскимъ. По этому одному Онъ не могъ бы назвать Себя *Сыномъ Божіимъ*. Притомъ не въ одной лишь синагогѣ Онъ могъ заниматься дѣломъ Божіимъ, и потому отвѣтъ Его, если бы въ немъ подразумѣвался только означенный смыслъ, былъ бы не кстати. Нельзя не признать, что въ отвѣтѣ Іисуса Христа выражается Его взглядъ и на семейныя отношенія—только это не «попраніе узъ крови», какъ произвольно думаетъ Ренанъ, а нѣчто особенное, необыкновенное и гораздо болѣе глубокое. Извѣстно, что семейная жизнь въ еврейскомъ народѣ возводилась на степень почти обязательной для всѣхъ формы жизни; многочадіе считалось у евреевъ знакомъ особеннаго благословенія Божія, безчадіе—несчастіемъ и наказаніемъ Божіимъ. Такое понятіе о чадородіи и безчадіи безспорно освящало и укрѣпляло жизнь семейную, сообщало ей патріархальный характеръ и давало хорошее направленіе общественной жизни еврейскаго народа. Но оно стѣсняло высшее развитіе духовной жизни человѣка, ограничивало его взглядъ на самого себя, какъ на самостоятельную личность, не давало простора высшимъ духовнымъ стремленіямъ. Христіанская религія имѣетъ цѣлію дать свободу духовной жизни человѣка; поэтому Спаситель, при самомъ началѣ основанія Своей религіи, нашелъ нужнымъ приготовить людей къ этой жизни и прежде всего ввести начала ея въ семейную жизнь. Съ этой стороны въ отвѣтѣ Спасителя мы находимъ тотъ глубокій смыслъ, что семейная жизнь, какъ ни высока и ни почтенна, не есть, однакоже, вѣнецъ бытія человѣческаго и не должна стѣснять высшихъ духовныхъ стремленій. Что такое толкованіе отвѣта Іисуса Христа не произвольное, это видно изъ сопоставленія этого отвѣта съ другими позднѣйшими отвѣтами Спасителя. Извѣстно, что когда Онъ, окруженный книжниками и фарисеями, услышалъ, что Его ждутъ мать и братья внѣ дома,—Онъ отвѣчалъ: «*кто есть мати Моя, и кто суть братія Моя?... Иже аще сотворитъ волю Отца Моего, Иже на небесѣхъ есть, той братъ Мой, и сестра и мати Ми есть* (Матѳ. XII, 48—49). Въ другой разъ, когда «*воздвигши нѣкая жена гласъ отъ народа, рече Ему: блаженно чрево носившее Тя*» и пр., Спаситель отвѣчалъ: «*тѣмъ же убо блажени слышащіи слово Божіе и хранящіи е...*» (Лук. XI, 27—28). Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ проявилъ вышечеловѣческій, Божественный характеръ уже въ отроческомъ возрастѣ, обнаруживъ сознаніе о Своемъ собственномъ необычайномъ призваніи и вмѣстѣ внѣдривъ въ сознаніе человѣчества мысль о высшемъ назначеніи человѣка, выходящемъ изъ круга отношеній одной семейной жизни.—Больше свѣдѣній объ Его дѣтствѣ мы не находимъ у Евангелистовъ.

II.

Когда Іисусъ Христосъ готовился выступить на поприще общественнаго служенія, въ то же время готовился Его встрѣтить Іоаннъ Крестителъ. Онъ родился при особенныхъ предзнаменованіяхъ, вдохновившихъ его отца, который предсказалъ ему особенную, при великомъ лицѣ, дѣятельность. Съ характеромъ пылкимъ, но и твердымъ, Іоаннъ скоро полюбилъ пустыню. Ко времени явленія Спасителя онъ является на Іорданѣ съ проповѣдію царствія Божія и призываетъ всѣхъ ко крещенію. Крещеніе возникло изъ обычая омовенія, бывшаго у восточныхъ народовъ; у евреевъ оно получило религіозный характеръ; секта ессеевъ расширила его употребленіе; оно сдѣлалось необходимымъ обрядомъ при вступленіи новыхъ членовъ въ это общество. Крещеніе у Іоанна получило новый, болѣе глубокій смыслъ: это было кре-

щеніе покаянія и предуготовленія царствія Божія (Мато. III, 2). Оно было соединено съ проповѣдью, въ которой выразился характеръ Іоанна. Разстройство общественной жизни, особенно крайнее разстройство нравственно-религіозной жизни еврейскаго народа давало ему обильное содержаніе для проповѣди. Суровый и строгій характеръ Іоанна, прямой взглядъ на жизнь дали оттѣнокъ суровой строгости, обличительности его проповѣди. Извѣстно, что Илія за строгость жизни, любовь къ пустынѣ, за подвижничество пользовался всеобщимъ уваженіемъ еврейскаго народа; извѣстно также, что между еврейскимъ народомъ было распространено мнѣніе, что Илія, взятый живымъ на небо, предъ явленіемъ Мессіи, снова придетъ съ неба на землю. Поэтому Іоанна Крестителя многіе принимали за Илію, ибо онъ имѣлъ всѣ качества Иліи: велъ суровую подвижническую жизнь, строго обличалъ народъ, наконецъ походилъ на Илію своими отношеніями къ духовнымъ и гражданскимъ властямъ. Несправедливо представлять Іоанна пожилымъ человѣкомъ, что еще болѣе усиливаетъ его суровость и дѣлаетъ его какъ бы угрюмымъ. Онъ былъ старше Спасителя только 6-ю мѣсяцами, и слѣдовательно выступилъ на проповѣдь не позже 29—30 лѣтъ. Проповѣдь его обратила на него общее вниманіе: народъ толпами шелъ на Іорданъ креститься. Его называли Мессіею; но онъ торжественно отрекся отъ этого названія; ибо Христосъ (Мессія) долженъ былъ врачевать раны человѣчества, а не бичевать ихъ.

Вмѣстѣ съ другими приходитъ къ Іоанну креститься и Христосъ... Ренанъ объясняетъ и этотъ фактъ чрезъ-чуръ легко и просто. Такъ какъ личность Іоанна обращала на себя вниманіе всего народа, а Христосъ всегда дѣлалъ большія уступки господствовавшему мнѣнію, лишь бы только это не вредило главной Его мысли, то, по мнѣнію Ренана, Онъ и крещеніе принялъ по этой причинѣ, или лучше безъ всякой причины. Если разсматривать явленіе Іисуса Христа на Іорданѣ съ одной внѣшней стороны, то въ немъ можно и не примѣтить ничего особеннаго. Іисусъ Христосъ шелъ туда, куда стремился весь народъ, шелъ къ такому мѣсту, которое всѣ уважали. Но уже одни необычайныя обстоятельства, сопровождавшія крещеніе Спасителя, показываютъ, что здѣсь совершалось что то необычайное, особенное. Разъясненія истиннаго смысла этого событія нужно искать въ нравственномъ его значеніи. Если разсматривать этотъ фактъ съ нравственной стороны, то нельзя признать его обыкновеннымъ, совершеннымъ Христомъ безъ особенной высшей мысли и цѣли. Для объясненія же этой мысли и цѣли, необходимо разъяснить, для чего крестились другіе и весь народъ? Креститель проповѣдывалъ приближеніе Царствія Божія, т. е. по понятіямъ евреевъ, царства Мессіи, къ которому народъ еврейскій готовился всю жизнь. Крещеніе, какъ приготовленіе къ вступленію въ это царство, выражало ту мысль, что человѣчество сознаетъ свое нравственное положеніе, сознаетъ нужду въ нравственномъ очищеніи, чтобы не быть недостойнымъ царства Мессіи. Въ крещеніи такимъ образомъ, подъ видимымъ образомъ выразилось раскрытіе нравственнаго сознанія человѣчества, возвышеніе его до болѣе глубокаго пониманія идеи Царства Божія и условій вступленія въ него. Іисусъ Христосъ, принимая крещеніе, показалъ, что Онъ входитъ въ сознаніе человѣчества, т. е. въ сознаніе тѣхъ нравственныхъ нуждъ, которыя чувствовало все человѣчество, въ сознаніе тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые оно находило необходимымъ исправить, чтобы начать новую жизнь. Іоаннъ самъ называлъ свое крещеніе только приготовленіемъ къ тому великому крещенію, которое послѣдуетъ за его крещеніемъ; и вотъ, когда Іисусъ Христосъ является на Іорданъ, Іоаннъ указываетъ въ Немъ этого высшаго крестителя и охотно уступаетъ Ему первенство, признавая въ Немъ присутствіе высшихъ силъ, необходимыхъ для уврачеванія ранъ человѣчества. «Онъ будетъ крестить духомъ и огнемъ; Онъ очиститъ гумно свое и соберетъ пшеницу въ житницу свою, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ, посѣчетъ всякое древо, не приносящее плода, отдѣлитъ сѣмена отъ плевелъ». Въ такомъ взглядѣ на Спасителя Іоаннъ выражалъ взглядъ на отношеніе Его ближайшимъ образомъ къ іудейскому народу, который требовалъ огненнаго крещенія, онъ указывалъ на уничтоженіе іудейскихъ предразсудковъ объ ихъ племенныхъ преимуществахъ и вмѣстѣ давалъ разумѣть, что дѣятельность Іисуса будетъ простираться не на однихъ только іудеевъ, но и на все человѣчество.

Крещеніе Іисуса отъ Іоанна имѣетъ такимъ образомъ двѣ стороны: общечеловѣческую и касающуюся только Его Божественной личности. Такъ какъ чрезъ крещеніе, какъ уже сказано выше, человѣчество въ лицѣ іудейскаго народа выражало нужду въ нравственномъ очищеніи, то Христосъ, какъ Искупитель рода человѣческаго, долженъ былъ отразить въ Себѣ нравственное сознаніе человѣчества. Погружаясь въ Іорданъ, Іисусъ, такъ сказать, погружался въ самую глубину сознанія всего человѣчества, со всѣми его нравственными нуждами и требованіями. Этимъ Онъ полагалъ начало своей искупительной дѣятельности. Касательно значенія крещенія для личности Іисуса Христа, Іоаннъ Креститель даетъ разумѣть, что для Него оно вовсе не требовалось. Какой же оно имѣло смыслъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи?

При крещеніи Іисуса Христа, говорится въ Евангеліи, разверзлись небеса, сошелъ на Іисуса Христа Духъ Святой, слышанъ былъ голосъ Отца Небеснаго: Сей есть Сынъ Мой Возлюбленный. Итакъ крещеніе Іисуса, со всѣми знаменіями, сопровождавшими Его, выразило въ Немъ явленіе высшаго существа. Чтобы крестить человѣчество Духомъ, Іисусъ долженъ былъ получить всѣ Его дары въ обиліи.

III.

Послѣ крещенія Іисусъ удалился въ іудейскую пустыню и тамъ провелъ 40 дней въ постѣ и молитвѣ. Для великихъ подвижниковъ религіи удаленіе на время въ пустыню, съ цѣлію приготовленія къ великому дѣлу и углубленія въ себя, всегда было дѣломъ обыкновеннымъ. Пустыня, куда удалился Іисусъ, была необыкновенно дика и сурова. По описаніямъ, не много на свѣтѣ мѣстностей столь угрюмыхъ, для жизни не пріютныхъ, какъ скалистая покатость западнаго берега Мертваго моря, гдѣ предполагаютъ мѣсто этой пустыни. По преданію, она слыла въ іудейскомъ народѣ мѣстомъ обитанія злыхъ духовъ (Товит. VIII, 3). Въ этой дикой странѣ Іисусъ Христосъ испыталъ искушенія отъ діавола. Фактъ этотъ замѣчателенъ не съ внѣшней его стороны, а съ внутренней: сущность дѣла здѣсь въ самомъ искушеніи, а не въ его внѣшней обстановкѣ. Исторія искушенія обнаруживаетъ собою, что въ Іисусѣ Христѣ, кромѣ человѣческаго естества, было еще божественное, и это тѣмъ важнѣе, что искушеніе совершалось чрезъ дѣйствительное испытаніе. Если бы въ человѣческой природѣ Іисуса не было такой точки, къ которой могла-бы приразиться искусительная сила, то самое искушеніе было бы невозможно. Искушеніе есть не столько внѣшнее явленіе, сколько внутреннее, психическое. Если искуситель постоянно напоминаетъ о Божествѣ Іисуса Христа (*Аще сынъ еси Божій*), то стало быть оно было въ Немъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Немъ было что то такое, что могло подлежать искушенію. Точкой, къ которой могло приразиться искушеніе, была точка соединенія въ Іисусѣ Христѣ Божества съ человѣчествомъ. Человѣчество Іисуса Христа, приходя къ сознанію въ себѣ Божескаго естества, стало какъ бы пытать Божескія силы на самомъ себѣ. Человѣчество чувствовало голодъ, но такъ какъ оно чувствовало въ себѣ и присутствіе Божества, то естественно приходило къ мысли: если я—Богъ, то что стоитъ мнѣ этотъ камень обратить въ хлѣбъ. Такимъ же образомъ объясняются и другія стороны искушенія. Іисусъ видитъ Себя на кровлѣ храма, и человѣчество Его чувствовало страхъ;

но въ то же время оно ощущаетъ въ себѣ божество и думаетъ, если я и паду, то не разобьюсь, потому что я—Богъ. Видя царства міра, человѣчество Іисуса естественно задавало себѣ вопросъ: если—я Богъ, то отчего же мнѣ не сдѣлаться царемъ этихъ царствъ? Эти мысли, родившіяся въ Іисусѣ, діаволъ переводитъ на свой языкъ и говоритъ: поклонись мнѣ, и я сдѣлаю Тебя царемъ этихъ царствъ. Искушеніе Іисуса Христа въ пустынѣ, если разсматривать его съ одной внѣшней стороны, можетъ показаться не представляющимъ особенной важности. Оно, повидимому, касалось такихъ предметовъ, которые не могли возмутить чистѣйшую душу Іисуса Христа; съ другой стороны, оно было такъ прямо и явно, что не трудно, повидимому, было преодолѣть его. Превратить камни въ хлѣбы, вергнуться съ крыла церковнаго и пр. все это такого рода предложенія, которыя не представляютъ особенной искусительной силы. Довольно было нѣсколькихъ словъ Писанія, чтобы побѣдить ихъ. Мы знаемъ изъ жизни древнихъ подвижниковъ болѣе поразительные примѣры искушеній; мы знаемъ напр. какими ужасами сопровождались искушенія Антонія Великаго. Ничего подобнаго не представляетъ исторія искушеній Спасителя. Но если смотрѣть на эти искушенія даже съ одной внѣшней, видимой стороны, то все-таки окажется, что душа Іисуса Христа была такъ чиста, что къ ней не могли приразиться никакія искушенія; силы Его были такъ возвышенны, что самъ духъ тьмы не только не могъ преодолѣть эти силы, но и ничего не могъ придумать лучшаго для своей цѣли. Но въ ряду этихъ искушеній былъ одинъ предметъ, въ которомъ нельзя не признать чрезвычайной важности. Если бъ исходъ этого искушенія былъ не таковъ, какъ сообщаетъ намъ Евангеліе, то можно было бы ожидать самыхъ горькихъ послѣдствій, гибельныхъ для всего міра. Это—тотъ моментъ искушенія, когда искуситель представилъ Спасителю весь видимый міръ и предложилъ царствовать надъ нимъ, подъ условіемъ поклоненія ему. Нѣтъ нужды разсуждать о томъ, какимъ образомъ были представлены искусителемъ всѣ царства земли: была ли это картина только близъ лежавшихъ городовъ и селеній, доступныхъ непосредственному кругозору, или душѣ Іисуса особеннымъ, сверхъестественнымъ образомъ показаны были всѣ царства міра,—не въ этомъ сила. Для насъ важенъ самый предметъ искушенія, и, чтобы представить всю важность и опасность его, мы должны разсмотрѣть это искушеніе съ двухъ сторонъ: 1) въ отношеніи къ личности Іисуса Христа и 2) въ отношеніи къ тому дѣлу, для котораго Онъ пришелъ въ міръ.

1) Не трудно понять, какъ искусительна для человѣка мысль,

что онъ можетъ быть царемъ всего міра. Такая мысль для лица Іисуса Христа, Который сознавалъ въ Себѣ необыкновенныя божественныя силы, не могла казаться фантастическою, напротивъ, она могла представиться и быть осуществимою, реальною. Слѣдовательно, эта мысль имѣла для Іисуса Христа всю обольстительную силу искушенія. Но вслѣдъ за этою мыслію—въ такой чистой душѣ, какова душа Богочеловѣка, не могла не явиться другая мысль, именно, мысль о томъ духѣ, который царствуетъ въ мірѣ и къ которому такъ или иначе необходимо было отнестись тому, кто сдѣлался бы царемъ міра. Въ мірѣ проявляется во многомъ господство зла надъ добромъ. Слѣдовательно, будущему царю надобно было или побѣдить царство зла, или соединиться съ нимъ, или покориться ему, или же оставить его въ покоѣ, т. е. представить ему внутреннюю сторону управленія міромъ, удержавъ за собою внѣшнее управленіе. Какою ужасною должна была казаться Спасителю эта страшная перспектива? Какъ сильно можетъ смущать и какую сильную и душевную тревогу можетъ вызывать въ чистыхъ и благородныхъ натурахъ одно представленіе о великомъ дѣлѣ, сопряженномъ съ великою борьбою—это извѣстно изъ исторіи многихъ великихъ историческихъ дѣятелей, которые не рѣдко трепетали при мысли занять высокое мѣсто, зная тотъ духъ, который царствуетъ въ обществѣ. Если бы нужно было представить опредѣленный примѣръ, то можно было бы указать на императора Александра I-го, который трепеталъ при одной мысли занять престолъ въ такое время, когда европейскія общества волновались духомъ французской революціи.

2) Если мы станемъ разсматривать искушеніе Іисуса Христа по отношенію къ цѣли пришествія Его—дѣлу искупленія міра, то найдемъ, что и съ этой стороны искушеніе грозило величайшею опасностью. Іисусъ Христосъ пришелъ для того, чтобы основать Царство Божіе въ мірѣ. По понятіямъ іудеевъ, это значило основать царство Мессіи. Но какимъ образомъ основать это царство? Для этого могло быть два пути. Одинъ путь внѣшній, путь видимаго царствованія въ мірѣ: освобожденіе іудейскаго народа отъ римской власти, распространеніе его господства, утвержденіе его религіи въ цѣломъ мірѣ, чего и ожидали іудеи. Другой путь—нравственнаго освобожденія іудеевъ и всего человѣчества отъ зла, утвержденіе добра въ мірѣ—путь царства духовнаго. Когда искуситель предлагалъ обладаніе всѣми царствами земными, то Іисусу Христу должны были представиться оба пути, и Онъ долженъ былъ остановиться на одномъ изъ нихъ. Но пути эти безконечно различны. Путь внѣшній былъ таковъ, что на немъ

не могла остановиться чистая, кроткая душа Іисуса Христа. Это—путь борьбы, завоеваній, путь крови, огня и меча. Такой путь не только не освобождалъ отъ зла, но напротивъ прямо велъ къ утвержденію въ мірѣ зла, потому что самъ по себѣ былъ путемъ зла. Само собою разумѣется, что если бы Іисусъ Христосъ избралъ этотъ путь, то не только бы не утвердилось Царствіе Божіе въ мірѣ, напротивъ, усилилось бы царство тьмы. Но это было невозможно не только для личности Спасителя, но и для того дѣла, для котораго онъ пришелъ. Цѣль нравственная—освобожденіе отъ зла и утвержденіе добра въ мірѣ—требовала соотвѣтствующихъ средствъ для своего выполненія, средствъ нравственныхъ, чисто духовныхъ. Вотъ отъ этого то пути искуситель намѣренъ былъ отвлечь Іисуса Христа. Отвѣтъ Спасителя: «*иди за Мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу поклонишися и Тому единому послужиши*» (Мѳ. IV, 10) показываетъ, что духъ Его не только остался твердъ въ своей мысли, въ своемъ назначеніи; но еще болѣе утвердился въ этомъ назначеніи, именно потому, что противная сторона, которую представилъ искуситель, открылась во всемъ своемъ ужасѣ. Извѣстно также и изъ жизни подвижниковъ, что души возвышенныя выходили изъ огня искушеній еще болѣе возвышенными, еще болѣе твердыми въ своемъ нравственномъ характерѣ.

IV.

Послѣ этой борьбы Іисусъ Христосъ вступаетъ на открытый путь своего служенія. Этотъ путь обозначается въ частныхъ чертахъ. На первый разъ Его служеніе открывается въ небольшомъ кругу слушателей. Андрей, ученикъ Іоанна Крестителя, приводитъ своего брата Симона, Филиппъ—Наѳанаила,—вотъ скромный кругъ, въ которомъ въ первый разъ является Спаситель міра. Здѣсь заслуживаетъ вниманія тотъ легкій способъ, какимъ привлекалъ Іисусъ Христосъ учениковъ. Довольно было Андрею провести съ Нимъ день, чтобы не оставить Его; довольно было сказать нѣсколько словъ Наѳанаилу, чтобы тотъ исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ, царемъ Израилевымъ (Іоан. 1, 35—51). Имѣлъ же настолько нравственнаго безвкусія Ренанъ, чтобы, во-первыхъ, поставить Іисуса Христа въ этомъ отношеніи на ряду съ Іоанною д'Аркъ и, во-вторыхъ, видѣть въ Его способѣ привлеченія послѣдователей «невинную хитрость» такого же рода, какая замѣчалась въ Іоаннѣ д'Аркъ. Хитрость Іоанны д'Аркъ и подобныхъ ей состояла въ томъ, чтобы угадать неизвѣстныя обстоятельства въ жизни людей, или показать видъ предъ тѣмъ,

кого они желали склонить къ себѣ, какъ будто бы они знаютъ что-нибудь, до него весьма близко касающееся,—секретныя стороны его жизни, или же напомнить ему о какомъ-нибудь живо интересующемъ его обстоятельствѣ. Простое разсужденіе должно было подсказать Ренану, что 1) такого рода хитрость есть хитрость не совсѣмъ невинная и 2) что, помимо сверхъестественнаго дара прозорливости, въ нѣкоторыхъ натурахъ обнаруживается необыкновенная естественная проницательность. Если не предполагать въ данномъ случаѣ ничего сверхъестественнаго въ Іисусѣ Христѣ, то всякому здравомыслящему слѣдовало бы признать въ Немъ необычайную проницательность, а не какую-нибудь хитрость, хотя бы и невинную. Съ другой стороны, что побуждало этихъ людей такъ скоро, съ перваго раза отдаваться лицу вовсе имъ неизвѣстному? Одного простосердечія мало для этого. Какъ бы ни былъ простъ, или, говоря точнѣе, какъ бы ни былъ простоватъ человѣкъ, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, каковы религіозныя убѣжденія, не такъ легко склонить его предаться неизвѣстному лицу со всею сердечною привязанностію.

Изъ Каны Галилейской Іисусъ Христосъ проходилъ чрезъ Капернаумъ въ Іерусалимъ. Наступала Пасха. На этотъ праздникъ въ Іерусалимъ стекалось народу необыкновенное множество; ибо Іерусалимъ былъ не только средоточіемъ религіозной жизни іудеевъ, но и центромъ жизни общественной. Можно представить, какое зрѣлище представлялъ въ праздникъ Пасхи храмъ іерусалимскій! Но внѣшняя сторона была непривлекательною отъ тѣхъ безпорядковъ, которые производились около самой святыни. Въ священной оградѣ храма устроились настоящія лавки. Въ нихъ продавали скотъ и птицу для жертвоприношенія и стояли мѣняльные столы для размѣна монеты, что принимало видъ совершенной торговли; были мѣнялы, у которыхъ пришедшіе изъ чужихъ странъ съ иностранными деньгами должны были вымѣнивать ихъ на деньги отечественныя; производились настоящія торговыя операціи, сновали торгаши съ различными животными для жертвъ. Объ этомъ зрѣлищѣ можно судить по описанію Іосифа Флавія, который говоритъ, что около іерусалимскаго храма предъ праздниками Пасхи стояло около 200 тысячъ быковъ и овецъ. Низшіе служители храма отправляли свою должность безъ благочестія, съ небрежностью и равнодушіемъ. Этотъ видъ исполненнаго суеты мірской и невнимательнаго служенія святынѣ оскорблялъ истинное религіозное чувство. Лишь только Іисусъ Христосъ вошелъ въ храмъ и увидѣлъ безобразіе, Онъ выгналъ торгашей изъ храма и опрокинулъ столы мѣнялъ. Легко понять, какой шумъ и смятеніе произвелъ Спаситель среди іудеевъ своимъ поступкомъ. Онъ какъ бы посягалъ на ихъ права,—потому они и предложили Іисусу Христу вопросъ, по какому праву Онъ такъ поступаетъ? (Іоан. II, 18). Можетъ быть, здѣсь были и другія причины со стороны вопрошающихъ. Они брали пошлину съ торговцевъ въ свою пользу. На этотъ вопросъ, который былъ предложенъ въ видѣ испытанія, чтобы Іисусъ Христосъ далъ знаменіе въ объясненіе и доказательство своего права распоряжаться въ храмѣ, — Іисусъ Христосъ говоритъ: *«разрушьте храмъ сей и Я въ три дня воздвигну его»*. Іуден замѣтили, что этотъ храмъ строился 46 лѣтъ, какъ же Онъ говоритъ, что воздвигнетъ его въ три дня. Это казалось имъ совершенно невозможнымъ, но Евангелистъ замѣчаетъ, что Іисусъ Христосъ говорилъ о храмѣ Своего Тѣла, о его разрушеніи и созиданіи (Іоан. II, 21—22). Какое же соотношеніе отвѣта Спасителя съ вопросомъ іудеевъ? Іисусъ Христосъ какъ бы такъ сказалъ: «Я имѣю такую же власть въ этомъ видимомъ храмѣ, какую въ томъ, въ которомъ Я живу, т. е. въ тѣлѣ; если вы разрушите Мое Тѣло, то Я въ третій день воскресну. Вотъ вамъ будущее знаменіе Моего права». Въ обычаѣ восточныхъ мудрецовъ было объяснять настоящія причины дѣйствій ихъ послѣдствіями; такъ теперь и Іисусъ Христосъ объясняетъ настоящій свой поступокъ послѣдующимъ событіемъ воскресенія, которое во всей полнотѣ должно было обнаружить Его божественное достоинство. Но, можетъ быть, тутъ была и другая связь мыслей, приблизительно слѣдующая: іуден, вы напрасно считаете себя хозяевами храма, вы хозяева однихъ внѣшнихъ стѣнъ, вы можете разрушить этотъ храмъ, но Я созижду новый храмъ въ сердцахъ людей, и это докажетъ вамъ Мое божественное полномочіе. Какъ бы то ни было, только Іисусъ Христосъ своимъ отвѣтомъ хотѣлъ показать силу и важность того высшаго полномочія, какое Онъ имѣетъ для основанія новой религіи.

V.

За симъ по хронологическому порядку слѣдуетъ бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ, однимъ ученымъ фарисеемъ изъ начальниковъ іудейскихъ, бывшимъ членомъ синедріона и пользовавшимся большимъ уваженіемъ въ Іерусалимѣ (Іоан. III гл. сн. VII, 60, XIX, 39). Никодимъ, обративъ вниманіе на Іисуса Христа, хотѣлъ узнать отъ Него самого, въ чемъ заключалось Его ученіе; но, не желая давать пищи злословію со стороны своихъ собратьевъ, Никодимъ пришелъ тайно ночью къ Спасителю и имѣлъ съ Нимъ продолжительную бесѣду. Никодимъ

началъ рѣчь свою похвалами Іисусу Христу, по восточному обычаю. Евангеліе не говоритъ, какой именно вопросъ предложилъ Никодимъ Іисусу Христу, но можно думать, что главный вопросъ его былъ о пришествіи Мессіи и Его царствѣ. Іисусъ Христосъ въ отвѣтъ Никодиму излагаетъ ученіе о возрожденіи; этотъ отвѣтъ нужно считать сущностію и сокращеніемъ всего христіанскаго ученія; тутъ и главный предметъ и основы, и сила этого ученія. Бесѣда Спасителя съ Никодимомъ составляетъ, такъ сказать, программу, съ которою выступилъ Іисусъ Христосъ на проповѣдь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Іисусъ Христосъ раскрываетъ и характеризуетъ въ ней и Свою собственную личность. Довольно прочитать и выразумѣть одну бесѣду Іисуса Христа съ Никодимомъ, чтобы понять личность Спасителя. Возрожденіе всѣхъ людей свыше—вотъ главный предметъ этой проповѣди. *Истинно, истинно говорю тебѣ*, сказалъ Господь Никодиму, *если кто не родится свыше* (ἄνω), *то не можетъ увидѣть царствія Божія*. Здѣсь кстати замѣтить объ особенностяхъ русскаго перевода. Въ 60 г. изданъ былъ переводъ, гдѣ во всѣхъ мѣстахъ главы вмѣсто «свыше» находится «снова», а въ переводѣ, изданномъ въ 63 году, читается «свыше». Разумѣется, для ученаго читателя одно выраженіе не далеко отстоитъ отъ другаго, но вѣдь не всѣ читатели—ученые. Выраженіе «свыше» вѣрнѣе.—Возрожденіе, т. е. обновленіе жизни, предполагаетъ новыя начала жизни. Новое рожденіе—вотъ сущность бесѣды Спасителя съ Никодимомъ. Можно сказать, возрожденіе—одинъ изъ коренныхъ законовъ всего существующаго. Все существующее не вѣчно, не въ томъ только смыслѣ, что прекращается жизнь, но въ перемѣнахъ формъ бытія, потому что все возрождается чрезъ извѣстные періоды. Такъ, это мы видимъ въ жизни міра физическаго, то же видимъ въ жизни человѣка, только въ человѣчествѣ возрожденіе бываетъ неодинаково отъ различныхъ причинъ и способовъ возрожденія. Иногда человѣчество совершенно, по видимому, получаетъ новыя формы бытія, а иногда удерживаются въ немъ выработанныя прежде, а иногда онѣ вовсе измѣняются: т. е. извѣстный народъ теряетъ свое національное бытіе, или совершенно исчезаетъ, передавая другому свое умственное и нравственное наслѣдіе. Иной же народъ развивается постепенно, мѣняя формы своего бытія. Можно ли приложить этотъ законъ къ ученію Іисуса Христа о возрожденіи? Нѣтъ: здѣсь совсѣмъ не то естественное, обыкновенное возрожденіе, совершающееся по обыкновеннымъ законамъ; здѣсь различаются два рожденія—плотское и духовное. Въ обыкновенномъ смыслѣ подъ возрожденіемъ разумѣется начало новаго развитія ослабѣвшихъ силъ человѣческаго духа. Такое повременное возрожденіе случается въ исторіи каждаго народа, когда послѣ упадка энергіи душевныхъ силъ, а вмѣстѣ и той степени развитія, на которой онъ прежде стоялъ, начинается новое возбужденіе силъ къ дѣятельности,—и дѣло развитія совершается по прежнему порядку. Но не это повременное возрожденіе разумѣлъ Христосъ въ своей проповѣди о возрожденіи всѣхъ людей свыше. Здѣсь, съ одной стороны, высказывается отрицаніе прежней жизни человѣчества, съ другой—указывается общій, неизмѣнный законъ должнаго развитія. Нельзя не поражаться истинностію суда Христова надъ прежнимъ развитіемъ человѣчества и истинностію новаго закона о возрожденіи, неизвѣстнаго міру. И въ самомъ дѣлѣ, до явленія Христа этотъ новый законъ никому не былъ извѣстенъ; въ этомъ несомнѣнно убѣждаетъ исторія. Такъ, если мы будемъ разсматривать жизнь лучшей части человѣчества—народа іудейскаго, то убѣдимся, что здѣсь преобладающимъ элементомъ была чувственность. Довольно прослѣдить всѣ черты внѣшняго обрядоваго закона у евреевъ, чтобы видѣть, какою мелкою обрядностію былъ опутанъ этотъ народъ. Одинаково неблагопріятныя послѣдствія происходили, какъ отъ скрупулезнаго выполненія, такъ и отъ невыполненія обрядоваго закона. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлался рабомъ обрядовыхъ предписаній, въ послѣднемъ—ему, какъ плотскому народу, не возвышавшемуся до духовнаго, угрожало безвѣріе. Исторія еврейскаго народа, дѣйствительно, и представляетъ въ немъ эти два крайнія направленія. Она показываетъ намъ, что одна часть іудеевъ, строго выполнявшая предписанія закона, всецѣло привязалась къ одной мертвой буквѣ и внѣшнему формализму; изъ чего, какъ само собою очевидно, ничего хорошаго не могло произойти для умственной, нравственной и общественной жизни народа. Другая часть іудейскаго народа, не выполнявшая на дѣлѣ закона, оказалась, по свидѣтельству той же исторіи, безвѣрною. Примѣрами этого служатъ саддукеи, а также іудейскіе первосвященники и книжники, современные Іисусу Христу. Ихъ произвольныя толкованія о Мессіи, какъ всемірномъ завоевателѣ, достаточно показываютъ, какъ чужды были они истиннаго духа ветхозавѣтной религіи. Такимъ образомъ изъ всей жизни до христіанскаго іудейства вышло то, что оно въ большинствѣ своихъ членовъ оказалось неспособнымъ къ тому, къ чему всю жизнь подготовлялось. Когда явился Христосъ, іудеи во многихъ отношеніяхъ оказалось худшими язычниковъ. Само собою понятно, что этого нельзя относить къ охужденію самой ветхозавѣтной религіи, напротивъ, въ ней была скрыта высокая идея о Мессіи, какъ орудіи общечеловѣческаго возрожденія. Но эта идея была загромождена множествомъ обрядовыхъ

предписаній закона, а народъ, привязанный къ этимъ предписаніямъ, не въ состояніи былъ выяснить ее для себя. Правда, появлялись изъ среды этого народа люди (пророки), которые прояснялн эту идею; но неумолимый формализмъ заставлялъ іудеевъ побивать камнями этихъ лучшихъ людей. Другую часть дохристіанскаго человѣчества представляло язычество. Здѣсь, повидимому, было больше условій для свободнаго саморазвитія. Но за то здѣсь существовало множество препятствій для *правильнаго* развитія. Если мы всмотримся въ складъ жизни до христіанскаго язычества, то замѣтимъ, что самымъ главнымъ препятствіемъ для духовнаго развитія и здѣсь было преобладаніе чувственности, которое ясно отражалось въ общественной, умственной и эстетической жизни языческихъ народовъ. Таковы даже самые лучшіе памятники искусства языческой древности—какъ наприм. статуи Фидія, до настоящаго времени поражающія красотою формъ, но особенно рельефно представляющія чувственную сторону. То же начало проникло въ складъ религіозной и общественной жизни. Въ религіи оно породило разные виды идолопоклонства, въ общественной жизни—грубыя и утонченныя формы разврата и того гнуснаго рабства, какое царило всюду въ языческомъ мірѣ. Лучшіе умы, яснѣе другихъ сознававшіе жалкое состояніе языческаго общества, ничего не могли сдѣлать, когда нужно было имъ свои воззрѣнія на жизнь приложить къ дѣлу. Цицеронъ говоритъ: «пока народъ погруженъ въ суевѣріе идолопоклонства, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ничего хорошаго». Но этотъ же ораторъ въ своемъ сочиненіи «О законахъ» сказалъ: «не поклоняющагося народнымъ богамъ нужно казнить смертію». Очевидно, онъ заботился только о внѣшней связи общества и о гражданскомъ единствѣ. Такимъ образомъ, самыя начала гражданской жизни въ язычествѣ были крайне чувственны; мы находимъ въ нихъ преобладаніе внѣшней силы, грубое рабство—прямыя слѣдствія чувственности.

Человѣчество не могло само собою освободиться отъ оковъ чувственности и возродиться къ новой лучшей жизни. Поэтому слова Спасителя: кто не родится *свыше*, не можетъ войти въ новую жизнь,—знаменательны, какъ сама вѣчная истина.

VI.

Іисусъ Христосъ сказалъ Никодиму, что ему нужно родиться свыше, и въ основу высшей жизни положить новое, духовное начало. Никодиму естественно было спросить: какое это новое начало и откуда его взять? Какимъ образомъ это начало воздѣйствуетъ на человѣка для произведенія въ немъ новой жизни? На это Іисусъ Христосъ отвѣчалъ сравненіемъ. «*Духъ*, говоритъ Онъ, *идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ*. (Іоан. III, 8). Это сравненіе взято изъ явленій природы, гдѣ сильные перевороты часто сопровождаются разрушительными дѣйствіями бури. Вдругъ налетаютъ порывы вѣтра и все приводятъ въ движеніе, многое разрушатъ, многое погубятъ; но это волненіе въ природѣ видимой служитъ въ ней началомъ новой жизни. Нѣчто подобное будетъ и при духовномъ возрожденіи человѣчества... Здѣсь основная мысль Спасителя та, что новая духовная жизнь, долженствующая начаться въ человѣкѣ, не подлежитъ анализу, какъ потому, что начало этой жизни должно придти свыше, такъ и потому, что оно слишкомъ глубоко должно воздѣйствовать на человѣка. Разсудокъ не можетъ подвергнуть анализу эту новую духовную жизнь, потому что не можетъ понять ее во всей глубинѣ. Замѣчаніе Спасителя о воздѣйствованіи духовнаго начала въ человѣкѣ, подъ видомъ бури, указываетъ также на необычайно сильное и скорое воздѣйствіе христіанства, какъ во всемъ человѣчествѣ, такъ и въ отдѣльныхъ его лицахъ,—на тотъ необычайный, нравственный переворотъ, который оно должно было произвести въ человѣчествѣ. И дѣйствительно, не болѣе 3-хъ лѣтъ прошло со времени общественной дѣятельности Спасителя, но между прошедшею жизнью человѣчества и жизнью, которую Онъ вдохнулъ, обнаружилось уже рѣзкое различіе. Если сравнимъ только-что развивающуюся новую жизнь человѣчества съ его прошедшею дохристіанскою жизнію, то не только не замѣтимъ между ними ничего общаго, но увидимъ, что новая жизнь дѣйствительно возникла подобно необычайной, неожиданной, невѣсть откуда взявшейся бурѣ. Понятія людей измѣняются, нравы преобразуются, древняя религія, уже и прежде слабая, падаетъ—съ шумомъ и трескомъ, напоминающимъ ревъ бури. Откуда и какимъ образомъ пришло это необычайное волненіе, обнявшее человѣчество со всѣхъ сторонъ, проникшее до самыхъ его основъ? Эта ломка представляетъ въ себѣ нѣчто такое, что нельзя назвать явленіемъ обыкновеннымъ и преходящимъ. Она показываетъ нѣчто гораздо большее, она свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣчество начало новую жизнь. Это бурное настроеніе въ человѣчествѣ было его возрожденіемъ. Здѣсь оправдались слова Спасителя, сказанныя Никодиму: «*Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ...*» Человѣчество хотя чуствовало и сознавало въ себѣ это необыкновенное движеніе, но отчета себѣ въ немъ оно не могло дать. Такъ было въ цѣломъ мірѣ, такъ было и въ отдѣльныхъ субъектахъ. Какъ назвать и какъ объяснить это поразительное явле-

ніе въ людяхъ, которыхъ Спаситель призывалъ идти вслѣдъ за собой. При одномъ словѣ Спасителя: «*иди за Мною!*»—эти люди, погруженные въ свои житейскія дѣла и заботы, по слову одного, совершенно незнакомаго имъ человѣка, вдругъ бросаютъ все и идутъ за Нимъ, еще не зная куда приведетъ Онъ ихъ, но повинуясь въ этомъ случаѣ одному только неодолимому внутреннему влеченію. Если бы мы могли спросить апостоловъ, что съ ними тогда происходило; почему они прямо, нисколько не колеблясь, рѣшились идти за Іисусомъ Христомъ, о которомъ ни прежде, ни долго послѣ того они не имѣли положительнаго познанія, на это апостолы не могли бы дать намъ другого отвѣта, кромѣ того, что они сознавали въ себѣ какое-то неодолимое внутреннее влеченіе. Здѣсь, такимъ образомъ, оправдалась характеристика новаго начала, принесеннаго Спасителемъ для новой жизни человѣчества, какую мы находимъ въ словахъ Спасителя къ Никодиму: «*Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ, тако есть всякъ человѣкъ рожденный свыше*». Само собою разумѣется, что Никодимъ, хотя и былъ учителемъ Израиля, многаго не понималъ въ этихъ словахъ Спасителя. Новое ученіе не представлялось ему со всею ясностію и отчетливостію. Никодиму оставалось только вѣрить. Но, чтобы вѣрить человѣку, который высказываетъ новое ученіе, нужно имѣть понятіе объ этомъ человѣкѣ,—нужно знать: откуда его ученіе, откуда у него такія слова и рѣчи?—вотъ вопросы, обыкновенно дающіеся при подобныхъ случаяхъ. Въ Евангеліи не сказано, чтобы Никодимъ обращался къ Спасителю съ подобными вопросами, но они естественно сложились въ его умѣ. На эти-то мысленные вопросы Никодима Спаситель отвѣчалъ словами, характеризующими Его личность.—«Мы, какъ бы такъ говоритъ Онъ, передаемъ вамъ о земномъ, о томъ, что видимъ и знаемъ, *и вы не вѣрите;* что же будетъ, если мы станемъ говорить вамъ о небесномъ» (Іоан. III, 12)? Эти слова, повидимому, ставили Іисуса Христа въ рядъ древнихъ пророковъ, которымъ также не вѣрили, хотя ихъ ученіе было свыше. Но вотъ, въ слѣдъ за этими словами, Спаситель говоритъ о Себѣ болѣе опредѣленно. Сказавъ: «если Я говорю вамъ о земномъ, и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ»,—Онъ далѣе прибавляетъ: «Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ человѣческій, сущій на небесахъ» (ст. 13). Этими словами Спаситель выдѣляетъ Себя изъ ряда пророковъ, и поставляетъ Себя гораздо выше ихъ и всего человѣчества. Это самооткровеніе Спасителя должно было необыкновенно поразить Никодима своею неожиданностію и,

если можно такъ выразиться, своею смѣлостію. Учитель израилевъ не былъ приготовленъ къ такому обороту дѣла. Еще въ началѣ бесѣды онъ сказалъ, что признаетъ Его за посланника Божія (Іоан. III, 2), и не зналъ, что Ему отвѣтить, не нашелся, что сказать Ему. Мы не будемъ останавливаться на этомъ самооткровеніи Спасителя, а будемъ далѣе анализировать бесѣду Его съ Никодимомъ о возрожденіи. Если человѣку нужна была такая новая, необыкновенная жизнь, то кто же долженъ былъ принесть ее? Самооткровеніе Спасителя давало разумѣть, что начало этой жизни долженъ былъ положить Онъ Самъ и положить не теоретически только, но и дѣятельно, т. е. Онъ Самъ долженъ принести Себя въ жертву за начало новой жизни, и какъ Моисей, продолжалъ Спаситель, вознесъ змію въ пустыни, такъ должно вознесену быть и Сыну человѣческому (Іоан. III, 14). Не трудно понять, что, какъ скоро должно было явиться новое начало жизни, то—начало жизни старое не могло уступить ему своего мѣста безъ борьбы. Должна была произойти борьба этихъ двухъ началъ. Но съ борьбою необходимы и жертвы,—и очень понятно и естественно, что первою жертвою этой борьбы долженъ быть тотъ, кто первый ее началъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы можемъ понять эти слова Спасителя о Себѣ, какъ о жертвѣ, при борьбѣ новой жизни съ жизнью старою, и эта-то жертва должна была послужить реальнымъ началомъ новой жизни. Эта жертва не была, впрочемъ, однимъ простымъ исходомъ борьбы. Нѣтъ! она была необходимою для положительныхъ цѣлей. «*Тако возлюби Богъ міръ, яко Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*». Такъ продолжаетъ Спаситель свою бесѣду. Необходимо было, чтобы это начало новой жизни воздѣйствовало на человѣчество, было для него не одною только проповѣдію, но соединилось съ самымъ существомъ человѣчества, чтобы это начало новой жизни въ немъ воплотилось и осуществилось. Слѣдовательно, это начало новой жизни должно было сопровождаться жертвою, и эта жертва борьбы двухъ жизней должна была послужить жертвою искупительною источникомъ новой жизни, готовымъ излиться въ глубину существа всего человѣчества. Чтобы человѣчество могло воспринять эту новую жизнь, для этого необходимо было, чтобы родъ человѣческій имѣлъ съ этимъ началомъ новой жизни непосредственное общеніе, въ противномъ случаѣ оно могло бы остаться безплоднымъ. Примѣръ этого мы видимъ на тѣхъ учителяхъ, которые появлялись раньше Спасителя. Не смотря на то, что они возвѣщали новыя начала, ихъ откровеніе оставалось безплоднымъ. Ихъ проповѣдь не имѣла жизненной силы, оставалась одною

только проповѣдью, безсильною проникнуть вовнутрь человѣка; вотъ почему и слушатели ихъ оставались только слушателями, такъ какъ они не имѣли съ ними непосредственнаго, внутренняго общенія.

Іисусъ Христосъ открываетъ Себя не только какъ учителя, но и какъ новое положительное начало въ человѣчествѣ. Анализируя Его бесѣду съ этой точки зрѣнія, мы можемъ понять смыслъ Его словъ, что Ему «должно быть вознесену, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную» (Іоан. III. 14—15). Если бы теперь представился вопросъ, что служитъ побужденіемъ къ такому возрожденію человѣчества, къ такому проявленію въ немъ новаго начала, откуда наконецъ придетъ это начало? то Іисусъ Христосъ говоритъ на это, что главнымъ побужденіемъ здѣсь служитъ любовь, по которой Богъ Отецъ посылаетъ въ міръ Сына Своего Единороднаго, по которой Онъ желаетъ, чтобы человѣкъ не погибъ, но получилъ новую лучшую жизнь (Іоан. III, 16). Это откровеніе Спасителя о любви Бога къ человѣку составляетъ столь же новую и неожиданную истину для человѣка, какъ и ученіе Его о возрожденіи. Извѣстно, какое представленіе соединяли люди того времени съ понятіемъ о Богѣ. Что въ этомъ представленіи было особенно не совмѣстно съ понятіемъ о Богѣ, и что было главною причиною слабости древней религіи,—это именно то, что Богъ и человѣкъ представлялись существами совершенно раздѣленными. Послѣдній представлялъ себѣ Бога не иначе, какъ только правителемъ міра, его надзирателемъ, судьею и карателемъ. Такимъ Онъ представлялся даже въ лучшихъ системахъ древней философіи. Но никто изъ философовъ не могъ проникнуть въ то, есть ли болѣе близкое соотношеніе между Высочайшимъ существомъ и людьми. Ветхозавѣтное откровеніе хотя и касалось этого соотношенія, когда говорило, что человѣкъ есть образъ и подобіе Божества, но не показывало, какъ и чѣмъ этотъ образъ соединяется съ своимъ первообразомъ, въ чемъ выражается это соотношеніе между ними. Это открылъ Іисусъ Христосъ. Если бы Онъ не открылъ ничего болѣе, кромѣ любви Бога къ человѣку, то уже это одно должно было придать Ему характеръ великаго учителя. Но съ этимъ Онъ связываетъ еще ученіе о возрожденіи человѣка. Сила любви есть сама по себѣ сила возрождающая. Это можно видѣть на опытѣ. Если когда человѣкъ бываетъ способенъ на все доброе и прекрасное, возвышающее его, такъ именно тогда, когда онъ любитъ. Любовь есть именно начало, оживляющее дѣятельность человѣка и одушевляющее его на всякое доброе дѣло. Какъ бы человѣкъ дуренъ ни былъ, но если въ его душѣ хранятся еще задатки, если въ ней теплится хотя одна только искра любви, то нельзя

еще терять надежды на его улучшеніе. И наоборотъ,—какъ бы ни былъ человѣкъ уменъ, но если его сердце сухо и черство, исправленіе его болѣе чѣмъ сомнительно. Вотъ связь, хотя, можетъ быть, слишкомъ тонкая, но, тѣмъ не менѣе, психологическая, въ которой находится любовь къ дѣлу возрожденія и искупленія человѣчества, возвѣщенному и совершенному Іисусомъ Христомъ.

VII.

Выше мы остановились на началѣ положенномъ Іисусомъ Христомъ въ основу духовнаго возрожденія человѣчества, и сказали, что это начало есть любовь (Іоан. III, 16). Мы замѣтили, что если бы Іисусъ Христосъ ничего больше не открылъ человѣку, какъ только одну эту истину, то и по этому одному Его нужно бы признать величайшимъ учителемъ человѣчества. До Него человѣчеству никто не говорилъ объ этомъ; оно не знало этого основного начала, т. е. любви. Какъ бы ни были справедливы понятія человѣка о Богѣ, какъ правителѣ, законодателѣ, судіи и царѣ, какъ бы ясно Богъ не открылъ Себя человѣку съ этихъ сторонъ; но всѣ эти отношенія заставляли желать большаго. Въ умѣ человѣка должны были возникнуть вопросы: по какому побужденію Богъ сотворилъ міръ, судитъ человѣка и караетъ его? Человѣку, какъ разумно-свободному существу, свойственно было ожидать, что Богъ будетъ имѣть къ нему соотвѣтственное отношеніе, именно—отношеніе свободное, что, сотворивъ человѣка свободнымъ, Богъ не будетъ относиться къ нему только формальными предписаніями закона. Если отношеніе между Богомъ и человѣкомъ должно быть свободное, то истиннымъ выраженіемъ этого отношенія должна служить и служитъ любовь. И, однакоже, этого никто не сказалъ до Христа. До этого не могъ возвыситься ни одинъ умъ, ни одинъ законодатель, ни одинъ основатель религіознаго общества. Тѣмъ не менѣе можно понять, почему объ этой, повидимому, простой истинѣ, никто не сказалъ до Христа. Увѣрять человѣка въ любви къ нему другаго существа можетъ только тотъ, кто самъ близко и хорошо знаетъ это существо. Если бы какой нибудь философъ или законодатель сталъ увѣрять человѣка, что Богъ любитъ его, то человѣкъ всегда могъ спросить ихъ: почему же вы это знаете и чѣмъ можете доказать это? И доказать этого никто не могъ-бы. Остается одно заключеніе, что учитель, рѣшившійся доказать и доказавшій эту истину, долженъ быть необыкновеннымъ человѣкомъ. Небесный учитель, говоря о любви Бога къ человѣку, положительно тѣмъ доказывалъ, что Онъ Самъ близокъ къ Богу, что начало, положенное имъ въ

основу нравственнаго возрожденія человѣчества, заключаетъ въ себѣ положительную и несомнѣнную истину.

Если мы станемъ анализировать человѣка въ томъ отношеніи: что заставляетъ его исполнять одно и не исполнять другого изъ того, что ему приказываютъ, что заставляетъ его дѣлать хорошее и не дѣлать нехорошаго,—если будемъ наконецъ анализировать его нравственное существо, то придемъ къ тому заключенію, что человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, любитъ анализировать начала и основанія извѣстныхъ предписаній. Онъ любитъ, чтобы ему высказана была чистая истина и высказано было то начало, которое одушевляетъ эту истину. Безъ этого онъ не выполнитъ того, что ему приказываютъ. Это одушевляющее начало должно гармонировать съ его нравственнымъ существомъ и имѣть въ глубинѣ его свою основу. Такое начало и есть любовь. Никакимъ ученіемъ нельзя такъ покорить человѣка, какъ началомъ любви. Никакими внѣшними побужденіями и насиліемъ нельзя заставить человѣка уважать предписанія, кромѣ любви. Покоряющее начало само должно быть свободно, чтобы ему покорилась свобода, а такое свободное начало есть любовь. Этимъ только можно объяснить тотъ фактъ въ жизни человѣчества до Христа, что не смотря на очевидныя доказательства истины бытія Божія, человѣкъ не дорожилъ религіею, въ которой онъ не видѣлъ побужденія любить Бога, и не уважалъ въ душѣ ея предписаній. Она указывала на отношеніе Бога къ человѣку, но не говорила, какое побужденіе лежитъ въ основѣ этихъ отношеній Бога къ человѣку, какое находится въ нихъ одушевляющее начало. Человѣкъ не питалъ полнаго уваженія къ религіи потому, что она не учила его любить Бога и не рѣшала ему вопроса: любитъ ли его Богъ? Не любя Бога, человѣкъ не зналъ, любитъ ли его Богъ, и потому относился болѣе внѣшнимъ, формальнымъ образомъ къ дѣлу религіи.

Если мы будемъ разсматривать начало любви со стороны человѣка, то увидимъ, что нѣтъ болѣе сильнаго начала къ его нравственному возрожденію, какъ любовь, и что любовь сама въ себѣ носитъ возраждающую силу. Возраждающая сила любви сама дѣлаетъ человѣка лучшимъ; никакія внѣшнія побужденія и насилія не заставятъ человѣка исправиться, если въ глубинѣ его сердца нѣтъ этого начала. Если бы древнее человѣчество сохранило въ себѣ болѣе этого начала, то оно не пало бы такъ глубоко. Этого не будетъ оспаривать ни одинъ психологъ. Въ современной литературѣ проводится иногда та мысль, что человѣкъ и внѣ христіанства и даже внѣ всякой религіи можетъ возрождаться и исправляться силою любви. Эту мысль, какъ извѣстно,

не рѣдко проводитъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ французская писательница Жоржъ-Зандъ. Эта писательница часто выводитъ какую нибудь героиню, сначала обыкновенно падшую, но сохранившую въ себѣ еще чувство любви, которое доходитъ до такой силы, что совершенно исправляетъ падшее существо и дѣлаетъ его возвышеннымъ. Подобную же мысль проводитъ и Гете въ своемъ «Фаустѣ», гдѣ Маргарита, послѣ преступленія, нравственно возвышается и просвѣтляется одною лишь силою любви своей. Со стороны естественной эта мысль имѣетъ основаніе. Но нельзя не замѣтить, что сила любви въ естественномъ ея развитіи не можетъ получить такого объема, широты и простора, какіе нужны для полнаго нравственнаго возрожденія человѣка. Это потому, что въ невозрожденномъ человѣкѣ, вмѣстѣ съ началомъ любви, находится много другихъ началъ, которыя не рѣдко подавляютъ любовь, и потому, чтобы онъ нравственно возродился посредствомъ естественной любви, необходимо, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ слишкомъ много нравственныхъ силъ,—чего опытъ не показываетъ.

Мы сказали, что Іисусъ Христосъ, полагая въ основаніе возрожденія человѣчества начало любви, выражалъ чистую истину и неопровержимый законъ. Онъ показалъ любовь Бога къ человѣку и въ то же время въ самомъ человѣкѣ нашелъ присутствіе возрождающей силы любви. Но какимъ образомъ можно было внѣдрить въ міръ это начало любви и возродить человѣка? Само собою разумѣется, что самъ человѣкъ не могъ развить въ себѣ начало любви настолько, чтобы оно обняло все человѣчество. Съ другой стороны, если бы Самъ Богъ произвелъ обновленіе человѣчества одною силою своей любви, то отъ этого также нельзя было бы ожидать дѣйствительнаго возрожденія человѣчества. Любовь Бога безконечна, какъ безконеченъ Онъ Самъ, но эта высочайшая любовь требуетъ соотвѣтственнаго расположенія со стороны человѣка, чтобы не остаться безъ плода. Христосъ Самого Себя представляетъ органомъ взаимной любви между Богомъ и человѣкомъ и посредникомъ дѣятельнаго соединенія любви Божіей и любви человѣка, чтобы совокупно совершить дѣло возрожденія человѣчества. Такой органъ необходимъ былъ, какъ со стороны Бога, такъ и со стороны человѣчества. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ выразить всю силу любви Бога къ человѣку, съ другой—онъ долженъ былъ раскрыть любовь человѣка къ Богу не отвлеченно, не въ теоріи только, но принесть Самого Себя на самомъ дѣлѣ и выразить исполненіе ея на Самомъ Себѣ, въ качествѣ Спасителя міра и искупителя рода человѣческаго. На это назначеніе Свое Іисусъ Христосъ указываетъ въ слѣдующихъ сло-

вахъ въ своей бесѣдѣ съ Никодимомъ: «*Не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ былъ спасенъ чрезъ Него*» (Іоан. III, 17).

Идея искупленія, по Евангелію, состоитъ въ выясненіи человѣку забытаго имъ нравственнаго назначенія и въ освобожденіи человѣка и міра отъ дурныхъ послѣдствій нарушенія человѣкомъ нравственнаго закона. Но кромѣ естественныхъ послѣдствій нарушенія нравственнаго закона въ мірѣ, искупленіемъ снимается съ человѣка отвѣтственность за это нарушеніе, снимается настолько, что онъ не падаетъ жертвою нарушенія нравственнаго закона. Съ этой стороны идея евангельскаго искупленія есть идея полнаго возстановленія падшаго человѣчества; чрезъ нее просвѣщается умъ человѣка, ему указывается нравственный законъ, возстановляется правильное отношеніе человѣка къ міру и міра къ человѣку. Но здѣсь можетъ быть вопросъ: какъ совершено самое дѣло искупленія?

Идея-то и ученіе объ искупленіи хороши, но какъ понять сущность самаго искупленія? Тутъ естественно требуется вѣра, которая является вполнѣ разумною и законною въ вещахъ малопостижимыхъ для насъ, но по существу несомнѣнно полезныхъ, въ предметахъ недоступныхъ человѣческому разсудку, но несомнѣнно благотворныхъ. Эту вѣру и Спаситель поставляетъ на видъ, какъ существенное условіе въ дѣлѣ усвоенія искупленія (Іоан. III, 15). Идея искупленія сама по себѣ возвышенна и въ высшей степени отрадна для человѣка. При высотѣ и непостижимости этой идеи для человѣка, со стороны Спасителя было—осмѣлимся сказать—какъ нельзя болѣе справедливо требованіе отъ человѣка вѣры въ Его ученіе. Ученіе Іисуса Христа объ искупленіи само по себѣ таково, что, если будемъ смотрѣть на него, какъ на несомнѣнно истинное, оно будетъ для насъ плодотворно и оправдаетъ само себя. Если же не примемъ его вѣрою, то оно, какъ истинное, пребудетъ во вѣкъ, ни одна іота изъ него не прейдетъ напрасно, между тѣмъ какъ мы лишимся благотворнаго его дѣйствія, и изъ печальныхъ для насъ послѣдствій своего невѣрія узнаемъ всю истинность евангельскаго благовѣствія объ искупленіи.

VIII.

Іисусъ Христосъ великія истины высказывалъ въ простыхъ бесѣдахъ и съ простыми людьми. Въ настоящій разъ мы будемъ разсматривать такую бесѣду Его съ женою самарянкою. Что поражаетъ насъ въ этой бесѣдѣ Спасителя?—Поражаетъ, прежде

всего, необычайная гуманность. Надобно представить тогдашнее разъединеніе между людьми; даже между евреями, людьми родственными, не было единства; гражданское разъединеніе раздѣляло самарянъ и іудеевъ. Причиной такого разъединенія было религіозное предубѣжденіе,—религія стояла тогда на первомъ планѣ. И вотъ, при этихъ-то условіяхъ является человѣкъ, который положительно и ясно объявляетъ, что этого раздѣленія—ни религіознаго, ни моральнаго, ни политическаго—не должно быть; всѣ люди, по его воззрѣнію, одинаковы. Это отрицаніе раздѣленій касалось и нравственной стороны; вопреки тогдашнимъ общепринятымъ началамъ, Христосъ не даетъ предпочтенія менѣе нравственному предъ болѣе нравственнымъ. Самарянка презрѣнна для іудеевъ во всѣхъ отношеніяхъ, а всего болѣе—въ религіозномъ; кромѣ того, она—женщина ненравственнаго характера и дурного поведенія; но Богочеловѣкъ Христосъ не обращаетъ на это вниманія. Онъ относится къ ней, какъ къ лицу достойному во всѣхъ отношеніяхъ. Ренанъ говоритъ, что Іисусъ будто бы «пользовался слабыми сторонами женскаго пола, чтобы чрезъ этотъ полъ пріобрѣсть больше популярности въ народѣ». Эта мысль говоритъ сама о своей фальши.

Посмотримъ на предметъ бесѣды. Какимъ образомъ эта женщина, безнравственная, неспособная, на взглядъ другихъ, къ воспринятію Божественнаго откровенія,—какимъ образомъ она избрана Христомъ для сообщенія ей высочайшихъ истинъ? Нужно имѣть понятіе о нравственности того времени, чтобы видѣть, на какую высоту Христосъ ставитъ своею бесѣдой самарянку. Какой тогдашній человѣкъ могъ бы понять, что Богу прилично поклоненіе духомъ и истиною? А эти слова Онъ высказываетъ простой женщинѣ. Богочеловѣкъ глубоко проникалъ въ природу человѣка; Онъ зналъ, что въ человѣческой природѣ есть такія стороны, для которыхъ тогдашнее богопоклоненіе было недостаточно, которыхъ оно не могло удовлетворить. Даже умъ,—и тотъ не могъ питаться тѣми формами богослуженія, которыя были въ то время употребительны у іудеевъ; эти формы, хотя сами по себѣ достопочтенныя и происхожденія божественнаго, но вѣчно продолжаться въ человѣчествѣ онѣ не могли, такъ какъ онѣ были чѣмъ-то хрупкимъ, чѣмъ-то матеріальнымъ. Нужно было создать новую религію, вѣчную, такую, почва для которой была бы въ самомъ человѣкѣ. Христосъ находитъ эту почву въ глубинѣ человѣческаго духа, почему и самарянка является ему способною къ истинному богопочтенію. Возможны ли такіе разсчеты для человѣка обыкновеннаго?... Стало быть, Христосъ—то Лицо, которое было выше всего человѣчества. Въ призваніи самарянки къ

истинному богопочтенію, къ поклоненію Богу духомъ и истиною, высказалось то начало, которое мы полагаемъ въ основаніе нашей рѣчи о жизни Іисуса Христа: только тотъ можетъ быть названъ, какъ божественный Основатель, кто во всей глубинѣ, высотѣ и широтѣ поймётъ человѣческую природу, т. е. кто поймётъ всю глубину, высоту и широту моральнаго сознанія человѣчества.

Бесѣда Іисуса Христа съ самарянкою такъ много высокихъ сторонъ представляетъ въ Лицѣ Іисуса Христа, что на ней слѣдуетъ остановиться съ полнымъ вниманіемъ. И во первыхъ многозначительно для насъ то обстоятельство, что Іисусъ безразлично относится къ личности, съ которою ведетъ бесѣду. Христосъ—такое высокое Лицо, и безразлично относится къ тому, кто и какъ Его слушаетъ. Ренанъ называетъ это униженіемъ и ставитъ Ему въ укоръ. Но для насъ подъ этою безразличностію открывается много особенно важныхъ чертъ во Христѣ. Мы—люди, при всемъ нашемъ развитіи, при всемъ нравственномъ индифферентизмѣ, при нашей гуманности, никакимъ образомъ не могли бы сами себя поставить въ такое положеніе, въ какое Христосъ поставилъ Себя въ этой бесѣдѣ. Мы не могли бы представить, какимъ образомъ женщина неразвитая, грубая, можетъ понять глубокіе предметы. Далѣе, встрѣчаясь съ женщиной, которая имѣла пять мужей и имѣетъ еще шестаго незаконнаго, мы никакъ не могли бы отрѣшиться отъ мрачныхъ нравственныхъ сторонъ женщины, и это теперь—когда прошло столько вѣковъ. Этого факта изъ жизни Спасителя нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что Іисусъ выше человѣчества, потому что Онъ стоитъ выше слабостей умственныхъ и моральныхъ. Надобно признать, что Іисусъ—человѣкъ—былъ слишкомъ высокъ въ умственномъ отношеніи, что Его умъ неограниченъ и необъятенъ, чтобы постигнуть такъ ясно и просто духъ природы такой женщины. Его нравственный характеръ такъ возвышенъ, что Его не могутъ отталкивать никакія нравственныя язвы. Это одно событіе въ исторіи Спасителя, этотъ одинъ фактъ встрѣчи съ женой самарянкой, если хорошо анализировать ихъ, уже даютъ понятіе о Лицѣ Христа.

Независимо отъ личныхъ свойствъ Христа, необходимо допустить и то, что безразличное отношеніе его къ человѣчеству, не только немощному, но и обезображенному, такое отношеніе можетъ быть только въ человѣкѣ, который долженъ быть лично *занятъ* этими язвами; иначе язвы Его оттолкнули бы. Это точно также, какъ и къ трупамъ и язвамъ спокойно можетъ относиться только тотъ, кто призванъ къ этому, т. е. врачъ. Не обращая вниманія на дальнѣйшіе факты изъ жизни Христа, одинъ этотъ—

можетъ показать, что Христосъ долженъ быть врачъ человѣческихъ немощей. Наконецъ, должно обратить вниманіе и на то, что бесѣдовать съ такою женщиной можно не иначе, какъ если бесѣдующій съ нею поставитъ ее въ уровень съ собой и въ отношеніи умственномъ, т. е. поставитъ ея умъ на такую высоту, чтобы она понимала его, и когда въ нравственномъ отношеніи поставитъ ее, если не наравнѣ съ собой, то на такую высоту, чтобы ея раны и язвы сгушевывались на этой высотѣ. И мы въ Іисусѣ не можемъ не признать этой черты: Онъ при всякой встрѣчѣ съ человѣкомъ выводитъ человѣка изъ его несчастнаго и приниженнаго положенія и возвышаетъ на такую высоту, что какъ бы уничтожаетъ между Собой и имъ разстояніе. Христосъ хотѣлъ видѣть не случайныя явленія въ человѣкѣ, а человѣчество, его идеальныя стороны,—и теперь видѣлъ передъ Собой не женщину, которая вела безнравственную и развратную жизнь, женщину неспособную и неподготовленную, а просто человѣческую натуру. А натура, не смотря на свои слабости и пороки, всегда имѣетъ въ себѣ воспріемлемость къ тому, что выше окружающаго ее, и—всегда сохраняетъ нравственное достоинство. Понятно послѣ этого, почему Христосъ всегда находилъ отголосокъ у всѣхъ людей. Послѣ этого можно отмѣтить и то, что въ бесѣдѣ касается собственно женщины. Фактъ этотъ—встрѣча Христа съ самарянкой—выводитъ женщину изъ того положенія, въ которомъ она дотолѣ была; Христосъ этимъ фактомъ ясно указываетъ, что женщина въ мірѣ духовномъ имѣетъ положеніе не ниже того, какое занимаетъ мужчина; она поднята Христомъ и ей указано, что она, со стороны духовной, можетъ достигать тѣхъ же высшихъ цѣлей, какія преслѣдуетъ и мужчина. Странно!—нынѣ этотъ вопросъ разработывается, какъ бы новое что-то. Человѣческій умъ забываетъ при этомъ тѣ основы, которыя нужны для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, но которыя уже были открыты Христомъ и указаны въ Его бесѣдѣ съ самарянкой!

Что касается предмета бесѣды Христа съ самарянкой, то предметъ этотъ составляло богопоклоненіе, именно—та истина, что *Богъ есть духъ*, что Христосъ ищетъ поклоненія Богу духомъ и истиною, и что этотъ образъ поклоненія угоднѣе, чѣмъ заповѣданный въ ветхомъ завѣтѣ, и что онъ долженъ быть повсемѣстный,—и въ Іудеѣ и въ Самаріи. Намъ, воспитаннымъ въ христіанствѣ, кажутся эти истины такъ извѣстными, что, повидимому, нѣтъ нужды задумываться надъ ними особенно долго; но надобно обратиться за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, чтобы понять всю неожиданность и неудобопостижимость этихъ истинъ. Человѣкъ, который такъ просто, безъ умствованій, открываетъ эти

истины, долженъ быть выше всего человѣчества. Съ другой стороны, эти истины открываются въ бесѣдѣ съ простою женщиною,—это показываетъ, что эти истины такъ просты и родственны намъ, что ихъ можетъ понять простая, неразвитая женщина. Иначе вышло бы, если бы Христосъ раскрылъ ихъ фарисеямъ и книжникамъ; тогда эти истины не могли бы получить съ перваго раза такой прочности и твердости. Онѣ здѣсь предлагаются просто, а простота даже въ умозрѣніяхъ есть первѣйшій признакъ истинности...

Называя Бога *духомъ*, Христосъ не хочетъ этимъ выразить одну безплотность,—безплотность была извѣстна и въ ветхомъ завѣтѣ. Здѣсь не одно отрицаніе плотяности: Бога Онъ называетъ духомъ въ смыслѣ абсолютномъ. Сопоставляя эти слова Спасителя съ другими, здѣсь же находящимися словами (Іоан. IV, 25 и 26), нельзя не видѣть что Онъ этимъ показываетъ и тѣ свойства, по которымъ Онъ имѣетъ отношеніе къ міру и человѣку. И поклоняться Богу духомъ, это значитъ—надобно возвыситься цѣлому человѣчеству въ духовномъ отношеніи, и до того возвыситься, чтобы быть достойнымъ этого Верховнаго духовнаго существа. Онъ разумѣетъ возвышенное развитіе человѣчества умственное и нравственное, чтобы чрезъ это оно сдѣлалось достойнымъ сначала своего человѣческаго достоинства и затѣмъ уже Божества.

Поклоненіе истиною:—подъ нимъ надобно разумѣть поклоненіе не только свободное отъ лжи, больше—поклоненіе умомъ, т. е. когда человѣческій разумъ въ своихъ стремленіяхъ къ Богу достигъ такой степени знанія, что болѣе или менѣе прямо и непосредственно касается самой истины, находя полное удовлетвореніе своимъ высшимъ стремленіямъ, онъ тогда поклонялся бы Богу, отъ Котораго получаетъ это знаніе. Знаніе есть великая сила. Мы въ самомъ ученіи христіанскомъ находимъ указаніе на то, что наша вѣра разовьется *до видѣнія* Нужно замѣтить, что недостатокъ въ человѣкѣ религіозности, вѣры,—все это имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ нѣтъ знанія, а гдѣ есть знаніе, тамъ не можетъ быть ни сомнѣнія, ни невѣрія, отвергающаго существо религіи. Что это за знаніе? Ученики Христа въ развитіи ученія главнымъ образомъ проповѣдывали вѣру, стало быть, какъ бы не то, что мы разумѣемъ, подъ знаніемъ. Тѣмъ не менѣе вѣра евангельская сама въ себѣ заключаетъ зародышъ этого знанія, не того знанія, что мы разумѣемъ въ смыслѣ безусловнаго соглашенія; вѣра въ смыслѣ безусловнаго соглашенія переходитъ въ суевѣріе. Нѣтъ,—знаніе, зародышъ котораго скрывается въ самой вѣрѣ христіанской, есть то *видѣніе*, которое открываетъ намъ высокіе предметы, указываетъ предметъ и цѣль, къ которымъ долженъ

стремиться человѣкъ, это есть созерцаніе Того, Кому долженъ поклоняться человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ. Съ другой стороны, поклоненіе Богу истиною не исключаетъ и того знанія, которое принадлежитъ человѣку въ кругу естественныхъ предметовъ; ибо умъ человѣческій, изслѣдуя естественные предметы, имѣетъ стремленіе къ безконечной вѣчной истинѣ. Этимъ Христосъ даетъ понять, что наши естественныя познанія имѣютъ и должны имѣть цѣлію эту безконечную истину. Такое знаніе не можетъ быть недостойно Бога, а, слѣдовательно, должно имѣть и моральное значеніе. И вотъ фактъ, подтверждающій это: великіе люди были и людьми религіозными...

Наконецъ, Христосъ заключаетъ свою бесѣду съ самарянкой тѣмъ, что поклоненіе Богу духомъ и истиною относитъ къ будущему времени, ко всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Это показываетъ, что истины, которыя Онъ раскрываетъ въ бесѣдѣ, принадлежатъ всему человѣчеству всѣхъ временъ. Съ другой стороны, мы усматриваемъ отсюда, что пониманіе людьми этихъ истинъ и въ настоящее время еще далеко не совершенно.

IX.

Между выраженіями, въ которыхъ Христосъ характеризуетъ Себя, есть такое, гдѣ Онъ приписываетъ Себѣ «жизнь въ Самомъ Себѣ», и это выраженіе о жизни Онъ сопоставляетъ съ выраженіемъ о жизни Отца: *якоже Отецъ имать животъ въ Себѣ, тако даде и сынови животъ имѣти въ Себѣ* (Іоан. V, 26). Такое сопоставленіе показываетъ, что жизнь, какую Онъ приписываетъ Себѣ, надлежитъ понимать въ смыслѣ не совсѣмъ обыкновенномъ.

Имѣть жизнь въ себѣ самомъ—значитъ имѣть жизнь независимую,—жизнь, которая развивается сама по себѣ, по своимъ внутреннимъ побужденіямъ, и въ себѣ же самой имѣетъ цѣли своего развитія. Такая жизнь для насъ и не доступна и не совсѣмъ даже удобопонятна; потому что самую богатую, самую дѣятельную жизнь, нельзя назвать жизнію самой въ себѣ. Наша дѣятельность и жизнь отъ начала до конца подчинены самымъ разнообразнымъ и многосложнымъ условіямъ. Первая и высшая сила человѣческаго духа есть умъ; но и онъ, какъ бы ни былъ силенъ и возвышенъ надъ условіями, нуждается во внѣшнихъ побужденіяхъ, и безъ этихъ побужденій самый геніальный умъ можетъ остаться неразвитымъ. А другія человѣческія силы и способности, наприм. чувство, еще болѣе подвержены зависимости отъ этихъ условій. Даже гдѣ наша жизнь, повидимому, совершенно независима, и тутъ она не можетъ назваться жизнію самой

въ себѣ, тутъ есть внутренніе законы и масштабы, которыхъ избѣжать мы никакъ не можемъ. Слѣдовательно, Іисусъ Христосъ когда говоритъ, что имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, поставляетъ Себя выше всѣхъ людей. Что же это за жизнь?

Этотъ вопросъ рѣшить не трудно, если мы обратимъ свое вниманіе на внутреннюю жизнь Христа, какъ раскрывалась она въ мірѣ во время Его земной жизни. Эта жизнь не подлежала обыкновеннымъ условіямъ дѣятельности человѣка. При самомъ началѣ своей земной жизни, когда духовныя силы обыкновеннаго человѣка едва только начинаютъ обнаруживать нѣкоторые проблески, Христосъ высказываетъ, что эти силы дѣйствуютъ въ немъ независимо и сами по себѣ. Для этого стоитъ только припомнить Его бесѣду въ храмѣ, когда Онъ говоритъ, что у Него нѣтъ отношеній семейныхъ и общественныхъ, и что Онъ пришелъ исполнить только волю Небеснаго Отца. Іисусъ Христосъ—это безграничный умъ, который обнимаетъ собой всѣ судьбы человѣческія, судьбы настоящія и будущія, и не внѣшнія только, но судьбы духовныя и нравственныя, которыя болѣе, нежели другія судьбы, подлежатъ неопредѣлимымъ условіямъ. Іисусъ Христосъ—это безграничная сила чувства, которая возвышается надъ всѣми условіями, это—безграничная сила духа, которая въ Его Лицѣ хочетъ обнять все человѣчество всепримиряющею и всепрощающею любовію; это—безграничная сила воли, которая все подчиняетъ себѣ, къ чему ни прикоснется:—все это показываетъ, что эта жизнь совершенна, что она есть жизнь сама въ себѣ.— Смотря на Христа со стороны, мы можемъ видѣть, что не Его жизнь опредѣляется внѣшними обстоятельствами, а, напротивъ, внѣшнія обстоятельства опредѣляются Его жизнію. Даже можемъ видѣть, что внѣшнія обстоятельства для Него вовсе какъ бы не существуютъ. Онъ дѣйствуетъ, какъ если бы этихъ обстоятельствъ и не было. Его жизнь была совершенна и полна сама въ себѣ.

Если, такимъ образомъ, жизнь Христа внутренняя, духовная, представляется въ такой независимости, въ такой полнотѣ и силѣ, то, конечно, по самому послѣдовательному закону мышленія, мы можемъ придти къ такому заключенію, что эта жизнь не могла не возвышаться и надъ условіями физическими; ибо невозможно представить, что предъ такой неограниченной силой должны имѣть какое нибудъ значеніе силы физическія. Отсюда уже понятно и то, чѣмъ заключилась жизнь этого лица, т. е. понятно Его воскресеніе; узамъ смерти эту жизнь невозможно было удержать. Далѣе понятно и то, что такая полнота и сила жизни, какъ скоро приходила она въ соприкосновеніе съ жизнію другихъ людей, то не могла въ нихъ не отражаться, не могла не

быть источникомъ жизни для другихъ людей. Почему онъ и говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хощетъ, живитъ* (Іоанн. V, 21). По ближайшей связи обстоятельствъ—эти слова относятся къ тѣмъ исцѣленіямъ отъ смертныхъ болѣзней, которыя записаны въ Евангеліи, и прежде всего къ заочному исцѣленію сына царедворцева и разслабленнаго, 38 лѣтъ страдавшаго. Но, само собою разумѣется, эта жизнь могла дѣйствовать и не однимъ непосредственнымъ физическимъ путемъ,—она дальше должна была простираться, и мы видимъ это при малѣйшемъ соприкосновеніи Христа съ другими людьми; одно слово Его располагаетъ къ Нему; безъ всякаго приготовленія люди бросаютъ все и идутъ вслѣдъ за Нимъ, не давая себѣ въ томъ никакого отчета. Потомъ это же дѣйствіе Его безграничной силы видно и изъ того, что довольно было одного слова Его всепрощающей любви, чтобы обратить отчаяннаго грѣшника на истинный путь жизни.—Эти и подобные случаи показываютъ, какъ обильно жизнь истекала изъ этой Личности въ жизнь другихъ людей.

Можно даже сказать болѣе,—эти случаи показываютъ еще только зародыши того развитія этой безграничной жизни, какую Іисусъ Христосъ принесъ въ человѣчество. Если мы обратимъ вниманіе на нравственныя дѣйствія Его ученія, Его жизни, то можемъ вполнѣ понять выраженіе: *Отецъ Мой воскрешаетъ мертвыя и живитъ, и Сынъ, ихъ же хощетъ, живитъ.* Жизнь, которую Христосъ ввелъ въ человѣчество,—эта жизнь духа, въ противоположность плоти, жизнь отрѣшенная отъ грубой вещественности, умѣетъ возвышаться надъ неизбѣжными условіями человѣческой жизни. Эта жизнь идей, въ противоположность жизни въ образахъ, постоянно развивается въ своихъ потокахъ, со времени появленія христіанства. Эту жизнь мы можемъ видѣть во всѣхъ отдѣлахъ умственной дѣятельности—и въ исторіи, философіи и въ естествознаніи. Да и само человѣчество, независимо отъ своего развитія, съ христіанствомъ пріобрѣло, такъ сказать, идею жизни для себя. Трудно понять, какую идею человѣчество развивало до Христа. Оно представляетъ отрывочныя явленія: все въ немъ борется, уничтожается и въ заключеніе ничего нѣтъ. Но со временъ Христа человѣчество предноситъ въ себѣ и предъ собою идею, хоть въ началѣ не ясную, не развитую, но такую, присутствіе которой неоспоримо. Эта идея служитъ основнымъ началомъ жизни человѣчества. Эта идея незамѣтнымъ образомъ связываетъ всѣ, по видимому, отрывочныя стороны человѣчества, она всѣ ихъ старается соединить въ одно цѣлое: это—одна струя, которая протекла въ человѣчество изъ той жизни, которую Хри-

стосъ принесъ на землю въ Своемъ Лицѣ, и эта струя показываетъ, какъ неисчерпаемъ былъ источникъ ея во Христѣ.

Не можемъ не видѣть и другой струи, которая протекаетъ чрезъ человѣчество и не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ: это—жизнь чувства, которая выразилась въ Христѣ въ безграничной любви. Нечего говорить о томъ, какъ эта любовь мало была извѣстна до-христіанскому міру, и стало быть, ею мы обязаны только Христу. И это начало, которое въ первые вѣка христіанства было особенно живо, какъ новорожденное, впослѣдствіи заглохло и подавлено въ человѣчествѣ, но что она—любовь—живуча въ человѣчествѣ, видно изъ слѣдующаго: когда люди при свѣтѣ просвѣщенія стали углубляться въ христіанство, то замѣтили, что эта-то струя и есть въ христіанствѣ основная сторона. Враждебныя христіанству силы, не смотря на борьбу, не отвергаютъ этого кореннаго начала жизни христіанства.

Еще струя—это начало свободы—простой, духовной,—свободы не отъ внѣшнихъ узъ, но внутренней, основанной на достоинствѣ человѣка, возрожденнаго въ христіанствѣ. И только тогда она есть у человѣка, когда онъ живетъ согласно съ основнымъ началомъ христіанства. Истина сдѣлалась первоосновнымъ камнемъ въ пересозданіи человѣчества, любовь—связующимъ элементомъ. До какой степени понятіе о свободѣ легло началомъ жизненнымъ и животворнымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія христіанскихъ народовъ. Ничему другому, какъ ученію Іисуса Христа, обязаны народы своей идеею о свободѣ, которая въ настоящее время болѣе и болѣе входитъ въ сознаніе государствъ. А что чувство свободы имѣетъ и должно имѣть мощное вліяніе на жизнь человѣчества—само собою понятно.

Эти главныя струи жизни, протекшія въ человѣчество изъ жизни Христовой, служатъ въ свою очередь источниками другихъ токовъ, которые разливаются въ человѣчествѣ болѣе и болѣе и которые современемъ должны обхватить его и совершить его полное обновленіе. Конечно, какъ это не могло совершиться въ теченіе двухъ тысячелѣтій, такъ, можетъ быть, пройдутъ еще многіе вѣка, но эти жизненныя идеи осуществятся. Такъ велика была возрождающая сила въ Христѣ! Такъ духовная жизнь Спасителя не могла не отразиться и во внѣшней Его жизни, и мы не можемъ не придти къ заключенію, что такая жизнь не можетъ не возвысить человѣка и въ самой Его жизни физической. Человѣчество и въ физическомъ отношеніи не можетъ остаться въ своемъ прежнемъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, осматривая эти второстепенные токи, мы не можемъ не придти къ мысли: не можетъ быть, чтобы человѣчество, возвышенное до такой степени

духовно, осталось навсегда въ томъ стѣсненномъ положеніи, которое опредѣляется для него естественнымъ или физическимъ ходомъ вещей. И дѣйствительно, эта жизнь, которую далъ ему Отецъ, до того дойдетъ, что и мертвые воскреснутъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ безгранично развивающійся духъ жизни въ человѣчествѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, не можетъ не возвыситься надъ физическими условіями; онъ, какъ скоро проникнетъ въ человѣчество вполнѣ, не можетъ не подчинить себѣ и законовъ смерти. Нельзя думать, что это случится только въ отдѣльныхъ явленіяхъ, какъ это было многократно при жизни Іисуса Христа; эти частные случаи воскрешенія мертвыхъ должны были только служить доказательствами присутствія во Христѣ всеживотворящей силы. Воскрешенные Имъ опять умерли,—это знакъ, что для нескончаемой жизни потребно благопріятное воздѣйствованіе и со стороны міра физическаго,—чтобы въ самой природѣ не было мѣста для смерти;—а для этого должна наступить особая эпоха, которую Христосъ относитъ къ концу міра. Но что это за эпоха? Объ этомъ скажемъ въ другой разъ.

Продолжая разсматривать рѣчь, которую велъ Христосъ съ іудеями, находимъ, что «жизнь въ самомъ себѣ» Онъ соединяетъ съ особеннымъ фактомъ, который Онъ выражаетъ словомъ судъ: *Отецъ не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови* (Іоанн. V, 22). Это сопоставленіе понятій указываетъ на то, что судъ до пришествія Христа былъ судъ смерти: «смертію умрете»,—было сказано; а Спаситель хочетъ сказать, что Его судъ будетъ судомъ не смерти, а жизни.

X.

Итакъ Іисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ право суда надъ цѣлымъ человѣчествомъ,—право, которое простирается не только на настоящую участь человѣка, но и на самую отдаленную его будущность, на цѣлую вѣчность,—и даетъ такой видъ, что отселѣ Отецъ не судитъ никого, но весь судъ отдалъ Сыну.

Почему и на какомъ основаніи это право утверждаетъ за Собою Іисусъ Христосъ? Основаніе этому праву Онъ выражаетъ самымъ необыкновеннымъ образомъ. Отецъ, говоритъ Онъ отдалъ весь судъ Свой Сыну потому, что Онъ *Сынъ человѣческій* (Іоан. V, 27),—не говоритъ, что Онъ Сынъ Божій, а *Сынъ человѣческій!* Такое необыкновенное сочетаніе понятій требуетъ особеннаго объясненія, и надобно замѣтить, что здѣсь выражается одна изъ глубочайшихъ истинъ евангелія. Судъ прежде всего предполагаетъ законъ, опредѣляющій, что должно дѣлать и чего нельзя

дѣлать, и приложеніе этого закона къ дѣятельности, что на языкѣ человѣческомъ называется «правдой». Понятіе о судѣ и правдѣ весьма важно для человѣка, потому что отъ нихъ зависитъ не только жизнь внутренняя и внѣшняя, но и понятія человѣка о самомъ добрѣ и злѣ. Конечно, человѣкъ, какъ существо разумное и нравственное, долженъ былъ бы самъ изъ себя развить эти понятія: потому что въ себѣ самомъ онъ носитъ эти начала суда и правды,—онъ изъ себя долженъ былъ бы развить и понятія о судѣ и правдѣ и способы приложенія этихъ понятій къ жизни. По настоящему, оно такъ и есть. Мы видимъ изъ исторіи человѣчества, какъ оно постепенно развиваетъ изъ себя эти понятія и само опредѣляетъ судъ надъ собой. Въ этомъ—весь смыслъ исторіи. И, конечно, будущія племена чѣмъ болѣе будутъ развивать эти понятія, тѣмъ болѣе будутъ устанавливать судъ надъ собой и тѣмъ болѣе будетъ развиваться самостоятельность нравственной жизни; но такое самовоспитаніе человѣчества не можетъ не быть продолжительнымъ и требуются цѣлыя тысячелѣтія, чтобы дойти до совершеннаго, неизмѣннаго понятія о добрѣ и злѣ, и составить правильное понятіе о судѣ. Съ другой стороны, не смотря на саморазвиваемость суда, человѣкъ все таки не можетъ обойтись безъ внѣшняго руководства, которое или давалось-бы извнѣ, или помогало-бы развитію понятій изъ самого себя. И въ исторіи человѣчества мы видимъ, что законъ и судъ даются отвнѣ: само собой разумѣется, что этотъ судъ или эта правда, опредѣляющая понятія о добрѣ и злѣ и прилагающая ихъ къ жизни и дѣятельности, не могли ни откуда выдти, какъ изъ того же источника, изъ котораго возникла и вся жизнь. Но въ Верховномъ Существѣ человѣкъ видѣлъ идеалъ, по которому долженъ былъ составить самое понятіе о судѣ и правдѣ. Такъ мы видимъ это и въ исторіи... Это безконечное Существо, идеалъ всякаго совершенства, не можетъ ничего инаго требовать отъ человѣка, какъ такого совершенства, которое было бы отображеніемъ Его совершенствъ; этотъ идеалъ не могъ выразиться иначе, какъ требованіемъ, чтобы человѣкъ былъ достоинъ этого совершенства: *святи будите, яко Азъ святъ есмь* (1 Петр. 1, 16); этотъ идеалъ долженъ требовать не меньше, сколько въ себѣ заключаетъ, а въ немъ заключается безконечное совершенство. Но, понятно, такому идеалу, такому требованію не можетъ въ скоромъ времени соотвѣтствовать дѣйствительное положеніе человѣка. Не говоря уже о естественныхъ несовершенствахъ человѣка, которыя могли устраняться и сглаживаться только постепенно—во времени, не говоря уже объ этомъ, даже понятіе о свободѣ человѣка должно было нерѣдко приходить къ

полному затемнѣнію. Вслѣдствіе этого необходимо должно было обнаружиться разнорѣчіе между высшею правдою и жизнію, и это разнорѣчіе поражаетъ насъ въ жизни человѣчества на каждомъ шагу; мы не можемъ не поражаться этимъ разнорѣчіемъ, мы не можемъ даже не спрашивать: зачѣмъ дается такой законъ, который невыполнимъ? Но, говорю,—это необходимо; почему?—потому, что источникъ, изъ котораго законъ проистекаетъ, не можетъ дать другаго закона, который не соотвѣтствуетъ Его достоинству; Онъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ дѣлалъ что нибудь недостойное Его. Съ другой стороны, можно сказать—внѣшній законъ долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ внутренняго закона; слѣдовательно, внѣшній законъ долженъ отражать этотъ внутренній законъ, содѣйствовать тому, чтобы этотъ послѣдній болѣе и болѣе приходилъ въ сознаніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ законъ, не смотря на то, что происходитъ изъ верховнаго источника, оканчивался для человѣка смертію: *смертію умрете*, сказано было ему въ самомъ началѣ, и—*смертію умрете*—постоянно повторялось впослѣдствіи. И это необходимо и неизбѣжно потому, съ одной стороны, что человѣкъ недостаточно утвердился для того, чтобы могъ выполнить этотъ законъ, а съ другой—вслѣдствіе неизбѣжнаго разнорѣчія между жизнію и идеаломъ, откуда ничего не можетъ выйти, кромѣ упадка жизни чрезъ смерть. Такимъ образомъ естественно, что законъ угрожалъ человѣку смертію на каждомъ шагу. И мы видимъ, что правда, которая дѣйствовала на основаніи этого закона, выражалась не чѣмъ другимъ, какъ смертію: то цѣлое человѣчество истребляется потопомъ, то цѣлые народы исчезаютъ, то цѣлые города сожигаются, наконецъ, этотъ законъ до того сталъ усиливаться и дѣйствовать неотразимо, что человѣкъ самъ шелъ на встрѣчу этой судьбѣ. Словомъ сказать, въ цѣлой судьбѣ человѣчества ничего не видимъ, кромѣ смерти. Смерть идетъ по всѣмъ отраслямъ жизни. Посмотримъ на искусство, на философію, науку,—все это поражается какимъ-то отсутствіемъ жизни,—того, что оживляло бы человѣчество; печать смерти лежитъ на всемъ. По естественному порядку, такой ходъ исторіи человѣчества не могъ кончиться ничѣмъ другимъ, какъ всеобщею и окончательною смертію всего человѣчества; однакожъ, этого не должно было быть, потому что законъ жизни все таки оставался въ глубинѣ человѣка, и такъ крѣпко и твердо, что, не смотря ни на что, эти частные случаи смерти не могли истребить въ немъ этого закона жизни; начало жизни оставалось въ немъ неизмѣнно.

Такъ оно и должно быть, потому что человѣчество произошло изъ начала жизни, которое не имѣетъ начала, не имѣетъ и конца. Слѣдовательно, для дальнѣйшаго развитія жизни человѣчества нужно было опредѣлить судъ и правду на другихъ началахъ, чтобы не было разнорѣчія, чтобы человѣчество не находилось въ вѣчной борьбѣ между жизнію и смертію. Это новое начало жизни, эти—«судъ» и «правда»—должны были произойти нѣкоторымъ образомъ изъ другого источника или изъ того же, но другимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если этотъ внѣшній законъ и судъ будемъ разсматривать не въ его источникѣ, а въ содержаніи, въ самомъ существѣ его, то не можемъ не замѣтить слѣдующей особенности: этотъ внѣшній законъ состоитъ изъ разнаго рода предписаній, нравственныхъ правилъ и требованій; эти требованія облечены въ различныя формы, но содержаніе ихъ имѣетъ характеръ какой-то матеріальности. Такъ оно и должно быть, потому что этотъ законъ и эта правда шли извнѣ, а не извнутри; этимъ объясняется и то, что этотъ внѣшній законъ, простираясь на внѣшнюю жизнь, простирался и на внутреннюю, но не достигалъ до глубины человѣческаго духа. Вотъ если бы этотъ законъ могъ воздѣйствовать, проникнуть въ самую глубину духа, тогда вышло бы совершенно другое. И, странно, этотъ законъ, опредѣлявшій главнымъ образомъ внѣшнія стороны человѣка, какъ будто вовсе не хотѣлъ касаться его духовной стороны, какъ будто не прозрѣвалъ сущности, не предполагалъ, что человѣкъ, нарушающій правила, можетъ быть гораздо лучше въ духѣ своемъ. Но для того, чтобы такая *правда* была основана, для этого нужно было, чтобы она шла инымъ путемъ, возникла изъ самой среды человѣчества, чтобы, заключая въ себѣ высшія нравственныя требованія, она очень хорошо знала, что такое духъ человѣческій и что такое его внутренняя жизнь. А для этого правда должна была возникнуть изъ среды жизни человѣка. И вотъ объясненіе на то, что говоритъ Іисусъ Христосъ: *Отецъ не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови*, потому что Онъ—*Сынъ человѣческій, и область даде Ему и судъ творити, яко Сынъ человѣчь есть* (Іоан. V, 27). Мысль такая,—Отецъ какъ бы говоритъ Сыну: «Мой судъ и Моя правда тяжелы для человѣка, Мой судъ не ведетъ къ добру,—онъ не выполнимъ для человѣка; Моя правда не можетъ имѣть иного послѣдствія, какъ только смерть его; но такъ какъ Ты принимаешь на Себя жизнь человѣческую, можешь войти во внутреннюю жизнь человѣка и отразить ее въ Себѣ, то вслѣдствіе этого Я предоставлю Тебѣ и судъ надъ человѣкомъ; суди его не со стороны высшей правды, а соотвѣтственно его потребностямъ и нуждамъ».

Вотъ гдѣ вся глубина и вся великость идеи всемірнаго искупленія. Если мы будемъ смотрѣть на *это* съ указанной нами сейчасъ точки зрѣнія, то поймемъ, что правда и судъ не могутъ ограничиться одною внѣшнею стороною человѣка т. е. судъ не можетъ быть совершенъ тогда, какъ онъ разсматриваетъ одинъ внѣшній фактъ жизни человѣка, потому что за этимъ фактомъ всегда стоитъ самъ человѣкъ. Истинный судъ будетъ тотъ, который судитъ не фактъ взятый отдѣльно, но и самую личность; истинный судъ не тотъ, который знаетъ прилагать судъ къ факту, но тотъ, который знаетъ сколько законъ, съ одной стороны, сколько же, съ другой стороны, сердце человѣческое. Въ сердцѣ человѣческомъ есть такіе факты, которые могутъ оправдывать человѣка, не смотря на его дурные внѣшніе факты, и на оборотъ. Что въ этомъ случаѣ мы не ошибаемся въ понятіи о судѣ, который Іисусъ Христосъ приписываетъ Себѣ надъ человѣкомъ, мы видимъ изъ исторіи Самого Христа: какимъ образомъ этотъ Судья, видя предъ Собой явную преступницу, взятую на мѣстѣ преступленія, видя все, заставляющее приложить къ ней всю силу закона,—какимъ образомъ этотъ Судья въ то же время и не оправдываетъ преступницу, и извиняетъ, и прощаетъ ее? Не такъ фарисеи; они съ своей точки зрѣнія ничего не видѣли здѣсь, какъ только одинъ внѣшній фактъ, они осудили ее на побіеніе камнями, и они были съ своей стороны справедливы. Истинный судья не тотъ, кто судитъ фактъ, а тотъ, кто знаетъ сердце человѣческое. Іисусъ Христосъ постигалъ человѣка; человѣкъ, не смотря на непривлекательныя свои внѣшнія стороны, по внутренней жизни можетъ быть очень высокъ; при томъ фактъ внѣшній никоимъ образомъ не можетъ выражать цѣлаго человѣка; человѣкъ внутри себя можетъ быть выше собственныхъ своихъ поступковъ, природа его души всегда будетъ превосходить размѣры внѣшнихъ фактовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ, что Іисусъ Хрустосъ право суда соединяетъ въ Себѣ съ тою полнотою жизни, которую Онъ приписалъ Себѣ, по которой Его судъ является не судомъ смерти, а судомъ жизни: Отецъ не судитъ никого, но Свой судъ весь отдалъ Сыну. *И слушаяй словесе Моего*, говоритъ Спаситель, *и вѣруяй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный* (Іоан. V, 24). Это значитъ, что та полнота жизни, которую носитъ въ Себѣ Іисусъ Христосъ, изъ Него переходитъ въ жизнь человѣчества и приноситъ съ собой ту живительную и животворную силу, которая возвышаетъ духъ человѣка до такой степени, что онъ получаетъ возможность стать выше всѣхъ условій, которыя влекутъ его къ злу; это значитъ, что внутренняя духовная жизнь Іисуса Христа

можетъ и должна развиться до такой степени въ человѣчествѣ, что дастъ послѣднему силы стремиться къ добру и содѣлаетъ его господиномъ надъ самимъ собой, — и какъ прежде всякое нарушеніе закона вело неизбѣжно къ смерти, такъ теперь случайное нарушеніе закона можетъ привести къ жизни: *и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ.*

II.

Изъ чтеній по Дѣятельному христіанскому богословію.

Вѣра—основаніе истинной нравственности.

По духу истиннаго христіанства, первымъ и главнымъ основаніемъ нашей нравственности должна быть вѣра. Все ученіе, вся благодатная сила Божественной христіанской вѣры направлены къ тому, чтобы сдѣлать человѣка лучшимъ нравственно, чтобы очистить, утвердить и возвысить его нравственную жизнь. Напротивъ, безъ вѣры нѣтъ и не можетъ быть истинной добродѣтели: потому что нѣтъ и не можетъ быть тѣхъ возвышенныхъ нравственныхъ побужденій къ добру, тѣхъ глубокихъ и чистыхъ чувствованій сердца, тѣхъ сильныхъ дѣйствій совѣсти, той твердости и силы воли, наконецъ, того самоотверженія въ самолюбіи, въ страстяхъ, въ соблазнахъ,—что все въ совокупности составляетъ совершенный характеръ истинной добродѣтели. Между тѣмъ въ духѣ нынѣшняго времени, въ его понятіяхъ о добрѣ и нравственномъ достоинствѣ человѣка, въ правилахъ воспитанія высказываются иныя мысли: мысли—основать, такъ сказать, самостоятельную нравственность, независимо отъ вѣры, на одномъ естественномъ чувствѣ добра. «Живи такъ, говорятъ, какъ внушаетъ здравый разсудокъ и собственное, внутреннее чувство совѣсти и чести; будь добръ, честенъ, справедливъ, благороденъ,— вотъ все, что нужно для нравственнаго достоинства человѣка». Итакъ, все это представляется возможнымъ или нисколько не ложнымъ—и безъ вѣры, или внѣ зависимости отъ нея. Не странно ли, что въ самое просвѣщенное время христіанства возобновляются древнія, до-христіанскія, словомъ—языческія понятія, которыя уже, въ свое время, обнаружили всю свою слабость и ложь? Не угрожаетъ ли это и тѣми же послѣдствіями? Не приведутъ ли

(и уже не видно ли отчасти?) такія понятія къ тому же, къ чему привели они въ древнее время человѣчество, еще не искупленное благодатію: ко всеобщему безграничному преобладанію личнаго самолюбія, неукротимыхъ страстей, необузданной чувственности, нагло-безстыдствовавшихъ пороковъ, затѣмъ—къ совершенному разслабленію духа, безпечности и равнодушію ко всему, разочарованію во всемъ—и въ самой жизни?

Безразсудно не признавать истины, которую такъ легко усвоить добрымъ сердцемъ, которую утверждаютъ опыты и сознаніе лучшей части человѣчества всѣхъ временъ, той истины, что человѣкъ не можетъ дать прочнаго основанія и силы своей добродѣтели, безъ сознанія своихъ отношеній къ Существу Верховному, не только какъ Творцу, но и какъ Законодателю и Судіи; что Существо Верховное, создавъ существа нравственноразумныя, не можетъ не имѣть на нихъ вліянія нравственнаго, чтобы вести ихъ къ дѣятельному совершенству, сообразно ихъ нравственному достоинству и назначенію; что нигдѣ и ни въ чемъ, какъ только въ Существѣ Безконечномъ, своемъ Творцѣ, человѣкъ долженъ находить и видѣть для себя первообразъ нравственнаго совершенства, равно и источникъ того законоположенія, которое лежитъ въ собственномъ его духѣ. Здѣсь истинное ученіе нравственности находитъ высшія и сильнѣйшія для человѣка побужденія къ добру, и нельзя опредѣлить и развить идеи о высочайшемъ благѣ человѣка, которое есть вмѣстѣ и послѣдняя цѣль жизни его, не имѣя въ мысляхъ и сознаніи идеи о Высочайшемъ, Безконечномъ Существѣ, которое само въ себѣ есть совершеннѣйшее благо, и о которомъ говоритъ человѣку вѣра. Безсмертіе души, жизнь будущая, судъ и воздаяніе: истины, важнѣйшія въ ученіи вѣры, суть вмѣстѣ и необходимыя истины въ ученіи нравственномъ, потому что указываютъ назначеніе нравственной жизни человѣка. Такая внутренняя связь ученія вѣры съ ученіемъ нравственнымъ не есть связь случайная, но существенная и непрерывная, и такая именно связь двухъ этихъ началъ совершенно нравственной жизни составляетъ особенное преимущество христіанства: потому что въ христіанствѣ вѣра и нравственность такъ тѣсно между собою соединяются, и такъ глубоко одна другую проникаютъ, что даже трудно означить предѣлы, гдѣ оканчивается область одной и начинается область другой. Отъ первой страницы христіанскаго откровенія до послѣдней, повсюду заповѣдуется человѣку прямое, нравственное подчиненіе Творцу, каждое свободное дѣйствіе человѣка цѣнится постольку, поскольку оно соглашается съ понятіемъ о совершенствахъ и волѣ Самого Творца, и постоянно Творецъ изображается

Промыслителемъ и Законодателемъ,—еще болѣе *Отцемъ* нравственнаго міра.

Нравственность, основанная не на вѣрѣ, а на однихъ умозрѣніяхъ, или на одномъ естественномъ чувствѣ добра, какъ этого хотятъ люди вѣка, такая нравственность ложна; ложна потому, что не сообразна съ настоящимъ состояніемъ человѣка, потому, что въ ней умышленно скрываются отъ него глубочайшія потребности сердца, отъ которыхъ онъ отказаться не можетъ. «Будь честенъ, добръ, воздавай всякому свое»: прекрасно! Но, обращая вниманіе на тотъ внутренній, нравственный міръ, который сокрытъ во глубинѣ нашего сердца, не можемъ не примѣчать, что весьма часто наши внутреннія расположенія, наши мысли, чувства и желанія, противорѣчатъ нашимъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, имѣющимъ видъ честности и законности;—не можемъ не сознаться и въ томъ, что иногда наше внутреннее чувство бываетъ спокойно, не сознавая въ себѣ расположеній, противныхъ законамъ правды, но внѣшнія обстоятельства бываютъ таковы, что вызываютъ наши добрыя чувства и расположенія на борьбу, которая и нарушаетъ спокойствіе нашего сердца, и клонится не въ пользу нашихъ добрыхъ намѣреній,—даже,—что бываетъ очень нерѣдко,—принуждаетъ уступить побѣду сторонѣ противной. Въ этомъ случаѣ порядокъ міра нравственаго, безъ сомнѣнія, нарушается. Но какъ же сдѣлать, чтобы наши внутреннія чувствованія и внѣшнія дѣйствованія никогда взаимно одни другимъ не противорѣчили, чтобы тѣ и другія всегда согласовались въ постоянномъ стремленіи къ одному доброму, честному, святому? Какъ и чѣмъ поддержать себя и укрѣпить духъ свой во всеобщей борьбѣ добра и зла въ мірѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не терять вѣры въ добро, не измѣнять ему отъ соблазновъ, страха и нравственнаго безсилія, не раболѣпствовать противъ совѣсти видимо—или лучше—мнимо торжествующему злу? Здѣсь-то помогаетъ вѣра Богооткровенная. Она указываетъ намъ высшаго Правителя нравственнаго міра, верховнаго Промыслителя, Который въ своей всемогущей десницѣ держитъ столько же нравственную, свободную, какъ и физическую, подчиненную законамъ необходимости, жизнь всего міра; Который своею премудростію, благостію, неограниченною силою и властію управляетъ борьбою добра и зла въ мірѣ, сохраняя и спасая первое, ограничивая и карая послѣднее,—и если рѣшительное торжество добра по времени еще не приспѣло,—приводитъ, извѣстными Ему путями, отдѣльныя боренія добра и зла ко благу цѣлаго. Вѣра открываетъ намъ тѣ дивныя средства благодатныя, которыя Богъ даруетъ намъ для нравственнаго возрожденія, обновленія и

укрѣпленія души, боримой грѣхомъ, для очищенія ея въ самомъ грѣхопаденіи, вольномъ или невольномъ. Такимъ образомъ вѣра оказываетъ величайшую нравственную силу: она успокоиваетъ нашъ духъ, при видѣ въ мірѣ всеобщей борьбы добра и зла; она укрѣпляетъ насъ въ собственныхъ нашихъ бореніяхъ со зломъ, внутри насъ самихъ; она воодушевляетъ къ преподѣланію зла; она умиляетъ и смягчаетъ сердце наше въ самыхъ нравственныхъ паденіяхъ, и потому дѣлаетъ насъ всегда способными и благонадежными къ возстанію. Но отнимите эту вѣру, исключите изъ ученія нравственности понятіе о высшемъ нравственномъ міроправленіи: и увлеченіе человѣка къ злу, всеобщая борьба добра и зла, видимое торжество зла въ мірѣ останутся вопросами неразрѣшимыми; и неразрѣшимость этихъ вопросовъ своею тяжестію подавитъ нашъ умъ и сердце; мы будемъ безсильно падать въ борьбѣ со зломъ, насъ увлекающимъ, или, что еще хуже, будемъ падать безъ борьбы и безъ надежды возстановленія.

Далѣе, откуда тѣ глубокія идеи совершенства, тѣ высокія стремленія къ высшему благу, которыя, возникая изъ сокровенной жизни души, не позволяютъ человѣку въ этомъ мірѣ довольствоваться, не только что внѣшними, чувственными благами, но и самыми своими добродѣтелями? Кто вложилъ въ душу человѣка мысль и убѣжденіе, словомъ, вѣру,—что она живетъ не для земной жизни и не для временныхъ благъ, но что она создана для жизни лучшей и совершеннѣйшей, которая ожидаетъ ее въ другомъ мірѣ?—Или: откуда во глубинѣ души человѣка то внутреннее непобѣдимое сознаніе, что онъ далеко не совершенъ, что онъ совершенно немощенъ, что ему нужна дѣятельная перемѣна къ лучшему, и именно въ его собственномъ духѣ, соотвѣтственно его назначенію, которое въ его естественномъ состояніи, очевидно, не достигается? Нельзя ничѣмъ уничтожить въ себѣ этого сознанія, хотя и можно на время заглушить его; надобно изыскать средства къ его удовлетворенію. Здѣсь-то, такъ называемая, естественная нравственность обнаруживаетъ всю свою недостаточность и безсиліе. Удовлетворятъ ли потребностямъ духа, возродятъ ли его, возвысятъ ли общія сухія нравоученія, когда онъ ищетъ обновленія всецѣлаго въ самомъ себѣ, когда онъ томится смертною алчбою сродной себѣ, небесной и духовной пищи? Можно ли усовершить, даже удовольствовать его мелкими правилами общежительной честности, когда онъ жаждетъ стремиться къ высшему совершенству, по тому образу, который начертанъ въ самомъ его существѣ и который побуждаетъ его желать и искать приближенія къ своему Первообразу. Только въ этомъ приближеніи состоитъ истинное совершенствованіе нашего духа;

только здѣсь для него дѣйствительное удовлетвореніе существеннѣйшихъ его потребностей, его истинное успокоеніе: слѣдовательно, только здѣсь и есть истинная нравственность. Не должно забывать, что у человѣка есть прошедшее, въ которомъ онъ видитъ начало своего настоящаго, и которое имѣетъ для него нравственное значеніе, потому что скрываетъ въ себѣ источникъ его теперешнихъ нравственныхъ немощей и скорбей; не должно терять изъ виду будущаго, съ его безконечною жизнію, съ его вѣчнымъ блаженствомъ или—вѣчными страданіями, смотря по тому, на какомъ пути—на пути добра или зла,—застигнетъ человѣка неизвѣстный часъ этого будущаго, и откроется его безпредѣльность. Надобно помнить и то, что своего будущаго человѣкъ достигаетъ путемъ не одной внѣшней жизни и дѣятельности, для которой могли бы казаться достаточными положительныя правила честности и мірской правды, но истинный путь человѣка къ будущему есть путь внутренней, духовной жизни, для которой внѣшняя должна служить отраженіемъ, облаченіемъ, или лучше, поприщемъ развитія. Внутреннее человѣка—вотъ гдѣ корень его жизни, средоточіе его существеннѣйшихъ нуждъ, начало его дѣятельнаго образованія и, прибавимъ, задача его бытія, которую онъ долженъ сознать и выполнить въ своей нравственной дѣятельности. Но только вѣра, своимъ ученіемъ и своею благодатною силою, даетъ полное раскрытіе, силу и дѣйство внутренней, духовной жизни человѣка; только вѣра объясняетъ человѣку жизнь его прошедшую,—исторію его нравственнаго паденія, раскрываетъ ему жизнь настоящую,—время подвиговъ его нравственнаго возрожденія и обновленія, говоритъ о будущемъ—времени воздаянія; только вѣра открываетъ истинныя отношенія его къ Творцу и взаимныя отношенія Творца къ человѣку,—отношенія, внѣ которыхъ человѣкъ, разсматривая самъ себя, былъ бы самъ для себя неразъяснимою загадкою; только вѣра поставляетъ человѣка на возвратномъ пути къ его безсмертному, блаженному началу, отъ котораго онъ отпалъ и удалился,—примиряетъ съ Первообразомъ, возсоединяетъ съ Нимъ и въ Немъ снова открываетъ для духа источникъ высшихъ благъ жизни: свѣта истины, чистоты сердца, мира совѣсти, утвержденія воли въ добрѣ, чистыхъ радостей и невозмутимаго спокойствія въ настоящемъ мірѣ и наконецъ—вѣчнаго блаженства въ будущемъ.

Итакъ, основанія нравственности, безъ соединенія съ вѣрою, слишкомъ не вѣрны и не тверды; только вѣра можетъ придать ей надлежащую крѣпость и совершенство. И Божественная христіанская вѣра по существу своему имѣетъ такое нравственное значеніе. Ея ученіе, ея духъ, ея внутренняя сила имѣетъ по

преимуществу нравственное направленіе; она содержитъ въ себѣ не однѣ умосозерцательныя истины, но и дѣятельныя правила; она дѣйствуетъ не только на разумъ нашъ, но и на сердце и на волю нашу; не только имѣетъ отношеніе къ духовной жизни человѣка, но имѣетъ спасительную силу для жизни внѣшней, частной, семейной, общественной: ибо вселяетъ во всѣ стороны жизни человѣческой духъ Христовъ, духъ истины, любви, добродѣтели, мира. Такимъ образомъ, для сохраненія и утвержденія истинной нравственности, нужно, чтобы мы вполнѣ покорили себя вѣрѣ, покорили ей свой разумъ, сердце, волю подчинили ей всю жизнь нашу. Но не будетъ ли такое подчиненіе вѣрѣ слишкомъ стѣснительнымъ для собственнаго разума и свободы человѣка? Разумъ и свобода человѣка всегда возстаютъ за свои права и неохотно рѣшаются быть въ зависимости отъ внѣшняго, хотя бы и высшаго, водительства. Человѣкъ любитъ признавать законы своей природы и своего разума самостоятельными; поэтому всегда старается,—если уже нельзя отвергнуть,—по крайней мѣрѣ какъ-нибудь ограничить вліяніе на свою жизнь строгихъ правилъ вѣры. Такъ умы вѣка сего думаютъ, что вѣра должна только содѣйствовать совершенствованію человѣка, но не управлять неограниченно всею его дѣятельностію, что вѣра должна только восполнять недостатки естественныхъ силъ нашихъ въ нравственной жизни, только уменьшать или отдалять препятствія къ нашему нравственному совершенству, но не безусловно обязывать насъ положительными правилами своими. Къ этому, обыкновенно, придумываются еще разные житейскіе предлоги для освобожденія себя отъ исполненія обязанностей вѣры: то—неисполнимая будто-бы строгость правилъ ея; то—невозможность совмѣстить правила ея съ требованіями жизни мірской, общественной, то—возможность быть истиннымъ христіаниномъ, не оставляя и общепринятыхъ условій внѣшней жизни, понятій и обычаевъ міра и духа времени. Но всѣ эти предлоги лживы, такъ какъ и мысль о стѣсненіи вѣрою разума и свободы человѣка совершенно несправедлива: эта мысль происходитъ отъ излишне-высокаго мнѣнія человѣка о разумѣ и излишняго довѣрія къ нему, также отъ ложнаго пониманія свободы. Человѣкъ хочетъ увѣрить себя, что его разумъ не можетъ внушать ничего, кромѣ добра; что его свобода состоитъ въ независимомъ послѣдованіи собственному разуму и сердцу и возможности свободно, по ихъ внушеніямъ, искать и устроять свое счастіе на землѣ и наслаждаться жизнію. Ему представляется, напротивъ, что вышеземныя внушенія вѣры поставляютъ его въ какія-то враждебныя отношенія къ жизни, уничтожаютъ всѣ его наслажденія въ ней,

направляются къ тому, чтобы управлять имъ противу его воли, и такимъ образомъ приводятъ его въ страдательное положеніе въ мірѣ, вмѣсто всякаго счастія. Вотъ отчего человѣкъ такъ страшится ига вѣры!

Но, положимъ, что разумъ человѣка носитъ въ самомъ себѣ неизмѣняемые законы добра, идею благъ истинныхъ; положимъ, что разумъ не имѣетъ для себя высшей цѣли, какъ только дѣйствовать по свободному стремленію къ добру: значитъ ли это, что разумъ самъ собою можетъ развить изъ себя все необходимое для нравственнаго совершенства человѣка, что разумъ самъ собою можетъ привести человѣка къ послѣднимъ цѣлямъ его нравственной жизни, то есть, утвержденію въ добрѣ и блаженному единенію съ благомъ безконечнымъ? Согласимся, что разумъ способенъ составить прекрасный планъ для нравственнаго образованія человѣка. Но еслибы жизнь человѣческая походила на какую-нибудь машину, которую надобно было бы завести одинъ разъ чтобы она дѣйствовала не останавливаясь и выработывала предназначенное произведеніе... Та бѣда, что жизнь человѣческая,—какъ внутренняя, такъ и внѣшняя,—не машина. Здѣсь первое и главное противодѣйствіе разуму въ самомъ человѣкѣ,—та именно свобода, которою онъ столько похваляется и дорожитъ; свобода, увлеченная страстями, низпровергаетъ наилучшія мысли и убѣжденія разума, тутъ міръ, съ обычаями и соблазнами, съ его добромъ и зломъ: тутъ судьбы человѣка, съ ихъ непредвидимыми событіями, съ ихъ счастіемъ и несчастіемъ. Тутъ и каждый человѣкъ, отдѣльно взятый, каждое недѣлимое,—представляетъ въ себѣ отдѣльный міръ, суетный, непостоянный, полный страстей, полный борьбы добра и зла, буйный, прихотливый, непокорный. Что тутъ сдѣлаетъ одинъ разумъ съ своими наилучшими идеями? Много ли силы могутъ имѣть его внушенія и законы? Тутъ-то разумъ всегда есть болѣе ученикъ опытовъ, чѣмъ самостоятельный законодатель, болѣе труженикъ, чѣмъ свободный дѣятель; тутъ онъ встрѣчаетъ задачи неразрѣшимыя, препятствія неодолимыя. Такимъ образомъ не видимъ ли мы, что иногда человѣкъ весьма разумный по природѣ, весьма образованный, человѣкъ прекрасно разсуждающій, однакожъ—весьма пороченъ въ собственной жизни? Не видимъ ли, съ прекраснымъ воспитаніемъ, расположеннымъ по всѣмъ правиламъ образованнаго разума, выходитъ человѣкъ—весьма дурной? Значитъ, царю въ человѣкѣ—разуму не достаетъ силы, чтобы управить человѣкомъ; и вотъ что значитъ высокое достоинство разума, оставленнаго самому себѣ: онъ остается безъ силы!

Но гдѣ и какимъ образомъ разумъ могъ бы пріобрѣсть по-

требную для себя нравственную силу? Въ томъ-то и дѣло, что эту силу разумъ человѣческій не можетъ обрѣсти въ самомъ себѣ, что эта сила почерпается изъ другихъ высшихъ источниковъ. Въ этомъ случаѣ самый безпристрастный свидѣтель—исторія. Цѣлые народы, въ цѣлыя тысящелѣтія, остаются только на порогѣ нравственнаго и умственнаго образованія, прежде нежели сдѣлаютъ шагъ впередъ, прежде нежели пробудится въ нихъ разумъ, чтобы дойти только до сознанія, что они живутъ неразумною жизнію, что, напримѣръ, пожирать плѣнныхъ непріятелей противно природѣ и человѣчеству. Греки уже имѣли своихъ поэтовъ, но еще не постигали, какъ нелѣпо приписывать Божеству такія страсти и пороки, которые унижаютъ и человѣка; греки имѣли своихъ философовъ, но еще не отвыкли отъ заблужденія думать, что Божество можетъ благоугождаться страстями и пороками людскими, которые, въ самыхъ безобразныхъ видахъ, приносились ему въ жертву; и сами философы, волею или неволею, покорялись такимъ обычаямъ. Для того, чтобы постигнуть нравственное назначеніе человѣка, довольно ли разуму имѣть такую вѣру въ безсмертіе души, какъ, напримѣръ, была вѣра Цицерона, который, читая Федона, убѣждался въ этой истинѣ, а когда оставлялъ Федона, то снова возвращался къ своимъ обыкновеннымъ, неодолимымъ сомнѣніямъ? Достаточно ли такое понятіе о верховномъ Міроправителѣ, какъ понятіе о художникѣ, который устроилъ прекрасный механизмъ этого видимаго міра и далъ ему жизнь,—жизнь, которую этотъ механизмъ развиваетъ въ своемъ движеніи, по законамъ, однажды для него опредѣленнымъ? Но ничего лучше такихъ понятій разумъ не могъ найти въ тѣсномъ кругу своихъ идей,—тамъ, гдѣ онъ предоставленъ былъ самому себѣ, гдѣ онъ не признавалъ никакихъ другихъ законовъ для своей дѣятельности и для жизни человѣка, кромѣ собственныхъ, изъ себя самого извлекаемыхъ. Нѣтъ, возблагодаримъ благость Божію, давшую намъ свое непосредственное, Божественное откровеніе и съ нимъ «вся силы, яже къ животу и благочестію», такъ что, безъ долгихъ и тщетныхъ напряженій собственнаго разума, мы можемъ восходить на такую степень нравственнаго просвѣщенія, чтобы сознавать и въ своемъ сознаніи развивать все, относящееся къ нашему совершенству и блаженству.

И что было бы, если бы Божественное откровеніе не поспѣшило на помощь человѣку? Не погибъ ли бы весь родъ человѣческій прежде, чѣмъ успѣлъ бы подняться хотя на немногія степени нравственнаго самоусовершенія? Еслибы даже разумъ человѣческій былъ не поврежденъ и чистъ въ самомъ себѣ, еслибы

даже онъ не былъ обезсиленъ страстями,—и тогда бы онъ имѣлъ нужду во внѣшемъ, высшемъ руководствѣ къ истинѣ и добру, въ положительныхъ правилахъ нравственнаго совершенства; это потому, что собственныя, врожденныя идеи его не составляютъ еще ни положительной истины, ни опредѣленнаго знанія: онѣ—только образы истины и знанія; его стремленія къ совершенству еще не указываютъ и не опредѣляютъ для человѣка самаго совершенства: слѣдовательно, предоставленный своимъ идеямъ и стремленіямъ, человѣкъ всегда легко могъ бы заблуждаться и падать. Вотъ почему благость Божія, по сотвореніи человѣка, такъ сказать, ни на минуту не оставила его безъ своего Божественнаго откровенія, безъ положительной заповѣди. Такимъ образомъ человѣкъ, еще невинный, съ разумомъ чистымъ, уже покоренъ былъ вѣрѣ. И это нисколько не стѣсняло и не унижало человѣка: напротивъ—это возвышало и облегчало для него путь совершенства и блаженства: потому что предохраняло отъ заблужденій и паденій. Но—*будете яко бози*—мечта о независимости погубила человѣка, погубила сначала, губитъ и всегда. А гдѣ въ самомъ дѣлѣ и какая это независимость? Посмотримъ на человѣка безъ вѣры. Разумъ, увлеченный вольномысліемъ, совершенно теряется въ его распутіяхъ; нѣтъ мысли самой нелѣпой, самой безразсудной, которая бы легко не входила и не поселялась въ немъ, даже чѣмъ нелѣпѣе и безразсуднѣе мысль, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ онъ предается ей; наконецъ такія мысли до того овладѣваютъ имъ, что онъ теряетъ силу и способность различать истину и ложь, добро и зло, владѣть собою, принимать самыя ясныя доказательства его заблужденій, усвоять самыя сильныя убѣжденія къ истинѣ: онъ дѣлается рабомъ лжи, и весь, такъ сказать, обращается въ ложь. Не вѣруя въ Бога, въ Божественное откровеніе, онъ не вѣруетъ ни во что истинное, святое, доброе; вся вѣра его обращается на одну ложь, на одно зло: и странно, тутъ нѣтъ глупости и нелѣпости, которой бы этотъ невѣрующій разумъ легко не повѣрилъ. Онъ, не вѣрующій чудесамъ Божественнаго откровенія, охотно вѣритъ чуднымъ откровеніямъ кружащихся столовъ; онъ, отвращающійся отъ боговдохновенныхъ учителей міра, готовъ внимать и вѣрить провѣщаніямъ кудесниковъ. Это—опыты. Сердце человѣка безъ вѣры дѣлается гнѣздилищемъ всякихъ страстей, и самыхъ грубыхъ, животныхъ, буйныхъ и упорныхъ; онѣ обладаютъ сердцемъ до такой степени, что оно уже или не чувствуетъ ига ихъ и безсознательно увлекается ими, или, и сознавая ихъ въ себѣ, не можетъ побѣдить ихъ; оно и страдаетъ въ сознаніи ихъ и раскаявается въ увлеченіи ими: однакожъ, увлекается, покаряется,

ищетъ удовлетворенія имъ; но ихъ ненасытимость ничѣмъ не удовлетворяется; онѣ больше и больше погружаютъ сердце во глубину своихъ нечистотъ и своихъ золъ; всякое доброе чувство подавляется ими; всякій стыдъ, страхъ истребляется въ сердцѣ; оно теряетъ вкусъ и всякое чувство услажденія во всемъ добромъ, чистомъ, прекрасномъ: оно услаждается только всѣмъ худымъ, нечистымъ, противунравственнымъ. Совѣсть человѣка безъ вѣры теряетъ всякую силу дѣйствовать на волю человѣка; она заглушается, безмолствуетъ, спитъ; еще хуже—она доходитъ до такого поврежденія, что оправдываетъ самыя худыя дѣла человѣка; человѣкъ безъ вѣры есть человѣкъ безъ совѣсти.—Итакъ, это—разумная свобода и вожделѣнная независимость? Нѣтъ,—это адскія узы. А почему все это такъ? Потому, что истинная, разумно-нравственная свобода, свойственная человѣку и достойная его, только тамъ, гдѣ истина и добро: а истина и добро только тамъ, гдѣ—Богъ. Богъ являетъ Себя и волю Свою въ своемъ Божественномъ откровеніи, которое, съ нашей стороны, усвояется вѣрою. Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ вѣры, гдѣ не допускается и не дѣйствуетъ Божественное откровеніе, тамъ нѣтъ и не можетъ быть истинной свободы. И какъ человѣкъ, надменный превосходствомъ своего разума, увлекаемый мечтою о свободѣ, но отвергающій вѣру,—легко самъ обнаруживаетъ все ничтожество своего разума и всю нелѣпость мечты своей о свободѣ! Въ новѣйшее время философія пыталась такимъ образомъ начертать идеалъ *естественной* по разуму и *свободной* жизни человѣчества: что же? нашла самое вѣрное отраженіе своего идеала въ жизни безъ разума,—въ жизни дикихъ каннибаловъ, нашла именно въ томъ, что жизнь каннибаловъ идетъ безъ всякихъ законовъ, правилъ, приличій и т. д. Такъ мечталъ Руссо и еще нѣкоторые изъ вольнодумцевъ французскихъ. По тому же идеалу, безъ вѣры, также въ новѣйшее время хотѣли создать и гражданское общество: что же опять? создались цѣлыя общества каннибаловъ, которые превосходили въ грубости и звѣрствѣ и американскихъ.

Напрасно заблуждающій разумъ и испорченное сердце представляютъ себѣ правила вѣры тяжкими и неисполнимыми. *Иго мое благо и бремя мое легко есть*, сказалъ Божественный Учитель вѣры. Почему Онъ такъ сказалъ? потому, что лучше, чѣмъ кто-нибудь, зналъ потребность для человѣка въ такихъ правилахъ, какія заключаются въ Божественной вѣрѣ, по его нравственному поврежденію, по его духовнымъ немощамъ, по его бѣдственному состоянію въ мірѣ; а притомъ Господь въ своемъ ученіи заключилъ силу благодатную, врачующую, укрѣпляющую, успокоивающую и возвышающую духъ нашъ. При такихъ условіяхъ ученіе вѣры не должно быть для насъ бременемъ тяжкимъ. Чему же учитъ вѣра? Она учитъ насъ помнить прежде всего и тверже всего, что мы *христіане*, люди искупленные крестомъ Спасителя, возрожденные и освященные благодатію, для того чтобъ обновленнымъ духомъ стремиться къ высшему совершенству и блаженству; учитъ, поэтому, жить по-христіански, а не по-язычески, жить болѣе для Бога, нежели для себя и для міра, болѣе для духа безсмертнаго, нежели для тѣла тлѣннаго, болѣе для вѣчной жизни, чѣмъ для временной; учитъ всегда и во всемъ помнить Бога и началомъ и концемъ нашихъ дѣйствій поставлять не самоугожденіе, не свое я, но Бога и волю Божію; всегда и во всѣхъ случаяхъ предаваться Промыслу Божію и благодушно покаряться судьбамъ Его; быть въ послушаніи Христовой церкви, хранящей для насъ Божественное слово и всѣ средства спасенія, учитъ любить другъ друга любовію чистою, безкорыстною, любить не любящихъ только, но и ненавидящихъ; болѣе служить общему благу, нежели своимъ пользамъ; быть готовымъ на всякое добро и помощь другимъ, на всякое самоотверженіе для Бога и для ближнихъ; учитъ обуздывать страсти, а не потворствовать имъ, умѣрять пожеланія, а не питать ихъ, возставать въ паденіи, а не оставаться падшимъ навсегда, очищать совѣсть раскаяніемъ, а не заглушать ее... А если бы и въ самомъ дѣлѣ это было трудно, не должно ли было бы, не взирая ни на какія трудности, употребить всѣ усилія къ тому, чтобы выполнить всѣ эти правила, ради одного превосходства ихъ? Что можетъ быть возвышеннѣе и прекраснѣе ихъ? Если бы эти правила были выполняемы, какъ должно, какъ преобразилось бы человѣчество! Какіе были бы люди, какія семейства, какія общества! Одно своеволіе, одна гордость человѣка отвергаетъ благое иго вѣры, потому только, что не хочетъ смирить себя: и такимъ образомъ, вмѣсто наилучшаго добра, воцаряетъ въ мірѣ крайнее зло. И неужели не надобно быть хорошимъ человѣкомъ, потому только, что это нѣсколько трудно, а можно быть худымъ, потому, что это легче?

Но не умомъ заблуждающимъ, не сердцемъ испорченнымъ надобно измѣрять строгость правилъ вѣры: лѣнивому какое дѣло не кажется труднымъ? Человѣкъ съ больнымъ воображеніемъ чего не пугается? Притомъ и не по буквѣ закона надобно судить о немъ: *письмя убиваетъ*. Надобно судить здравымъ разсудкомъ и здравыми чувствами сердца; надобно проникать въ духъ закона: ибо *духъ животворитъ*. А какой духъ Евангельскаго закона? *Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ... О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.*

(Іоан. 13, 35; 14, 23). *Любовь*—вотъ духъ Евангелія, вотъ основаніе и сущность его заповѣдей. *Вѣра любовію поспѣшествуема* (Гал. 5, 6): вотъ совершенство христіанской нравственности! Но любовь ли, высочайшая и прекраснѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей, можетъ быть названа бременемъ, бременемъ тяжкимъ? Не любовь ли, напротивъ, облегчаетъ всякій трудъ, всякій подвигъ, всякое требованіе закона? Не любовь ли сама вызываетъ нерѣдко человѣка на величайшіе труды и подвиги, даже выше и внѣ всякихъ побужденій постороннихъ, ради того, кого или что любитъ? Эта любовь совершала тѣ дивныя чудеса христіанскаго самоотверженія, которыя составляютъ величіе первыхъ вѣковъ христіанства: въ борьбѣ съ цѣлымъ міромъ, она потоками крови, ею добровольно проливаемой за Христа, напоила почву ново-насаждаемой вѣры; она побуждала одною собственною силою, безъ всякихъ другихъ побужденій, богатыхъ и сильныхъ міра оставлять всѣ блага и наслажденія жизни, прерывать всѣ узы міра, всѣ, даже естественные, союзы человѣчества и скрываться въ пустыняхъ, чтобы въ самоотреченіи служить Тому Единому, Кого болѣе всего въ мірѣ, болѣе себя и своей жизни, любила; она собственнымъ внушеніемъ вызывала подвижниковъ благочестія на такіе подвиги самоумерщвленія плоти, которые кажутся вышеестественными и для которыхъ нѣтъ обязательства и въ Евангеліи. Или это было только увлеченіе мечтательныхъ умовъ и мистически-восторженныхъ сердецъ, безъ яснаго сознанія и достаточнаго разсужденія о значеніи такихъ дѣлъ? Нѣтъ, тутъ была мысль свѣтлая, сознаніе ясное, разсужденіе зрѣлое, убѣжденіе глубокое. Конечно, такіе подвиги не всѣмъ доступны; они и не отъ всѣхъ требуются. Они только представляютъ намъ великіе примѣры того, какъ любовь облегчаетъ самые тяжкіе труды въ добрыхъ дѣлахъ. Но любовь облегчаетъ и малые труды, также, какъ и великіе, обыкновенные, какъ необыкновенные. Та же любовь, которая побуждаетъ человѣка бросать всѣ богатства міра ради Христа, побудитъ насъ и не отказывать, хотя въ малой милостынѣ нищимъ; та же любовь, которая внушаетъ необычайные подвиги воздержанія и самоумерщвленія, облегчитъ для насъ и обыкновенные посты, съ такимъ трудомъ нами совершаемые. Оставьте любовь: и самыя малыя дѣла добра будутъ также тяжки, какъ и великія. Или еще скажутъ, что и самую любовь усвоить себѣ трудно? О, христіанинъ! Въ одномъ ли этомъ имени все твое христіанское достоинство? Но если тебѣ трудно любить: то не напрасно ли ты носишь и самое имя христіанина, въ которомъ слышится имя небесной любви? Правда нынѣшній вѣкъ больше мыслитъ и дѣйствуетъ во имя *человѣка, человѣчества,*

человѣческаго достоинства. Итакъ, человѣкъ-христіанинъ, если ты не слушаешь вѣры, обратись къ своей человѣческой природѣ: тамъ, во глубинѣ ея, найдешь источникъ и побужденія любви. Наша разумная природа не создана ли любить Бога, по тому самому, что создана по Его образу и подобію. Не побуждаетъ ли она всѣхъ насъ любить другъ друга, именно—*яко самъ себе,* потому, что одна и та же природа во всѣхъ насъ, и мы, единствомъ природы, не физической только, но и духовной, соединяемся въ одинъ нераздѣлимый родъ или семью человѣчества? Не любви ли жаждетъ наша душа, для которой, пока не ожесточится она во злѣ, въ собственномъ сознаніи тяжки, болѣзненны, скорбны и укорительны (слѣдовательно не естественны) всѣ чувства противныя любви: и недостатокъ любви къ Богу, и вражда, зависть, ненависть къ людямъ и пр.? Не эти ли страсти отравляютъ всю жизнь человѣка и производятъ всѣ бѣды въ человѣчествѣ? Послѣдуй внушеніямъ хотя этой естественной любви, очисти ее отъ страстей, дай ей надлежащую силу и развитіе въ жизни: и она малу по малу перейдетъ въ любовь христіанскую, которая привьется къ ней, возвыситъ и оплодотворитъ ее.

Сколько бы ни уклонялись люди отъ благаго ига вѣры, сколько бы ни возставалъ противъ него міръ, съ своими мнѣніями, страстями, соблазнами, враждою: вѣра Христова царствуетъ и будетъ царствовать въ цѣломъ мірѣ, будетъ учить міръ, будетъ управлять міромъ. Она имѣетъ сама въ себѣ жизнь Божественную, неистощимую, которая ни въ какое продолженіе временъ, ни въ какомъ пространствѣ мѣстъ, ни въ какой борьбѣ съ міромъ изсякнуть не можетъ; она имѣетъ въ себѣ Божественную, благодатную силу, которой никакія враждебныя силы одолѣть не могутъ; она имѣетъ въ себѣ Божественное предопредѣленіе о судьбахъ міра, котораго никакія усилія человѣческія измѣнить не могутъ. Искупленіе міра совершено. Думаемъ ли мы, что, однажды принесенная за міръ жертва на крестѣ только искупляетъ грѣхи міра, но что тѣмъ не менѣе міръ предоставленъ самому себѣ въ собственной жизни? Или думаемъ, что искупленіе составляетъ только предметъ догматической вѣры, безъ особенныхъ положительныхъ дѣйствій въ человѣчествѣ? Или,—что собственное развитіе міра, въ его просвѣщеніи, въ его общечеловѣческомъ самоусовершеніи, можетъ наконецъ освобождать человѣчество, какъ уже возмужалое, отъ вліянія вѣры, необходимаго и сильнаго преимущественно въ первые вѣка христіанства, когда надобно было утвердить міръ на новыхъ началъ жизни? Нѣтъ. Благодатная сила искупленія должна дѣйствовать въ человѣчествѣ до конца вѣковъ, въ его внутренней

времена утвердились опоры ея непреложности? И то, что принадлежитъ къ собственной жизни міра, нерѣдко обращается къ пользамъ св. вѣры. Новѣйшія усовершенствованія познаній въ области наукъ, даже физическихъ, не только не опровергаютъ истинъ вѣры, а напротивъ, большею частію, соглашаются съ ними и подтверждаютъ ихъ; стремленіе народовъ къ общему сближенію чрезъ быстроту взаимныхъ сообщеній можетъ помогать и собственному стремленію вѣры къ соединенію всѣхъ народовъ во Христѣ, сообразно Божественному откровенію, и, можетъ быть, даже въ путяхъ Промысла служитъ видимымъ началомъ и внѣшнимъ средствомъ этого соединенія; мысль о распространеніи между самыми отдаленными и дикими народами гражданской образованности, занимающая теперь просвѣщенные народы, которые стараются просвѣтить дикихъ и ввести ихъ въ общенародные союзы, сама собою способствуетъ всемірному распространенію вѣры: ибо необходимое начало образованія, столько же умственнонравственнаго, сколько и гражданскаго, есть христіанство; безъ него то и другое невозможно,—что сознаютъ и всѣ образованные народы; усиленное развитіе общественности, свойственное настоящему времени и клонящееся къ тому, чтобы тѣснѣе соединять людей между собою въ жизни общественной, взаимнымъ общеніемъ образованности, пользъ и удобствъ жизни, можетъ при добромъ и благонамѣренномъ направленіи, благопріятствовать большему развитію и христіанскаго духа въ обществѣ; ибо это духъ по преимуществу общественный, духъ единенія, человѣколюбія, милосердія, мира: но ничто такъ не противно и ничто такъ не вредитъ ему, какъ взаимное отчужденіе между людьми.

Такимъ образомъ все показываетъ, что вѣра должна быть—и только она можетъ быть—твердымъ основаніемъ нравственной жизни нашей и—цѣлаго міра; вѣра для насъ единственное средство спасенія: вѣра должна спасти міръ. Такъ по Божественному предопредѣленію и обѣтованію. *Что бо, аще не вѣроваша нѣцыи: еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ: да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложь* (Рим. 3, 3, 4). *Аще мы не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо Себе не можетъ* (2 Тим. 2, 13). Что же—невѣрующіе? Дѣти, которымъ скучно учить уроки и слушать наставленія: ихъ увлекаютъ только еще игры. Но не всегда же будутъ игры. Скоро наступаетъ для человѣка неизбѣжное время уроковъ: и какихъ уроковъ! Самъ Богъ преподаетъ ихъ, преподаетъ и каждому человѣку, и цѣлымъ народамъ, и всему человѣчеству: низпроверженіе самыхъ обольстительныхъ и самыхъ вѣрныхъ, повидимому, расчетовъ, разрушеніе надеждъ, униженіе самолюбія, скорби сердца, болѣзни,

лишенія и бѣдствія жизни, неожиданные перевороты въ судьбахъ, потрясающіе всю жизнь: вотъ эти уроки! Блаженъ, кто пойметъ смыслъ этихъ уроковъ и усвоитъ ихъ себѣ вѣрою: вѣра спасетъ его. Но горе тому, кто не захочетъ понять и обратить въ назиданіе себѣ такіе случаи, кто въ самомнѣніи, въ безвѣріи вздумаетъ еще возставать противу Промысла: онъ падаетъ жертвою собственной гордости и самообольщенія. Страшное погибельное паденіе!

О надеждѣ христіанской.

Если бы мы имѣли въ виду жизнь человѣка естественнаго и одно временное поприще этой жизни, то и тогда бы всю эту жизнь надобно было заключить въ одномъ словѣ: надежда. На пути этой жизни, гдѣ каждый шагъ человѣка такъ невѣренъ, гдѣ нѣтъ ничего твердаго и постояннаго, гдѣ нѣтъ добра безъ зла, радости безъ печали: на этомъ пути что поддерживаетъ духъ человѣка, что дополняетъ въ немъ немногія утѣшенія отъ тѣхъ немногихъ благъ, какія онъ получаетъ, что успокоиваетъ, хотя нѣсколько, сердце въ тѣхъ неизмѣримыхъ потребностяхъ, какія оно съ собой приноситъ въ этотъ міръ,—міръ тѣсный, міръ бѣдный, міръ скучный, міръ суетный? Надежда. Отнимите надежду, и міръ этотъ сталъ бы мрачнѣе и тѣснѣе могилы, гдѣ—хотя нѣтъ свѣта и жизни,—за то уже нѣтъ чувства и печалей.

Но, что такое и самая надежда жизни естественной? «Надежда—сказалъ Пиѳагоръ,—цвѣтокъ еще нераспустившійся». И правда,—правда, какъ само въ себѣ, такъ особенно въ отношеніи къ жизни языческой. Цвѣтокъ этотъ никогда не распустился бы въ мірѣ языческомъ, потому что онъ требовалъ и совсѣмъ не такой почвы, каковъ былъ міръ языческій, и не тѣхъ рукъ,—чтобы за нимъ ухаживать.

Почва, какую представлялъ изъ себя міръ языческій, была слишкомъ груба и жестка, чтобы на ней могла цвѣсти надежда. «Терпи, терпи охотно, иначе невольно терпѣть будешь», говорили язычники. Или: «durum, sed levius fit patientia, quidquid corrigere nefas». На такой ли почвѣ можетъ разцвѣсти надежда? Апостолъ Павелъ говоритъ больше,—онъ всю жизнь язычниковъ представляетъ жизнію безъ упованія.

Какъ много требовалось, чтобы этотъ цвѣтокъ жизни человѣческой—надежда—распустился на этой землѣ! Надобно было, чтобы почва на которой онъ долженъ былъ расти была упитана—чѣмъ? кровью! Надобно было чтобы онъ въ своемъ возрастаніи питался не земною, но небесною, чистою росою; надобно было,

чтобы онъ произросталъ и цвѣлъ уединенно, чтобы отъ него отдалены были всякіе, чуждаго рода цвѣты, хотя бы то и прекраснѣйшіе на видъ,—и вотъ еще что было нужно: чтобы онъ подпертъ былъ крестомъ. Это вѣрно: иначе, человѣкъ былъ бы въ цѣлой жизни своей безъ надежды, и погибалъ бы въ отчаяніи. Новая почва, на которой ростетъ теперь цвѣтъ надежды,—и надобно сказать, ростетъ прекрасно,—есть міръ христіанскій: и эта-то почва вся упитана кровію Небесной Любви и Ея истинныхъ послѣдователей, и на этой почвѣ цвѣтъ надежды точно не инымъ чѣмъ питается,—какъ росою небесною—благодатію, и, прибавимъ, ростетъ уединенно, въ отдаленіи отъ всего чувственнаго и земного, и его опора—крестъ Іисусовъ. Прекрасный, благоуханный цвѣтъ! Какъ сильно влечетъ онъ къ себѣ, своимъ благоуханіемъ и красотою, чувства и желанія души, умѣющей находить его и одаренной тонкими, духовными чувствами, чтобы обонять его благоуханіе. А какія еще утѣшенія и наслажденія обѣщаетъ онъ, когда распустится и расцвѣтетъ во всей полнотѣ жизни и красоты. Изъ него-то, по мѣрѣ достиженія его въ полный разцвѣтъ, долженъ развиваться новый, лучшій міръ, будущій рай обновленнаго блаженства.

Не льститъ чувствамъ надежда христіанская, не обольщаетъ напрасно и воображенія. Только немногое, и очень немногое составляетъ предметъ ея на землѣ, поелику, въ существѣ своемъ, она выше всего земного. Изъ того, что принадлежитъ къ временной и естественной жизни души, надежда христіанская избираетъ для себя только лучшее и болѣе чистое,—отъ всего прочаго она готова отказаться. Что казалось бы драгоцѣннѣе и самой жизни? но и отъ этого блага надежда христіанская можетъ отказаться, имѣя въ виду высшія цѣли. Только одно благо временной жизни цѣнитъ она и желаетъ его какъ блага,—это благо: конецъ жизни,—говорю, что это благо для надежды христіанской, потому что за предѣлами этой жизни—всѣ ея цѣли, къ которымъ она стремится; тамъ она ихъ достигаетъ, и, достигнувъ, въ полнотѣ жизни расцвѣтаетъ и оплодотворяется; тамъ ея исполненіе и блаженство.

Разберемъ этотъ цвѣтъ по лепесткамъ, его составляющимъ, и, чтобы не отторгать его отъ его корня и не пересаживать на другую почву,—просто, чтобы не разбирать надежды христіанской своимъ умомъ,—раскроемъ Евангеліе. Тамъ положены ея сѣмена, тамъ утвержденъ ея корень. Хотимъ ли видѣть основанія и опоры христіанской надежды, хотимъ ли видѣть ея высшіе предметы и цѣли, хотимъ ли видѣть ея внутреннюю жизнь и силу, ея разцвѣтъ и ея составныя части: не знаю, что для этого взять, кромѣ одного изъ чистѣйшихъ и прекраснѣйшихъ цвѣтовъ,

произращенныхъ Евангеліемъ: говорю о нашей общей молитвѣ—*Отче нашъ*. Кажется, нѣтъ, нужды, изъяснять, почему основанія надежды христіанской заключены для насъ въ молитвѣ; но почему для изображенія различныхъ предметовъ, объема и цѣлей этой надежды, мы избираемъ теперь молитву «Отче нашъ»—это покажетъ раскрытіе самого содержанія и смысла этой высокой и прекрасной молитвы.

Не естественно ли, что человѣкъ лучшія утѣшенія въ жизни своей находитъ тамъ, гдѣ его отечество? И вотъ первая вѣсть ему объ отечествѣ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!» Сколько вѣковъ протекло, когда, забывъ свое отечество и потерявъ путь къ нему, оставленный самому себѣ въ чуждой странѣ, бѣдный и слабый, безъ силъ и безъ помощи, человѣкъ блуждалъ по распутіямъ міра и тщетно вопрошалъ окружающіе его предметы объ отечествѣ. Куда ни устремлялся взоръ его, на чемъ ни останавливался разумъ его, или къ чему ни привязывалось сердце, ничто не отзывалось привѣтомъ отчизны, нигдѣ и ни въ чемъ не слышался голосъ родной страны, и все оказывалось ему чуждымъ, все измѣняло его сердцу! Земля питала, земля и принимала въ свои нѣдра то, что изъ земли происходило: вотъ родина тѣла, тамъ его колыбель, тамъ и могила. Но духъ сиротствовалъ. Темное, внутреннее чувство побуждало его иногда обращать свои мысли къ небу, но, какъ неизвѣстность пути на небо, такъ и недостатокъ познанія о Томъ, Иже есть на небесѣхъ, приводили духъ въ смущеніе, и, какъ бѣдное дитя, онъ былъ такъ немощенъ и такъ несмѣло взиралъ на небо, что одно видимое величіе неба, такъ сказать, подавляло его, одинъ блескъ солнца заставлялъ боготворить солнце, и одни физическія явленія приводили его въ суевѣрный трепетъ. Въ такомъ состояніи человѣку точно приходилось, какъ выражаетъ Св. Писаніе, говорить и камню: «будь мнѣ отецъ», или дереву; «ты мой родитель»,—и дерево и камень онъ принималъ за Божество! Какія утѣшенія оставались ему въ такомъ состояніи?

Отче нашъ! Какъ много сіи слова говорятъ сердцу! и какая сила, какая полнота лучшихъ утѣшеній человѣка-христіанина заключается въ сихъ немногихъ словахъ! Но человѣкъ не самъ открылъ для себя источникъ утѣшеній: и потому не простымъ естественнымъ чувствомъ надобно постигать силу сего воззванія къ Отцу Небесному. Самъ Духъ Божій наставляетъ насъ въ семъ воззваніи, какъ изъясняетъ это ап. Павелъ: «Елицы Духомъ Божіимъ водятся, говоритъ онъ, сіи суть сынове Божіи; не пріясте бо духа работы паки въ боязнь, но Духа сыноположенія, о немъ же вопіемъ: авва, отче!» (Римл. VIII, 14, 15). Вотъ изъ-

ясненіе первыхъ словъ молитвы Господней: Отче нашъ! Разумъ естественный, постигая безконечное разстояніе между Творцемъ и тварію, не рѣшилъ бы человѣка называть себя самого сыномъ Божіимъ; сердцу естественному, поражающемуся величіемъ безконечныхъ совершенствъ Творца, свойственнѣе питать въ себѣ страхъ, или благоговѣніе къ Нему, или—хотя любовь—только любовь, какъ благодѣтелю, или милосердому Царю и Покровителю. Что же сказать о человѣкѣ—грѣшникѣ, для котораго дальнее разстояніе земли отъ неба становится еще далѣе потому, что грѣхи погружаютъ его на дно ада, и котораго совѣсти, отягченной беззаконіями, свойственно только трепетать гнѣва и суда Всевышняго? Что же другое и могло составить характеръ, духъ цѣлой жизни человѣка—грѣшника, главное начало его дѣятельности, если не одинъ духъ рабства и страха? Послѣ сего одно право—или одно дерзновеніе—назвать Господа Отцемъ требовало того, чтобы человѣку данъ былъ совсѣмъ другой характеръ, другой духъ, нежели какимъ онъ въ естественномъ состояніи водился.

Итакъ, по изъясненію апостола, «мы получили Духа усыновленія, которымъ и взываемъ: Авва, Отче! и сей самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы чада Божіи». Вникнемъ въ глубокій смыслъ этихъ словъ: право называть Бога Отцемъ не отвнѣ намъ дано, не приписано намъ только въ ученіи новозавѣтномъ, нѣтъ! сіе право есть побужденіе внутреннее, благодатное, которое, какъ сѣмя новой благодатной жизни и основаніе новыхъ благодатныхъ отношеній къ Творцу, положено въ глубинѣ собственнаго нашего духа. Самъ Духъ Божій, безъ Котораго мы не могли бы назвать себя дѣтьми Отца Небеснаго,—поелику не могли бы быть *причастны естества Божескаго* и любви Божественной,—Самъ Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, побуждаетъ его сознавать, что мы сыны Божіи! Какая глубина и высота, по выраженію того же апостола, въ строеніи нашего спасенія! И какая преспѣвающая разумъ Любовь Христова, исполняющая насъ во всяко исполненіе Божіе! (Еф. III, 18, 19). Мы не понимаемъ писаннаго ученія Евангелія, не постигаемъ всего строительства нашего спасенія; во всемъ этомъ много таинъ для нашего ума: что же? Для чего напрасно напрягать свой умъ? Обратимся къ себѣ—взойдетъ внутрь себя и здѣсь, внутри себя самихъ, мы услышимъ голосъ—къ живущему на небесахъ: «Отче нашъ! Авва отче!» И вотъ разрѣшеніе всѣхъ нашихъ недоумѣній, вотъ источникъ спокойствія для духа! Дитя еще не имѣетъ полнаго сознанія, еще не понимаетъ своихъ отношеній къ отцу,—и уже выражаетъ своимъ лепещущимъ языкомъ это имя—имя

Отца, послѣдуя одному внутреннему влеченію своего чувства,—и это даже есть первое его слово! Безъ сомнѣнія, ничто столько не обѣщаетъ Человѣку утѣшеній и ничто столько не ручается за дѣйствительность этихъ утѣшеній, какъ взаимная любовь между сыномъ и отцемъ. Однакожъ, осмотримся,—гдѣ наши утѣшенія, гдѣ наши надежды, наши блага?—

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Далеко наши утѣшенія! Неужели на землѣ не остается для насъ ничего? Напротивъ: не тамъ ли должны быть наши утѣшенія, гдѣ источникъ всѣхъ тѣхъ благъ, какихъ мы желаемъ и какія можемъ получить? И откуда намъ ожидать вожделѣнныхъ для насъ благъ, если не изъ отечества? Когда земледѣлецъ полагаетъ сѣмя въ нѣдро земли, онъ не надѣется только на почву земли, но надѣется, что съ неба снизойдетъ роса, и ороситъ его землю, съ неба пройдетъ дождь, и напоитъ его сѣмя, съ неба солнце прольетъ свои лучи, и согрѣетъ землю, прогремитъ громъ, и благорастворитъ воздухъ; такъ точно для сохраненія и преспѣянія добрыхъ плодовъ нашей земной жизни—нужна вполнѣ помощь съ неба. Но вотъ какъ по сему поводу учитъ апостолъ: *аще чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу... Упованіемъ бо спасохомся; упованіе же видимое, нѣсть упованіе; еже бо видитъ кто, что и уповаетъ? Аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ* (Рим. VIII. 17, 24, 25). Итакъ, вотъ почему всѣ утѣшенія христіанина отнесены на небо. Какъ дѣти, мы имѣемъ право наслѣдованія вѣчныхъ благъ у Бога: единый сонаслѣдникъ нашъ—Христосъ; съ Нимъ мы, по праву возновленія, раздѣляемъ жизнь, раздѣляемъ славу, раздѣляемъ царство. Азъ завѣщеваю вамъ, яко же Отецъ завѣщалъ Мнѣ, царство,—и въ этомъ царствѣ: небо и земля, все временное и вѣчное, все невидимое и видимое, всѣ блага жизни земной и все блаженство жизни небесной; а еще блага духовныя: благословеніе, оправданіе, освященіе, спасеніе. Но при всемъ томъ, мы еще только упованіемъ спасохомся,—изъясняетъ апостолъ. Въ самомъ дѣлѣ, спасеніе рода человѣческаго совершено на крестѣ Іисуса, но грѣхъ еще царствуетъ въ плоти нашей, смерть еще держитъ свое царство и власть, адъ еще поглощаетъ свои жертвы, гдѣ же спасеніе? Во упованіи? Упованіе же видимое нѣсть упованіе: будемъ ли смотрѣть на видимый міръ, какъ въ немъ течетъ наша жизнь, какъ, повидимому, все идетъ въ немъ противъ нашихъ чаяній, какъ сокровенно въ немъ дѣйствуетъ тайна искупленія, совершеннаго Богочеловѣкомъ; будемъ ли смотрѣть на однѣ внѣшнія стороны своего быта,—какъ въ немъ все идетъ наперекоръ самымъ лучшимъ нашимъ желаніямъ, какъ все погло-

щается силою одной чувственности,—и все плѣняетъ, порабощаетъ, помрачаетъ нашъ духъ; если, говорю, будемъ останавливаться на томъ, что видимъ,—то невольное чувство заставитъ сказать, что здѣсь—въ видимомъ—все противъ упованія: и потому—нѣтъ для насъ полныхъ утѣшеній. Но посему то и сказано, что упованіе видимаго нѣсть упованіе, а надобно обратить свое сердце къ невидимому; спасеніе на небѣ,—тамъ и наше упованіе. Тамъ устроена жизнь христіанина: онъ живетъ во времени, обращенъ духомъ къ вѣчности, странствуетъ на землѣ, стремится къ небу, подвизается въ мірѣ и здѣсь питается тѣмъ, что не принадлежитъ тѣлу и міру. Желаемъ себѣ утѣшеній истинныхъ, неизмѣнныхъ, какъ чада, какъ наслѣдники Богу? Положимъ сердце наше въ невидимомъ, будемъ взирать на небо. Отче нашъ иже еси на небесѣхъ! Идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ.

Итакъ, первое воззваніе молитвы Господней есть первое основаніе, основной камень всѣхъ нашихъ утѣшеній. Теперь обратимся къ самымъ прошеніямъ сей молитвы; въ нихъ, по наставленію Самого Господа, мы находимъ самые высшіе предметы утѣшенія христіанскаго.

Да святится имя Твое! Первый и величайшій предметъ христіанскаго утѣшенія; говоримъ: предметъ утѣшенія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть предметъ нашей нравственной дѣятельности. Имя Божіе, какъ источникъ просвѣщенія и освященія духовнаго, должно освящать, управлять, возвышать наши мысли, чувства сердца, всѣ наши намѣренія и всѣ наши поступки. И не всегда ли имя Божіе свято? И не каждому ли изъ насъ ввѣрено сіе сокровище? Но вмѣстѣ съ симъ мы еще молимъ о утѣшеніи: да святится имя Отца Небеснаго; Имя Божіе—истина Божія. Мы исповѣдуемъ истину вѣры христіанской, и въ ней, поклоняясь имени Тріединаго Божества, видимъ и признаемъ истину нашего спасенія, нашего блаженства. Истина святится въ церкви христіанской. Но сколько еще странъ и народовъ, которымъ неизвѣстна сія истина, и которые погружены во тьмѣ заблужденій, или у которыхъ священное имя Божества унижено и оскорблено, бывъ приписано ложнымъ предметамъ нечестиваго поклоненія, или помрачено грубыми предразсудками суевѣрія? Есть обѣтованія непреложныя, что всѣ языки и страны должны познать святое имя Единаго, истиннаго Бога, что всѣ народы должны составить единое стадо единаго Пастыря и во святыни имени Его обрѣсти истину, миръ и блаженство. И вотъ наше утѣшеніе! Просимъ и уповаемъ, да святится имя Его, да будетъ познано и прославлено имя Его во всей землѣ и между всѣми

народами, и да соберетъ Онъ въ Себѣ Самомъ во едино стадо всѣ племена земныя, и всѣ да познаютъ единаго всеблагого и премудраго Отца, и въ единеніи вѣры и церкви да образуется и утвердится то великое единеніе всего человѣчества, въ которомъ должно открыться единое непреходящее царство истины, добра и блаженства. Святсе имя Его да будетъ печатію и знаменіемъ сего вожделѣннаго единенія! Какое прекрасное и высокое утѣшеніе для души! Какъ оно свойственно и близко душѣ христіанской, вѣрующей и любящей! Но,—это не наше толкованіе. Надежды христіанина, заключенныя въ сей молитвѣ, которая всѣмъ вѣрующимъ преподана отъ Искупителя,—сіи надежды вполнѣ раскрыты и укрѣплены молитвою Самого Искупителя за вѣрующихъ. «*Отче! да знаютъ Тебе единаго, истиннаго Бога... явихъ имя Твое человѣкомъ, ихъ же далъ еси Мнѣ отъ міра... Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое,—да будутъ едино, якоже и мы... Святи ихъ во истину Твою, и за нихъ Азъ свящу себе, да и тіи будутъ священи во истину, да вси едино будутъ... И сказахъ имъ имя Твое, и скажу: да любы, ею же Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ*» (Іоан. XVII). Вотъ совершеннѣйшее изъясненіе словъ молитвы вѣрующихъ: да святится Имя Твое! Господь и Спаситель нашъ въ молитвѣ къ Отцу Своему за насъ,—кончая, передаетъ Ему прошенія той молитвы, какою молимся и всѣ мы, по Его наставленію, къ Отцу Небесному. И Самъ предвѣчный Сынъ превѣчнаго Отца являетъ вѣрующимъ имя Отца, какъ высочайшій предметъ ихъ упованія, поелику обѣщаетъ явить это имя всему міру, какъ свѣтъ истины чистѣйшей, какъ печать и знаменіе освященія избранныхъ: сказахъ имя Твое человѣкомъ и скажу, да любовь, ею же возлюбилъ мя еси, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ. Или, какъ еще въ сумракѣ церкви ветхозавѣтной слышанъ былъ голосъ Его къ Отцу Превѣчному: «*возвѣщу имя Твое братіи Моей,—посредѣ Церкви воспою Тя!*» Еще разъ, какая прекрасная и высокая, какая отрадная надежда для души христіанской!

Имя Божіе—сила Божія: сила, каторая вдревле часто вѣрою избранныхъ могущественно повелѣвала природою и міромъ, потрясала стихіи, отверзала и затворяла небо, оплодотворяла землю, воскрешала мертвыхъ, поражала враговъ видимыхъ и невидимыхъ; сила, на которой основана церковь, и которою сохраняется, движется, процвѣтаетъ внутренняя духовная жизнь церкви, по непреложному слову: *идѣже собрани два или тріе во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. 18, 20). И съ симъ именемъ святымъ, съ сею силою Божественною, положено въ нѣдра церкви обильное и неисчерпаемое, какъ самая сія сила, сокровище даровъ и силъ

духовныхъ, благодатныхъ, какъ для поддержанія церкви, такъ для ея возрастанія и преспѣянія въ жизни благодатной, для ея могущества и славы, ея всегдашняго торжества и украшенія. И въ этомъ отношеніи, какъ сила Божія, имя Божіе есть предметъ искреннихъ надеждъ христіанскихъ,—да святится сія сила выну въ Церкви, да пребудетъ въ ней чиста, свята, неприкосновенна, и ею да святится сама церковь, да пребудетъ всегда чиста и свята и непорочна, въ своей же чистотѣ и неприкосновенности, да будетъ сія сила всегда жива и животворна, всегда обильна и многоплодна, неистощима, непобѣдима, несокрушима, и ею сама церковь да будетъ всегда обильна даровъ и силъ духовныхъ, полна жизни благодатной и Божественной, всегда побѣдоносна и непобѣдима, для враговъ сокрушительна и несокрушима. «Отче Святый, молился о вѣрующихъ Спаситель, соблюди ихъ во имя Твое... Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое!» Какая твердыня упованія христіанскаго! И объ эту твердыню во всѣ времена сокрушалась вся злоба и коварство враговъ церкви, вся мудрость и лесть міра, всѣ усилія противъ нея самаго ожесточеннаго зла,—и имя Тріединаго всегда сіяло новымъ свѣтомъ и славою въ вѣнцѣ торжествующей среди бурныхъ волнъ міра—церкви. И, однако же, чтобы яснѣе понять всю важность и силу этого предмета христіанскаго упованія, надобно посмотрѣть на опыты вѣковъ, когда имя Всевышняго, основа и душа религіи, затмевается во мракѣ заблужденій своевольнаго и гордаго разума, когда оно помрачается и оскорбляется въ тинѣ страстей и пороковъ народныхъ; надобно посмотрѣть, какъ вслѣдъ за симъ затменіемъ исчезаютъ мало по малу свѣтлые дни въ самой жизни народной, ея устройство и благоденствіе начинаетъ колебаться, народъ теряетъ силы своего духа, государства заражаются внутренними, тяжкими болѣзнями, потрясаются и склоняются къ паденію. Это опыты вѣковъ. Крѣпка должна быть молитва народовъ христіанскихъ, и твердо упованіе ихъ въ Отцѣ Небесномъ: да святится имя Его!

Но для души вѣрующихъ и любящихъ, конечно, не довольно слышать или произносить устами имя Того, въ Комъ вся ихъ надежда: имъ позволено желать большаго. *Да пріидетъ царствіе Твое!* Полная и совершеннѣйшая надежда христіанъ! И міръ, и природа, и все, что мы видимъ, все, что существуетъ, составляетъ единое царство Всемогущаго Царя, Который все зиждетъ и всѣмъ управляетъ, какъ Творецъ и Промыслитель. Обширное, великое царство! Неизмѣнно и всеобъемлюще о немъ промышленіе вышняго Царя! Но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ среди сего царства есть бѣдный изгнанникъ, всегдашній труженикъ и страдалецъ. Взглянемъ на царство природы и міръ; та ли это земля, чистая, дѣвственная земля, изъ которой первоначально возникъ составъ нашего тѣла и образовалъ собою дивный организмъ, полный жизни, силъ и красоты? Та ли это природа, которая первоначально отверзала человѣку всѣ блага, всѣ дары свои, богатые, изящные, полезные, и за то не требовала отъ него ни трудовъ, ни болѣзней, ни пота, ни крови? Тѣ-ли это и радости жизни, полныя, чистыя, совершенныя, въ которыхъ была вся полнота блаженства человѣка? И земля не та, и вся природа не та, и вся жизнь не та. Итакъ, не правда ли, что человѣку можно и должно желать и лучшаго состоянія для себя и лучшаго порядка для цѣлаго міра? Человѣкъ вошелъ въ общество, земля застроилась городами, царство природы преобразовалось въ царство народовъ, жизнь перешла въ науку и искусство: но все это только одежда, въ которую человѣкъ облекъ свою природу и свою жизнь, а существо той и другой не измѣнилось; такъ же первая слаба и немощна, такъ же послѣдняя трудна и малоотрадна, или—даже природа въ обществѣ стала еще дальше отъ человѣка, а жизнь въ искусствѣ стала еще тяжелѣе. И чѣмъ болѣе жизнь будетъ погружаться въ искусство, а природа испытывать преобразованій въ обществахъ человѣческихъ, тѣмъ болѣе должно быть напряженія и тяготы въ цѣлой жизни міра, потому что тѣмъ болѣе должно быть уклоненія отъ простыхъ, естественныхъ законовъ и потребностей въ быту человѣка, и, слѣдовательно, и во всемъ томъ, что имѣетъ связь съ его бытомъ, болѣе должно быть извращеній въ порядкѣ жизни и состояніи самыхъ тварей, подчиненныхъ человѣку,—тѣмъ болѣе всеобщаго порабощенія суетѣ. Внутреннее основаніе всего этого въ томъ, что самъ человѣкъ допустилъ въ мірѣ и жизни враждебныя себѣ силы,—силу грѣха и смерти, и сіи силы все разстраиваютъ, все смѣшиваютъ, все порабощаютъ и губятъ, и сіи же силы въ единомъ царствѣ Вседержителя производятъ раздѣленія, такъ что возлѣ добра открывается зло, въ самой жизни смерть, въ самомъ блаженствѣ видимомъ гибель. И естественный разумъ, смотря на такую борьбу враждебныхъ силъ, раздирающую міръ, не можетъ не пожелать, чтобы Всевышній ускорилъ явить на землѣ единое царство чистаго добра, царство чистѣйшихъ собственныхъ совершенствъ, и въ немъ источникъ блаженнѣйшей жизни, дабы въ могуществѣ и святости сего новаго царства возродился къ новой жизни весь міръ и облаженствовались твари. Да пріидетъ Царствіе Твое! Но вотъ какъ учитъ смотрѣть на сіе слово Божіе. *Вся тварь съ нами совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже до нынѣ... Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко и сама*

тварь свободится отъ работы истльнія въ свободу славы чадъ Божіихъ... Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ (Римл. VIII, 19—22). Какъ глубоко проникаетъ въ міръ всеобъемлющая сила благодати, и какъ не напрасно человѣкъ можетъ желать и обѣщать себѣ лучшей жизни на землѣ, когда и самой твари дано упованіе? Тяжко иго суеты, лежащее на твари, на природѣ и цѣломъ мірѣ; еще тяжелѣе это иго на самомъ человѣкѣ, какъ виновникѣ суеты и порабощенія твари, и вотъ теперь разрѣшеніе для тяжкой, настоящей жизни міра: все твореніе, окружающее человѣка, ожидаетъ свободы,—въ откровеніи сыновъ Божіихъ, въ свободѣ славы чадъ Божіихъ, однимъ словомъ, въ царствѣ благодати и славы. Въ семъ-то царствѣ, царствѣ духовномъ и благодатномъ, царствѣ правды, мира и радости о Св. Духѣ,—сколько соединено высокихъ и обширныхъ надеждъ для христіанъ! Такъ говоритъ апостолъ: *и сами начатокъ Духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему; упованіемъ бо спасохомся* (ст. 23). Такъ! Много и тяжко воздыхаетъ христіанское сердце, когда, и кровію Спасителя пріобрѣтши себѣ очищеніе грѣховъ, оно еще чувствуетъ въ себѣ язвительную силу грѣха, и особенно тогда, когда сіе внутреннее чувство не заглушается ни внѣшними чувственными наслажденіями, ни усыпленіемъ совѣсти; глубокіе вздохи потрясаютъ это сердце, когда среди подвиговъ добра и борьбы противъ зла оно не обрѣтаетъ въ себѣ внутренняго мира, который бы упокоилъ, укрѣпилъ и одушевилъ его среди трудовъ, ни мира внѣшняго отъ заботъ и суетъ житейскихъ, которыя непрестанно развлекаютъ его и порабощаютъ. А сколько еще стенаній и слезъ изнесетъ оно отъ конца до конца сей временной жизни,—отъ множества ли скорбей, лишеній, искушеній и ударовъ судьбы, или даже отъ самыхъ удовольствій временныхъ и житейскихъ, которыми оно позволитъ себѣ увлечься, стенаній и слезъ, тѣмъ болѣе частыхъ, чѣмъ оно искреннѣе и чище въ самомъ себѣ, и тѣмъ болѣе сильныхъ и горькихъ, чѣмъ оно нѣжнѣе и чувствительнѣе. Что же сталось бы съ такимъ сердцемъ, если бы оно не имѣло надежды и не могло ожидать,—*да пріидетъ Царствіе Его*, царство благодатной *правды*, которое принесетъ съ собою оправданіе и очищеніе всѣхъ грѣховъ и возродитъ душу къ новой, чистой, духовной жизни,—царство благодатнаго *мира*, который исполнитъ все существо и жизнь души божественнаго покоя и отрады небесной, и ни въ какихъ трудахъ и подвигахъ, ни въ какихъ искушеніяхъ и скорбяхъ, не оставитъ вѣрующаго сердца,—царство благодатной *радости*, радости о Духѣ Святомъ, той чистой, святой, неистощимой радости, предъ которою всѣ радости земныя померкаютъ, всѣ наслажденія мірскія теряютъ цѣну, и въ которой душа любящая живится, возвышается, свѣтлѣется. Такимъ-то образомъ, когда всѣмъ избраннымъ душамъ дано будетъ созерцать и ощущать въ себѣ сіе вожделѣнное благодатное царство, и оно, преисполнивъ все существо ихъ обиліемъ духовныхъ даровъ, отъ исполненія внутренняго превзойдетъ и отразится во внѣшнее, такъ что свѣтъ изъ внутренняго совершенства и блаженства просвѣтится предъ всѣми человѣками, они будутъ ходить во свѣтѣ, не только уже вѣрою постигаемомъ, но и созерцаемомъ, и озаряющемъ ихъ среди міра, какъ свѣтила неба среди ночи,—тогда-то совершено будетъ въ мірѣ чаемое откровеніе сыновъ Божіихъ, и настанетъ свобода славы избранныхъ, всыновленныхъ Богу,—свобода, чрезъ которую и сама тварь освободится отъ работы истлѣнія. Опять какія свѣтлыя, высокія надежды! и надежды непреложныя—такъ, что если бы сами не вполнѣ постигали ихъ, то *Самъ Духъ Божій ходатайствуетъ о насъ* въ глубинѣ собственнаго нашего духа—*воздыханіи неизглаголанными*,—какъ учитъ апостолъ. Самъ Духъ отвѣчаетъ, такъ сказать, за наше упованіе, *способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ, и спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія*. Но вотъ и сію надежду, надежду царства духовнаго, благодатнаго, вмѣстѣ съ нами испрашиваетъ для насъ Господь и Спаситель нашъ, въ Своей молитвѣ за насъ: «Отче святый, да всѣ будутъ въ насъ едино... Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во едино, и да разумѣетъ міръ, яко—возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси. Отче, ихъ же далъ еси мнѣ. хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою... Да любы, ею же Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ». Истина сихъ словъ Богочеловѣка—та же истина нашей молитвы и упованія: да пріидетъ Царствіе Твое.

Вожделѣнное Царство! Но когда же оно наступитъ для насъ? Когда откроется во всей силѣ? Царствіе Божіе внутрь васъ,—сказалъ верховный Царь сего царства. Царство Божіе подобно сѣмени,—Онъ же сказалъ. Сіе подобіе выражаетъ не только то, что Царствіе Божіе внутри вѣрующаго можетъ открываться и дѣйствовать не въ одинаковой силѣ, и производитъ плоды не одинаковаго свойства и совершенства,—подобно какъ сѣмя, упадая на различную почву, не одинаково растетъ и не одинакіе приноситъ плоды,—но это же подобіе касается и самого существа внутренняго Царствія Божія, именно, даетъ видѣть, что основаніе сего Царства въ душѣ христіанской полагается точно въ видѣ малаго сѣмени, которое должно, при нашихъ собственныхъ къ тому усиліяхъ, развиться, процвѣсти и оплодотвориться

въ насъ, но опять, какъ сѣмя, можетъ и заглохнуть въ душѣ нечувствительной, недѣятельной, исполненной плевелъ и камней, и такимъ образомъ не можетъ въ такой душѣ открыться и Царствія Божія. Это начатокъ жизни духовной, благодатной, божественной, который сообщается душѣ вѣрующаго дѣйственною силою слова Божественнаго и таинствъ, внутреннимъ дѣйствіемъ въ душѣ всесвящающаго и всесовершающаго Духа,—начатокъ, который надобно сознать въ себѣ, согрѣть, воспитать, возвысить собственною дѣятельною жизнію,—и онъ мало-по-малу раскроетъ въ душѣ полноту жизни новой, благодатной, претворитъ свойства естественныя въ благодатныя, влеченія плотскія покоритъ духовнымъ, силы обыкновенныя человѣческія возведетъ до причастія Божественныхъ, и пріобщеніемъ сихъ высшихъ силъ откроетъ въ душѣ источникъ высшихъ совершенствъ духовныхъ, такъ что Самъ Богъ будетъ въ ней *дѣйствуяй, и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Фил. II. 13). Послѣ сего, конечно, каждому изъ насъ оставляется на судъ совѣсти—дознавать, открывается ли въ душѣ его, въ какой-либо степени силы, благодатное Царствіе Божіе, пришло ли оно для души во всей силѣ, или совсѣмъ еще не пришло.—Но,—что бываетъ въ душѣ, когда сіе Царствіе открывается въ ней во всей своей силѣ? На это отвѣчать мы не можемъ отъ своего ума, или отъ своего опыта, но,—какъ даетъ видѣть опытъ людей, достигшихъ внутренняго откровенія Царства благодати,—состояніе ихъ духа при этомъ превосходило все, что можетъ быть на землѣ совершеннѣйшаго въ умѣ и для ума естественнаго, и что можетъ быть блаженнѣйшаго въ сердцѣ и для сердца. Внутреннее состояніе сихъ избранныхъ людей было состояніе совершенной полноты жизни духовной,—такой полноты, въ которой чувственныя силы и наклонности какъ бы совсѣмъ умирали, и царствовалъ одинъ чистый, свободный, просвѣтленный духъ; полнота жизни высшей, въ которой чистый свѣтъ озарялъ разумъ, необыкновенное воодушевленіе и чистый восторгъ неземныхъ наслажденій исполнялъ сердце, и, такъ сказать, отрывалъ его отъ земли и переносилъ къ жизни небесной. Одинъ изъ такихъ людей признавался,—что среди пѣнія псалмовъ онъ чувствовалъ себя въ такомъ состояніи, какъ будто его не было въ мірѣ: никакія земныя мысли и ощущенія не приходили въ сердце его, и онъ не имѣлъ нужды и ни въ какихъ уставахъ, какъ проводить день: весь день онъ былъ въ духовномъ восхищеніи чувствъ. Другой мужъ говорилъ о себѣ: «Я тридцать лѣтъ боролся съ моею душею, чтобы побѣдить въ ней страсти и насладиться покоемъ благодатнымъ, и въ теченіе тридцати лѣтъ я былъ безъ помощи. Но когда, послѣ того, миновало еще пять

лѣтъ, я началъ ощущать миръ божественный: когда я хочу молиться, то не могу никакихъ молитвъ говорить, могу только словословить. Стою по три дня предъ Богомъ, и не только не чувствую въ тѣлѣ никакой усталости, не только забываю совершенно пищу и сонъ,—но, чѣмъ болѣе стою, тѣмъ живѣе чувствую, что поднимаюсь на большую высоту и все желаю еще далѣе стоять и славословить». Еще другой изъ подвижниковъ говорилъ: «по прошествіи четырехъ дней, которые я провелъ безъ пищи, я сталъ на вечернюю молитву: солнце было еще высоко, но я чувствовалъ стояніе и служеніе свое только пока пѣлъ одинъ псаломъ; а потомъ уже—не чувствовалъ своего состоянія, пребывалъ, не зная гдѣ, и былъ въ такомъ восхищеніи до тѣхъ поръ, какъ уже на другой день солнце, достигши полудня, начало меня жечь,—тогда только я узналъ, что уже наступилъ другой день, и опять началъ славить Бога за то, что Онъ возводитъ на такую степень величія Своихъ послѣдователей».—Что сказать о такомъ состояніи? Оно недоступно и непостижимо для естественныхъ нашихъ силъ, оно невозможно въ связи съ симъ міромъ чувственнымъ и поврежденнымъ; сѣмя внутренняго царства благодати развивается по мѣрѣ отрѣшенія души отъ узъ міра. Если каждому изъ насъ открытъ путь и даны способы къ достиженію такого высокаго состоянія совершенства,—въ чемъ сомнѣваться нельзя,—то что сказать, если бъ цѣлый міръ христіанскій достигъ такого совершенства? Тогда подлинно явилось бы небо ново и земля нова. Но, опять, когда же мы можемъ надѣяться видѣть сіе блаженное царство, пришедшее въ силѣ? Когда его время?

Объ этомъ лучшая мысль: третіе прошеніе нашей молитвы—*да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли!* Сіе новое прошеніе выражаетъ въ немногихъ словахъ все строеніе внутренняго благодатнаго царства: тутъ выражается и залогъ нашего упованія—видѣть сіе царство въ мірѣ, и первый камень его въ жизни нашей души и въ жизни цѣлаго міра, и способъ для его утвержденія и усиленія внутри насъ, и его сила, его могущество, и основаніе его совершенства и блаженства, все—одно—царство воли всемогущей! Да будетъ воля Твоя! Да будетъ одна воля Твоя во вселенной! Прекрасная и высокая молитва,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, какая могущественная, полная, совершенная надежда христіанъ! Чтобы понять, какимъ образомъ единая, всесовершенная воля Отца Небеснаго можетъ сдѣлаться для души христіанской предметомъ искреннихъ желаній и стремленій, источникомъ ея лучшихъ надеждъ, надобно начать съ самыхъ простыхъ и близкихъ къ каждому опытовъ. Первое зло въ мірѣ—для человѣка и въ человѣкѣ—есть своя воля. Разъ допустивъ себя пасть

по своей волѣ, онъ уже постоянно, всегда и вездѣ претыкается объ этотъ камень, и всегда падаетъ на него. Родится съ добрымъ сердцемъ, дѣлается злымъ: почему? По своей волѣ. Родится съ прекрасными дарованіями души и тѣла, среди видимыхъ благъ жизни, при неослабныхъ попеченіяхъ о воспитаніи его,—и дѣлается несчастнымъ: отъ чего? Отъ своей воли! Исторія ли цѣлаго міра, частные ли опыты—всегда подтверждаютъ, что человѣкъ тамъ именно и несчастливъ, тамъ именно и заблуждаетъ и падаетъ, гдѣ ищетъ своей воли. И своя совѣсть и своя жизнь каждому скажетъ, что надобно, такъ сказать, уничтожить свою волю, надобно отдать ее въ руки высшей власти и силы. Да будетъ воля Твоя! И вотъ первый камень, который полагается истинною вѣрою и любовію въ основаніе благодатнаго царства на землѣ, въ насъ—въ жизни, и чрезъ насъ—въ мірѣ. Будемъ смотрѣть далѣе. Любовь превѣчная принимаетъ на себя спасеніе человѣка и его успокоеніе. Но какъ она совершаетъ это? Дѣйствуя въ семъ подвигѣ по побужденію всесовершенной своей воли, которая всегда есть—истина, святость и правда безконечная, всегда благо и благобытіе твари, она, однакожъ, свою упостасную волю, какая принадлежитъ Ей въ единомъ, нераздѣльномъ существѣ Тріупостаснаго, приноситъ на служеніе правосудію небесному и является исполнять,—какъ сама учитъ, не Свою волю, но волю Пославшаго Ее для спасенія человѣковъ. Чтобы не распространяться объ этомъ болѣе, скажемъ все вдругъ, что составляетъ начало и конецъ дѣла Христова: чѣмъ начинается оно? Се иду сотворить волю Твою Боже,—говоритъ превѣчный Сынъ превѣчному Отцу, нисходя къ воплощенію. Чѣмъ оканчивается? Не Моя, но Твоя да будетъ воля! говоритъ тотъ же Сынъ, совершая Свое земное поприще въ крестныхъ страданіяхъ. Посмотримъ еще далѣе. Міръ искупленъ и освященъ; единая Глава Церкви, Іисусъ Христосъ, оживляетъ и управляетъ всѣмъ тѣломъ таинственнымъ, которое, въ единеніи духа и жизни, вѣры и таинствъ, составляютъ всѣ вѣрующіе. Самое царство природы служитъ царству благодати, поелику самая физическая природа участвуетъ въ благодатномъ обновленіи міра, по ученію апостольскому. Какой же конецъ? Къ чему все это идетъ?

Таже кончина, говоритъ апостолъ, *егда предастъ царство Богу Отцу... Подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже покоритъ вся враги подъ ногама своима: послѣдній же врагъ испразднится смерть... Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и Самъ Сынъ покорится покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. XV, 24—29). Вотъ конецъ! Вотъ цѣль благодатнаго царства! Да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ,—т. е. когда жизнь

благодатная, божественная, сокрытая теперь въ душахъ вѣрующихъ—избранныхъ, какъ сѣмя, раскроется въ нихъ и возблистаетъ, достигнетъ своей полноты и совершенства, тогда—въ сей полнотѣ жизни грѣхъ уничтожится, смерть упразднится, души отрѣшатся отъ узъ всего тлѣннаго и перстнаго, и будутъ, по выраженію апостола, со Христомъ. Въ семъ же раскрытіи жизни благодатной, поелику это есть жизнь божественная, будетъ одно созерцаніе и желаніе избранныхъ, освященныхъ душъ—Богъ, одна любовь—Богъ, одна власть во вселенной—Богъ, одно добро—Богъ, одно блаженство—Богъ, однимъ словомъ Богъ будетъ всяческая во всемъ: Онъ будетъ почивать Своею святостію, любовію, могуществомъ и славою въ Церкви обновленной и освященной, и вся Церковь въ Немъ упокоится; она изъ воинствующей явится торжествующею, изъ страдающей—увѣнчанною, и достигнетъ царства славы. Теперь сіе царство на небѣ, и есть ли какая-либо другая воля, кромѣ воли Вседержителя, въ которомъ чистые духи живутъ и блаженствуютъ? Но мы ожидаемъ сего же царства и на землѣ, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ: можетъ ли и на землѣ быть какая-либо иная воля, кромѣ Единаго Бога? И вотъ мы просимъ и надѣемся, да будетъ воля Его, яко на небеси и на земли. И какое совершенное изображеніе сего непостижимаго теперь царства единой, всесвятой, всеобъемлющей воли Творца: *и Самъ Сынъ покорится покоршему Ему всяческая.* Тогда то всесовершенно исполнится воля Небесной Правды и Любви относительно человѣка. Какая воля? «*Снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца: се же есть воля Пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день. Се же есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день*» (Іоан. VI. 30—40). Ни слова болѣе. «Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Доселѣ мы исчисляли важнѣйшіе предметы надежды христіанской. Распространеніе славы и могущества имени единаго истиннаго Бога во вселенной, царство правды, мира и радости духовной, царство единой, всесвятой и всеблаженной воли Всемогущаго, или царство славы: все это предметы, объемлющіе собой небо и землю, время и вѣчность. Чего просить во времени? Позволительно ли надѣяться чего-либо для жизни временной, настоящей? И здѣсь Любовь Небесная не оставляетъ насъ, и здѣсь она подаетъ сама и принимаетъ къ себѣ отъ насъ—надежды благъ жизни. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Какой тѣсный, повидимому, кругъ желаній и надеждъ! Хлѣбъ: первая

и необходимая потребность нашей жизни естественной. Но не самой ли природѣ физической даны силы производить для человѣка не только то, что ему нужно для поддержанія жизни, но и то, что сверхъ необходимости имѣетъ достоинство пріятнаго и прекраснаго, что питаетъ разнообразныя чувства души нашей и служитъ къ ея разнообразнымъ наслажденіямъ? Почему же бы не просить и не надѣяться и пріятнаго и изящнаго для жизни, сверхъ необходимаго, и удовольствій—сверхъ насущнаго хлѣба? Но вотъ что велитъ сказать истина,—какъ это ни казалось бы страннымъ: прошеніемъ одного хлѣба несравненно болѣе поддерживаются и расширяются лучшія надежды нашей жизни, нежели сколько обѣщало бы расширеніе потребностей нашего вкуса, чувствъ и фантазіи, или разнообразіе чувственныхъ наслажденій! Почему? Потому что истинныя и лучшія надежды наши не въ тѣлѣ и не для тѣла, не во времени и не для времени, не въ настоящемъ и не для настоящаго, но—въ будущемъ и для будущаго, въ вѣчности и для вѣчности, въ духѣ и для духа. Поскольку мы заботимся о тѣлѣ, постольку отдѣляемся отъ высшихъ и чистѣйшихъ надеждъ духа, и поскольку прилѣпляемся къ временному и настоящему, постольку устраняемъ изъ вида будущее и вѣчное. Жизнь сама по себѣ есть положительное добро; временныя удовольствія жизни заключаютъ въ себѣ вмѣстѣ и добро и зло. Чего же мы просили бы, если бы хотѣли просить наслажденій временныхъ? Чего то безразличнаго, вмѣстѣ и добра и зла, просили бы непостояннаго, такого, что стоитъ только на предѣлѣ души и тѣла, вѣчности и времени, будущаго и настоящаго,—но что не можетъ проникать въ жизнь души, или переходить съ нами въ вѣчную будущность. Надобно сказать болѣе. Въ томъ же раю два древа: древо жизни и древо познанія; первое составляло необходимое для жизни человѣка тѣлесной, и чрезъ нее духовной, послѣднее было нѣчто такое, чего не было нужды человѣку искать,—и если оно обольщало человѣка, прекраснымъ ли видомъ, внутренними ли свойствами видѣнія, все же его плоды были не нужны человѣку, такъ какъ заключали въ себѣ зло,—и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было противоположно древу жизни, до такой степени противоположно, что, вкушая плоды одного изъ нихъ, человѣкъ вовсе не могъ употреблять другого, и одно питало жизнь другое смерть. Можно сказать, что всѣ удовольствія временныя и чувственныя вышли изъ сего древа познанія добра и зла: они прекрасны по виду, обольстительны для чувствъ, обманываютъ умъ, но въ нихъ есть добро и зло, наслажденіе и страданіе,—и потому самому, что есть зло,—есть смерть. Это странно кажется естественному чувству, странно, какъ не совмѣстить жизни съ удовольствіями, добраго съ изящнымъ, но сіе чувство слишкомъ слѣпо, оно какъ дитя, которое часто проситъ играть огнемъ или ножемъ. Не можетъ быть ничего обманчивѣе надежды—наслаждаться. Что же значило бы принести сей легкомысленной надеждѣ въ жертву высшія и чистѣйшія надежды, которыя идутъ далѣе чувственнаго и временнаго,—что значило бы покорить сей пустой надеждѣ мысли и чувства души, которая можетъ надѣяться гораздо лучшихъ благъ, всю настоящую жизнь, для того только, чтобы потомъ обмануться во всѣхъ своихъ желаніяхъ и мечтахъ и сказать съ горькимъ сознаніемъ: «вкусихъ мало меда, и се умираю!»

Но вотъ почему особенно христіанской душѣ не свойственна обольстительная надежда временныхъ наслажденій: сія надежда несовмѣстна съ чаяніемъ того благодатнаго царства, для котораго единственно наша душа соблюдается въ земной жизни,—до того несовмѣстна, что противорѣчитъ самому существу царства благодати, которое *пьетъ брашно и питіе*, слѣдовательно, и не допускаетъ въ себя ничего чувственнаго и тлѣннаго, не допускаетъ даже ничего естественнаго, невозрожденнаго, необновленнаго, неочищеннаго и неусовершеннаго благодатію Божіею!

Что же значитъ, повторяемъ, надѣяться чувственныхъ наслажденій и временныхъ благъ, сколько того требовала бы наша чувственность, фантазія, вкусъ, или еще искусство и роскошь? Хотѣть, чтобы на землѣ никакого другаго царства не существовало, кромѣ царства природы? Что бы всѣ мы жили по природѣ? Это ложныя, больныя, губительныя желанія, и какъ они противорѣчатъ общему плану благодатнаго міроправленія! Душѣ возрожденной, искупленной, освященной желать себѣ счастія въ чувственныхъ удовольствіяхъ—едва ли значитъ что-нибудь другое, кромѣ развѣ того, что просить себѣ яду; и жить въ природѣ и по природѣ едва ли что-нибудь другое, какъ развѣ приложиться скотомъ несмысленнымъ, которые точно не знаютъ другихъ побужденій и цѣлей своей жизни кромѣ побужденій и цѣлей своей природы. Или можетъ быть пріятно кажется жить поязычески? Но вотъ что велитъ сказать истина—ей и аминь: сколько бы ни усилился разумъ—своими науками или искусствами, сколько бы ни хотѣло растлѣнное сердце—въ своихъ страстяхъ и роскоши, сколько бы ни обольщала сама себя фантазія—въ своихъ мечтахъ и затѣяхъ,—только ничто не возстановитъ падшаго царства природы,—такъ, чтобы жизнь по одной природѣ была для человѣка вполнѣ совершенна и блаженна на землѣ. Въ природѣ смерть. Мы знаемъ назначеніе царства види-

мой природы. *Нынѣшняя небеса и земля тѣмъ же словомъ сокровена суть, огню блюдома на день суда... въ онь же небеса убо съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 Петр. III, 7, 10). Только царство благодати утверждено незыблемо въ семъ мірѣ: оно и будетъ существовать, несмотря ни на какія враждебныя противъ него усилія, дотолѣ, когда, наконецъ, преобразится въ царство славы. Въ семъ то царствѣ всѣ надежды христіанской души: и отъ сего царства—царство природы отстоитъ на цѣлое царство, поелику не иначе можно надѣяться общенія славы и блаженства въ царствѣ славы, какъ переходя изъ царства природы въ царство благодати. Теперь, когда царство благодати окончательно перейдетъ въ царство славы, «а земля и яже на ней дѣла сгорятъ», гдѣ тогда останутся всѣ блага и надежды временныя, земныя, однимъ словомъ, гдѣ останется безблагодатная жизнь по природѣ, если не въ царствѣ преисподнемъ? Если же такъ, то уже нечего больше надѣяться и просить изъ царства природы человѣку, принадлежащему къ царству благодати—нечего, кромѣ развѣ хлѣба насущнаго!

Хлѣбъ насущный даждь намъ днесь. Прекрасное изображеніе истинно-христіанской надежды! Дай намъ хлѣба на нынѣшній день. Завтрашній день—не нашъ. Онъ въ твоихъ рукахъ, можетъ быть и не быть,—мы не имѣемъ нужды такъ далеко простирать свои заботы! Скажутъ можно ли такъ жить, чтобы мысли не простирались даже на завтра, чтобы не было думы даже о хлѣбѣ на слѣдующій день? Можно; и это не есть какая-либо слѣпота ума, или безчувствіе сердца, или праздность: это есть выраженіе всей полноты и искренности христіанской надежды, есть состояніе души, совершенно преданной Промыслу, нисколько не помышляющей о тѣлѣ и о землѣ, и всецѣло стремящейся къ небу, однимъ словомъ, свойства, по преимуществу, души христіанской. Уму естественному, чувству земному такое состояніе представилось бы безотраднымъ, лишеннымъ всякихъ надеждъ, или видовъ на будущее: въ христіанствѣ это есть состояніе надежды—по преимуществу. *Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ... Смотрите кринъ сельныхъ, како ростутъ, не труждаются, ни прядутъ; глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ... Вѣстъ бо Отецъ вашъ Небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Матѳ. VI, 26, 28, 29, 32). Какая искренность надежды, и какая простота чувствъ! Но сія простота во внѣшней жизни, и сія искренность надежды, въ разсужденіи временныхъ потребъ, объясняетъ

совершенно тотъ предметъ, о которомъ должны быть всѣ заботы души нашей, который совершенно не даетъ ей времени печалиться о настоящемъ,—предметъ, для котораго самъ Промыслъ Божественный слагаетъ съ насъ труды всѣ и заботы жизни временной; какой предметъ? *Ищите прежде Царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.* И вотъ мы просимъ въ молитвѣ своей и надѣемся,—сперва возвышаясь горѣ: да пріидетъ Царствіе Твое, потомъ, снисходя долу, просимъ насущнаго хлѣба,—и больше ничего. *Довлѣетъ дневи злоба его!*

Быть обезпечену въ разсужденіи потребъ настоящей жизни и ожидать блаженнаго царствія въ будущей: какое превосходное состояніе! Но что это такое, что какъ будто наводитъ нѣкоторую тѣнь на эти святыя надежды, что за голосъ внутри самой души, который угрожаетъ намъ отдаленіемъ отъ этого царства? что это за тяжесть, которая какъ будто удерживаетъ душу въ свободномъ ея стремленіи къ Отцу Небесному, такъ что она какъ бы нестолько желаетъ, сколько страшится Его грядущаго Царствія? Такъ! Это тяжесть въ душѣ, и самая невыносимая тяжесть: долги! Какъ дѣти богатаго отца, мы входимъ въ эту жизнь, и въ ней наслѣдуемъ неисчислимыя блага любви небесной: живемъ, наслаждаемся, часто не думаемъ ни о чемъ, кромѣ того, чтобы жить и наслаждаться, не знаемъ мѣры своимъ потребностямъ и прихотямъ, бросаемся на все съ жаждою, весь міръ хотимъ покорить своимъ чувствамъ и желаніямъ,—удовлетворяемся, и опять желаемъ, наслаждаемся, и опять жаждемъ. Вздумаемъ ли повѣрить свое состояніе,—и каждый изъ насъ весь въ долгахъ! Дана жизнь,—она потеряна въ суетѣ, въ страстяхъ и порокахъ; даны способности ума,—они обращены на пустые предметы легкомысленной затѣйливости, въ знаніи ли то, или въ жизни; даны добрыя чувства сердца,—они принесены въ жертву порочной волѣ; даны всѣ побужденія къ добру, предостереженія отъ зла, обѣщанія наградъ за добродѣтель, угрозы наказанія за проступки, даны всѣ способы къ нравственному совершенству и истинному благополучію жизни: все это оставлено безъ вниманія, забыто, отвержено; дано познаніе о Богѣ: оно въ небреженіи; дана религія, вѣра, всѣ средства ко спасенію и вѣчному блаженству: все унижено равнодушіемъ, оскорблено и омрачено грѣхомъ. Сколько разъ преступная душа осмѣливалась, такъ сказать, въ лицо оскорблять и поносить Любовь Небесную, позволяя себѣ роптъ, невѣріе, кощунство, идолослуженіе! Сколько разъ то, что получаемо было отъ сей Любви, было предано врагу ея—міру, и сколько разъ хотѣлось угодить міру оскорбленіемъ сей любви! И все это долги, тяжкіе, ужасные долги! А сколько еще такихъ долговъ, которые

легкомысліе старается скрыть отъ укоризнъ совѣсти подъ хитрымъ названіемъ слабостей? Разсѣяніе и законопреступныя утѣхи юности, закоснѣніе старости, забвеніе промысла въ счастіи, ропотъ въ несчастіяхъ, тщеславіе въ благотвореніи, корыстолюбіе въ трудолюбіи, нескренность въ раскаяніи, многократныя паденія послѣ возстанія, безпечность въ роскоши, своеволіе вѣка, надменнаго мечтою просвѣщенія? И можно ли исчислить, измѣрить всѣ долги нашей жизни предъ Богомъ? И вся сумма долговъ еще увеличивается и становится тяжелѣе отъ того, что многое, полученное изъ рукъ Любви Небесной, мы хотимъ почитать своимъ, и не думаемъ Ей за то воздавать! Страшно подумать объ участи міра, когда посмотрѣть, какіе ужасные долги лежатъ на немъ, и какъ невнимательно, какъ равнодушно онъ не перестаетъ увеличивать ихъ, не думая объ отчетѣ. Нечего успокоивать себя тѣмъ, что иному изъ насъ дано очень мало въ жизни, и потому нечего страшиться отчета: о, нѣтъ! рабъ, получившій одинъ талантъ, не оправдался тѣмъ, что имѣлъ въ своихъ рукахъ немного и беззаботно зарылъ свой талантъ, въ землю, отъ него будетъ отнято и то, что онъ имѣетъ, и дано имѣющему у себя другіе таланты: наказаніе для одного—награда для другого! Былъ тяжкій долгъ на цѣломъ мірѣ, долгъ наслѣдственный, оставшійся отъ праотца, который цѣною всѣхъ благъ, полученныхъ имъ отъ Творца, цѣною своей жизни и своего потомства, досталъ себѣ запрещенный плодъ. И за сей долгъ тяжко, тяжко было расплачиваться міру,—то гибелью въ волнахъ, то потребленіемъ въ огнѣ, то сокрушеніемъ царствъ и народовъ. Теперь сей долгъ уплоченъ—крестомъ Спасителя! Но какой мѣрою измѣрить, какимъ счетомъ счесть тотъ страшный долгъ, который лежитъ на насъ уже послѣ искупленія: наши произвольные грѣхи, ничѣмъ неизвиняемые? Міръ погибъ, но погибъ въ волнахъ потопа, которыя прошли; Содомъ и Гоморра погибли, и погибли въ огнѣ, который угасъ. Есть гибель нескончаемая, есть огонь неугасающій, который на вѣки возгорится, и его пламя не угаснетъ.

Долги безмѣрны, долги неуплатимы! Что же дѣлать? Не было бы долговъ на насъ, если бы мы все, полученное изъ рукъ Любви Небесной, все опять ей возвращали, какъ дѣти, которыя, что ни возьмутъ въ руки, все несутъ къ матери. Одна гордость и своеволіе наше дѣлаютъ насъ горькими, несостоятельными должниками. Что же дѣлать? Пасть и молиться: «остави намъ долги наши»,—молиться и надѣяться: «яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! Кто, кромѣ Любви Небесной, Любви безпредѣльной, могъ даровать намъ надежду прощенія долговъ, и надежду на такихъ легкихъ условіяхъ? Кто, кромѣ сей Любви, Которая всѣ наши долги понесла на себѣ и рѣшила ихъ—крестомъ? Оставь намъ долги, какъ и мы оставляемъ въ жизни нашимъ должникамъ: какая отрадная надежда и какое, можно прибавить, дерзновеніе упованія! И, однакожъ, чтобы имѣть условіе прощенія долговъ, и умѣть соединить надежду сердца съ дѣятельностью ума—(это необходимо: ибо къ какимъ хитростямъ не прибѣгаетъ должникъ, чтобы освободиться отъ долговъ?) чтобы соединить, говоримъ, надежду сердца съ дѣятельностью ума, обратимъ вниманіе на притчу Спасителя (Лук. XVI) о неправедномъ управителѣ дома. Искусство управителя очевидно: онъ такъ разложилъ долги разныхъ должниковъ, обязанныхъ его господину, что вмѣстѣ—и облегчалъ ихъ состояніе, и поправлялъ собственныя дѣла, и хотя не имѣлъ на это никакого личнаго права, однакожъ, однимъ своимъ искусствомъ умѣлъ перемѣнить о себѣ мысли своего господина. «И Я вамъ то же говорю»,—прибавилъ Спаситель къ сей притчѣ. Итакъ, вотъ искусство освободиться отъ долговъ. Наши долги велики, но у Бога есть, кромѣ насъ, еще должники, которыхъ заемныя письма, скажемъ языкомъ притчи, у насъ въ рукахъ: скажемъ просто: наши ближніе согрѣшаютъ противъ Бога, согрѣшая противъ насъ—въ обидахъ, неправдахъ, страстяхъ и всякаго рода нарушеніемъ своихъ къ намъ обязанностей. Сіи долги ближнихъ нашихъ у насъ въ рукахъ, разложимъ ихъ долги такъ, чтобы и облегчить состояніе ихъ и наши исправить нужды,—простимъ ихъ грѣхи противъ насъ, и именно, сколько мы въ семъ случаѣ уменьшимъ ихъ долговъ, столько получимъ себѣ въ уплату своихъ долговъ, и нашъ Заимодавецъ будетъ въ какой-либо мѣрѣ удовлетворенъ. Такъ просимъ, и такъ надѣемся: остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Сія надежда не обманчива, но въ высшей степени плодотворна. Такимъ образомъ, покрывая долги другъ другъ, мы достигли бы, наконецъ, того, что взаимныя прощенія всѣхъ и каждаго составили бы единое всеобщее оправданіе, къ истинному торжеству надежды и любви!

Долги—грѣхи. Тяжкіе долги: а какъ легко они наживаются. Легкомысленное чадо роскоши гоняется за удовольствіями, бѣгаетъ за всѣмъ, что льститъ его чувствамъ и воображенію, и не видитъ, какъ его достояніе расточается, состояніе разстраивается, а долги умножаются. И грѣхи такъ же. О! когда перестанетъ грѣхъ обольщать своею личиною, подъ которою онъ постоянно намъ является и насъ обманываетъ! Когда зло перестанетъ предъ нами лукавствовать, когда оно перестанетъ преслѣдовать насъ,—выйдетъ изъ нашей природы, изъ нашей жизни, изъ нашихъ

мнѣній, изъ нашихъ ощущеній? Не прейдетъ зло, доколѣ міръ во злѣ лежитъ, и не престанетъ грѣхъ, доколѣ не будетъ земля нова и небо ново. Что же дѣлать? Опять молиться и опять надѣяться: «не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». Не молю, говорилъ Искупитель міра къ Отцу Своему, да возмеши ихъ отъ міра (искушенія неизбѣжны), но да соблюдеши ихъ отъ непріязни!.. Жизнь наша, внѣшняя и внутренняя, въ непрестанномъ движеніи; опасное состояніе нашей жизни есть то, когда нарушается мирное равновѣсіе, въ которомъ наша душа стремится стоять къ внѣшнему, чувственному міру, наше бытіе внутреннее къ бытію внѣшему, когда въ сердцѣ нашемъ оказывается колебаніе, недоумѣніе, преніе правды съ неправдою, борьба обязанностей. Сила грѣха, нарушивъ внутренній покой, выигрываетъ между тѣмъ время, выставляетъ свои прелести, раскидываетъ сѣти и облегчаетъ для себя побѣду. Ложь и губительная сила грѣха открывается уже тогда, какъ мы пали. Не введи насъ во искушеніе. при всякой борьбѣ со грѣхомъ, при всякомъ требованіи и внутреннемъ чувствованіи обязанности подкрѣпляй насъ Твоею помощію, чтобы страсть не ослѣпила насъ, чтобы лѣность не объяла насъ, сомнѣнія не отравили насъ, злыя побужденія не одолѣли. Молитва сія должна перейти въ самую твердую надежду на помощь благодати Божіей—надежду неослабную, и когда среди искушеній наши собственныя силы будутъ оставлять насъ, когда онѣ совершенно ослабѣютъ, и всѣ наши усилія истощатся, въ то самое время упованіе не посрамитъ, и благодать явится, непремѣнно явится на помощь въ часъ безпомощнаго состоянія духа. Представьте себѣ человѣка, который усильно борется съ плотію, плоть увлекаетъ его душу, онъ молится, чтобы искушеніе отступило отъ него,—и въ то самое время, какъ онъ чувствуетъ все свое безсиліе, чтобы побѣдить оное, сила благодати открывается въ самой немощи его. *Довлѣетъ ти благодать Моя; сила бо Моя въ немощи совершается.* Или, представьте себѣ человѣка въ рѣшительной борьбѣ съ міромъ: вся злоба міра противъ него вооружается; враждебная сила ненависти падаетъ на него всею своею тяжестію; его невинность на судѣ, который не знаетъ правды; истина въ опасности, правда подвергается поруганію: какъ выйти изъ такого искушенія побѣдителемъ? Въ минуту сильной опасности, когда надобно только отверзть уста, чтобы говорить или погибнуть,—*Азъ вамъ дамъ уста и премудрость, ей же не возмогутъ противитися—противляющіеся вамъ* (Лук. XXI, 15). Какой урокъ надежды! И такъ на цѣлую жизнь нашу.

Но куда укрыться отъ того многочисленнаго, разнообразнаго зла, которое имѣетъ мѣсто не столько въ самой сущности вещей, сколько въ нашихъ естественныхъ немощахъ и несовершенствахъ. Часто зло посылается на насъ, какъ посѣщеніе любви, какъ очистительная мѣра правосудія, какъ врачевство—горькое, но цѣлительное; часто это бываетъ—недозрѣвшее добро, какъ выражается одинъ изъ учителей нашей церкви. Бѣдность, болѣзнь, труды, бѣдствія, потеря внѣшнихъ благъ: вотъ это зло,—*лукавое.* Какъ же обширно и велико попеченіе о насъ Любви Небесной, которая позволяетъ намъ надѣяться, что и эти призраки зла не будутъ тревожить насъ. Избави насъ отъ лукаваго!

И вотъ всѣ наши надежды! всѣ, говоримъ, потому что выше и болѣе сихъ надеждъ представить ничего нельзя, а всѣ другія надежды, которыя захотѣлъ бы питать естественный недальновидный разумъ, или естественное непостоянное чувство—душѣ христіанской несвойственны: и такъ всѣ надежды ея изображаетъ сія общая наша молитва, во всей ихъ—высотѣ и глубинѣ, во всей чистотѣ, святости и совершенствѣ. Чистыя и истинныя, неоспоримыя и непреложныя надежды: и въ какой постепенной лѣстницѣ изображаетъ ихъ молитва, и какъ естественно и необходимо всѣ онѣ одна другую поддерживаютъ. Мы надѣемся, что имя Отца Небеснаго будетъ вину святиться на землѣ,—и просимъ того у Него Самого; но можетъ ли имя Его святиться вполнѣ и повсюду, когда еще не вполнѣ и не повсюду водворилось на землѣ царство Его, и вотъ мы просимъ: да пріидетъ Царствіе Его! Но и Царство Его не можетъ открыться во всей силѣ на землѣ, прежде нежели Всемогущая воля Его покоритъ Себѣ всяческая *да будетъ Онъ Самъ всяческая во всѣхъ,* и вотъ мы молимъ, да будетъ воля Его, яко же на небеси и на земли. Для царства же Его воли и любви, для царства благодати и славы, мы подвизаемся на землѣ и въ тѣлѣ, и имѣемъ нужду въ земныхъ и тѣлесныхъ, кромѣ духовныхъ, подкрѣпленіяхъ и способахъ, жизни,—и просимъ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Обезпеченное состояніе тѣла и внѣшней жизни не обезпечитъ еще состоянія души и внутренней жизни, въ которой есть свои, и глубочайшія, нужды,—и мы молимъ: остави намъ долги наши. Благодать Божія можетъ покрыть долги наши—грѣхи, но въ насъ все еще остается сила грѣха—и кругомъ насъ всѣ поводы ко грѣху: не введи насъ во искушеніе! Побѣждаемъ искушенія ко грѣху, но на каждомъ шагу встрѣчаемъ еще искушенія жизни, большія или меньшія бѣдствія и скорби,—живемъ въ мірѣ, котораго духъ всегда болѣе или менѣе враждебенъ истинѣ и духу Христову: избави насъ отъ лукаваго!

Какой еще камень положить для всѣхъ сихъ надеждъ, чтобы

онѣ въ нашемъ сердцѣ и цѣлой нашей жизни не поколебались? Что еще можетъ утвердить совершенный покой сердца въ Богѣ, и увеличить всѣ наши на Него надежды? Не соединять съ молитвою никакой тревожной мысли ума, никакого смятеннаго чувства сердца, совершенно предаться въ волю Отца Небеснаго, и среди тѣхъ искушеній, бурь, нуждъ и печалей, выражать всю силу такой преданности однимъ славословіемъ молитвы: «яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки!» Болѣе прибавлять отъ себя нечего. Здѣсь твердый покой надежды христіанской въ Богѣ и вѣнецъ молитвы.

Дѣятельнаго Христіанскаго Богословія часть 3-я: Аскетика.

Понятіе объ аскетикѣ. Аскетика есть руководство къ дѣятельному преспѣянію жизни христіанской, по тѣмъ правиламъ, въ какихъ ученіе вѣры представляетъ намъ образецъ истиннаго христіанина и его духовное совершенство.

Такъ какъ преспѣяніе жизни христіанской требуетъ постояннаго упражненія духовныхъ силъ христіанина, благодатію возрожденныхъ, равно требуетъ многихъ вспомогательныхъ средствъ для укрѣпленія души въ подвигахъ сей жизни, въ борьбѣ съ различными искушеніями,—то аскетика (иначе) опредѣляется, какъ изложеніе способовъ къ упражненію и укрѣпленію нравственныхъ силъ христіанина въ подвигахъ добродѣтели и борьбѣ души противу зла нравственнаго.

Примѣчаніе. Аскетика отъ греч.: «ἄσκησις—ἀσκέω», Exerceo, colo,—и преимущественно по отношенію къ жизни духовной, такъ, какъ гимнастика—«γυμναστία» отъ «γυμνάζω»—по отношенію къ тѣлу. Въ семъ значеніи слово «ἀσκειν» встрѣчается и въ Св. Писаніи (Дѣян. 24, 16), хотя въ другихъ мѣстахъ замѣняется другими словами: ἀγωνίζω, γυμνάζω. То же слово, въ значеніи дѣятельнаго образованія своихъ силъ, извѣстно было у древнихъ, и именно выражало опытную дѣятельность въ жизни. См. Polyb. L. 6, c. 59. Marc. Aur. Εἰς Ἑαυτόν. L. I, c. 7. Arrian. L. 3. dissert. Περὶ ασκησεως. Философы практическіе назывались аскетами. Plutar. vita Lycurg. Pausan. in Eliac. Artemidor. L. 4, c. 35.—Отцы Церкви словомъ «ἄσκησις»—иногда выражали все дѣятельное христіанство. Clem. Alex. Strom. 4. Chrysotst. Homel. de mansuetudine. Idem, in acta Apost. Ct. Con. Apost. 51, 53. Въ первые вѣка христіанства аскетами, въ особенномъ смыслѣ, назывались тѣ, которые, оставивъ мірскія занятія, вполнѣ предавались подвигамъ благочестія, созерцанія, самоотверженія. Сюда относились подвиги строгаго воздержанія, уединенія, молитвы и пр. Это называлось ἀσκητικὸν βίον ἀσκειν, Euseb. Hist. L. 2. c. 17. Socr. L. 7. c. 37.—Ср. Concil. Trull. c. 45, 46. Basil. Magn. Opp. t. 2. Λόγος ασκητικός.

Основаніе аскетики, какъ науки. Цѣль ея. Истинная христіанская жизнь, или дѣятельное преспѣяніе въ христіанскомъ совершенствѣ, по ученію Слова Божія, есть непрерывный и многотрудный подвигъ. Мы должны неусыпно *подвизаться* противъ живущаго въ насъ грѣха, сражаясь съ собою,—иногда даже *до крови*. Евр. 12, 4; должны непрестанно *подвизаться* въ добродѣтели, чтобы, сколько возможно, *непорочну совѣсть имѣть предъ Богомъ и человѣками*. Дѣян. 24, 16. Все сіе требуетъ отъ насъ постоянныхъ упражненій въ жизни дѣятельной, многихъ опытовъ духовнаго самоусовершенствованія, прежде нежели мы достигнемъ совершенства, по образу нашего подвигоположника и Спасителя, Іисуса Христа. Посему Слово Божіе заповѣдуетъ намъ, долгими опытами и прилежаніемъ, *обучать себя ко благочестію* (1 Тим. 4, 7), *имѣть чувства, обученныя долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла* (Евр. 5, 14), *быть искусными* въ жизни духовной (Рим. 5, 4, 2 Кор. 13, 4—6). На семъ основывается христіанская аскетика, какъ наука опытнаго преспѣянія въ христіанской добродѣтели. Цѣль аскетики—какъ науки—привести въ систему правила и способы сего преспѣянія, извлеченные изъ св. писанія и опытовъ св. мужей христіанской Церкви, и руководствовать въ ихъ употребленіи.

Отношеніе аскетики къ прочимъ частямъ дѣятельнаго Богословія. Отношеніе аскетики къ прочимъ частямъ дѣятельнаго Богословія опредѣляется самымъ содержаніемъ ея. Хотя содержаніе аскетики не можетъ быть существенно отдѣляемо отъ содержанія другихъ частей христіанскаго нравоученія: но она получаетъ свое особенное назначеніе, составляя къ нимъ дополненіе, и раскрывая приложеніе ихъ къ самымъ опытамъ христіанской дѣятельности. Такимъ образомъ въ другихъ частяхъ дѣятельнаго ученія вѣры излагаются общія основанія христіанской нравственности: аскетика имѣетъ въ виду способы къ полному образованію и утвержденію христіанской жизни на сихъ основаніяхъ; тамъ опредѣляются начала дѣятельности и обязанности христіанина въ различныхъ отношеніяхъ,—здѣсь предлагается руководство къ исполненію сихъ обязанностей, и обращается вниманіе, послѣ раскрытія сихъ началъ, на самые опыты и возможныя для насъ степени духовнаго совершенства. Одни и тѣ же правила христіанскаго нравоученія принадлежатъ аскетикѣ и другимъ частямъ нравственнаго Богословія: но аскетика направляетъ ихъ къ опытному осуществленію въ жизни, руководствуя чрезъ вѣрное и сообразное съ духомъ Евангелія ихъ употребленіе,—къ истинной цѣли жизни христіанской—вѣчному спасенію.

Пособія для аскетики. Въ изложеніи способовъ къ дѣятельному совершенству жизни христіанской, требующемъ много духовной опытности и благоразумія, аскетика находитъ для себя весьма важное и послѣ Св. Писанія ничѣмъ не замѣнимое пособіе—въ опытахъ и дѣятельныхъ наставленіяхъ св. отцовъ и подвижниковъ благочестія. Они, проходя въ своей жизни долгіе и разнообразные пути христіанскаго совершенства, глубоко познавали тайны жизни духовной, внимательно слѣдили за всѣми движеніями своего внутренняго человѣка, чрезъ искушенія дѣлались искусными въ подвигахъ благочестія и духовной брани, испытывали въ себѣ особенныя дѣйствія благодати Божіей и собственныхъ усилій—въ достиженіи высшихъ степеней чистоты нравственной. Посему, какъ дѣятельная жизнь сихъ мужей представляетъ намъ высокіе образцы христіанскаго совершенства, такъ и оставшееся послѣ нихъ ученіе и наставленія заключаютъ въ себѣ неистощимое сокровище познанія жизни духовной и лучшее руководство въ урокахъ ея преспѣянія и возвышенія.

Содержаніе и раздѣленіе аскетики. Главное содержаніе аскетики есть изложеніе способовъ къ дѣятельному совершенствованію жизни христіанской. Но, если сія жизнь, по ученію Св. Писанія и опытамъ св. мужей, есть непрерывный и многотрудный подвигъ: то, для преспѣянія въ ней, потребны не только внѣшніе способы, но и достаточныя силы въ самомъ человѣкѣ. Посему, все содержаніе аскетики можетъ быть раздѣлено на двѣ части; въ одной изъ нихъ должно быть обращено вниманіе на самого человѣка христіанина, на пріобрѣтеніе и укрѣпленіе въ немъ *силъ*, потребныхъ для подвиговъ христіанскаго благочестія, въ другой части нужно обратить вниманіе на самое упражненіе христіанина въ дѣятельномъ благочестіи, и изложить *способы* къ постоянному въ немъ преспѣянію.

О силахъ духовныхъ, потребныхъ для подвиговъ христіанскаго благочестія.

Понятіе объ этихъ силахъ. Человѣкъ, какъ существо разумное, въ самой природѣ своей имѣетъ силы, потребныя для своего нравственнаго усовершенія. Эти силы суть: *совѣсть*, которая принимаетъ и передаетъ намъ предписанія нравственнаго закона, и *свободная воля*, безъ которой невозможно имѣть разумнаго стремленія къ добру и свободнаго подчиненія закону. Но, поелику въ человѣкѣ естественномъ сіи силы повреждены и оказываются недостаточными: то въ жизни христіанской человѣку

даруется особенная вышняя помощь,—*благодать Божія*, безъ которой спасеніе его невозможно. Сія сверхъестественная помощь не отвергаетъ дѣйствія нашихъ естественныхъ силъ и не дѣлаетъ употребленія ихъ излишнимъ; но она содѣйствуетъ имъ, укрѣпляетъ и возвышаетъ ихъ, и взаимно требуетъ ихъ содѣйствія. Такимъ образомъ въ составъ первой части аскетики должны войти слѣдующія отдѣленія: 1) о благодати Божіей, какъ первой и преимущественной силѣ, дѣйствующей въ жизни христіанина,—именно, о средствахъ къ усвоенію, сохраненію и возращенію въ насъ благодати Божіей, 2) о раскрытіи и укрѣпленіи въ насъ силы совѣсти, повѣряющей наши поступки по законамъ добра, 3) о средствахъ къ управленію и укрѣпленію свободной воли, въ ея постоянномъ стремленіи къ добру и ненарушимомъ подчиненіи закону.

Средства къ усвоенію и сохраненію благодати Божіей для подвиговъ добра. Средства къ усвоенію и сохраненію въ насъ благодати Божіей, суть *таинства*, или тѣ священныя дѣйствія, чрезъ которыя спасительная сила Божія дѣйствуетъ въ насъ внутренно и сокровенно, къ нашему освященію и спасенію. Хотя всѣ таинства, бывъ установлены самимъ Богомъ, принимаются церковію, какъ необходимыя ко спасенію: но, что касается до аскетическаго ученія о жизни христіанской, то въ семъ ученіи нѣтъ нужды разсматривать всѣ вообще таинства. Соотвѣтственно своей цѣли—руководствовать христіанина въ дѣятельномъ усовершеніи его жизни духовной, аскетика должна обратиться только къ тѣмъ таинствамъ, которыя сопровождаютъ человѣка на всемъ пути сего усовершенія,—и потому не подходятъ подъ взоръ аскетики тѣ изъ нихъ, которыя только предначинаютъ путь спасенія человѣка, и уже не повторяются. Таковы: крещеніе и миропомазаніе. Далѣе есть таинства, которыя по цѣли своего установленія не для всѣхъ христіанъ могутъ быть средствомъ стяжанія благодати Божественной, и—необходимыя для цѣлой Церкви, они не имѣютъ прямаго отношенія къ дѣятельности каждаго, въ частности, христіанина. Таковы таинства—брака и священства. Такимъ образомъ, аскетикѣ оставляются только три таинства, имѣющія непосредственное отношеніе къ жизни дѣятельной, духовной: покаяніе, причащеніе, елеосвященіе. Собственный долгъ аскетики разсмотрѣть сіи таинства,—въ разсужденіи тѣхъ лицъ, надъ которыми они совершаются, и руководствовать въ надлежащемъ ихъ употребленіи.

Понятіе о покаяніи. Покаяніе есть таинство, въ которомъ искренно и правильно исповѣдывающій грѣхи свои предъ Богомъ, при видимомъ изъявленіи прощенія отъ священника,

таинственно разрѣшается отъ грѣховъ самимъ Іисусомъ Христомъ.

Важность сего таинства для жизни нравственной. Особенная важность сего таинства для жизни нравственной заключается въ томъ, что чрезъ него не только прощаются истинно кающемуся грѣхи, но и возвращается чистота души, дарованная въ крещеніи и утраченная въ произвольныхъ грѣхопаденіяхъ, не только совѣсть разрѣшается отъ прежнихъ грѣховъ, но и ограждается отъ новыхъ. Апостолъ Іоаннъ говоритъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды.* (1 Іоан. 1, 9). Посему, какъ потребность сего таинства, такъ и сила его, можетъ столько же многократно открываться для насъ на пути жизни, сколь многократно мы подвергаемся грѣхопаденіямъ.

Свойства христіанскаго покаянія. Изъ самаго понятія о таинствѣ покаянія, въ которомъ цѣлію исповѣданія грѣховъ поставляется ихъ прощеніе и очищеніе, видны уже свойства истинно христіанскаго покаянія. Его назначеніе показываетъ, что оно есть не только судъ для насъ, въ нашихъ грѣхопаденіяхъ, но судъ и милость; не только есть обнаруженіе нашей совѣсти, но и врачевство для нашихъ немощей духовныхъ; не только подвергаетъ наши дѣла власти церковной,—власти—вязать и рѣшить, но и служитъ къ обновленію духа, къ примиренію его съ Богомъ и къ исполненію его благодатнаго мира и утѣшенія. Христіанское покаяніе основывается на искупленіи и принадлежитъ къ дѣйствіямъ благодати Божіей. Посему-то въ Словѣ Божіемъ проповѣдь о покаяніи соединяется съ проповѣдью о приближеніи Царствія Небеснаго (Мо. 3, 2, 4, 17. Мар. 6, 12). Посему же свойство истинно христіанскаго покаянія всегда есть—крѣпость *вѣры*, которая побуждаетъ кающагося, со смиреніемъ и самоотверженіемъ, но безъ всякаго ложнаго страха или стыда на исповѣди,—приступать къ исповѣданію всѣхъ своихъ грѣховъ; твердость *надежды*, которая побуждаетъ его совершенно предаваться благости и милосердію Божію и, ради заслугъ Искупителя, несомнѣнно ожидать себѣ прощенія и разрѣшенія; наконецъ, сила *любви*, которая въ покаяніи видитъ передъ собою не столько грозное лицо правосудія и гнѣва, карающаго за преступленія, сколько кроткіе взоры Небесной Любви, призывающей ко спасенію. *Не пріидохъ призвати праведныхъ*, говоритъ Спаситель, *но грѣшные въ покаяніе* (Лук. 5, 32). *Отпущаются грѣси ея мнози*, говоритъ Онъ о душѣ любящей, хотя и грѣшной,—*яко возлюби много; а ему же мало оставляется, меньше любитъ* (Лук. 7, 47).

Способъ употребленія сего таинства. Способъ употребленія сего таинства можно разсматривать съ трехъ сторонъ: 1) со стороны дѣйствій, предварительныхъ и пріуготовляющихъ къ таинству покаянія; 2) со стороны дѣйствій, заключающихся въ самомъ таинствѣ; 3) дѣйствій, которыя должны послѣдовать за совершеніемъ таинства. Къ первымъ принадлежатъ: а) полное испытаніе своей совѣсти, б) раскаяніе и сокрушеніе сердца, в) намѣреніе исправить свою жизнь. Въ совершеніе самаго таинства входятъ: а) устная исповѣдь всѣхъ своихъ грѣховъ, и б) полученіе разрѣшенія отъ власти церковной. За совершеніемъ таинства должны послѣдовать дѣятельные плоды покаянія.

А) Необходимость испытанія совѣсти. Необходимость испытанія совѣсти открывается изъ того, что безъ сего испытанія мы не можемъ имѣть правильнаго понятія о своемъ нравственномъ состояніи. Чтобы правильно судить о нравственномъ достоинствѣ своихъ поступковъ и цѣлой своей жизни, для сего надобно проникать въ собственныя расположенія и склонности, испытывать побужденія и цѣли, по которымъ мы дѣйствуемъ въ жизни. Чтобы ясно видѣть всѣ свои нравственныя нужды и изыскать вѣрныя средства къ ихъ удовлетворенію, надобно обратить строгій и безпристрастный взоръ на себя и предъ судомъ совѣсти обнаружить мѣру нашего преспѣянія въ жизни нравственной, равно какъ наши немощи и недостатки. Особенно же, по отношенію къ таинству покаянія, строгое испытаніе совѣсти необходимо для того, чтобы наше покаяніе было совершено во всей полнотѣ и искренности, и чтобы не оставаться, при исповѣди, въ состояніи нравственнаго невѣдѣнія или лицемѣрія.

Виды самоиспытанія. Испытаніе совѣсти можетъ быть или *постоянное*, совершаемое въ теченіе всей своей жизни, во всякое время и при каждомъ поступкѣ; или *повременное*, предпринимаемое только въ извѣстное время, произвольно для сего избранное, или по особенному побужденію, напр., въ приготовленіи къ исповѣди и св. пріобщенію. Также испытаніе совѣсти можетъ быть *общее*, относительно всей своей жизни, не только внѣшней, но и внутренней, всѣхъ своихъ поступковъ, чувствъ и намѣреній, или *частное*, касающееся одного какого-либо нравственнаго дѣйствія, или одной стороны въ нашей дѣятельности. По отношенію къ таинству покаянія необходимо испытаніе совѣсти *общее*, простирающееся на всѣ наши поступки, мысли, чувства и намѣренія, и хотя временемъ исповѣди опредѣляется и время для сего испытанія, но лучшимъ приготовленіемъ къ самой исповѣди можетъ быть не повременное только, а постоянное самоиспытаніе.

Главные предметы въ испытаніи совѣсти. Первымъ и главнымъ предметомъ испытанія совѣсти должно быть для насъ—наше спасеніе. Къ сему главному предмету мы должны устремлять всѣ свои мысли и чувства, и по нему повѣрять свои поступки. Здѣсь должно имѣть въ виду слѣдующее: 1) положено ли въ насъ дѣйствительно начало нашего спасенія, нашимъ преспѣяніемъ въ благочестіи и добродѣтели, или,—еще оставаясь въ состояніи грѣха и духовнаго нечувствія,—мы доселѣ не мыслили о своемъ спасеніи? 2) если, по суду собственной совѣсти, мы не принадлежимъ еще къ числу спасаемыхъ, то въ чемъ особенно состоитъ наша грѣховность и нечистота, какая страсть или порокъ наиболѣе въ насъ господствуетъ, и что особенно питаетъ и укрѣпляетъ въ насъ грѣховныя расположенія? 3) Если же, по благодати Божіей, въ насъ положено начало нашему духовному обновленію, то какъ мы идемъ по новому пути благодатной жизни,—съ тою ли ревностію, съ тѣмъ ли преуспѣяніемъ, какъ должно? и, если не такъ, то что препятствуетъ нашему духовному возрастанію и совершенству? Сіи три главные предмета должно имѣть въ виду при испытаніи совѣсти, чтобы рѣшить, на какомъ пути мы находимся, по отношенію къ главной нашей цѣли: вѣчному спасенію.

Частные предметы самоиспытанія. Въ связи съ главнымъ предметомъ самоиспытанія—нашимъ спасеніемъ, испытаніе должно простираться и на другіе частные предметы, имѣющіе къ нему болѣе или менѣе прямое отношеніе. Сюда относятся—въ нашей внутренней жизни: наши склонности естественныя и пріобрѣтенныя, наши привычки, господствующій образъ мыслей, желанія, разнообразныя чувства, словомъ весь нравственный характеръ нашъ. Надобно испытать его нравственное достоинство, по отношенію къ нашему совершенству и нашему истинному благополучію. Во внѣшней жизни долженъ обратить на себя вниманіе весь кругъ нашей дѣятельности, родъ жизни, который мы ведемъ, наше положеніе въ мірѣ, обязанности нашего званія, наше отношеніе къ другимъ людямъ, различные наши успѣхи и неуспѣхи, радости и огорченія, болѣзни, бѣдствія и проч.—поколику все сіе можетъ имѣть нравственныя основанія и относиться къ нашему нравственному благу. Испытаніе себя по всѣмъ симъ предметамъ должно составить полное испытаніе совѣсти.

Основаніе и руководство для самоиспытанія. Для того, чтобы испытаніе совѣсти могло быть вполнѣ правильно и успѣшно, надобно утвердить оное на прочномъ основаніи, и избрать для него вѣрное руководство. Основаніемъ для испытанія

совѣсти не могутъ быть произвольно составленныя понятія наши о нашемъ достоинствѣ, но должны быть тѣ начала, которыя Самимъ Богомъ положены для нашей дѣятельности и спасенія. Посему самое вѣрное зерцало, въ которомъ, разсматривая себя прилежно, мы можемъ видѣть самихъ себя со всѣмъ тѣмъ, что въ насъ есть, и чего не достаетъ,—такое зерцало для насъ есть слово Божіе. Къ слову Божію, какъ къ зерцалу, надо постоянно обращать всѣ стороны своего существа, какъ умъ и совѣсть, такъ и сердце съ его желаніями и наклонностями, такъ даже и чувственную сторону нашей природы съ ея немощами, потребностями и привычками. При такомъ обращеніи къ слову Божію, внимательное испытаніе себя достаточно раскроетъ намъ все наше нравственное состояніе и достоинство.

Руководствомъ къ правильному употребленію слова Божія, т. е. какъ правильному разумѣнію его, такъ и непогрѣшительному приложенію его уроковъ къ нашему состоянію, могутъ служить наставленія и примѣры св. мужей, разумѣвшихъ и въ точности исполнявшихъ ученіе слова Божественнаго. Полезно сравнивать образъ своихъ мыслей, правилъ и жизни съ образомъ мыслей и жизни людей праведныхъ, особенно—подобнаго намъ состоянія, дабы видѣть, вѣрно ли мы слѣдуемъ Закону Божію. *Подражатели мнѣ бывайте, яко же и азъ Христу*, говоритъ апостолъ Павелъ (1 Кор. 11, 1).

Порядокъ самоиспытанія. Нравственное самоиспытаніе можетъ быть совершаемо различнымъ образомъ, смотря по способности и намѣренію каждаго. Но лучшій способъ самоиспытанія можно указать въ томъ, чтобы начинать оное съ общаго обзора своей жизни, по всѣмъ возрастамъ и слѣдамъ ея теченія. Уже въ самомъ происхожденіи нашемъ на свѣтъ, и въ самыхъ первоначальныхъ обстоятельствахъ жизни, открываются намѣренія о насъ Промысла Божественнаго: поелику сіи обстоятельства не зависятъ отъ насъ, между тѣмъ какъ отъ нихъ зависитъ вся наша жизнь. Посему, при испытаніи себя, наша обязанность узнать эту первую о насъ волю Божію. Далѣе, многое въ нашей жизни зависитъ отъ первыхъ впечатлѣній нашего дѣтства, особенно отъ того, какой видъ воспитаніе даетъ нашимъ отношеніямъ къ Богу и ближнимъ, при первомъ раскрытіи сихъ отношеній, какъ добро и зло оказываетъ въ нашихъ сердцахъ свое первое дѣйствіе, и какъ начинаетъ то и другое выражаться въ нашихъ склонностяхъ и поступкахъ. Внимательное разсмотрѣніе сего можетъ многое объяснить для насъ въ нашемъ характерѣ и во всей нашей дѣятельности. Еще болѣе должно объясниться для насъ въ настоящемъ изъ нашей юности, поелику

въ семъ возрастѣ уже мы сами полагаемъ основаніе всей нашей будущей жизни, образуемъ свой характеръ, и такимъ образомъ въ путяхъ юности большей частію скрываются причины, почему мы таковы или не таковы, каковы быть должны въ отношеніи къ Закону Божію и своему спасенію. Такое предварительное обозрѣніе своей жизни можетъ руководить насъ къ правильному познанію себя и достаточно облегчить рѣшеніе главнаго и необходимаго для насъ вопроса: о нашемъ спасеніи. Относительно же таинства покаянія такой обзоръ жизни долженъ почитаться необходимымъ: поелику наше покаяніе должно касаться не однихъ внѣшнихъ дѣйствій, совершаемыхъ въ настоящее время, но и внутреннихъ расположеній и склонностей, образующихся въ насъ отъ первыхъ возрастовъ, не только должно простираться на повременные наши поступки, грѣхи и паденія, но и теченіе всей нашей жизни.

Свойства правильнаго самоиспытанія. Правильное самоиспытаніе должно имѣть слѣдующія свойства: 1) оно должно быть строго и безпристрастно, чтобы не скрывать отъ себя намѣренно своихъ недостатковъ, не обольщаться ложными совершенствами и не видѣть въ себѣ того, чего нѣтъ; 2) оно должно быть глубоко и полно, чтобы не останавливаться на одной внѣшней сторонѣ нашихъ поступковъ, но проникать въ сокровенныя ихъ побужденія и цѣли, не оставлять безъ вниманія ни одной черты въ характерѣ, ни одной склонности сердца или пожеланія воли, равно и ни одного важнаго предмета во внѣшнемъ кругѣ нашей дѣятельности; 3) оно должно быть рѣшительно, и при томъ соединяться съ спокойствіемъ духа; должно быть рѣшительно,—чтобы при испытаніи совѣсти, отдалять отъ себя все, что можетъ обольщать самолюбіе и закрывать отъ насъ истину, чтобы, открывая въ себѣ недостатки, тотчасъ обращаться къ ихъ врачеванію, и съ полною рѣшимостью воли исторгать въ душѣ всѣ плевелы грѣховные. При семъ нужно спокойствіе духа,—чтобы не приводить въ замѣшательство собственныхъ мыслей и чувствъ, не смущаться до изліянія отъ своихъ немощей и недостатковъ, но сохранить въ себѣ силу духа, для ихъ исправленія. Унынie и отчаяніе приложитъ только новые раны къ ранамъ и можетъ сдѣлать оныя неисцѣльными.

Б) Понятіе о раскаяніи. Раскаяніе есть сокрушеніе духа о содѣланныхъ грѣхахъ предъ Богомъ и ближними, происходящее отъ живаго сознанія ихъ и всѣхъ гибельныхъ для насъ ихъ дѣйствій и соединенное съ глубокимъ и искреннимъ отвращеніемъ отъ нихъ.

Необходимость его. Искреннее раскаяніе во грѣхахъ необходимо въ приготовленіи къ таинству покаянія. Кто вполнѣ сознаетъ свои страсти и проступки, кто ясно видитъ всѣ свои грѣховныя раны и живо чувствуетъ всѣ вредоносныя дѣйствія ихъ для души, тотъ уже естественно не можетъ не сокрушаться духомъ и не можетъ не имѣть отвращенія отъ своихъ прежнихъ грѣховъ. Напротивъ, кто, и сознавая свои проступки, не обнаруживаетъ раскаянія въ нихъ, тотъ никогда не можетъ уврачевать своихъ грѣховныхъ болѣзней, и своимъ упорствомъ только увеличиваетъ ихъ и свою виновность. Богъ, какъ Существо святѣйшее и правосудное, не терпитъ нашихъ беззаконій (Пс. 5, 5) и требуетъ, чтобы мы ихъ ненавидѣли: иначе мы не можемъ отъ Него надѣяться прощенія. Только *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10).

Различные роды раскаянія. Раскаяніе можетъ быть различныхъ родовъ: или оно будетъ основываться только на *естественныхъ* побужденіяхъ, когда одно ощущеніе непріятныхъ и вредныхъ дѣйствій грѣха заставляетъ человѣка раскаяваться въ своихъ заблужденіяхъ: или оно будетъ имѣть высшія побужденія, каковы побужденія страха Божія или любви къ Богу, заставляющія человѣка—сколько страшиться правосудія Божественнаго, столько же сокрушаться духомъ о тѣхъ оскорбленіяхъ величія, святости и любви Божіей, какія происходятъ отъ его пороковъ и преступленій. Естественное раскаяніе не имѣетъ полной цѣны въ нравственномъ отношеніи и недостаточно само по себѣ, для полученія благодатнаго прощенія грѣховъ. Христіанину свойственно раскаяніе, возникающее изъ побужденій страха Божія и любви: *нынѣ радуюся*, пишетъ ап. Павелъ къ христіанамъ коринѳской церкви, *яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбьсте бо по Бозѣ... Се бо сіе самое, еже по Бозѣ оскорбитися вамъ, колико содѣла въ васъ тщаніе; но отвѣтъ, но негодованіе, но страхъ, но вожделѣніе, но ревность...* (2 Кор. 7, 9—11). Совершеннѣйшее побужденіе для христіанина къ раскаянію предъ Богомъ, какъ сына, а не раба, есть любовь, которая *вонъ изгоняетъ страхъ: яко страхъ муку имать*, любви несвойственную (1 Іоан. 4. 18).

Признаки истиннаго раскаянія. Признаки истиннаго раскаянія могутъ быть внутренніе и внѣшніе. Внутренніе: 1) глубокое сокрушеніе сердца, происходящее отъ живаго сознанія своихъ грѣховъ и чувства своей виновности передъ Богомъ; 2) смиреніе, проистекающее, сколько отъ сознанія своей порчи и своего недостоинства, столько же отъ чувства страха Божія, когда кающійся видитъ въ своихъ грѣхахъ оскорбленіе святости и любви Божіей, и почитаетъ себя вполнѣ заслужившимъ гнѣвъ

небеснаго правосудія: безъ смиренія нѣтъ истиннаго раскаянія; 3) рѣшительное намѣреніе исправить свою жизнь. Внѣшніе признаки: 1) внѣшнія дѣйствія, выражающія внутреннее сокрушеніе духа, какъ-то: слезы, воздыханія и пр.; б) частое обращеніе къ Богу въ молитвѣ; в) намѣренное уклоненіе отъ всякаго соблазна и повода ко грѣху, разсѣянія и обольщеній міра; г) кротость и смиреніе во всемъ внѣшнемъ поведеніи.

В) О рѣшимости исправить свою жизнь. Раскаяніе во грѣхахъ не иначе можетъ быть дѣйствительно, какъ если будетъ соединено съ твердою рѣшимостью—избѣгать грѣховъ и исправить всю свою жизнь. Къ сей рѣшимости должно побуждать христіанина: 1) размышленіе, какъ о суетности жизни грѣховной самой въ себѣ, такъ и о всѣхъ гибельныхъ дѣйствіяхъ нравственнаго зла; 2) убѣжденіе въ невозможности—совмѣстить истинное благополучіе съ своими страстями, служеніе Богу съ любовью къ міру и свое вѣчное спасеніе съ временными грѣховными наслажденіями; 3) ясныя изреченія слова Божія: *отвержите отъ себе вся нечестія ваша, имиже нечествовасте ко мнѣ: и сотворите себѣ сердце ново...* (Іез. 18, 31). *Аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидите въ Царство Небесное* (Мѳ. 18, 3).

Свойства. Рѣшимость самоисправленія должна имѣть слѣдующія свойства: 1) она должна простираться на всѣ вообще грѣхи, особенно же важнѣйшіе изъ нихъ и наиболѣе оскорбляющіе Бога и совѣсть: должна простираться также на самыя склонности и внутреннія расположенія къ грѣху,—куда принадлежатъ, какъ естественныя склонности, такъ и пріобрѣтенныя,—привычки; 2) рѣшимость должна быть твердая и дѣятельная, чтобы рачительно избѣгать всякаго повода ко грѣху—отъ внѣ, и всякаго побужденія къ нему внутри насъ, и пользоваться всѣми вѣрными средствами къ преуспѣянію въ добродѣтели. Но, поелику малые, по нашему мнѣнію, грѣхи обыкновенно заключаютъ въ себѣ сѣмена грѣховъ большихъ, а частое повтореніе малыхъ проступковъ укрѣпляетъ въ душѣ привычку грѣшить: то въ рѣшимости исправить свою жизнь надобно очищать душу и отъ малыхъ, повидимому, грѣховъ, и для того избѣгать всякихъ, и незначительныхъ, поводовъ къ нимъ.

Чѣмъ можетъ быть поддержана такая рѣшимость? Хотя рѣшимость не грѣшить можетъ встрѣчать внутри и внѣ насъ многія искушенія, которыя потребуютъ отъ насъ постоянной и усиленной борьбы: но при семъ надобно сохранять мужество, чтобы не колебаться въ своей рѣшимости. Сія рѣшимость можетъ быть поддержана въ насъ: 1) представленіемъ о тѣхъ благахъ, какія ожидаютъ въ будущемъ вѣрнаго и непоколебимаго подвиж-

ника вѣры и благочестія (Апок. 2, 10); 2) постоянною и крѣпкою молитвою къ Богу, съ испрошеніемъ отъ Него благодатной помощи (Мѳ. 7, 7, 21, 22); 3) несомнѣннымъ упованіемъ—получить отъ Бога благодать и силу къ преспѣянію въ добрѣ и побѣжденію искушеній (1 Петр. 1, 13. 2 Кор. 7, 10).

Г) Объ исповѣди. Исповѣдь, по установленію православной Церкви, есть чистосердечное и полное изъявленіе предъ Богомъ всѣхъ своихъ грѣховъ и немощей духовныхъ, въ присутствіи служителя церкви, соединенное съ сокрушеніемъ духа и искреннимъ прошеніемъ отъ Бога благодатнаго въ нихъ прощенія и разрѣшенія.

Основаніе и важность такой исповѣди. Такая, Церковію установленная, исповѣдь основывается, съ одной стороны, на власти *вязать и рѣшить*, данной отъ Самого Іисуса Христа апостоламъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ пастырямъ церкви (Мѳ. 18, 18, Іоан. 20, 22, 23), съ другой,—на необходимости для самого грѣшника и для успокоенія его совѣсти *дѣйствительно* получить отъ Церкви, а въ ней—и отъ Самого Бога—даръ прощенія и разрѣшенія отъ грѣховъ. Посему, въ правильной исповѣди истинно кающіеся несомнѣнно получаютъ отъ Бога отпущеніе грѣховъ и благодать, очищающую ихъ совѣсть: напротивъ, неистинно кающійся не только не получаетъ разрѣшенія, но, по выраженію церкви, отъ исповѣди «не исцѣленъ отходитъ, и даже сугубъ грѣхъ имать».

Необходимость устной и подробной исповѣди. Хотя исповѣдь христіанина можетъ совершаться и во глубинѣ его собственной души, предъ очами единаго Бога: тѣмъ не менѣе, необходима исповѣдь внѣшняя—устная и подробная. Кто искренно раскаявается во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ, для того не можетъ быть ничего вожделѣннѣе, какъ получить свыше отвѣтъ на свою исповѣдь и дѣйствительное увѣреніе въ помилованіи. Но для сего увѣренія голосъ собственной совѣсти недостаточенъ: поелику сама совѣсть наша подлежитъ суду, и первѣе и болѣе всего, имѣетъ нужду въ успокоеніи отвнѣ. Притомъ разрѣшеніе отъ грѣховъ есть даръ благодати Божіей: а сего дара, какъ мы сами не можемъ произвольно восхищать, такъ и никто другой не можетъ сообщить намъ, безъ посредства освященныхъ служителей благодати. Они одни могутъ увѣрять кающагося въ милосердіи Божіемъ, какъ уполномоченные на то отъ Самого Бога. Одно общее исповѣданіе предъ священникомъ, и общее отъ него разрѣшеніе всѣмъ исповѣдающимся, было бы также недостаточно. Исповѣдь должна быть врачествомъ для души: а потому требуетъ яснаго и полнаго раскрытія всѣхъ немощей и болѣзней

душевныхъ, чтобы примѣнительно къ нимъ сообщено было полезное врачеваніе. Въ самомъ Словѣ Божіемъ есть основаніе для устной и подробной исповѣди. Самъ Богъ призывалъ къ такой исповѣди народъ Израильскій: *во грѣсѣхъ твоихъ сталъ еси предо Мною и въ неправдахъ твоихъ: Азъ есмь, Азъ есмь заглаждаяй беззаконія твоя Мене ради, и грѣхи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43; 24, 25).

Предметъ исповѣди. Такъ какъ исповѣдь, по своему назначенію, должна быть судомъ для нашей совѣсти, врачествомъ для нашихъ немощей и поученіемъ для всей жизни нашей, то предметъ ея составляетъ все наше нравственное состояніе, какъ по внутренней жизни, такъ и внѣшней. Такимъ образомъ на исповѣди должны быть обнаружены: 1) всѣ грѣхи произвольные—и прежде другихъ—болѣе тяжкіе изъ нихъ и тягчайшему подлежащіе осужденію; 2) разные роды грѣховъ и обстоятельства, которыя увеличиваютъ ихъ важность и обличаютъ злонамѣренность; 3) самое число грѣхопаденій. Потомъ должны быть исповѣданы: 4) грѣхи немощи, или невѣдѣнія, или грѣхи невольные; 5) грѣхи, такъ называемые, сомнительные, въ разсужденіи которыхъ совѣсть неясно даетъ видѣть намъ степень нашей виновности; 6) грѣхи—опущенія добра, или нерадѣнія, грѣхи легкомыслія, малые и частые проступки, грѣхи слова,—и вообще всѣ тѣ паденія и недостатки, въ которыхъ допускается, хотя и малое, повидимому, нарушеніе закона, и которые, составляя нечистоту нашей души и виновность предъ Богомъ, не могутъ не вмѣняться намъ, по Его праведному суду.

Затѣмъ должны быть открываемы на исповѣди и всѣ господствующія расположенія души, господствующій образъ мыслей, страсти, наклонности и привычки, дабы вполнѣ было раскрыто нравственное состояніе духа, и тѣмъ совершеннѣе могло быть его врачеваніе. Полезно также объявлять на исповѣди и свои намѣренія въ будущемъ, касательно своей нравственной жизни, свои желанія и обѣты, чтобы тѣмъ удобнѣе пользоваться духовными совѣтами и наставленіями пастыря, и тѣмъ вѣрнѣе избрать для себя новый путь жизни.

Свойства правильной исповѣди. Приготовляясь къ исповѣди, надобно собрать всѣ силы ума и совѣсти, и съ совершеннымъ безпристрастіемъ обратить взоръ въ глубину своей души, чтобы вспомнить и сознать всѣ свои грѣхи и немощи, и восчувствовать всю тяжесть ихъ; надобно возненавидѣть всѣ свои неправды и нечистоты душевныя, съ твердою рѣшимостью не скрывать оныхъ на исповѣди. Затѣмъ, безъ всякаго ложнаго страха

или стыда, съ полною вѣрою во Христа и упованіемъ на Его милосердіе, приступать къ устному и подробному исповѣданію грѣховъ. Самое исповѣданіе должно быть ясно и раздѣльно, и соединено съ христіанскимъ благоразуміемъ,—безъ излишнихъ и неумѣстныхъ подробностей, но и безъ намѣреннаго тщанія—скрывать то, что особенно служитъ къ обличенію во грѣхѣ и увеличиваетъ его важность. Наконецъ, исповѣдь не должна ограничиваться только *общимъ* признаніемъ во грѣхахъ или немощахъ, не служащимъ къ изъясненію личнаго состоянія души кающагося, и въ особенности должна быть чужда всякаго самолюбія, чтобы кающійся не являлся судіею самого себя и не позволялъ себѣ, на ложныхъ основаніяхъ, ложнаго самооправданія.

Частныя правила исповѣди могутъ касаться: a) лица кающагося, b) лица исповѣдывающаго и c) времени и другихъ обстоятельствъ исповѣди.

a) Согласно съ Божественнымъ установленіемъ таинства покаянія, обязанности покаянія подлежатъ: 1) всѣ люди, впадающіе во грѣхи, особенно—грѣхи тяжкіе (Дѣян. 8, 22; 1 Кор. 5, 7). 2) всѣ лица, приступающія къ принятію Божественныхъ таинствъ (Дѣян. 2, 38); 3) лица, находящіяся въ тяжкихъ немощахъ душевныхъ или тѣлесныхъ, или въ опасности смерти (Мѳ. 9, 2; Лук. 7, 47, 48; Іез. 33, 8—20). По установленію Церкви, христіанскій долгъ исповѣди лежитъ: a) на всѣхъ достигающихъ зрѣлаго возраста и подвергающихся произвольнымъ грѣхопаденіямъ, б) на всѣхъ, желающихъ пріобщенія Божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовой.

b) Что касается до лица исповѣдывающаго, то выборъ сего лица предоставляется свободѣ кающагося; только этимъ выборомъ должны управлять одни чистыя благія намѣренія, и одно искреннее желаніе—спасенія душѣ. Впрочемъ, сей выборъ долженъ быть соединяемъ и съ христіанскимъ благоразуміемъ, чтобы немощи и нужды духовныя могли быть повѣряемы лицу, наиболѣе опытному и способному вспомоществовать имъ совѣтами и наставленіями. Особенная въ силѣ случаѣ польза для кающагося можетъ быть въ томъ, чтобы постоянно имѣть одного духовнаго отца и наставника. Не позволительно, и даже вредно, безъ нужды оставлять одного духовника и обращаться къ другому.

Общее правило для выбора духовнаго отца можетъ быть выражено словами одного опытнаго наставника въ благочестіи: «отецъ духовный долженъ быть для кающагося мужъ вѣрный и мудрый, который желаетъ и можетъ быть ему полезенъ, котораго бы онъ могъ по справедливости уважать, но не страшиться, который бы не укорялъ и не поражалъ его совѣсть тяжкими наказаніями за проступки, но помогалъ—исправлять ихъ, котораго жизнь была бы чиста въ глазахъ всѣхъ, а не по слухамъ только». Имѣя въ виду такое достоинство духовнаго руководителя душъ, каждый христіанинъ долженъ: 1) усердно молить Бога, чтобы Самъ Богъ даровалъ ему добраго наставника, и чтобы чрезъ сего наставника открывалъ ему все, нужное и полезное ко спасенію; 2) долженъ имѣть полное довѣріе къ своему избранному отцу духовному, и несомнѣнно пользоваться его наставленіями, имѣя въ виду нестолько человѣческія въ немъ познаніи или естественныя дарованія, сколько силу помощи Божественной, въ немъ и чрезъ него дѣйствующую; 3) долженъ чистосердечно открывать ему всѣ состоянія своей души, всѣ свои помыслы и чувства, внутреннія и внѣшнія искушенія, дабы вполнѣ можно было пользоваться его духовною помощью и руководствомъ; 4) наконецъ, долженъ оказывать ему совершенное послушаніе въ жизни духовной: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ*, говорилъ Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ; и всѣ учители церкви послушаніе духовное почитали однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ совершенству.

c) Время исповѣди, по отношенію къ личнымъ потребностямъ каждаго христіанина, не можетъ быть опредѣлено строгими правилами. Какъ нѣтъ времени, въ которое можно было бы почитать себя свободнымъ или безопаснымъ отъ грѣха, такъ и времени, въ которое покаяніе было бы ненужно, или излишне. Особенно же, если кто впадаетъ въ тяжкій грѣхъ, то, чѣмъ болѣе поспѣшитъ очистить свою совѣсть покаяніемъ, тѣмъ дѣйствительнѣе можетъ быть это очищеніе. Церковь во всякое время готова принять кающагося. Но, по отношенію къ обществу христіанъ и общимъ для нихъ установленіямъ церкви, исповѣданіе грѣховъ предъ служителемъ таинства и полученіе благодатнаго разрѣшенія въ нихъ можетъ быть только по временамъ. Такъ, церковь завѣщаваетъ исповѣдаться—ревностнымъ въ благочестіи—четырежды въ годъ, или каждый мѣсяцъ, а всѣмъ непремѣнно однажды въ годъ (См. Прав. Исп. часть I, вопр. 90).

Случаи, въ которыхъ исповѣдь остается недѣйствительною. Случаи, въ которыхъ исповѣдь должна почитаться недѣйствительною, могутъ быть слѣдующіе: 1) когда исповѣдающійся не имѣетъ внутренняго, искренняго и чистаго раскаянія во всѣхъ грѣхахъ своихъ; 2) когда намѣренно умалчиваетъ на исповѣди о тяжкихъ грѣхахъ, достойныхъ наибольшаго осужденія и наиболѣе обременяющихъ совѣсть; 3) когда кающійся не имѣетъ въ себѣ твердой рѣшимости—избѣгать новыхъ грѣхопаденій, и вполнѣ исправить свою жизнь.

Слѣдствія такой исповѣди. Слѣдствіемъ такой несовершенной исповѣди бываетъ только тягчайшее обремененіе совѣсти и осужденіе грѣшника: не только намѣренно сокрытые на исповѣди грѣхи не оставляются ему, но и сдѣланнымъ отъ него исповѣданіемъ проступковъ, которое оказывается лицемѣрнымъ, совѣсть его не очищается. Злоупотребленіе таинства съ его стороны есть новый, тяжкій грѣхъ: особенно же, если съ этимъ соединяется еще недостойное причащеніе таинства тѣла и крови Христовой, и въ послѣдствіи времени исповѣдь будетъ также неискренна и несовершенна,—то человѣкъ подвергается опасности вѣчнаго осужденія и отверженія.

Д) Разрѣшеніе отъ грѣховъ. Необходимыя условія для полученія разрѣшенія отъ всѣхъ грѣховъ суть слѣдующія: 1) искреннее и чистое раскаяніе во всѣхъ содѣланныхъ грѣхахъ, опущенныхъ дѣлахъ добра и заповѣдяхъ закона; 2) искренняя и живая вѣра въ заслуги Искупителя и надежда на Его милосердіе; исполненіе всѣхъ правилъ исповѣди по установленію Церкви, 2 Кор. 7, 10. Дѣян. 10, 43.

Епитимія. Особенное средство къ очищенію и умиротворенію совѣсти покаявшагося грѣшника есть *епитимія*. Слово епитимія значитъ—запрещеніе. Подъ симъ наименованіемъ, смотря по надобности, предписываются кающемуся нѣкоторыя особенныя благочестивыя упражненія ими нѣкоторыя лишенія, какъ средства къ усиленію въ немъ покаянныхъ чувствованій и пособія къ исправленію нравственной жизни. Сюда относятся: постъ, сверхъ положеннаго для всѣхъ, разныя другія дѣла благочестія или милосердія, и за тяжкіе грѣхи отлученіе отъ св. Причащенія на опредѣленное время.

Важность епитиміи; ея дѣйствія. Епитимія не можетъ почитаться удовлетвореніемъ со стороны грѣшника правды Божіей, оскорбленной его грѣхами полное удовлетвореніе правдѣ Божіей за грѣхи всѣхъ людей могъ принести и, дѣйствительно, принесъ одинъ только Искупитель нашъ, Іисусъ Христосъ. Но, какъ дѣйствіе власти церковной и какъ пособіе со стороны Церкви нашимъ немощамъ духовнымъ, епитимія имѣетъ непререкаемую важность. Въ семъ отношеніи епитимія 1) основывается на власти вязать и рѣшить совѣсть, данной отъ Самого Іисуса Христа пастырямъ Церкви, 2) оправдывается и прямыми свидѣтельствами Св. Писанія, въ которыхъ епитимія—или представляется дѣйствіемъ суда церковнаго (1 Кор. 5, 4. 5. 2 Кор. 2, 6. 8; 13, 10. Мато. 18, 15—17), или изображается въ своей нравственной, силѣ и своихъ дѣйствіяхъ на жизнь грѣшника, каковы: возбужденіе его къ послушанію вѣрѣ и Церкви, 2 Кор. 10, 4—6; сохраненіе общества вѣрующихъ въ чистотѣ и святости, чрезъ обличеніе и отлученіе зараженныхъ тяжкими грѣхами, 2 Сол. 3, 6, 14. 1 Кор. 5, 11, 13; соблюденіе въ чистотѣ и святости самыхъ даровъ духовныхъ, чрезъ отдаленіе отъ нихъ людей недостойныхъ—Мато. 7. 6.

Такимъ образомъ дѣйствія епитиміи можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи къ Церкви и 2) въ отношеніи къ нравственной жизни того, на кого епитимія возлагается.

1) Въ отношеніи къ Церкви—возлагаемая на грѣшника епитимія а) долженствуетъ возбудить въ немъ благоговѣніе къ власти и силѣ суда церковнаго и свидѣтельствовать о его послушаніи Церкви; б) должна возвышать въ немъ благоговѣніе къ тѣмъ благамъ и дарамъ духовнымъ, которые онъ получаетъ отъ Церкви чрезъ свое покаяніе, и которыхъ можетъ быть лишенъ чрезъ свою нераскаянность, в) должна всякаго христіанина побуждать къ постоянной ревности о чистотѣ своей жизни, изъ уваженія къ святости общества вѣрующихъ, составляющихъ Церковь, отъ которой, за свою нечистоту, онъ можетъ быть отлученъ епитиміею.

2) По отношенію къ совѣсти самого грѣшника, епитимія а) должна свидѣтельствовать о искренности и чистотѣ его раскаянія и о его рѣшимости исправить свою жизнь; б) должна поддержать въ немъ постоянное памятованіе своихъ грѣховъ и осужденія, которому грѣхи подвергаютъ; въ семъ отношеніи епитимія составляетъ для грѣшника какъ бы продолженіе его исповѣди. Вмѣстѣ съ симъ с) епитимія имѣетъ особенною цѣлію способствовать рѣшительному очищенію и умиротворенію совѣсти покаявшагося грѣшника: ибо, съ одной стороны, какъ дѣйствіе высшаго духовнаго суда, епитимія какъ бы насильно отторгаетъ душу отъ привязанности къ тому или другому грѣху, съ другой стороны, какъ духовное пособіе и врачевство, она освобождаетъ совѣсть отъ тяжести грѣха, въ особенности возмущающаго душу, и такимъ образомъ помогаетъ христіанину пріобрѣтать душевное спокойствіе и съ большимъ дерзновеніемъ приступать къ милосердію Божію (2 Кор. 2, 6—8). Наконецъ д) и самой тяжестью своею епитимія можетъ имѣть вѣрное нравственное дѣйствіе: поелику тяжесть ея врачуетъ злыя привычки, неизлѣчимыя легкими средствами; строгая епитимія крѣпкими узами связываетъ волю грѣшника, привыкшую слѣдовать влеченіямъ страстей, и направляетъ ее къ такимъ упражненіямъ, которыя вмѣсто прежнихъ худыхъ навыковъ полагаютъ основаніе навыкамъ новымъ, лучшимъ.

Достоинство частныхъ дѣйствій, составляющихъ епитимію. Достоинство частныхъ дѣйствій, или упражненій, составляющихъ епитимію, заключается въ томъ, что сіи упражненія сами по себѣ суть нравственныя дѣйствія, суть добродѣтели. Таковы: молитва, постъ, милостыня. Съ усердіемъ упражняясь въ такихъ подвигахъ, когда они составляютъ церковное наказаніе, христіанинъ исполняетъ законъ Христовъ, повелѣвающій непрестанно упражняться въ молитвѣ, постѣ, дѣлахъ милосердія и, слѣдовательно, живетъ истинно христіанскою жизнію. Притомъ, такія дѣйствія не могутъ не пріучать насъ мало-по-малу и къ постоянному упражненію въ добродѣтели, отучая отъ пороковъ. Основаніе для сихъ подвиговъ, именно, пощенія, милостыни, молитвы, какъ дѣйствій покаянной епитиміи, можно видѣть и въ прямыхъ наставленіяхъ Слова Божія: (Іоил. 2, 12. Дан. 4, 24. Притч. 15, 27. Мѳ. 11, 21), и въ примѣрахъ, тамъ изображенныхъ, какъ-то: въ примѣрѣ Давида, Пс. 101, 10. 2 Цар. 12, 16; въ примѣрѣ Ниневіи (Іон. 3, 4—10).

Есть и такого рода церковныя наказанія, которыя, не требуя физическаго труда въ выполненіи ихъ, дѣйствуютъ своею силою преимущественно въ совѣсти грѣшника и покрываютъ его стыдомъ. Сюда относятся: отлученіе отъ Св. Таинъ и другія легчайшія наказанія. Стыдъ и скорбь, возбуждаемые такими наказаніями, унижаютъ грѣшника въ собственныхъ глазахъ и предостерегаютъ впредь отъ худыхъ поступковъ. Нѣкоторыя епитиміи такого рода направляются непосредственно противъ содѣяннаго худаго поступка, и потому, обращая умъ грѣшника на позорныя слѣдствія господствующей въ немъ страсти, тѣмъ самымъ предостерегаютъ отъ нея его сердце и волю.

Различные виды епитиміи. Правила для лица, подвергающагося епитиміи. Епитиміи могутъ быть или непроизвольныя, налагаемыя со стороны духовнаго отца на грѣшника, какъ церковное наказаніе или какъ духовное врачевство, или—произвольныя, добровольно, для очищенія и умиротворенія совѣсти, возлагаемыя на себя самимъ кающимся. Въ разсужденіи того и другого рода епитиміи надобно замѣтить: 1) что выборъ епитимій, какъ врачевства, главнымъ образомъ принадлежитъ не больному, а духовному врачу, 2) долгъ истинно кающагося не только не избѣгать сего врачеванія, но содѣйствовать ему—полнымъ раскрытіемъ на исповѣди своей совѣсти, всѣхъ своихъ грѣховныхъ ранъ и отвергать всякое самолюбіе, противящееся благимъ цѣлямъ церковныхъ наказаній; 3) хотя смиренное представленіе о невозможности выполнить какую-либо епитимію и можетъ быть благодушно принято церковью, равно и обнаруженіе

сомнѣнія касательно нравственнаго дѣйствія епитиміи можетъ быть не неумѣстно, но во всякомъ случаѣ не должно забывать, что перенесеніе епитиміи, какъ бы маловажною или несообразною съ нашимъ положеніемъ она ни казалась, есть благое дѣло, какъ опытъ духовнаго послушанія, какъ плодъ отреченія отъ собственной воли, и побѣда надъ собою. Въ частности, касательно произвольной епитиміи можно замѣтить, что въ выборѣ ея надобно сообразоваться съ своими нравственными и физическими силами, имѣть вѣрное понятіе о своихъ нуждахъ духовныхъ, и притомъ не поставлять своей епитиміи въ противорѣчіи съ другими своими обязанностями, каковы напр. обязанности къ ближнимъ, должности званія и т. п. Равнымъ образомъ не должно приписывать своей епитиміи болѣе важности и значенія, нежели сколько она, сама по себѣ, можетъ имѣть; надобно остерегаться, чтобы, *свою правду ищуще поставити*, не оказаться непослушнымъ *правдѣ Божіей* (Римл. 10, 3). Фарисеи, которые думали, что своими постами и милостынями стяжали право на любовь Божію, были обличаемы въ неправдѣ.

О нравственномъ состояніи человѣка, благодатію возрожденнаго.

Понятіе о духовномъ возрожденіи человѣка. Подъ именемъ духовнаго возрожденія разумѣется такое дѣйствіе благодати Божіей въ человѣкѣ, которымъ зачинается и совершается въ немъ очищеніе отъ всякой грѣховной нечистоты, и, при изліяніи на него даровъ Св. Духа, открывается во всемъ существѣ его новая жизнь, вмѣсто плотской—духовная, вмѣсто грѣховной—чистая, святая, по образу Божію обновляемая (Кол. 3, 9, 10).

Дѣйствующая причина въ возрожденіи человѣка. Дѣйствующая причина, производящая въ человѣкѣ духовную перемѣну, или его возрожденіе, есть Самъ Богъ. Богъ, какъ единый въ существѣ своемъ, единымъ дѣйствіемъ своей воли совершаетъ все спасеніе человѣковъ (Фил. 1, 6. 2, 13. 2 Кор. 3, 5). Но какъ Тріединый, по различію лицъ Божественныхъ, совершаетъ обновленіе наше въ различныхъ дѣйствіяхъ своей премудрости и благости (2 Кор. 13, 13). Посему каждое изъ лицъ Св. Троицы въ Св. Писаніи представляется особенною причиною особенныхъ дѣйствій въ возрожденіи человѣка.

Богъ *Отецъ*, давшій Единороднаго Сына своего для спасенія всѣхъ (Римл. 8, 32) и всѣхъ въ Немъ призывающій въ царство

свое (Кол. 1, 12), представляется въ Св. Писаніи первымъ виновникамъ и Богомъ всякія благодати: *Богъ же всякія благодати, призвавый васъ въ вѣчную свою славу о Христѣ Іисусѣ* (1 Петр. 5, 10; 1 Кор. 1, 3. Еф. 1, 2. Рим. 1, 7) и первымъ насадителемъ, или, по выраженію Писанія, *дѣлателемъ* благодатной жизни человѣка: *Азъ есмь лоза истинная и Отецъ Мой дѣлатель есть* (Іоан. 15, 1, 2).

Богъ *Сынъ*, Спаситель человѣковъ (1 Тим. 4, 10. 2 Тим. 1, 10), искупившій всѣхъ своею смертію и приведшій въ любовь и благоволеніе къ Отцу Своему (Рим. 5, 2. 1 Петр. 3, 18), представляется, какъ начальникомъ вѣры и совершителемъ спасенія (Евр. 12, 2), отъ исполненія Котораго мы всѣ пріяли и благодать возблагодать (Іоан. 1, 17), такъ и внутри насъ источнымъ началомъ нашего благодатнаго возрожденія и нашей жизни духовной: *Безъ Мене не можете творити ничесоже... Будите во Мнѣ и Азъ въ васъ; якоже лоза не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ; такъ и вы, аще во Мнѣ не пребудете* (Іоан. 15, 4), Главою, сообщающею жизнь всѣмъ членамъ тѣла духовнаго: *изъ Него же все тѣло составляемо и сочиняемо приличнѣ...* (Еф. 4, 16).

Въ особенности же дѣйствующею причиною въ возрожденіи человѣка Св. Писаніе представляетъ *Св. Духа*, который, по его изображенію, есть внутренній совершитель въ насъ благодатнаго дѣла Христова: *той вы научитъ всему и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ* (Іоан. 14, 26), *наставитъ вы на всяку истину* (16, 13), *споспособствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ и ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Римл. 8, 26), есть источникъ и раздаятель всѣхъ дарованій духовныхъ (1 Кор. 12, 8), и, *обильно изливаясь* въ сердца облагодатствуемыхъ человѣковъ (Тит. 3, 6), обитаетъ въ нихъ (1 Кор. 3, 16) и всѣ *духовные плоды* благодати производитъ въ нихъ (Гал. 5, 22).—Посему третіе лице Св. Троицы, Духъ Святый, въ особенности называется *Духомъ благодати* (Евр. 10, 29).

Понятіе о благодати Божіей, чрезъ которую совершается наше возрожденіе. Спасительная сила Божія, чрезъ которую совершается наше духовное возрожденіе, вообще называется *благодатію*. Будучи разсматриваема въ Богѣ, какъ свойство Божіе, благодать означаетъ безконечное милосердіе Божіе, по которому Богъ Отецъ, для спасенія падшаго рода человѣческаго давши Единороднаго Сына Своего (Іоан. 3, 16), въ Немъ, какъ Искупителѣ всѣхъ человѣковъ, воспріялъ насъ въ Свое благоволеніе и любовь (Еф. 1, 5; 2, 4), ради безконечныхъ заслугъ Его туне всѣхъ оправдываетъ (Еф. 2, 7. 8. Рим. 3, 24) и всѣми небесными благословеніями ущедряетъ (Еф. 1, 3, 4. 1 Кор. 1, 4, 5).

Будучи же разсматриваема въ насъ, какъ дѣйствіе силы Божіей, благодать означаетъ то особенное и сверхъестественное дѣйствіе Духа Божьяго въ насъ, которымъ совершается наше обращеніе изъ грѣховнаго состоянія, возрождается новая жизнь (Гал. 2, 20), даруются намъ духовныя силы (Гал. 3, 5) и всякій духовный успѣхъ и совершенство (1 Кор. 15, 10). Посему благодать въ Св. Писаніи называется и прямо силою Божіею (Еф. 1, 19. 3, 16, 20), или дѣйствіемъ силы Христовой (Кол. 1, 29).

Общее понятіе о дѣйствіяхъ въ насъ благодати Божіей. Какъ никто самъ по себѣ обратиться къ Богу не можетъ (Іер. XXXI, 18; Іоан. VI, 44: XIV, 6), а при ненарушимости свободы человѣческой, никто не можетъ обращенъ быть принужденно и противъ воли (Мѳ. XXIII, 37), то и дѣйствіе благодати Божіей въ обращеніи грѣшника не есть только общее дѣйствіе Божьяго Промысла, по которому всѣ мы о Богѣ живемъ, движемся и есмы (Дѣян. XVII, 28), или не заключается только въ общемъ понятіи о Божественномъ вездѣприсутствіи и вседѣйствіи, по которому Богъ все содержитъ и всѣмъ управляетъ (Еф. I, 3; Кол. I, 17). Оно есть особенное, сверхъестественное дѣйствіе силы Божіей,—или непосредственное и необычайное, внезапно производящее въ человѣкѣ благодатную перемѣну, какъ видимъ въ обращеніи ап. Павла, или посредственное, совершающееся въ порядкѣ благодатныхъ средствъ, т. е. черезъ таинственное возрожденіе водою и Духомъ (Іоан. III, 5) и черезъ дѣятельное обращеніе отъ жизни грѣховной къ Богу (Дѣян. XXVI, 18). Въ семъ послѣднемъ образѣ дѣйствія благодать Божія постепенно и мало-по-малу производитъ въ человѣкѣ спасительную перемѣну, и хотя, по свойству своему, дѣйствуетъ духовно и сокровенно, однакоже при различныхъ обстоятельствахъ жизни ощутительно открываетъ себя въ человѣкѣ: въ подавленіи грѣховныхъ помысловъ и стремленій, въ обузданіи порочныхъ страстей, въ отклоненіи отъ сильныхъ искушеній, въ могущественномъ направленіи ума и сердца къ добру,—и въ другихъ необычайныхъ перемѣнахъ, которыхъ изъ собственной дѣятельности человѣка, безъ высшаго содѣйствія, объяснить невозможно.

Полная зависимость человѣка отъ благодати Божіей въ дѣлѣ возрожденія. Наше духовное возрожденіе зачинается и совершается въ насъ единственно силою Божіею, и въ полной зависимости отъ Божественной благодати. Такъ, слово Божіе свидѣтельствуетъ, что а) и начало духовной жизни въ насъ зависитъ отъ благодати Божіей. «Се есть дѣло Божіе, да

вѣруете въ Того, Его же посла Онъ» (Іоан. VI, 29). «Никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его» (44; Дѣян. XVI, 14; Ап. III, 20; б) отъ благодати Божіей зависитъ и преспѣяніе наше въ жизни духовной. «Богъ есть дѣйствуяй въ васъ... (Фил. II, 15). Яко вамъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по немъ страдати» (I. 29; Еф. I, 17, 18; III, 16); в) отъ благодати Божіей зависитъ и то, пребываетъ-ли кто въ добрѣ до конца жизни земной. «Иже и утвердитъ васъ даже до конца неповинныхъ въ день Господа нашего Іисуса Христа» (1 Кор. I, 8; 1 Петр. V, 10).

Участіе свободы человѣка въ благодатномъ дѣлѣ его возрожденія. Хотя духовное возрожденіе наше совершается въ полной зависимости отъ благодати Божіей, но при семъ не только не нарушается свобода самого человѣка, но и требуется участіе оной и добровольное содѣйствіе силѣ благодати. Такъ, слово Божіе свидѣтельствуетъ, что а) какъ безъ свободнаго согласія человѣку ничего дано и вмѣнено, такъ и ничего усвоено имъ—быть не можетъ. «Іерусалиме, Іерусалиме—коль краты восхотѣхъ... (Мо. XXIII, 37). И не хощете пріити ко Мнѣ, да животъ имате» (Іоан. V, 41; Ис. 65, 12); б) добрыя дѣла суть плодъ не одной благодати, но и свободнаго произволенія: «безъ твоея-же воли ничто же восхотѣхъ сотворити, да не аки по нуждѣ благое твое будетъ, но по волѣ (Филим. I, 14). Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея»... (Лук. X, 42): и в) свободная дѣятельность наша дѣйствіями благодати не только не ослабляется, но возвышается и совершенствуется: «идѣже духъ Господень, ту свобода» (2 Кор. III, 17); наконецъ г) слово Божіе никогда не требуетъ того, чтобы мы оставались въ недѣятельности, ожидая дѣйствія въ себѣ благодати Божіей, напротивъ, оно требуетъ, чтобы мы въ собственной дѣятельности давали надлежащее употребленіе дарамъ Божіимъ, и пріумножали оные въ себѣ: сіе показываетъ притча Іисуса Христа о раздѣленіи рабамъ *талантовъ*. Сіе же внушаетъ наставленіе ап. Павла: «молимъ вы, братіе, любовію прилежати, еже безмолвствовати, и дѣяти своя» (1 Сол. IV, 11). Самъ же апостолъ о себѣ говоритъ: «благодатію Божіею есмь, еже есмь, и благодать Его во мнѣ не тща бысть, но паче ихъ всѣхъ потрудихся» (Фил. II, 13).

Различный образъ дѣйствія въ насъ благодати Божіей. Хотя пути и средства, употребляемыя Богомъ къ обращенію грѣшника, по многообразности и сокровенности своей неисповѣдимы (Рим. II, 33) и то, какъ совершается въ насъ духовное возрожденіе наше, есть тайна Духа Божія (Іоан. III, 8; Мар. IV, 26, 27), но, поелику изъ ученія слова Божія видно, что

благодать и начинаетъ, и продолжаетъ, и совершаетъ все наше обновленіе,—то на основаніи сего же ученія можно различить въ дѣйствіяхъ благодати Божіей: 1) дѣйствія оной предваряющія, или предуготовляющія человѣка къ обращенію; 2) дѣйствія, начинающія и производящія самое обращеніе и 3) дѣйствія, (восполняющія или) совершающія обновленіе человѣка.

Благодать предваряющая обращеніе человѣка. Благодать предваряющая есть такое дѣйствіе Св. Духа, которымъ возбуждается въ человѣкѣ первое заботливое помышленіе о спасительныхъ истинахъ Евангелія, или первое дѣятельное желаніе—оставить грѣховную жизнь и начать лучшую, сообразную съ ученіемъ слова Божьяго. Первое бываетъ надъ обращающимися отъ невѣдѣнія или невѣрія къ свѣту вѣры Христовой; послѣднее надъ обращающимися отъ жизни плотской и разсѣянной къ жизни по Богѣ. Сіи дѣйствія предваряющей благодати изображаются въ притчахъ Іисуса Христа: о человѣкѣ, оставляющемъ 99 овецъ и ищущемъ одну погибшую (Лук. XV, 4, 5) и о женѣ, со свѣтильникомъ въ рукахъ, метущей храмину, чтобы отыскать потерянную драхму (8). Въ обоихъ случаяхъ заботливость ищущаго и самые труды, подъемлемые для отысканія потеряннаго, ясно показываютъ благопопечительность Божію о человѣкѣ грѣшникѣ, по которой Богъ, въ дѣйствіяхъ благодати предваряющей, Самъ являетъ человѣку путь спасенія и Самъ простираетъ къ нему Свою милующую десницу, чтобы обратить его отъ жизни грѣховной.

Сюда также относятся изображаемыя въ Св. Писаніи различныя Божіи увѣщанія, обличенія, угрозы и прещенія на грѣшниковъ, чѣмъ выражается то, что Богъ всѣми мѣрами Своего долготерпѣнія, милостію и судомъ возбуждаетъ грѣшниковъ къ обращенію; такъ, по изображенію Св. Писанія, Богъ зоветъ непослушныхъ, простираетъ слово Свое къ невнимательнымъ (Прит. I, 24), весь день простираетъ руки къ противляющимся и непокорнымъ... (Ис. 65, 1), востая рано,—за утро посылаетъ вѣстниковъ своихъ и пророковъ (Іер. VII, 25), слѣпыхъ призываетъ на путь, котораго они не видѣли, и побуждаетъ ходить по стезямъ которыхъ они не знали (Ис. 62, 16), является неищущимъ Его, обрѣтается невопрошающимъ Его (Ис. 65, 1).

Средства и пути, коими благодать Божія открывается человѣку. Общіе и болѣе примѣнимые для насъ средства и пути, коими благодать Божія предваряющая открываетъ дѣйствія свои въ человѣкѣ, суть: 1) внутренній голосъ совѣсти, безъ пробужденія коей невозможно обращеніе грѣшника (Еф. V, 11—16) и отъ обличеній которой *нѣсть міра* въ душѣ его (Пс. 37, 4); 2) внѣшній голосъ природы, въ которомъ также можно слы-

шать гласъ Господа, или являющій славу Его (Пс. 18, 1), или побуждающій человѣка къ самопознанію и размышленію о своемъ назначеніи (Іов. XXXVIII, слѣд.), или возвѣщающій суды Божіи къ избавленію праведныхъ и погубленію нечестивыхъ (Лук. XXI, 25 слѣд.), или же, чрезъ всеобщее воздыханіе твари, напоминающій человѣку всеобщее рабство суеты, чрезъ него распространившееся на землѣ и чаяніе благодатной свободы (Рим. VIII, 19 слѣд.); 3) различныя обстоятельства жизни, премудро къ пользѣ человѣка устрояемыя, какъ благопріятныя, коими человѣкъ приводится къ познанію любви Божіей (Пс. V, 1), такъ особенно скорбныя и бѣдственныя, которыя всегда сильнѣе побуждаютъ его обращаться къ Богу (Пс. 77, 34); 4) различныя необычайныя приключенія, особеннымъ дѣйствіемъ Божіей премудрости и всемогущества устроямыя. Такъ, по словамъ Іова, «глаголетъ Господь во снѣ и въ поученіи нощнѣмъ, или, егда нападетъ страхъ лютъ на человѣка, тогда откроетъ умъ человѣческій, видѣнми страха тацѣми ихъ устрашитъ; да возвратитъ человѣка отъ неправды; паки же обличи его болѣзнію на ложѣ, и множество костей его разслаби»... (Іов. XXXIII, 15—19). Такъ, Самъ Іисусъ Христосъ указывалъ на паденіе башни Силоамской и погибель галилеянъ, какъ на особенныя побужденія къ покаянію (Лук. XIII, 1—5) для тѣхъ, которые были свидѣтелями сихъ событій.

Благодать, дѣйствующая въ обращеніи человѣка. Благодать Божія, какъ предваряетъ обращеніе человѣка, такъ дѣйствуетъ и въ самомъ обращеніи его. Внутреннее обращеніе есть такое дѣйствіе благодати Божіей, которымъ человѣкъ грѣшникъ, при озареніи души его грозными прещеніями закона и утѣшительнымъ благовѣстіемъ вѣры Христовой (Мѳ. XI, 28, 29), приводится въ глубокое чувство своего грѣховнаго состоянія и, объятый печалью по Бозѣ (2 Кор. VII, 10), рѣшается остальное во плоти время жить не по человѣческимъ похотямъ, но по волѣ Божіей (1 Петр. IV, 2).

Св. Писаніе, и прямо выражая такое дѣйствіе благодати словомъ *обращеніе* (Іер. XXXI, 18; Плач. V, 21), изображаетъ оное а) какъ обращеніе отъ тьмы къ свѣту, и отъ области сатанины къ Богу (Дѣян. XXVI, 18); б) какъ обращеніе отъ пути заблужденія къ истинѣ (Іак. V, 20), в) какъ оставленіе мертвыхъ дѣлъ (Евр. VI, 1), какъ истинное, дѣятельное покаяніе (Мѳ. XII, 41; Дѣян. III, 19), г) какъ перемѣну мыслей ума къ познанію истины (1 Тим. II, 25), перемѣну чувствованій сердца (Лук. I, 17) и всей жизни (Іез. XI, 19; XXXVI, 26).

Дѣйствія обращенія: 1) благодатное просвѣщеніе ума. Внутреннее обращеніе, какъ благодатная перемѣна во

всемъ существѣ человѣка, заключаетъ въ себѣ троякое благодатное дѣйствіе, производимое въ обращаемыхъ: 1) просвѣщеніе ума свѣтомъ истины; 2) очищеніе сердца и 3) твердое направленіе воли къ добру.

Какъ въ грѣховномъ состояніи человѣкъ, по выраженію Св. Писанія, ходитъ во тьмѣ (Рим. XIII, 12), и ненавидитъ свѣта, и убѣгаетъ отъ свѣта, да не обличатся дѣла его (Іоан. III, 21), такъ при обращеніи его благодатное просвѣщеніе его открывается въ томъ, что онъ при свѣтѣ вѣры ясно познаетъ всю свою виновность предъ Богомъ, невозможность собственными средствами достигнуть оправданія, и всю строгость суда Божія, его ожидающаго,—отсюда же переходитъ къ живому познанію единаго истиннаго пути ко спасенію въ І. Христѣ (Іоан. XVI, 8—10; 2 Кор. IV, 6).

Сіе благодатное озареніе ума въ Св. Писаніи называется а) освѣщеніемъ, коимъ освящаетъ Христосъ востающихъ какъ бы отъ сна и воскресающихъ отъ мертвыхъ (Еф. V, 14); б) возсіяніемъ свѣта благовѣствованія Христова сѣдящимъ во тьмѣ (Мѳ. X, 16); в) отверзтіемъ очесъ (Дѣян. XXVI, 14), или отъятіемъ покрывала отъ сердца при обращеніи ко Господу (2 Кор. III, 15, 16).

2) Очищеніе сердца. Когда дѣйствіемъ той же благодати Божіей такое самопознаніе грѣшника переходитъ въ живое чувство сердца, и онъ, поражаясь чувствомъ своего глубокаго растлѣнія, стыдится своей грѣховной наготы и трепещетъ суда Божія (Быт. III, 7), то сей спасительный стыдъ и страхъ служитъ началомъ очищенія его сердца. Духъ Святый, по ученію слова Божія, черезъ самое болѣзненное ощущеніе обличаемаго во грѣхахъ сердца очищаетъ оное и обновляетъ духъ въ человѣкѣ (Пс. 50, 10—12). Какъ Духъ крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе (4 Цар. XIX, 11), Духъ Божій своею силою низлагаетъ въ сердцѣ грѣшника обращаемаго его гордость и самолюбіе, сокрушаетъ его ожесточеніе; какъ Духъ истины—обличаетъ его о грѣсѣ, о правдѣ и о судѣ (Іоан. XVI, 8—10) и, какъ Духъ сыноположенія, способствуетъ ему въ немощахъ его, ходатайствуетъ воздыханіями неизглаголанными (Рим. VIII, 23, 26).

3) Направленіе воли къ добру. Благодать Божія, производя въ человѣкѣ сокрушеніе сердца о грѣхахъ, не оставляетъ его безъ своей всесильной и утѣшительной помощи, но, по изображенію Св. Писанія, исцѣляетъ сокрушенныхъ сердцемъ и обязуетъ раны ихъ (Пс. 146, 3); она порождаетъ въ человѣкѣ увѣренность о милосердіи Божіемъ, по которому Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но призываетъ его къ покаянію, и съ радо-

стію пріемлетъ обращающаго (Іез. XXXIII, 11; Мѳ. IX, 13; Лук. XV, 10; Іер. IV, 1). Такимъ обаазомъ, благодать Божія, возбуждая въ человѣкѣ ненависть и отвращеніе къ прежнимъ грѣхамъ (Пс. 118, 163), утверждаетъ въ немъ рѣшимость начать новую жизнь, дабы самымъ дѣломъ примириться съ Богомъ и вполнѣ усвоить себѣ благоволеніе любви Его. Сіе дѣятельное примиреніе съ Богомъ обращенный грѣшникъ совершаетъ—а) искреннимъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ, не только внутреннимъ—предъ Богомъ. (Пс. 31, 5, Пс. 50), но и внѣшнимъ, предъ церковію (Дѣян. XIX, 18), дабы со всею увѣренностію получить чрезъ церковь знаменіе своего примиренія съ Богомъ (2 Кор. V, 18, 19, 20); б) дѣятельнымъ исправленіемъ своей жизни—чрезъ уклоненіе отъ прежнихъ грѣховъ (Пс. 118, 101, 104), чрезъ отсѣченіе худыхъ привычекъ и всѣхъ внѣшнихъ поводовъ ко грѣху (Мѳ. V, 29, 30), наконецъ в) возможнымъ усовершеніемъ себя въ подвигахъ христіанской добродѣтели, а вмѣстѣ и дѣятельнымъ употребленіемъ всѣхъ благодатныхъ средствъ, коими усовершается жизнь по Богѣ, каковы: таинства, молитва, бдѣніе, постъ и другія благочестивыя упражненія.

Изображеніе состоянія человѣка облагодатствованнаго въ св. Писаніи. Возрожденнаго благодатію Божіею человѣка Св. Писаніе называетъ: а) новымъ человѣкомъ и новою тварію (Еф. 4, 24. Тит. 3, 5), б) изъ мертвыхъ оживишимъ (Рим. 6, 13), поелику, въ состояніи естественномъ грѣховномъ бывъ отчужденъ отъ жизни Божіей (Еф. 4, 18), онъ въ возрожденіи оживотворяется благодатію Божіею для добрыхъ дѣлъ, которыхъ не имѣлъ прежде (Еф. 2, 10) и становится живъ для Бога во Христѣ Іисусѣ (Рим. 6, 11), в) внутреннимъ и духовнымъ человѣкомъ, поелику, живя духомъ, онъ духомъ и ходитъ (Гал. 5, 25) и духомъ умерщвляетъ дѣла плотская (Рим. 8, 13), г) сыномъ Божіимъ, поелику не отъ крови, не отъ похоти плотскія, не отъ похоти мужескія, но отъ Бога, дѣйствіемъ благодати Св. Духа, онъ духовно рождается (Іоан. 1, 12, 13) и водится Духомъ Божіимъ, въ немъ обитающимъ (Рим. 8, 14), д) причастникомъ естества Божественнаго, поелику не только дѣятельно, по духу сыновней любви къ Богу, но и таинственно, по благодати возрожденія, онъ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ Богомъ, во Іисусѣ Христѣ (2 Петр. 1, 4), е) наслѣдникомъ Богу, снаслѣдникомъ Христу, поелику живетъ во упованіи—наслѣдовать царство славы вѣчной со Христомъ въ Богѣ (Рим. 8, 17).

Свойства человѣка, благодатію обновленнаго: А) въ умѣ. Особенныя, благодатныя свойства открываются во всемъ существѣ человѣка обновленнаго,—и въ душѣ его, и въ

тѣлѣ. Умъ, совѣсть, сердце и воля возрожденной души вполнѣ обновляются и совершенствуются. Благодатный свѣтъ преизливается отъ Духа Божія въ умъ ея, и изъ плотскаго преобразуетъ его въ умъ Христовъ (1 Кор. II, 6). Дѣйствіе, чрезъ которое совершается сія перемѣна, называется въ Св. Писаніи помазаніемъ, которое научаетъ вѣрующаго всему (1 Іоан. II, 27) и есть даръ Св. Духа. Чрезъ сіе дѣйствіе обновленный разумъ человѣка познаетъ истину, во Христѣ Іисусѣ (Еф. IV, 21), постигаетъ безвѣстная и тайная для мудрости естественной (Пс. 50, 8), получаетъ духа премудрости высшей и откровенія къ познанію Творца (Еф. I, 17—19), утверждается въ познаніи воли Христовой и во всякомъ разумѣніи духовномъ (Кол. I, 9, 10) и, питаясь и укрѣпляясь ученіемъ слова Божія, отъ него возрастаетъ и умудряется во спасеніе (1 Петр. II, 2).

Б) въ совѣсти. Совѣсть, обновленная благодатію, есть вѣрное зерцало закона Божьяго въ душѣ человѣка, и всегда является чистою и благою (1 Тим. I, 5, 19), какъ уже очищенная отъ мертвыхъ дѣлъ кровію Христовою (Евр. IX, 14). Она пріобрѣтаетъ, наконецъ такое совершенство и силу, что становится источникомъ истинныхъ утѣшеній и справедливой похвалы для послѣдователей Христовыхъ, какъ говоритъ апостолъ: похваленіе наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашея, яко въ простотѣ и чистотѣ Божіей, а не въ мудрости плоти, но благодатію Божіею жихомъ въ мірѣ (2 Кор. I, 12). Такимъ образомъ, обновленный благодатію христіанинъ, имѣя всегда неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и человѣками (Дѣян. XXIV, 16), имѣетъ миръ съ Богомъ (Рим. V, 1) и свободный доступъ къ Нему (1 Іоан. III, 21), смѣло приступаетъ къ самому престолу благодати Его (Евр. IV, 16) и уповаетъ, что не постыдится предъ Нимъ въ пришествіе Его (1 Іоан. II, 28).

В) въ сердцѣ. Сердце, обновленное благодатію, становится вмѣстилищемъ вѣры (Рим. X, 10) и любви Божіей, изливающейся въ него Духомъ Св. (Рим. V, 5). Оно становится храмомъ Самого Духа Божія, котораго залогъ, или обрученіе носитъ въ себѣ (2 Кор. I, 22), и по дѣйствію котораго мы изъ глубины сердца вопіемъ: Авва Отче! (Гал. IV, 6). Въ сердцѣ вселяется вѣрою Христосъ (Еф. III, 17) и водворяется миръ Божій, превосходящій всякое разумѣніе (Фил. IV, 7). Посему, какъ внѣ благодатнаго возрожденія сердце есть источникъ всѣхъ страстей и пороковъ, такъ въ обновленномъ состояніи оно становится источникомъ всѣхъ благихъ дѣлъ христіанина: тогда оно обращаетъ всѣ силы души къ Богу, исполняясь любовію къ Нему, и пребывая въ любви, въ Богѣ пребываетъ (1 Іоан. IV, 16). Вмѣстѣ же съ симъ сердце

облагодатствованное исполняется чистой, добродѣтельной любви къ ближнимъ,—и какъ благодатная любовь отъ Бога происходитъ (1 Іоан. IV, 7), то и возвращаетъ все къ Богу и въ Немъ всѣхъ соединяетъ (Еф. IV, 15; III, 17).

Г) въ волѣ. Въ волѣ обновленнаго человѣка благодать производитъ и хотѣніе и дѣйствіе (Фил. I, 19), свойственныя новой твари, созданной во Христѣ на дѣла благая (Еф. II, 10). Посему съ обновленіемъ силъ души соединяется обновленіе и всей дѣятельности человѣка (Іез. II, 19, 20). Любовь становится началомъ нравственности христіанской, и въ отношеніи оной къ Богу, и въ отношеніи къ ближнимъ (Рим. XIII, 10; Іоан. XV, 9, 10; XIII, 34, 35; 1 Кор. IV, 13), Самъ Отецъ Небесный есть первообразъ совершенства для возрожденныхъ (Матѳ. V, 48), первообразъ, постигаемый чрезъ образъ ипостаси Его, Іисуса Христа, Который въ достиженіи сего совершенства есть для нихъ путь, истина и животъ. Наконецъ благодать Божія столько укрѣпляетъ и возвышаетъ духовныя силы вѣрующаго, что онъ дерзаетъ говорить о себѣ: вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ (Фил. IV, 13).

Д) въ тѣлѣ. Съ обновленіемъ души благодатію, обновляется и самое тѣло; грѣхъ перестаетъ, подъ вліяніемъ благодати, царствовать въ тѣлѣ христіанина, во еже послушати его въ похотехъ его (Рим. IV, 12); оно уготовляется въ жертву чисту, святу, благоугодну Богови (Рим. XII. 8); члены его становятся орудіями правды Божіей (Рим. VI, 13). Тѣло, благодатію обновленное, есть храмъ Св. Духа, въ немъ живущаго (1 Кор. VI, 15), есть членъ Христовъ (1 Кор. VI, 15), въ которомъ христіанинъ становится способенъ носить мертвость Господа Іисуса, дабы и жизнь Христова открылась въ немъ (2 Кор. IV, 10, сн. Гал. VI, 17). Наконецъ, сіе тѣло, по естеству своему тлѣнное, немощное, душевное, въ день всеобщаго избавленія отъ смерти и тлѣнія, по дѣйствію силы Христовой, воскреснетъ и будетъ тѣломъ нетлѣннымъ, крѣпкимъ, духовнымъ (1 Кор. XV, 42, 44).

Что человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ безъ помощи благодати Божественной, это истина, которую мы познаемъ столько-же изъ основныхъ догматовъ нашей вѣры, сколько изъ коренныхъ началъ ученія христіанской нравственности. Но для аскетическаго ученія о жизни христіанской особенно важны тѣ частныя черты, въ какихъ эта истина является въ дѣйствительной жизни человѣка, тѣ опыты внутренней жизни его, изъ которыхъ она раскрывается наяснѣйшимъ образомъ. Благодать есть сила совсѣмъ другаго, высшаго естества, чѣмъ наше естество поврежденное: но она, внутреннимъ дѣйствіемъ въ насъ

Духа Божественнаго, прививается къ нашему естеству, какъ вѣтвь плодоноснаго дерева прививается къ дереву дикому и дѣлаетъ его способнымъ къ произращенію плодовъ. «Ежели бы всякой видимой вещи, говоритъ св. Макарій,—не приходила на помощь посторонняя вещь,—другой природы: то она сама по себѣ была бы безъ всякаго дѣйствія и красоты. И неизреченная Премудрость показываетъ намъ тайны духовныя посредствомъ видимыхъ образовъ, потому что человѣческая природа сама по себѣ, если не получитъ помощи отъ руки Божіей, не можетъ оказать совершенной красоты добродѣтелей и духовнаго благолѣпія святости. Какъ земля, оставленная самой себѣ, (продолжаетъ Макарій), если не будетъ приложено къ ней стараніе земледѣльца и если не получитъ содѣйствія дождей и солнца, остается негодною и совершенно неспособною для плодовъ, и какъ всякій домъ требуетъ солнечнаго свѣта, иначе былъ бы теменъ и безполезенъ, такъ и человѣческое естество, бывъ не въ состояніи само по себѣ производить совершенные плоды добродѣтелей, имѣетъ нужду въ духовномъ земледѣліи, въ духовномъ земледѣльцѣ душъ нашихъ, т. е. въ духѣ Христовомъ, который совершенно высшаго предъ нами естества, но для насъ необходимъ, чтобы, своимъ искусствомъ воздѣлавъ сердца вѣрныхъ, всею волею предавшихся духовному земледѣльцу, пріуготовилъ къ тому, чтобы они приносили совершенные плоды Духа, и свѣтомъ своимъ осіялъ помраченный страстями домъ души нашей». (До здѣ Макарій Великій).

Но это духовное неплодство нашего естества есть вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзнь, и самая тяжкая болѣзнь для нашего духа: потому что нравственное неплодство есть собственно грѣховная немощь, отъ которой нашъ безсмертный духъ, можно сказать, истлѣваетъ въ мракѣ чувственной жизни, и никакая тѣлесная болѣзнь, по своей губительной силѣ, не можетъ сравниться съ этою болѣзнію духа. Мы не замѣчаемъ этого, но не замѣчаемъ потому, что не дѣлаемъ усилій, чтобы выйти изъ тяжкихъ узъ грѣха, пронзающихъ и угнетающихъ нашу душу, и обратиться къ чистотѣ добродѣтели. Сдѣлаемъ усиліе,—и мы увидимъ, какъ при этомъ усиліи всѣ раны нашей души растворятся, свѣжая кровь польется изъ нихъ, и мы въ истощеніи силъ будемъ падать, прежде нежели сдѣлаемъ шагъ впередъ. Это опытъ. Что значатъ—та страшная буря страстей, предубѣжденій и привычекъ,—тѣ перемѣнныя состоянія унынія, самообольщенія и изнеможенія душевнаго, всѣ тѣ болѣзни и тревоги внутреннія, которыя возстаютъ при одной рѣшимости человѣка—обратиться на путь чистый добродѣтели? Тутъ точно отворились всѣ раны души, и неудержимая сила внутренняго, въ глубинѣ ея сокры-

таго, яда приводитъ ее въ совершенное ослабленіе. Оттого внутреннее, духовное возрожденіе человѣка всегда соединяется съ борьбою. Человѣкъ даже не можетъ выдержать собственной рѣшимости, чтобы не дѣлать зла и любить чистую добродѣтель. Сдѣлаемъ опытъ дать себѣ эту рѣшимость хотя на одинъ день, и мы увидимъ, что ее не станетъ у насъ и на одинъ часъ. Что же дѣлать? Сдѣлаемъ вотъ что,—отвѣчаетъ одинъ духовный учитель и подвижникъ: «возьмемъ свое тѣло, устроимъ изъ него жертвенникъ, возложимъ на оный всѣ мысли наши, и будемъ молить Бога, чтобы Онъ послалъ съ неба невидимый и духовный огонь, который бы сожегъ нашъ жертвенникъ и все, что есть на немъ, и чтобы пали всѣ жрецы Вааловы, т. е. всѣ враждебныя намъ силы зла». Въ этихъ словахъ учителя выражаются три необходимыя условія возрожденія и спасенія: самоотверженіе, всесовершенная преданность Творцу, сила благодати.

Послѣ этого, если бы кто возразилъ: что же значитъ, что отъ человѣка требуется собственная рѣшимость не грѣшить, или усиліе его собственной воли—постоянно стремиться къ добру?—то это возраженіе рѣшается гораздо легче, нежели какъ съ перваго разу можетъ представляться. Собственная рѣшимость человѣка, дѣйствіе его свободной воли—не отвергается. Но, если мы хотимъ это понимать въ истинномъ смыслѣ и въ духѣ Писанія, то надобно заключить все дѣйствіе нашей свободы—въ смиреніи, и всю силу нашей рѣшимости—въ самоотверженіи. Истинная свобода человѣка, въ отношеніи къ его спасенію, есть его смиреніе: потому что никакая его свобода безъ дѣйствія благодати, сама по себѣ, не дастъ ему силъ—быть добрымъ. Когда больной человѣкъ не можетъ излѣчиться отъ своей болѣзни безъ тяжелой операціи, то, конечно, отъ его воли зависитъ согласиться на эту операцію, или нѣтъ; но чѣмъ же откроется эта его свободная воля при самой операціи? въ томъ,—чтобы самому не дѣйствовать ни однимъ своимъ членомъ! Такъ надобно имѣть свободную волю, чтобы желать себѣ спасенія; но надобно тотчасъ и отказаться отъ своей воли и смириться совершенно предъ высшею силою: это будетъ значить, что мы точно рѣшились пріобрѣсть себѣ спасеніе. «Какъ дитя, говоритъ Макарій Египетскій, не умѣетъ приготовить само для себя пищу или одежду, но только смотритъ на матерь и плачетъ, пока она, сжалившись, не дастъ ему потребнаго, такъ и души вѣрующія всегда уповаютъ на единаго Господа и въ Немъ полагаютъ все свое спасеніе. Тотъ разбойникъ и татъ, кто не дверьми входитъ, но прелазитъ инудѣ, таковъ и тотъ, кто оправдываетъ самъ себя безъ оправдывающаго».

Но при всемъ томъ нужна рѣшимость: нужна рѣшимость—искать вышней помощи, и дотолѣ не ослабѣвать въ этомъ исканіи, доколѣ не явится ожидаемая сила. «Когда ты рѣшился, говоритъ одинъ изъ великихъ подвижниковъ,—когда ты рѣшился искать Бога и помышлять о Немъ, то тебѣ остается сражаться съ естествомъ своимъ, съ прежними нравами и свойствати тебѣ прирожденными. Въ борьбѣ съ свойствами своими ты встрѣтишь мысли, возстающія противъ тебя и воюющія противъ ума твоего; мысли эти повлекутъ тебя и обратятъ въ міръ призраковъ, изъ котораго ты вышелъ. Ты будешь тогда препираться и держать брань, помыслы противопоставляя помысламъ, умъ уму, душу душѣ, духъ духу. Но, несмотря ни на что, ты долженъ къ Нему, т. е. Богу, устремить всѣ желанія твои и ни о чемъ не думать, а имѣть въ виду только ожиданіе Его».

Силою своей благодати Богъ дѣлаетъ для человѣка все, что человѣкъ дѣлаетъ для Бога своею вѣрою и упованіемъ. Я хочу сказать, что поскольку человѣкъ, въ вѣрѣ и упованіи на Бога, жертвуетъ самимъ особою для Бога, постольку самъ Богъ исполняетъ существо человѣка своими благодатными дарами и силами, исполняетъ совершенства и блаженства. «Душа,—говоритъ тотъ же подвижникъ и учитель,—тѣмъ живетъ, отъ чего получаетъ себѣ пищу, т. е. отъ вѣка сего или отъ Духа Божія,—и Богъ тѣмъ питается, въ томъ живетъ, почиваетъ и обращается. Когда онъ видитъ ревность души въ исканіи Его, тогда является и открывается душѣ, подаетъ ей Свою помощь и, избавляя ее отъ враговъ, доставляетъ ей пользу. Когда онъ увидитъ прежде твое къ Нему стремленіе—продолжаетъ тотъ же отецъ, и какъ ты весь ожиданіемъ Его безпрестанно занятъ, тогда Онъ (тайно, внутренно) поучаетъ тебя, даетъ тебѣ молитву, молитву истинную и истинную любовь, которая есть Самъ Онъ, и дѣлается Самъ въ тебѣ все: рай, древо жизни, жемчугъ, вѣнецъ, строитель, дѣлатель, страдающій, безстрастный, Богъ, человѣкъ, вино, вода живая, агнецъ, женихъ, воинъ, оружіе,—все во всемъ Христосъ. И какъ бы такъ Богъ говоритъ душѣ вѣрующей: добрая воля есть твоя, она тебѣ принадлежитъ, и за твою любовь ко Мнѣ Я дамъ тебѣ и то, чего ты еще не имѣешь, и чего на землѣ нѣтъ у людей. Возьми себѣ Меня Самого, твоего Господа, чтобы со Мною тебѣ быть всегда въ радости и веселіи». Такъ описываютъ отцы дѣйствія благодати въ душѣ вѣрующей,—и живость этихъ описаній даетъ чувствовать, что тутъ живописало не воображеніе, а вѣрное, опытное чувство собственной души.

Дѣйствія благодати Божественной не воспящаются въ душѣ никакими ею немощами, даже никакими недостатками, заблужде-

ніями и допущенными пороками: поелику всѣ наши забужденія и пороки, въ существѣ своемъ, суть немощи. Благодать есть сила, сила Божественная, и она надъ всѣмъ торжествуетъ. Что дѣлаетъ Давидъ, когда предъ лицемъ самого Судіи исповѣдуетъ, что грѣхъ его предъ Нимъ есть выну, когда, испрашивая милости отъ милосердія Божественнаго, онъ представляетъ, какъ побужденіе къ тому,—свое зачатіе въ беззаконіи, свое рожденіе отъ матери во грѣхахъ? Онъ тѣмъ самымъ преклоняетъ милосердіе къ милости, онъ тѣмъ самымъ умоляетъ о помощи, и со стороны его это есть самый сильный голосъ чувства, взывающій о спасеніи. «Очисти грѣхъ мой, говоритъ онъ въ другомъ случаѣ: многъ бо есть»! Что же это значитъ? То, что что чѣмъ глубже паденіе немощнаго смертнаго, тѣмъ очевиднѣе и совершеннѣе его безсиліе, тѣмъ необходимѣе для него всесильная помощь свыше, тѣмъ сильнѣе побужденіе для небесной любви спѣшить къ нему на помощь и сострадать,—снисходя и прощая,—его страданію, болѣе, чѣмъ его злобѣ и преступленію». «Будущее неизвѣстно, говоритъ опять Макарій, но тѣмъ съ большею надеждою должно совершенно положиться на всемогущаго зиждителя и помнить, какъ напримѣръ Раавъ, жившая съ иноплеменными, повѣрила Израильтянамъ, и удостоилась родства съ ними, а сами Израильтяне любовію были обращены къ Египту. И потому, продолжаетъ онъ-же, какъ пребываніе съ язычниками не вредило Раавѣ, но вѣра водворила ее въ наслѣдіи Израильтянъ: такъ грѣхъ ни мало не повредитъ съ надеждою и вѣрою ожидающимъ Искупителя, Который, лишь только приходитъ, измѣняетъ мысли души и дѣлаетъ ихъ божественными, небесными, чистыми».

Но благодать не уничтожаетъ и грѣха въ человѣкѣ, и это потому, что благодать не творитъ въ немъ новыхъ силъ, а только возрождаетъ и обновляетъ прежнія,—слѣдовательно, его существо въ возможности грѣшить не измѣняется. Эта мысль согласуется со всѣмъ ученіемъ Писанія. Живыхъ нѣтъ святыхъ; на землѣ нѣтъ совершенныхъ: есть святые и совершенные, но они не въ тѣлѣ и не на землѣ. «Я ищу только человѣка, говоритъ одинъ учитель Церкви,—только нищаго духомъ,—такого, который-бы, имѣя богатство и сокровища въ своемъ домѣ, былъ бѣденъ, нищъ и просилъ-бы у всѣхъ. Таковы по истинѣ христіане, имѣющіе благодать и богатые въ Богѣ. Они нищи духомъ, какъ-бы ничего не имѣли. Человѣку,—продолжаетъ Макарій, надобно только дѣлать и говорить правду; надобно сказывать о благодати и не скрывать дѣйствій грѣха. Лжетъ, кто говоритъ что онъ имѣетъ чистое сердце. Не бываетъ того, чтобы, какъ скоро благодать пришла къ человѣку, онъ уже и очистился. Христіанинъ, имѣя пять

унцій грѣха, долженъ говорить: я имѣю двадцать; а имѣя двадцать унцій добра, долженъ говорить: я имѣю полъ-унціи. Пусть онъ объявляетъ, что благодать дѣйствуетъ въ немъ, но вмѣстѣ пусть признается, что есть и грѣхъ. Я сказалъ о душѣ, что она есть глубина»:—т. е. Макарій Великій хочетъ сказать, что, какъ, съ одной стороны, сколько-бы ни усиливался въ человѣкѣ грѣхъ, благодать всегда можетъ найти мѣсто для борьбы съ нимъ и побѣдить его, такъ съ другой стороны, сколько-бы благодать ни озаряла лучами своими глубины душевной, всегда въ душѣ есть мѣсто грѣху, потому что для человѣка, одинъ разъ павшаго, всегда есть возможность падать снова. «Благодать, прибавляетъ еще Макарій, часто дѣйствуетъ, не умолкая, какъ глазъ въ тѣлѣ но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ находитъ свое мѣсто грѣхъ и оболщаетъ умъ. Первые и великіе христіане предъ высочайшимъ совершенствомъ то же, *что ручей предъ Евфратомъ*». И это, такъ сказать, совмѣщеніе благодати Божіей съ возможностію грѣха благодати, которая при этомъ дѣйствуетъ, какъ лучи солнца, проникая въ нечистыя мѣста, нисколько не заражаются ихъ нечистотою,—это совмѣщеніе двухъ противоположныхъ началъ открывается и имѣетъ свое мѣсто въ свободѣ человѣка, которая ни тѣмъ ни другимъ началомъ не стѣсняется, и столько-же можетъ непринужденно подчиняться одному изъ нихъ, сколько противоборствовать другому. «Какъ сила зла, говоритъ тотъ-же учитель, такъ и благодать дѣйствуютъ въ человѣкѣ,—побуждая, но не принуждая, чтобы свобода и произволеніе у насъ вполнѣ сохранились. Какъ за то зло, которое человѣкъ дѣлаетъ по оболщенію искусителя, искуситель не наказывается, а самъ человѣкъ, поелику онъ не насильно принуждается ко злу, а соглашается на оное по собственной волѣ: такъ и сдѣланное добро, хотя и по силѣ благодати, вмѣняется однако-жъ человѣку, потому что благодать, хотя и присутствуетъ въ немъ, однако даетъ свободу и произволенію его дѣлать то или другое, дабы открылось, къ добру или ко злу сама по себѣ стремится воля его».

Что касается до внутреннѣйшихъ и глубочайшихъ дѣйствій благодати въ душѣ избранной, до тѣхъ особенныхъ опытовъ животворной ея силы, въ какихъ она внутри души раскрывается: то изъясненіе сего надобно оставить мужамъ опытнымъ, искушеннымъ и искуснымъ въ жизни духовной, собственнымъ чувствомъ испытавшимъ всѣ ея труды и всѣ ея наслажденія: намъ, столько же по слабости нашего дѣятельнаго совершенства, сколько по недостатку духовныхъ дарованій,—остается только повторять за ними слова ихъ, и повторяя,—воздыхать о своей нищетѣ. «Тонкое нѣкоторое и глубокое ученіе, говоритъ Макарій Великій

пытаюсь предложить я. Безконечный и безтѣлесный Творецъ, по безконечной благости, дѣлается какъ бы тѣлеснымъ; великій и пресущественный, такъ сказать, умаляетъ себя, чтобы соединиться съ умными Его тварями, т. е. съ душами святыхъ, дабы и онѣ могли участвовать въ безсмертной жизни Его Божества. Какъ сіе тѣло въ существѣ своемъ есть грубое тѣло: но душа, бывъ тонкое тѣло,—облеклась и одѣлась членами сего тѣла, проникла око тѣлесное, которымъ видитъ, ухо, которымъ слышитъ, проникла вообще всѣ члены тѣла, и соединилась со всѣми ними душа, и посредствомъ нихъ совершаетъ всѣ дѣла, нужныя въ жизни. Подобно сему неизреченная и непостижимая благодать умаляетъ себя, какъ бы дѣлается плотію, проникаетъ и объемлетъ вѣрныя и любящія души и бываетъ съ ними одинъ духъ, по слову Павла, душа, такъ сказать, въ душу и существо въ существо, такъ что душа эта будетъ жить въ Божествѣ, достигнетъ жизни безсмертной и будетъ наслаждаться нетлѣннымъ блаженствомъ и неизреченною славою. Для такой души Господь бываетъ, когда хочетъ, огнемъ попаляющимъ все худое и чуждое въ ней; иногда неизреченнымъ упокоеніемъ, иногда радостью и миромъ, согрѣвая и объемля ее».

Потомъ разнообразныя дѣйствія благодати въ душѣ Макарій раскрываетъ въ слѣдующихъ чертахъ. См. «Хр. Чтеніе». 1821, ч. 1—2, (стр. 137, 2-й ч.).

О таинствахъ.

Благодать Божественная, составляя сверхъестественную помощь человѣку во спасеніи, конечно, предполагаетъ особенныя средства въ рукахъ человѣка, для ея усвоенія, сохраненія, возращенія и оплодотворенія. Но какія бы это могли быть средства со стороны самого человѣка? Благодать есть сила Божественная: можно ли ею распоряжаться по произволу? И мало, если, для полученія благодати Духа, предписать человѣку неусыпное рвеніе, постоянный трудъ, непрерывныя усплія; мало, если бы онъ своими трудами и подвигами ископалъ, такъ сказать, и изборздилъ всю свою душу: также мало, какъ если бы земледѣлецъ, для полученія обильной жатвы, изрылъ всю почву земли и упиталъ ее потоками пота и крови; въ его ли рукахъ дождь, солнце, благораствореніе воздуха, роса? А безъ этой помощи, не отъ него зависящей, весь трудъ его пропадаетъ. Благодать есть сила Божественная,—чрезвычайная, а немощи, которыми заражено все существо человѣка, такъ свойственны ему, такъ постоянны въ немъ, что сроднились со всѣмъ бытіемъ его на землѣ и требуютъ

не далекаго и повременнаго, а постояннаго и непрерывнаго врачеванія, требуютъ, чтобы врачующая ихъ сила была всегда присуща душѣ. Какъ же благодать, силу чрезвычайную, обратить къ непрерывному врачеванію нашего естества, или какъ привить ее къ нему, чтобы она постоянно, какъ сила животворная, въ немъ дѣйствовала? Благодать есть сила Божественная—духовная, а корень всѣхъ немощей и болѣзней нашихъ сокрытъ въ чувственности; сами мы, не только жизнью внѣшнею, но и внутреннею, погружены въ чувственность. Какъ же силу духовную приспособить къ нашей чувственности? Какъ врачевство духовное можетъ быть приложено къ ранамъ чувственнымъ, заражающимъ, однакожъ, не плоть только нашу, но и духъ? Наконецъ, благодать есть сила чистая, сила святая, сила Духа чистѣйшаго и всесвятаго: какъ же чистое можетъ быть приложено къ нечистому, чтобы или само не заразилось нечистотою нечистаго, или самымъ дѣйствіемъ своей совершенной чистоты не истребило нечистаго, вмѣсто его очищенія?

Благопромыслительная премудрость Божія разрѣшила всѣ эти трудности для человѣка: даровавъ ему свою благодать, помощь не по заслугамъ, даръ прежде всякой заслуги, она вмѣстѣ даровала ему и средства пользоваться этою помощію. И что же было бы, если бы, давъ человѣку свою силу, Премудрость Божія не указала ему и способовъ—дѣйствовать этою силою? Но и средства, данныя Богомъ человѣку для стяжанія благодати Его, столь же чрезвычайны, сколь чрезвычайная помощь для человѣка заключается въ самой благодати. Средства эти—таинства. Посредствомъ таинствъ, такъ близко приспособленныхъ къ состоянію человѣка, благодать Божественная, такъ сказать, дается въ руки самому человѣку и оставляется его свободному употребленію; желаетъ ли онъ стяжать благодать и укрѣпить себя ея силою: онъ употребляетъ таинство, всегда для него готовое и хранимое въ Церкви; не принимаетъ ли онъ таинства,—онъ отвергаетъ благодать. Но сила таинствъ заключается и въ томъ, что ими благодатная помощь не повременно только сообщается человѣку, но чрезъ ихъ употребленіе благодатная сила какъ бы прививается къ жизни его внутренней, въ ней внѣдряется, въ ней укореняется, и чрезъ это употребленіе таинствъ благодать въ человѣкѣ питается и возрастаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ таинства и такъ еще приспособлены къ природѣ и состоянію человѣка, что имѣютъ дѣйствіе не только на его жизнь духовную, но имѣютъ отношеніе и къ его природѣ чувственной: поелику таинства, какъ выражаетъ наше православное исповѣданіе вѣры, слагаются изъ сверхъестественнаго и естественнаго, т. е. силы Божественной, духовной, и чув-

ственнаго образа, подъ которымъ эта сила пріемлется, соотвѣтственно чувственной сторонѣ нашего естества. Этимъ таинства вполнѣ удовлетворяютъ природѣ человѣка—духовно-чувственной и его состоянію, въ которомъ немощи равно объемлютъ въ немъ и чувственное, и духовное. Но вотъ еще высокое, особенное преимущество таинствъ, что ихъ цѣлость и совершенство не нарушается поврежденіемъ и несовершенствомъ вѣры человѣка, ихъ совершающаго или принимающаго. Совершенство человѣка, служащаго таинствамъ, т. е. ихъ совершающаго, ничего не прибавляетъ къ силѣ ихъ, несовершенство его ничего не отнимаетъ отъ нихъ. Человѣкъ, совершающій таинства, въ отношеніи къ нимъ есть не что иное, какъ труба, чрезъ которую проходитъ благодатная сила ихъ, ничего отъ нея не заимствуя. Въ самомъ же томъ, кто принимаетъ таинства, невѣріе или несовершенство его можетъ заградить дѣйствіе благодатной силы ихъ—только для этого человѣка; сами въ себѣ таинства всегда, непреложно и неизмѣнно, сохраняютъ свою силу.

О покаяніи.

Собственный долгъ аскетики (какъ уже сказано, стр. 175) разсмотрѣть таинства—покаянія, евхаристіи и елеосвященія—въ ихъ надлежащемъ отношеніи къ лицамъ, надъ которыми они совершаются. Итакъ обратимся къ таинству покаянія.

Опредѣленіе покаянію, какъ и прочимъ таинствамъ, даетъ догматика. Но въ самомъ понятіи объ этомъ таинствѣ есть уже, такъ сказать, элементъ аскетическій. Именно, когда покаяніе опредѣляется, какъ такое таинство, въ которомъ искренно и правильно исповѣдающій грѣхи свои предъ Богомъ, при видимомъ изъявленіи прощенія отъ служителя Церкви, невидимо разрѣшается отъ грѣховъ самимъ Іисусомъ Христомъ: то послѣдній моментъ въ этомъ опредѣленіи,—именно невидимое разрѣшеніе отъ самого Іисуса Христа, есть моментъ собственно догматическій, понятіе о прощеніи грѣховъ отъ священника есть одинъ изъ элементовъ пастырской науки, а понятіе о самомъ лицѣ, исповѣдающемъ грѣхи, принадлежитъ аскетикѣ. Остановимся на этомъ. Исповѣданіе грѣховъ, въ истинномъ своемъ значеніи и въ истинной своей силѣ, безъ сомнѣнія, должно начинаться въ душѣ нашей гораздо ранѣе того, какъ мы совершаемъ его устно въ таинствѣ покаянія. По истинному своему смыслу и назначенію, это исповѣданіе должно быть не что иное, какъ постоянное нравственное самоиспытаніе, составляющее основу нашего самопознанія и всей нашей нравственной жизни. Истинно христіанское

исповѣданіе грѣховъ не есть только исповѣданіе *преступленій:* иначе таинство покаянія было-бы только судомъ и карою для христіанъ, а не благодатнымъ врачеваніемъ нашихъ духовныхъ ранъ и не средствомъ пріобрѣсть душѣ миръ—въ отрадѣ прощенія и разрѣшенія. Идя на исповѣдь, христіанинъ не просто идетъ на судъ, но судъ и милость, и встрѣчаетъ не кару и казнь, а очищеніе совѣсти и обновленіе духа. Кто изъ насъ безъ немощей и ранъ? Кто когда-либо не падалъ?—Потому исповѣданіе грѣховъ, въ христіанскомъ таинствѣ покаянія, есть исповѣданіе всей своей жизни, т. е. не перемѣняя этихъ словъ, можно сказать—есть сокрушенное сознаніе и раскрытіе передъ Богомъ нашихъ немощей, нашихъ ранъ, нашихъ паденій, сознаніе и исповѣданіе, которыми душа наша должна возродиться къ новой, лучшей—нравственной жизни. Слѣдовательно, не то или другое наше дѣло,—на выборъ,—но вся наша жизнь должна быть предметомъ нашего исповѣданія; и это-то постоянное, должно сказать, повсечастное исповѣданіе должно служить приготовленіемъ къ полному исповѣданію грѣховъ въ таинствѣ покаянія.

Таково для аскетики значеніе христіанскаго покаянія. И потому долгъ ея руководствовать на пути этого непрестающаго самоисповѣданія человѣка, чтобы приготовить его къ исповѣданію таинственному. Не мало, конечно, способности, не мало твердости ума и сердца нужно для того, чтобы постоянно дѣлать правильный обзоръ всей жизни, чтобы постоянно вѣрною мыслію слѣдить за всѣмъ теченіемъ нашего бытія, отъ нашего происхожденія на свѣтъ,—доселѣ. Но слѣдить нужно—необходимо! Жизнь наша, въ своемъ теченіи, подобна рѣкѣ, которая, образуясь изъ ручья, постепенно расширяется, протекаетъ чрезъ разныя мѣста, дѣлаетъ разные обороты, принимаетъ въ себя другіе потоки, бываетъ чиста и мутна, тиха и бурна, наполняется тиною и всякаго рода веществомъ,—пока, наконецъ, достигнувъ моря, въ немъ теряется и смѣшивается съ другими рѣками. Нѣтъ нужды объяснять это сравненіе. Это надобно твердо помнить, что, какъ вся жизнь наша въ цѣломъ не есть что-либо случайное на землѣ, такъ въ жизни нѣтъ ничего,—хотя бы то самаго, повидимому, незначительнаго факта,—случайнаго, и нѣтъ предмета, къ которому приражаясь тою или другою своею стороною, наша жизнь, въ дальнѣйшее свое теченіе не уносила бы съ собою отъ него какого-либо дѣйствія или слѣда—на всегда. Обратимся къ первымъ днямъ нашего явленія на свѣтъ. Мы рождаемся отъ извѣстныхъ родителей, въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстномъ сословіи: обстоятельства нашего рожденія болѣе или менѣе общи всѣмъ намъ. Ни плачъ

младенца, ни первыя его улыбки, столько восхищающія сердца родителей, ни попеченія ихъ, ни первыя чисто физическія потребности жизни самаго младенца: ничто еще не даетъ не только видимаго, даже догадочнаго указанія на то, что будетъ этотъ младенецъ въ послѣдствіи времени. Однакожъ, обратимъ здѣсь вниманіе только на то, что обстоятельства нашего явленія въ свѣтъ нисколько не зависятъ отъ насъ, тогда какъ отъ этихъ обстоятельствъ зависитъ цѣлая жизнь наша. Спрашивается: кто-же тутъ дѣйствуетъ? Кто располагаетъ и управляетъ этими обстоятельствами, въ которыхъ мы нисколько сами не дѣйствуемъ,—поелику еще не имѣемъ и достаточнаго сознанія,—отъ которыхъ между тѣмъ идетъ и развивается все наше бытіе, со всѣмъ своимъ будущимъ, и въ которыхъ даже сами родители едва-ли имѣютъ какую-либо власть,—занятые только заботами о поддержаніи нашего слабаго физическаго бытія и только первымъ обнаруженіемъ въ насъ человѣческаго смысла? Вотъ вопросъ, который надобно задавать себѣ, обозрѣвая собственную жизнь: не надобно презирать ни малѣйшихъ обстоятельствъ нашего явленія въ міръ,—и, можетъ быть, размышляющій умъ и чувствующее сердце проразумѣетъ тутъ первыя намѣренія о себѣ Премудрости и Любви Небесной, первую волю о себѣ всеуправляющаго Промысла, можетъ быть, лучше, нежели какимъ-либо другимъ способомъ, разгадаетъ и то состояніе, въ которомъ суждено жить и дѣйствовать въ мірѣ, объяснитъ для себя многое, что, при неправильномъ или поверхностномъ обозрѣніи жизни, представляется неяснымъ или незначущимъ.

Наступаетъ другой періодъ нашего бытія. Душа наша пробуждается къ сознанію самой себя, предметы и лица, насъ окружающіе, обращаютъ на себя, наше вниманіе; намъ начинаетъ нравиться одно, отвращаетъ отъ себя другое, и развиваются и устремляются на тѣ или другіе предметы наши желанія. Здѣсь-то нужно обратить особенное вниманіе на эти первые шаги, которыми вступили мы въ сношеніе съ міромъ, людьми и Богомъ, на которыхъ встрѣтили первый разъ въ жизни добро и зло, и особенно на то, въ какихъ дѣйствіяхъ то и другое открылось нашему сердцу, и какъ то и другое начало выражаться въ нашихъ склонностяхъ и поступкахъ. Здѣсь лежали первые зародыши нашей судьбы, первыя сѣмена нашего настоящаго, начало нашего счастія и несчастія, совершенствъ и паденій. Надобно самый строгій, испытательный взоръ углубить въ эту эпоху нашей жизни, было ли это время истинно-райскаго для насъ блаженства, гдѣ все,—чистое, святое, невинное—окружало насъ, гдѣ мы истинно наслаждались блаженствомъ, какъ въ полнотѣ чи-

стыхъ и радостныхъ чувствъ нашего сердца, такъ въ кругу пріятныхъ увеселеній нашего внѣшняго быта, или тогда уже лукавый змій шепталъ нашему невинному сердцу, обольщая его ложными, несбыточными мечтами, увлекая наши мысли и чувства къ плодамъ запрещеннымъ, на которыхъ лежала для насъ печать заповѣди Божественной. «Такъ, въ жизни каждаго изъ насъ,—говоритъ одинъ проповѣдникъ,—въ жизни каждаго изъ насъ есть злополучный пунктъ времени, съ котораго начинается рядъ собственныхъ произвольныхъ паденій, и въ которомъ надъ каждымъ изъ насъ повторяется подобное тому, что было съ Адамомъ при его паденіи». И это совершенная правда! Воспоминаніе дѣтства обыкновенно соединяется у насъ съ пріятными мечтами о веселостяхъ, какими былъ окруженъ этотъ нашъ возрастъ, но не это должно останавливать на себѣ наше вниманіе. Нужно безпристрастно и со всѣмъ вниманіемъ разсмотрѣть и обсудить тотъ несчастный переходъ отъ невинности къ поврежденію, отъ чистаго добра къ горькому познанію добра и зла, который рѣшилъ собою весь ходъ нашей нравственной жизни, можетъ быть, еще прежде, чѣмъ мы опредѣлили для себя ходъ жизни внѣшней—въ обществѣ и на поприщѣ свѣта. Съ этого-то несчастнаго перехода, съ этой бѣдственной эпохи должно начинаться наше покаяніе и должно продолжаться во всю нашу жизнь: потому что жизнь падшаго человѣка, по суду закона нравственнаго, едва-ли можно представлять иначе, какъ однимъ непрерывнымъ покаяніемъ.

Еще болѣе объясняться должно въ жизни нашей изъ нашей юности,—этого пылкаго возраста, когда, несмотря на обыкновенную вѣтренность и легкомысліе, образуется уже характеръ человѣка, полагается основаніе его собственной дѣятельности, умственной и нравственной, частной и общественной,—этотъ возрастъ, который предварительно собою рѣшаетъ, столь важный вопросъ: что будемъ мы?—что будемъ мы—для Бога, для ближнихъ, для самихъ себя? Вопросъ этотъ рѣшается тогда,—хотя самъ человѣкъ, можетъ быть, менѣе всего бываетъ расположенъ думать о немъ. Думаемъ, однакожъ, или не думаемъ,—но все этотъ важный вопросъ рѣшается,—рѣшается изъ обстоятельствъ, насъ окружающихъ, изъ тѣхъ состояній, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ какихъ мы поставляемъ сами себя, слѣдуя убѣжденіямъ ума, влеченіямъ сердца, дѣйствіямъ воли, мечтамъ воображенія,—равно и подъ вліяніемъ всѣхъ внѣшнихъ причинъ, которыя тогда на насъ дѣйствуютъ. Какія же это обстоятельства, какія—причины? Наставники и руководители, которые на насъ особенно дѣйствуютъ, занятія и труды, которые мы себѣ избираемъ по праву или обя-

занности, разные лица и предметы, которые занимаютъ наше сердце,—радости или печали, надежды или страхи, которыми волнуются наши чувства, грѣхи—если не намѣреннаго развращенія сердца и воли, то легкомыслія и безразсудства, столько свойственнаго юности, разнообразныя побужденія, которыя сообщаются намъ, для выполненія ли своего долга, или уклоненія пылкихъ нашихъ чувствъ отъ порока. Вотъ причины, которыхъ вліяніемъ, такъ или иначе, управляется наша юность,—и въ которыхъ скрывается изъясненіе на наше настоящее, по всѣмъ его отношеніямъ,—и прежде всего,—по отношенію къ нашему нравственному состоянію. Внимательное изслѣдованіе этихъ сторонъ нашей юности должно привести насъ къ раскрытію въ насъ тѣхъ темныхъ сторонъ собственнаго нашего сердца, тѣхъ его изгибовъ, въ которые мы, или по нерадѣнію, или по неясности сознанія, мало проникаемъ и мало видимъ,—должно привести къ живой исповѣди сердца, составляющей не простой разсказъ своей жизни, не простую память былаго, но ясное и полное самоиспытаніе, ясный и глубокій взоръ на себя и въ себя,—и прямое, искреннее, обдуманное и вѣрное слово о себѣ, предъ самимъ собою.

Въ возрастѣ мужескомъ надобно остановить вниманіе на томъ званіи, которое суждено тому или другому изъ насъ въ обществѣ, на томъ родѣ жизни, который достался на нашу долю въ мірѣ. Надобно тщательно замѣтить свое положеніе въ свѣтѣ, свои расположенія и мысли,—словомъ, характеръ, въ отношеніи къ нашему роду званія и жизни, обратить взоръ и на другихъ людей, имѣющихъ къ намъ отношеніе. Мы испытываемъ на своемъ пути удачи и неудачи, терпимъ разнаго рода непріятности и лишенія, имѣемъ то или другое отношеніе, болѣе или менѣе благопріятное для насъ, къ обществу или семейству, имѣемъ доброжелателей и завистниковъ, друзей и враговъ, и непремѣнно знаемъ вблизи себя одинъ какой-либо извѣстный источникъ утѣшеній для себя, или огорченій. Все это надобно разсмотрѣть не поверхностно; все это надобно возвести къ началамъ, къ причинамъ, почему это такъ является въ жизни нашей, а не иначе, почему именно то, а не другое мы испытали или испытываемъ на своемъ пути. Конечно, трудно объяснить себѣ или дать отчетъ во всемъ, что мы встрѣчаемъ, или уже испытали на свѣтѣ: но въ нашей жизни, въ нашей дѣятельности, въ насъ самихъ, есть непремѣнно одно главное средство, источникъ, изъ котораго выходятъ,—хоть можетъ быть и не всегда примѣтно для насъ самихъ,—всѣ опыты нашей жизни, и къ которому восходятъ, хоть можетъ и не всегда понятнымъ для насъ самихъ путемъ, всѣ судьбы наши въ мірѣ.

Напримѣръ, представьте себѣ состояніе человѣка, который безъ всякихъ достаточныхъ причинъ, при всемъ, повидимому, счастіи его жизни, недоволенъ ничѣмъ, никогда недоволенъ и собою, всѣмъ раздражается и не знаетъ ни часу внутренняго спокойствія. Часто такіе люди не могутъ дать сами себѣ въ этомъ отчета, но при болѣе внимательномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи самихъ себя, они увидѣли бы, что въ глубинѣ сердца ихъ есть одно средоточіе, изъ котораго выходятъ всѣ ихъ неспокойныя мысли, всѣ тревожныя чувства, всѣ неумѣренныя желанія, увидѣли бы, что въ глубинѣ души ихъ господствуетъ *страсть*, которая терзаетъ ихъ,—и, разумѣется, никогда не дастъ покоя, доколѣ не истребится. Или, возьмите въ примѣръ состояніе человѣка, который, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ, повидимому, устроить своихъ отношеній къ другимъ, окружающимъ его лицамъ; они ему недоброжелательствуютъ, они питаютъ къ нему холодность или презрѣніе, готовы обвинять его всегда и во всемъ, и нельзя ожидать, чтобы, въ случаѣ нужды, они оказали ему помощь. Окажется, что эти неустройства произошли отъ собственнаго неумѣнія этого человѣка приспособить себя къ лицамъ, его окружающимъ, такого неумѣнія, которое, впрочемъ, зависитъ отъ одной какой-либо господствующей въ немъ неправильной мысли о себѣ или о другихъ, тайно управляющей всѣми его отношеніями къ другимъ. Онъ, напр., имѣетъ отличныя дарованія ума,—и хочетъ уже во всемъ быть выше другихъ; онъ видитъ недостатки съ той или другой стороны въ другихъ, изъ-за одного недостатка не хочетъ уже признавать въ нихъ никакого другаго совершенства; онъ получилъ образованіе,—и ему уже трудно снисходить къ недостаткамъ образованія въ другихъ. Отъ этого происходятъ всѣ замѣшательства въ его отношеніяхъ къ другимъ и взаимная непріязнь,—тогда какъ слѣдовало-бы только скинуть роль превосходства, тяжкаго для другихъ, и не тревожить имъ другихъ,—и все пришло-бы въ порядокъ. Иное дѣло—превосходить другихъ своими достоинствами, иное—унижать другихъ,—превосходи, но не унижай,—и на это есть любовь христіанская, которая, съ кѣмъ-бы ни встрѣчалась, все умѣетъ стерпѣть, все покрываетъ.

Но все это обозрѣніе своей жизни, весь этотъ взглядъ на себя есть только предварительная и пріуготовительная работа, есть только приступъ къ дѣлу. Какъ бы ни смотрѣлъ на себя человѣкъ въ этомъ мірѣ, какъ бы ни понималъ свою жизнь, чего бы ни искалъ на землѣ: но, если онъ христіанинъ, если онъ хочетъ быть христіаниномъ, всегда его главнымъ дѣломъ и всегда его главною цѣлію въ жизни земной—должно быть спасеніе. Ко-

нечно, ни одно состояніе въ мірѣ нельзя считать напраснымъ, или ничтожнымъ: потому что ни одно состояніе не существуетъ безъ цѣлей и случайно. Но состояніе ли гражданское, состояніе ли члена семейства, даже вообще,—состояніе естественной жизни человѣка въ этомъ мірѣ, по отношенію къ жизни его внутренней и духовной, есть не болѣе, какъ внѣшность, прикрывающая только эту жизнь, есть сфера, въ которой эта жизнь дѣйствуетъ, скорлупа, которая существуетъ не сама по себѣ и не сама для себя, но существуетъ потому, что держится силою жизни внутренней и для нея существуетъ, пока эта жизнь внутренняя раскрывается и образуется. Надобно же, чтобы въ этой скорлупѣ не мертвый зародышъ оставался, надобно же, чтобы подъ этою скорлупою открывалась тоже жизнь, имѣющая достаточное развитіе и силу. Иначе, эта погребенная, истлѣвающая безъ развитія жизнь, будетъ не что иное, какъ смерть, которую мы будемъ носить въ своемъ сердцѣ, и мы будемъ постоянно обманываться, воображая, что мы живемъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ только тлѣемъ и каждую минуту готовимся обратиться въ ничтожество. Правда и то, что наши внѣшнія отношенія къ міру не мертвы сами по себѣ, но даютъ своего рода образованіе и силу нашей жизни духовной; въ нихъ находятъ свою пищу всѣ силы нашей души, всѣ различныя потребности и стремленія. Но если бы развитіе жизни духовной только этимъ міромъ и могло оканчиваться; еслибы назначеніе человѣка только здѣшнею жизнію и опредѣлялось: тогда бы... да—тогда бы что же былъ-бы и самъ человѣкъ? Теперь же, въ христіанствѣ, всѣ его дѣла перенесены на небо, вся его жизнь принадлежитъ не времени, а вѣчности, и онъ постольку и живетъ, въ правильномъ смыслѣ этого слова, поскольку живетъ жизнію—во внѣшней—внутреннею, въ чувственной—духовною, поскольку, какъ птенецъ въ скорлупѣ, приготовляетъ свою душу въ этомъ тѣлѣ къ полному раскрытію ея существа и жизни въ мірѣ безтѣлесномъ,—тамъ, гдѣ его жизни не будетъ уже конца.

Итакъ послѣ вѣрнаго и подробнаго разсмотрѣнія своей жизни, первѣйшимъ и существеннымъ предметомъ въ нашемъ самоиспытаніи должно быть наше спасеніе. Здѣсь надобно вновь собрать всѣ силы ума, вооружиться всѣмъ безпристрастіемъ, дать полную свободу совѣсти, чтобы рѣшить вопросъ, ни съ чѣмъ по своей важности несравнимый, вопросъ о своемъ спасеніи. Рѣшеніе этого вопроса должно составить нашъ судъ надъ собою, и самый строгій и неослабный судъ, на которомъ должно проясниться наше нравственное бытіе, должно стать извѣстнымъ, кто и что мы для неба и вѣчности. Но вотъ два необходимыя при этомъ

условія: при испытаніи своей совѣсти нужно имѣть рѣшительность и спокойствіе духа. Нужна рѣшительность: чтобы не потворствовать себѣ, не щадить себя; нужно спокойствіе: чтобы не смущаться предъ своимъ собственнымъ лицемъ и не приводить въ замѣшательство собственныхъ мыслей и чувствъ. Нужна рѣшительность: чтобы не обманывать себя, не видѣть добра и превосходства въ себѣ тамъ, гдѣ его нѣтъ, чтобы судить себя,—не судомъ самолюбія, не судомъ изнѣженнаго чувства или слабаго разсудка, не судомъ пустого сожалѣнія и легкаго прискорбія о своихъ проступкахъ, но судомъ огня и меча, чтобы тотчасъ истреблять въ себѣ все, что закрываетъ отъ глазъ нашихъ истину, чтобы на этомъ судѣ совѣсть разила, а сердце горѣло,—совѣсть разила обличеніемъ, а сердце горѣло,—въ огнѣ раскаянія, чистаго, сокрушительнаго, вмѣстѣ и спасительнаго. Нужно спокойствіе: чтобы не огорчаться безъ пользы своими недостатками, но сохранить въ себѣ силу духа для ихъ исправленія; чтобы не приходить въ безотрадное уныніе отъ своихъ паденій и болѣзней грѣховныхъ, но имѣть рѣшимость—искать для нихъ врачеванія, чтобы мужественно смотрѣть себѣ въ лицо, чрезъ зеркало совѣсти, и, разбирая его черты, видя въ нихъ слѣды ранъ и болѣзней, не дать себѣ еще другихъ ранъ и болѣзней,—отъ страха или отчаянія: такія новыя раны могутъ сдѣлаться уже неизлѣчимыми. Когда палъ,—то нечего тратить по пустому время въ кликахъ и воплѣхъ: старайся лучше—встать, и иди далѣе. Не пасть человѣку невозможно: но тотъ великъ, кто умѣлъ вставать и еще смѣлѣе идти,—сколько разъ не падалъ!

Имѣя такую рѣшимость и такое спокойствіе духа, приступимъ къ изслѣдованію, въ чемъ заключается наша главная вина передъ Богомъ и самими собою, въ дѣлѣ нашего спасенія,—какія главнымъ образомъ господствуютъ въ насъ страсти и пороки, и что особенно питаетъ ихъ и усиливаетъ, къ нашей погибели?

Вотъ необходимые вопросы о спасеніи,—и, чтобы вполнѣ правильно и рѣшительно отвѣчать на первый изъ нихъ, надобно, прежде всего, отвергнуть то ложное и гибельное самомнѣніе, по которому мы любимъ сами для себя составлять идеалъ совершенства, по мыслямъ своего ума и чувствамъ своего сердца, и съ этимъ идеаломъ сличать свои достоинства. Разумѣется, что при такомъ идеалѣ мы всегда можемъ оставаться довольны собою. Надобно взять за образецъ для себя то, что прежде насъ и не для насъ однихъ положено, какъ идеалъ совершенства, и прежде всего, конечно,—слово Божественное. Если слово Божественное, по выраженію самаго же слова,—острѣе всякаго обоюдуостраго меча, проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ:

это значитъ, что предъ чистымъ зерцаломъ слова Божественнаго и при усиленномъ вниманіи къ нему внутреннимъ окомъ,—не скроется въ насъ ни одна мысль ума, ни одинъ изгибъ сердца, ни одно тайное желаніе воли. Только и не одною какою-либо стороною нашего существа надобно обращаться къ этому зерцалу, но всѣми,—и стороною своего ума, для повѣрки его понятій и сужденій, и стороною своего сердца, для повѣрки его чувствъ и стремленій, и стороною воли, для повѣрки побужденій, цѣлей и правилъ, по которымъ она дѣйствуетъ. Тогда-то вполнѣ откроется, положено-ли въ насъ начало нашему спасенію,—свѣтитъ-ли вѣра въ умѣ, согрѣваетъ-ли любовь наше сердце, движетъ-ли законъ нашею волею. Умъ невѣрующій тотчасъ обнаружится: потому что гордость ума, свойственная невѣрію, не стерпитъ ученія о послушаніи вѣрѣ, котораго требуетъ отъ насъ Слово Божіе, и самолюбіе, обыкновенное свойство невѣрія, при этомъ тотчасъ перемѣнитъ роли: себя поставитъ на мѣсто судіи, а вѣру и Слово Божественное на мѣстѣ испытуемаго предмета, и станетъ его разбирать и судить по своему. Зараженное страстію сердце тотчасъ откроется: поелику не стерпитъ обличеній порока, которымъ оно заражено, и отойдетъ отъ зерцала. Буйная, безпечная и закономъ неуправляемая воля никакъ не скроется: она тотчасъ возстанетъ со всею бурею своихъ страстей и закоренѣлыхъ привычекъ: потому что для нея всякое обличеніе несносно, всякій взглядъ на себя отяготителенъ,—и она живетъ только тѣмъ, что старается сколько можно менѣе приходить въ себя.

Для рѣшенія другого вопроса: дѣйствительно-ли мы успѣваемъ на пути христіанскаго совершенства, если вступили на этотъ путь, сколько и какъ мы содѣйствуемъ раскрытію въ насъ благодатной жизни,—для рѣшенія этого вопроса мы не можемъ указать иныхъ способовъ, кромѣ лучшихъ двухъ, отрицательнаго и положительнаго, смиренія и любви. Первый изъ этихъ способовъ—испытаніе своего смиренія—мы называемъ отрицательнымъ потому, что смиреніе состоитъ въ постоянномъ и совершенномъ отрицаніи въ себѣ *своего*, т. е. всего того, что не принадлежитъ Богу и благодати,—потому состоитъ въ возвышеніи себя посредствомъ самоуничиженія, въ совершенствованіи себя посредствомъ самоотверженія. Другой способъ самоиспытанія—любовь—мы называемъ положительнымъ, потому что любовь идетъ прямымъ путемъ христіанскаго совершенства и есть исполненіе закона. Итакъ, надобно испытать свою совѣсть: истинно-ли въ насъ смиреніе, и дѣлается-ли оно постоянно болѣе глубокимъ, питая въ насъ чувство самоуничиженія и духъ самоотверженія? Оно-ли управляетъ нами, при сознаніи нашихъ совершенствъ и добродѣтелей, оно-ли

возникаетъ въ насъ и при чувствованіи нашихъ немощей и заблужденій? Являетъ-ли оно свою силу, когда вызываютъ его лишенія, бѣдствія и скорби, постигающія насъ въ мірѣ? Оно-ли говоритъ въ нашей молитвѣ, оно-ли дѣйствуетъ въ нашихъ подвигахъ, оно-ли идетъ съ нами по пути мірскаго благополучія, оно-ли сопровождаетъ насъ при встрѣчѣ съ искушеніями отъ подобныхъ намъ людей, когда мы терпимъ отъ нихъ незаслуженное? Если совѣсть будетъ отвѣчать на эти вопросы, или хотя на одинъ изъ этихъ вопросовъ: нѣтъ! то нечего болѣе думать о себѣ, нечего и приписывать себѣ спасенія или христіанскаго совершенства. Надобно снова обращаться къ началу, чтобы снова возжечь искру жизни благодатной. Но и не должно вдругъ успокоиваться, когда-бы совѣсть наша не отказала намъ въ отвѣтѣ утвердительномъ. Смиреніе есть такая добродѣтель, которая по премуществу узнается въ искушеніяхъ,—и тяжелыхъ искушеніяхъ. Кто не смиренъ, когда никто не трогаетъ? Крестъ,—въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся,—вотъ училище смиренія.

Равнымъ образомъ надобно испытывать себя по отношенію къ любви. Стоитъ только раскрыть то мѣсто въ посланіяхъ ап. Павла, гдѣ онъ раскрываетъ всѣ совершенства любви христіанской, чтобы узнать,—точно ли въ насъ есть любовь истинная, и точно-ли любовь истинная—христіанская. Стоитъ только съ живымъ чувствомъ сердца взглянуть на крестъ Іисусовъ, чтобы сознать въ себѣ, до какой степени любви мы дошли, если дошли, и что сдѣлала наша любовь для Того, Кого любовь за насъ распяла на крестѣ! Если и тутъ, если только при этихъ двухъ способахъ самоиспытанія совѣсть не скажетъ намъ ничего, или мало утѣшительнаго, то никакія другія добродѣтели, естественныя, или мірскія, какъ-бы онѣ блестящи не казались намъ,—смѣло можемъ сказать,—не доказываютъ нашего совершенства и никакъ не должны насъ успоконвать самодовольствомъ: это не болѣе, какъ пустые, безжизненные цвѣты между колючимъ терніемъ, которые отъ одного дѣйствія внутри могутъ разсыпаться.

Третій вопросъ: какая въ насъ господствующая страсть и какой въ насъ преобладающій порокъ, если мы еще не начинали своего обращенія и спасенія?—этотъ вопросъ рѣшается вообще не трудно. Преобладающая въ человѣкѣ страсть всегда влечетъ его по одному направленію, отъ котораго не можетъ уклониться и на которое обращаетъ всѣ его мысли, желанія, равно и все то, что встрѣчается ему внѣ его. Стоитъ примѣтить эту дорогу, и страсть разгадана. Внѣшнія чувства—лучшіе здѣсь проводники и свидѣтели. Вмѣстѣ съ симъ страсть преобладающая всегда есть болѣзнь духа, весьма тонкая и чуткая, которая

какъ бы по инстинкту узнаетъ, что есть сроднаго ей и что ей чуждо и противно. Ни къ чему одно прикосновеніе такъ не болѣзненно, какъ къ господствующей страсти, ни съ чѣмъ такъ не трудно разставаться, какъ съ преобладающимъ порокомъ; одна мысль бросить его потрясаетъ все существо несчастнаго, имъ зараженнаго, человѣка.

Такое испытаніе жизни, такое испытаніе своей совѣсти должно предшествовать покаянію: но и послѣ сего не вдругъ можно приступить къ исповѣданію своихъ грѣховъ въ таинствѣ. Должно быть еще нѣчто такое, безъ чего напрасно стали бы мы надѣяться очищенія и разрѣшенія нашихъ грѣховъ въ таинствѣ. Нужно еще полное и совершенное, чистое и глубокое раскаяніе сердца. Мало того, чтобы видѣть въ себѣ грѣхъ, надобно его возненавидѣть. Мало того, чтобы сознавать допущенное зло, надобно болѣзновать и сокрушаться объ опущенномъ добрѣ. Грѣхъ глубоко пустилъ свои корни въ нашемъ сердцѣ; надобно потрястись всему сердцу, чтобы эти корни исторглись. Надобно возжечь въ душѣ сильный огонь, чтобы потребить въ ней поросшіе терніе и плевелы. Но при всемъ томъ, чистое раскаяніе христіанина совсѣмъ не то, что страшный огонь, пожирающій черную душу преступника. Христіанской душѣ въ раскаяніи свойственны искреннія, горестныя, правда, но не безотрадныя, слезы о грѣхахъ, прежде всего, какъ оскорбленіи Отца Небеснаго, Который являетъ намъ столько любви, столько милосердія, столько долготерпѣнія, и въ насъ видитъ столько равнодушія, столько жестокосердія, столько заблужденій и паденій, что самый первый и, конечно, самый тяжкій грѣхъ предъ Нимъ есть именно наша ожесточенная неблагодарность, упорство противъ любви Его, непокорность влеченію благодати—то, что составляетъ въ очахъ Его хулу на Его Духа, Духа благодати и любви: вотъ первый предметъ для слезъ христіанской души, слезъ горькихъ,—но пусть эти слезы будутъ слезы сыновняго страха, а не отчаянія. Далѣе, слезы раскаянія христіанскаго суть слезы о томъ, въ какомъ богатствѣ силъ мы произвольно допускаемъ себя до паденія и истощаемъ эти силы въ служеніи похотямъ грѣховнымъ, при какомъ обиліи духовныхъ даровъ мы сами себя дѣлаемъ нищими, при какомъ высокомъ назначеніи мы желаемъ лучше быть презрѣнными рабами грѣха, при какомъ, наконецъ, чаяніи вѣчныхъ, неизъяснимыхъ теперь для насъ благъ, мы гоняемся здѣсь, на землѣ, за одними призраками, и за минуты грѣховныхъ наслажденій готовимъ себѣ нескончаемые вѣки нестерпимыхъ мученій. Вотъ глубокій источникъ слезъ для христіанина, и въ этомъ-то источникѣ слезъ, не изсушаемыхъ легкомысленно или злонамѣренно, но усиливаемыхъ и постоянно возобновляемыхъ въ глубокомъ чувствѣ раскаянія, должна, такъ сказать, погрузиться и омыться отъ грѣховъ душа христіанская. Но опять, да не будутъ эти слезы—слезы безотраднаго унынія, или отчаянія: онѣ должны смягчить ожесточаемую грѣхомъ душу, должны очистить ее и просвѣтить, какъ объ этомъ учитъ одинъ изъ великихъ подвижниковъ-богослововъ: «кто не хочетъ, говоритъ онъ, отвергать болѣзненнаго чувства, рождающагося отъ страха вѣчныхъ мукъ, но добровольно послѣдуетъ этому чувству и старается тѣмъ обуздать свои грѣховныя стремленія, тотъ можетъ скорѣе и успѣшнѣе совершить путь свой и придти къ Царю царей. Страхъ этотъ скоро исчезаетъ, и болѣзнь сердца откроетъ въ человѣкѣ потоки слезъ, подобно рѣкѣ, оставляющихъ послѣ себя тишину, кротость въ душѣ и нѣкоторую неизъяснимую сладость, еще же и мужество, чтобы свободно и не смотря ни на какія препятствія, выдерживать послушаніе заповѣдямъ божественнымъ, что для начинающихъ, правда, не легко, достигшимъ половины пути—свойственно, а для совершенныхъ этотъ источникъ слезъ бываетъ источникомъ свѣта и влечетъ за собою совершенную перемѣну въ сердцѣ». Тотъ же мужъ продолжаетъ: «прежде слезъ и плача никто да не прельщаетъ насъ; не будемъ обманывать и сами себя: тогда еще нѣтъ въ насъ истиннаго раскаянія, нѣтъ страха Божія въ сердцахъ нашихъ еще мы не довольно проникли въ себя и не пришли въ полное чувство будущаго суда и вѣчныхъ мукъ: если бы все это мы въ себѣ ощутили, тотчасъ бы полились изъ очей нашихъ слезы; безъ слезъ никогда не смягчится жестокость нашего сердца, не пріобрѣтетъ смиренія душа наша и общенія Духа Святаго удостоиться не можетъ». Другой великій учитель и подвижникъ, который, при одномъ воспоминаніи вѣчныхъ мукъ, какъ-бы невольно лилъ горькія слезы, не иначе могъ и бесѣдовать съ своею душею, какъ въ слезахъ сокрушенія,—онъ преподаетъ намъ образчикъ этого сокрушенія: «сокрушайся, душа моя,—часто повторялъ онъ, сокрушайся о всѣхъ благахъ, которыя ты отъ Бога получила и потеряла; сокрушайся о всѣхъ злыхъ дѣлахъ, содѣланныхъ тобою. Сокрушайся обо всемъ томъ, въ чемъ показалъ тебѣ Богъ Свое долготерпѣніе; сокрушайся и покайся, чтобы тебѣ не вверженной быть въ тьму кромѣшную. Покайся, бѣдная душа, чтобы не постыдиться тебѣ на страшномъ судѣ Христовомъ. Горе грѣшному мнѣ, осквернившему чистоту моего сердца моимъ слабодушіемъ! Такъ похоть повелѣваетъ мною, какъ господинъ рабомъ, и я тотчасъ, какъ дитя, со страхомъ повинуюсь; она обольщаетъ меня, и я услаждаюсь. И кто будетъ плакать о мнѣ,

или кто утѣшитъ меня, кромѣ Тебя одного, Спаситель мой, по Своей благости призрѣвшій на мое сокрушеніе».

Раскрывъ, по возможности, порядокъ необходимаго нравственнаго самоиспытанія, какое должно предшествовать исповѣданію грѣховъ нашихъ въ таинствѣ, коснувшись и самыхъ расположеній души, при этомъ необходимыхъ, обратимся теперь къ самому таинству покаянія. Но, почему это таинство? Совѣсть безпокоитъ человѣка, преданнаго страсти, или пороку: побуждаемый этимъ тревожнымъ состояніемъ души, онъ открываетъ свою душу, свои чувства и дѣла ближнему, тому ли прямо, предъ которымъ въ своихъ чувствахъ и дѣлахъ сознаетъ себя виновнымъ, или другому, къ которому его чувства и дѣла не имѣютъ отношенія, но участіемъ котораго онъ думаетъ дать облегченія душѣ своей; въ первомъ случаѣ онъ получаетъ отъ ближняго прощеніе, въ другомъ—утѣшеніе, вразумленіе, совѣтъ, и совѣсть его успокоивается Вотъ исповѣдь, но это не таинство. Совѣсть тревожитъ преступную душу и страшитъ ее судомъ. Правды небесной: она повергаетъ человѣка въ слезахъ сокрушенія и раскаянія передъ оскорбленнымъ отъ него Богомъ, и заставляетъ его, со всѣмъ уничиженіемъ виновнаго, со всѣмъ сокрушеніемъ кающагося, просить небеснаго прощенія; онъ молится, душа его смягчается въ жару молитвы, чувства его очищаются въ огнѣ раскаянія, и совѣсть его успокоивается. Вотъ исповѣдь: но это еще не таинство! Нельзя отвергать нравственнаго дѣйствія того и другаго рода исповѣди, т. е. исповѣди свободной, предъ ближнимъ и исповѣди уединенной предъ Богомъ: но это дѣйствіе слишкомъ слабо и ограниченно въ своемъ вліяніи на жизнь человѣка—духовную; оно только *естественно*, и только *отрицательно*, и потому еще далеко до силы таинства. Естественно облегчается состояніе души чрезъ взаимное общеніе съ ближними мыслей и чувствъ, отягчающихъ душу; естественно облегчается совѣсть чрезъ взаимное прощеніе взаимныхъ между людьми проступковъ и оскорбленій; естественно облегчается состояніе души и раскрытіемъ ея предъ Богомъ, въ молитвенномъ или свободномъ исповѣданіи предъ Нимъ своихъ немощей и паденій: естественно потому, что въ какомъ бы то ни было случаѣ раскрытіе души, общеніе ея мыслей и чувствъ—составляетъ необходимость для нашей души, необходимость ея бытія, такую необходимость, безъ которой собственная ея мысль или чувство обращается въ ней самой въ камень и становится для нея тяжестію невыносимою. Это понятно психологически и по опыту. Нѣтъ тяжелѣе состоянія человѣка, который не имѣетъ возможности передавать своихъ мыслей и чувствъ другому; ужасно состояніе души, если во время

своихъ внутреннихъ, духовныхъ болѣзней, она не знаетъ употребленія лѣкарства—молитвы. Примѣръ тому и другому—всѣ примѣры дикаго ожесточенія и отчаянія. Это такъ естественно, что хотя бы погруженная въ чувственность душа и не сознавала своей потребности раскрывать себя самое въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, то сила этого чувства безъ ея вѣдома возникаетъ часто изъ ея глубины и движетъ сердце къ Богу, даже хотя бы то невѣдомому и только погрѣшительно знаемому. Но потому-то одна молитва не составляетъ еще таинства, что въ ней дѣйствуетъ одно естественное, тогда какъ для таинства нужно сверхъестественное; въ ней есть потребность души, есть нравственная сила, но которыя изъ глубины самой же души возникаютъ, а не свыше, отъ Духа Божественнаго, сообщаются. Равно и свободная исповѣдь человѣка предъ ближнимъ своимъ не составляетъ еще таинства, бывъ управляема только естественными побужденіями, и хотя бы могла имѣть все нравственное дѣйствіе для души, но такое, которое не выйдетъ изъ границъ естественной жизни души. Главное же въ томъ, что дѣйствія такой исповѣди всегда будутъ *отрицательны*. Исповѣдать свои грѣхи въ молитвѣ предъ Богомъ и успокоиться въ совѣсти, не значитъ еще получить полное разрѣшеніе отъ вины; это значитъ только то, что человѣкъ не упорствуетъ въ преступленіи, сознаетъ свою виновность, тяготится чувствомъ грѣха, прибѣгаетъ къ милосердію и правосудію Творца,—и спокоенъ тѣмъ, что предаетъ себя, со всѣми своими грѣхами, въ волю Его любви и благости; но и только,—большаго значенія такой исповѣди дать нельзя. Внутреннее чувство прощенія, на которое хотѣли бы здѣсь ссылаться нѣкоторые, не только можетъ быть обманчиво въ самомъ себѣ, но и не можетъ заключать въ себѣ ничего положительнаго для человѣка. Какое твердое, какое высшее свидѣтельство даетъ оно человѣку о его прощеніи и очищеніи? И, если бы оно дѣйствительно могло ручаться человѣку за разрѣшеніе его совѣсти, то будетъ ли ручаться болѣе, чѣмъ только на этотъ разъ? Какую оно даетъ ему силу освободить свою душу не только отъ власти грѣха, но и самаго присутствія его въ душѣ, не только отъ дѣлъ и слѣдствій порока, но и самой склонности къ пороку? Очевидно, что тутъ нужна сила для души болѣе крѣпкая, болѣе положительная, сила высшая. Притомъ это внутреннее, самоуспокоивающее чувство прощенія было бы безосновательно и въ томъ отношеніи, что человѣкъ почиталъ бы себя оправданнымъ, или помилованнымъ *безъ суда*. Никогда же Богъ, не измѣняя Своей святости и правдѣ, не можетъ оставлять человѣку грѣхъ—безъ суда. Если бы государь хотѣлъ всякое преступленіе про-

щать каждому изъ своихъ подданныхъ, безъ всякаго суда, только по усиленному прошенію виновныхъ и собственному милосердію, то не возстали ли бы противъ сего законы? Не измѣнилъ ли бы въ этомъ самъ государь своему самодержавію и правосудію и даже не вредилъ ли бы благу цѣлаго государства? Если государь всегда можетъ миловать, то законы всегда должны судить преступника. Что же было бы, если бы и каждый грѣшникъ имѣлъ право только про себя молиться Богу, и потомъ успокоивать самъ себя въ собственномъ чувствѣ прощенія? Тогда религія существовала бы на какихъ-то неопредѣленныхъ, отрицательныхъ основаніяхъ, и можно быть увѣреннымъ, что зло нравственное тогда стало бы только умножаться и расти съ неудержимою силою. Въ этомъ же отношеніи и взаимная исповѣдь между людьми и взаимное ихъ прощеніе не имѣли бы ничего положительнаго: примириться съ ближними, простить другъ друга, не значитъ еще сдѣлать себя или другого добрымъ человѣкомъ; простить зло, не значитъ еще его уничтожить, такъ какъ покрыть или перевязать рану, не значитъ еще исцѣлить ее.

Разсматривая нравственное состояніе человѣка въ настоящемъ, нельзя не согласиться, что ему нужна исповѣдь,—но исповѣдь чрезвычайная, основанная на самыхъ твердыхъ началахъ, и самая положительная, имѣющая связь не съ временными только его преступленіями, но съ цѣлою жизнію его нравственною, со всею природою его духовною; нужна исповѣдь, которая не покрывала бы только раны, но и врачевала ихъ, не совѣсть только разрѣшала отъ грѣховъ, но и самую волю отъ наклонности ко злу; которая бы не только успокоивала человѣка въ разсужденіи сдѣланнаго зла, но и опущеннаго добра; не только изглаждала преступленія, но и помогала немощамъ и болѣзнямъ самой природы; не только очищала отъ грѣховъ, но и сообщала свѣтъ для яснѣйшаго распознаванія ихъ, сообщала большую силу для избѣжанія ихъ; не только освобождала отъ наказаній, зду принадлежащихъ, но и возстановляла правильныя отношенія человѣка къ Богу, грѣхомъ нарушенныя; наконецъ, не только умиротворяла душу, но и внутренно, духовно ее возрождала къ новой, лучшей жизни. Надобно согласиться, что такая исповѣдь была бы совершеннѣйшимъ врачествомъ для человѣка,—что такое-то именно врачество и необходимо, и можетъ быть вполнѣ благодѣтельно для поврежденнаго человѣчества, не только въ жизни его, но и въ самой природѣ его; но вмѣстѣ надобно признать, что такая исповѣдь выходитъ уже за предѣлы естественнаго и для насъ самихъ возможнаго, что она должна имѣть основанія сверхъестественныя, силу чрезвычайную, и что человѣкъ

самъ себѣ дать ее не можетъ: но потому-то такая исповѣдь и будетъ *таинствомъ*—и это есть исповѣдь, покаяніе, принадлежащее единственно христіанству.

Взглянемъ теперь на составъ этого таинства. Прежде всего, тутъ представляется нашему вниманію избранный, уполномоченный самимъ небомъ—выслушивать исповѣдь сердца человѣческаго, человѣкъ, не ангелъ, человѣкъ, который самъ нисколько не свободенъ отъ порчи и нравственныхъ паденій, свойственныхъ каждому смертному, но который поставленъ, если не сказать—врачемъ, то орудіемъ врачеванія нашихъ духовныхъ немощей и болѣзней, человѣкъ, нисколько не свободный отъ суда, какъ и всякій другой, но который,—едва можно вообразить это,—держитъ въ своихъ рукахъ судъ неба и земли, такъ что его слово, разрѣшающее на землѣ, утверждается разрѣшеніемъ на небѣ, и его слово, запрещающее на землѣ, производитъ запрещеніе на небѣ; человѣкъ, которому я долженъ открывать всѣ мои нужды духовныя и который самъ въ себѣ, въ своихъ рукахъ, не имѣетъ ничего, чѣмъ бы могъ удовлетворить мои нужды, но которому свыше подается неисчерпаемое, неограниченное сокровище благодати, изъ котораго съ преизбыткомъ онъ можетъ выполнять всѣ потребности души моей; человѣкъ, который въ моей жизни не имѣетъ никакой власти надъ моей свободою, но который, при испытаніи моей жизни, имѣетъ непререкаемую власть надъ моею совѣстію, и также можетъ развязать и разрѣшить отъ ига грѣховнаго крила души моей, чтобы дать ей свободу—вознестись на небо, какъ можетъ своимъ судомъ и запрещеніемъ связать мою душу и оставить ее собственною тяжестію грѣховною увлекаться долу,—на дно ада. Неправда ли, что самое лицо такого человѣка есть уже таинство? Не долженъ ли онъ, по такой власти надъ совѣстью смертныхъ, быть выше смертнаго. Но онъ не выше смертнаго, не существо вышеестественное, не ангелъ, даже не прославленный святый, или свидѣтельствованный свыше праведникъ,—словомъ во всѣхъ отношеніяхъ подобный всякому изъ насъ. Но онъ поставляется принимать отъ подобныхъ себѣ человѣковъ, предъ лицемъ Божіимъ, исповѣданіе ихъ немощей и грѣховъ, для того, чтобы по собственнымъ немощамъ могъ судить о нашихъ и столько же умѣлъ сочувствовать и сострадать,—что для истиннаго врача необходимо,—сколько врачевать наши раны опытно и дѣятельно Существо вышеземное, не испытывающее нашихъ немощей и болѣзней, было бы къ тому неспособно. Онъ поставляется со властію—судить, для того, чтобы въ рукахъ подобнаго намъ смертнаго эта власть не была такъ страшна и тяжка, какъ могла быть въ рукахъ какого-либо существа премірнаго. Существо высшаго міра,

по самому естеству своему, по самой чистотѣ и святости своей, было бы для насъ во всякомъ случаѣ недоступно, а судъ его невыносимъ. Наконецъ, человѣкъ, намъ подобный, поставляется съ правомъ вязать и рѣшить, для того, чтобы наша исповѣдь и покаяніе не оставались при одной внѣшности, не были дѣломъ только обычая, или установленной формы, но находили въ этомъ правѣ сокрытую силу, какъ для дѣйствительнаго разрѣшенія совѣсти отъ грѣховъ, въ дарѣ прощенія, такъ для низложенія буйной силы грѣха, для смягченія чувства, во злѣ ожесточеннаго, усмиренія воли, закону непокорной,—дѣйствіемъ полномочнаго запрещенія, словомъ, для полнаго, рѣшительнаго воздѣйствія въ нашей жизни, не внѣшней только, но и внутренней, духовной; и это право оставляется человѣку изъ человѣковъ, оставляется во времени, пока мы живемъ во времени, и пока всѣ дѣла наши имѣютъ характеръ временности, пока можно и врачевать раны и еще успѣвать на пути обращенія отъ мрака грѣховнаго къ свѣту,—оставляется здѣсь, на землѣ,—пока наша жизнь духовная еще образуется и дѣйствуетъ на землѣ, еще въ періодѣ возрастанія, еще въ школѣ испытаній, еще въ горнилѣ очищенія. Есть судъ въ вѣчности, есть власть вязать и рѣшить въ жизни за гробомъ, но тамъ эта власть, этотъ судъ рѣшаютъ нашу участь на вѣки,—невозвратно! Итакъ вотъ значеніе лица,—человѣка, уполномоченнаго дѣйствовать на нашу совѣсть въ таинствѣ покаянія. Это лицо тутъ необходимо, какъ скоро существуетъ на землѣ благодать прощенія и право суда, т. е. какъ скоро существуетъ власть рѣшить и вязать; потому что, иначе, или бы эта власть существовала напрасно и была недѣйствительна, или бы и самое покаяніе не достигало своей цѣли.

Другой предметъ, входящій въ составъ таинства покаянія, есть *устное* исповѣданіе грѣховъ. Какъ скоро исповѣдь совершается при постороннемъ лицѣ, каково лице служителя вѣры, такое, т. е. устное, исповѣданіе грѣховъ уже, очевидно, необходимо. Но оно необходимо и по тому положенію, въ какомъ надобно видѣть человѣка, рѣшающагося исповѣдать дѣла своей нравственной жизни: это должно быть положеніе человѣка,—въ собственномъ смыслѣ *кающагося*, т. е. человѣка, не скрывающаго уже своихъ немощей и болѣзней грѣховныхъ, но искренно и во всей полнотѣ раскрывающаго свою душу, чтобы виднѣе сдѣлать всѣ свои раны, и тѣмъ удобнѣе сдѣлать для себя необходимое врачеваніе; это должно быть положеніе человѣка, *сокрушающагося* сердцемъ,—которому, по свойству истиннаго сокрушенія, уже естественно высказывать его во внѣшности столько, сколь оно глубоко въ его сердцѣ; это должно быть положеніе человѣка *судимаго*, судимаго судомъ невидимымъ посредствомъ видимаго, и если бы видимый судъ могъ ограничиваться одною внѣшнею стороною судимаго дѣла,—то посредствуя суду невидимому, онъ долженъ обнаружить и все то, что есть въ видимомъ дѣлѣ невидимаго, т. е. долженъ обнаружить мысли, чувства, намѣренія человѣка, совершившаго то или другое дѣло,—и по этимъ причинамъ исповѣдь устная есть необходимая принадлежность истиннаго покаянія.

Еще другія принадлежности таинства покаянія опредѣляются и приводятся въ порядокъ церковію. Напримѣръ, что касается времени для совершенія таинства покаянія, то, по внутреннему значенію покаянія, вся жизнь наша должна быть единымъ непрерывнымъ покаяніемъ: потому что невозможно представить себѣ времени, когда покаяніе было бы излишне, или не нужно. Однако исповѣданіе грѣховъ предъ служителемъ таинства и принятіе благодатнаго разрѣшенія въ нихъ, а при томъ и духовнаго наставленія къ охраненію себя отъ нихъ, можетъ быть только по временамъ. Почему этого не можетъ быть постоянно и непрерывно: сообразить не трудно. Но если бы и предоставить употребленіе таинства покаянія частному ощущенію потребности, или произволу каждаго, то произошелъ бы безпорядокъ, очень важный по своимъ не только внѣшнимъ дѣйствіямъ, но и внутреннимъ, нравственнымъ. Тогда не только нерадивые изъ насъ не имѣли бы довольно побужденій и поощреній къ покаянію церковному,—но и внимательный къ потребности таинства не получалъ бы благовременно и достаточно помощи духовной. Надобно было установить нѣкоторый порядокъ и опредѣлить времена: это не исключаетъ подвиговъ покаянія частныхъ, но въ цѣломъ необходимо.

Порядокъ и время, установленные для употребленія таинства покаянія въ нашей церкви, опредѣлены наилучшимъ образомъ. Прекрасно объ этомъ разсуждаетъ одинъ изъ учителей нашей церкви: «Попеченіе», говоритъ онъ, «которое употребляетъ Церковь о чистотѣ одѣянія души нашей, можно уподобить попеченію, которое мы употребляемъ о чистотѣ одежды своего тѣла. Если бы кому-нибудь изъ насъ случилось упасть въ грязь, то не поспѣшилъ ли бы онъ тотчасъ омыть свою одежду? Такъ, если бы впалъ кто-либо въ тяжкій грѣхъ, то чѣмъ скорѣе очистилъ бы свою совѣсть покаяніемъ, тѣмъ лучше. Церковь готова принять его во всякое время; дверь таинства всегда отверста. Но, если бѣлизна срачицы у насъ только немного измѣняется отъ пота и пыли, мы продолжаемъ носить ее нѣсколько времени, и уже предъ какимъ-нибудь срочнымъ днемъ, напр. праздниц-

нымъ, замѣняемъ ее совершенно чистою. Въ этомъ случаѣ примѣръ порядка и неопрятнаго побуждаетъ подражать опрятному. Подобно сему Церковь, по временамъ предъ днями особенныхъ своихъ воспоминаній, или празднествъ, преимущественно же предъ великимъ воспоминаніемъ спасительныхъ страданій, крестной смерти и воскресенія Христова, чтобы въ большей чистотѣ праздновать, какъ бы срочнымъ образомъ приглашаетъ насъ убѣлять одѣяніе душъ нашихъ—покаяніемъ и таинственною кровію Агнца, вземлющаго грѣхи міра, побуждая, такимъ образомъ, внимательнаго и малый прахъ грѣховъ невѣдѣнія, забвенія, разсѣянности, внезапности, отъ души отрясать, а невнимательныхъ привлекая къ очищенію примѣромъ внимательныхъ. На помощь покаянію призываетъ она постъ; приспособляетъ самое богослуженіе къ возбужденію покаянныхъ чувствованій,—и до того простираетъ въ этомъ случаѣ свою внимательность, что, назначая въ продолженіе года общее покаяніе, она, дабы легче ввести насъ въ подвиги покаянія, отдѣляетъ предварительно нѣсколько времени для постепеннаго къ тому приготовленія, понемногу пріучаетъ къ воздержанію, пріучаетъ къ труду покаянныхъ колѣнопреклоненій и пр.».

Теперь о самой исповѣди. Одно изъ свойствъ господствующаго въ насъ грѣха всегда есть то, что онъ любитъ скрываться и таить свой корень, свои главныя силы, въ глубинѣ нашего сердца. Правда грѣхъ всегда можно узнать по плодамъ, по его дѣламъ, которыя выходятъ наружу, но его корень скрывается подъ самыми сложными изгибами въ сердцѣ человѣка, и онъ обыкновенно употребляетъ самыя разнообразныя личины, дѣлаетъ тысячи разныхъ изворотовъ, чтобы, подобно змію, скрыть свою голову и свой ядъ отъ взоровъ наблюдателя и ударовъ обличеній. Это-то самое свойство грѣха дѣлаетъ иногда столь тяжкою для зараженнаго грѣхомъ сердца исповѣдь въ грѣхахъ. Губящій человѣка грѣхъ связываетъ не только душу и совѣсть, подавляя ее и порабощая, даже связываетъ самый языкъ, и иногда ложный стыдъ или страхъ, иногда ложное самолюбіе и самообольщеніе—одно слово признанія дѣлаютъ жесточайшею болію для страждущаго грѣхомъ сердца. Еще страннѣе видѣть то, что иногда и собственное сознаніе и собственное сокрушеніе сердца побуждаютъ человѣка къ живому раскаянію,—и онъ рѣшается искать очищенія, онъ идетъ на исповѣдь, мужественно приступаетъ предъ лице Незримаго Судіи,—но одно присутствіе видимаго свидѣтеля внезапно и противъ воли приводитъ его въ смущеніе,—и языкъ его цѣпенѣетъ, слова замираютъ въ устахъ,—и его грѣховность, всею своею тяжестію, и еще двойною, снова

упадаетъ ему на совѣсть!—Но для чего же такое жалкое противорѣчіе самому себѣ? Для чего скрывать раны, сколь глубоки, сколь смардны онѣ бы ни были,—когда такъ близко вѣрное врачевство, и когда отъ человѣка ничего болѣе не требуется, какъ чтобъ онъ только открылъ свои раны и захотѣлъ врачеваться? Для чего укрывать въ сердцѣ змію и питать ее, и давать ей свободу разливать свой ядъ по всему существу души, когда есть вѣрное противоядіе, когда есть несомнѣнное оружіе для того, чтобы изъ этой змѣи вырвать ядъ и ее умертвить, изсушить? Правильная исповѣдь должна быть—полное обнаруженіе всего, что есть въ душѣ и совѣсти, и нигдѣ ложный стыдъ такъ не неумѣстенъ, какъ въ этомъ случаѣ. Если бы это былъ истинный, нравственный стыдъ, онъ бы не покрывалъ грѣховъ, а удерживалъ человѣка при самомъ расположеніи и поводѣ ко грѣху; если бы это былъ истинный стыдъ, онъ бы не препятствовалъ, а сильнѣе и сильнѣе побуждалъ спѣшить разрѣшеніемъ совѣсти и очищеніемъ души. Но, какъ ложный стыдъ, онъ производитъ только то, что скрываемыя раны дѣлаются еще глубже, и не очищаемый признаніемъ грѣхъ получаетъ большую силу и еще большее господство въ душѣ. Или это страхъ? Но это былъ бы столь же ложный страхъ, какъ ложенъ стыдъ. Страшиться признанія въ худыхъ дѣлахъ, послѣ того, какъ они уже сдѣланы,—это походитъ на тотъ ложный страхъ дѣтей, когда они, повредивъ какой-нибудь членъ отъ рѣзвости, терпятъ боль и скрываютъ это отъ матери, опасаясь ея укоровъ,—или, можетъ быть хуже, походитъ на то состояніе ожесточенныхъ, когда, принявъ добровольно ядъ и ощутивъ его муки, они лучше хотятъ предаться всѣмъ ужасамъ своей неестественной смерти, чѣмъ открыть себя и попросить помощи, опасаясь человѣческаго суда и нареканій. Кто изъ насъ ощущалъ бы когда-нибудь этотъ ложный, ни къ чему не служащій и однакожъ вредоносный для насъ страхъ, если бы всегда носилъ въ душѣ тотъ спасительный страхъ, который долженъ быть постояннымъ спутникомъ нашимъ въ жизни и удерживать нашу волю отъ порывовъ ко злу! Однакоже, надобно дать правильное понятіе о страхѣ, какой долженъ быть въ душѣ кающагося христіанина, чтобы предохранить отъ страха, ему несвойственнаго. Въ самомъ дѣлѣ свойство грѣха всегда таково, что послѣ наслажденій онъ влечетъ за собою разочарованіе, послѣ обольщенія—ужасъ: въ жизни человѣка естественной, тамъ, гдѣ онъ оставленъ своему поврежденію и всѣмъ своимъ немощамъ, это состояніе почти неизбѣжно,—и тамъ оно неисцѣлимо; разочарованіе и страхъ это такія болѣзни, въ которыхъ, по самому свойству ихъ, человѣку врачевать самого

себя трудно,—онѣ-то составляютъ обыкновенное раскаяніе человѣка мірскаго, увлеченнаго суетою и увидавшаго потомъ предъ собою бездну, или ничтожество,—что одно другаго стоитъ,—онѣ составляютъ то покаяніе, которое мірская жизнь и мірская совѣсть налагаютъ на слѣпыхъ и жалкихъ чадъ вѣка, т. е. когда эта жизнь въ своемъ вихрѣ броситъ человѣка на край бездонной пропасти, тогда эта совѣсть открываетъ человѣку глаза—только для того, чтобы онъ посмотрѣлъ, куда низвергается: больше тутъ нѣтъ ничего! Но это далеко не то, что покаяніе христіанское: такъ называемое разочарованіе и ужасъ злодѣяній ему несвойственны; разочарованіе или ожесточаетъ душу, или приводитъ ее въ совершенное нравственное бездѣйствіе, по причинѣ нравственнаго безсилія и изнеможенія,—а покаяніе христіанское душу смягчаетъ и приводитъ посредствомъ внутренняго, духовнаго возрожденія къ новой жизни и дѣятельности; тамъ страхъ преступленій помрачаетъ душу, оставляетъ въ замѣшательствѣ всѣ ея мысли и чувства, располагаетъ къ отчаянію; здѣсь—въ покаяніи христіанскомъ—душа очищается, просвѣщается, исполняется даровъ благодатныхъ, изъ которыхъ первый—миръ. Есть страхъ, свойственный душѣ христіанской,—та святая печаль по Богѣ, когда, чувствуя въ себѣ жало грѣховное, она не можетъ успокоиться въ самой себѣ, не имѣетъ въ себѣ мира и, истощаясь въ борьбѣ съ этимъ жаломъ, она страшится своего недостоинства и нечистоты въ очахъ своего первообраза чистѣйшаго и совершеннѣйшаго, и не столько страшится суда, котораго еще можетъ избѣжать, сколько грѣха, суду подвергающаго, съ которымъ бороться такъ трудно; потому что, по истинному чувству христіанской души, если страшенъ судъ, то еще страшнѣе грѣхъ, если страшенъ ножъ, то еще страшнѣе убійца! Есть страхъ—быть обличену въ невѣрномъ употребленіи силъ и даровъ, полученныхъ отъ Источника даровъ и силъ, или оказаться лѣнивымъ рабомъ, закопавшимъ въ землю талантъ; есть страхъ—впасть въ самодовольство и самообольщеніе и почитать себя что-нибудь значущимъ, тогда какъ на вѣсахъ правды Божеской, можетъ быть, всѣ мнимыя совершенства и заслуги, всѣ мнимо высокія дѣла даже не уравновѣшиваются съ другими дѣлами унижающими нравственное достоинство жизни. Есть страхъ—при всѣхъ видимыхъ заботахъ и трудахъ оказаться нищимъ и нагимъ, тамъ, гдѣ нищета и нагота, богатство и красота, измѣряются не нашими понятіями, гдѣ вѣнецъ и награды раздаются не по здѣшнему суду, и гдѣ не можетъ быть болѣе тяжкаго суда и болѣе разительнаго осужденія,—какъ признаніе и оставленіе въ собственной наготѣ и нищетѣ предъ лицемъ прославленныхъ

святыхъ, столько же украшенныхъ блистающими совершенствами святости и добродѣтели,—чего здѣсь мы еще не видимъ,—сколько возвышенныхъ богатствомъ даровъ благодатныхъ, составляющихъ блаженство безъ конца. Вотъ страхъ христіанскій, если можно такъ выразиться,—и этотъ-то страхъ душа христіанская должна принести съ собой на исповѣдь, и онъ не ослабитъ ее, не повергнетъ въ замѣшательство или отчаяніе, какъ страхъ ложный или преступный, но онъ раскроется въ ней въ истинномъ сокрушеніи сердца, въ глубокомъ, искреннемъ раскаяніи, въ чистыхъ слезахъ и умиленной молитвѣ, и оставитъ по себѣ ту кротость и смиреніе, ту искренность, простоту и чистоту чувства, которыя исповѣдь души сдѣлаютъ совершенною и на самомъ судѣ возвысятъ ея достоинство. Потому-то «покаяніе христіанское», говоритъ одинъ опытный и благочестивый мужъ, «даетъ намъ возможность и случай исполнять гораздо болѣе добродѣтелей, нежели всякое другое благочестивое упражненіе».

Если не ложный стыдъ и страхъ, то какъ часто самолюбіе, этотъ сильный врагъ всякаго самопожертвованія, поднимаетъ свой голосъ среди самаго покаянія. Самолюбіе привело къ самому худому концу, или, лучше сказать, превратило ту первую исповѣдь падшаго рода человѣческаго, какую онъ долженъ былъ принести еще въ раю, предъ лицемъ Самого, теперь незримаго нами,—Судіи Бога. Мы знаемъ, какъ самолюбіе не позволило тогда первымъ грѣшникамъ придти къ сознанію своего бѣдственнаго состоянія, какъ, вмѣсто исповѣданія грѣха, вмѣсто прошенія о милости, оно выдумывало только одни преступныя извиненія, и даже,—о чемъ надобно съ ужасомъ мыслить,—рѣшалось судить Самого Судію, слагая на Него свою вину! Мы знаемъ, что за тогдашнее нераскаяніе впослѣдствіи всю жизнь люди осуждены были каяться,—и какимъ горькимъ, тяжелымъ покаяніемъ!

Нынѣ то же самолюбіе силится убѣдить каждаго изъ насъ, что мы не сдѣлали грѣховъ важныхъ, на небо вопіющихъ, что жизнь наша не безъ заблужденій и паденій, не такъ однакоже укоризненна, чтобы нельзя было ожидать милости на судѣ,—что наши заблужденія и паденія—всѣ обыкновенныя слѣдствія общей для всякаго изъ насъ слабости и порчи. Что же исповѣдь? Это будетъ одно общее признаніе грѣховности, одно свидѣтельство того, что мы не думаемъ упорствовать во грѣхѣ, и чувствуемъ долгъ совѣсти. Но мы не сдѣлали грѣховъ важныхъ: что заключаетъ въ себѣ эта мысль? Чѣмъ будемъ мы измѣрять степени важности грѣховъ? Если бы мы имѣли довольно тонкости внутренняго зрѣнія, чтобы видѣть, какъ грѣхъ плодовитъ, неистощимъ и непрерывенъ въ своемъ развитіи и размноженіи, какъ

самомалѣйшее сѣмя грѣха рождаетъ изъ себя неисчислимыя, самыя сложныя вѣтви грѣхопаденій, и ничтожное, повидимому, преступленіе имѣетъ нерѣдко самыя обширныя и отдаленныя слѣдствія, которыя переходятъ даже изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и самое обширное зло часто теряетъ свое начало въ отдаленнѣйшемъ и малѣйшемъ преступленіи,—если бы могли видѣть это, мы бы не стали, по своему только мнѣнію, почитать тѣ или другіе грѣхи неважными. Это—ложное мнѣніе о грѣхѣ, будто онъ есть дѣло однократное, ошибка, или проступокъ, который тотчасъ можно примѣтить и исправить. Напротивъ, грѣхъ, по понятію болѣе вѣрному, есть начало въ насъ живое, есть сила дѣятельная, которая имѣетъ свою жизнь, свое развитіе, свою плодовитость. Грѣхъ—одинъ невозможенъ и не существуетъ: лишь только онъ рождается, онъ уже заключаетъ въ себѣ неисчетныя сѣмена своихъ порожденій, которыя непремѣнно взойдутъ и обнаружатся, и въ свою очередь опять полны сѣменами новыхъ плодовъ.

Уже съ этой стороны смотря на грѣхи наши, надобно быть слишкомъ увѣреннымъ въ себѣ, чтобы тотъ или другой грѣхъ считать маловажнымъ. А что еще, если наши грѣхи надобно судить по понятію и величію Того, Кого они оскорбляютъ, по понятію о Его безпредѣльной святости, для которой малѣйшее вожделеніе зла нетерпимо, по мысли о свойствѣ нравственнаго закона, который нарушеніемъ одного его правила весь нарушается, наконецъ и по понятію о природѣ собственной души нашей, въ которой всѣ силы, всѣ потребности, все бытіе такъ устроено, что поврежденіе какой-либо части ея необходимо влечетъ за собой порчу всего ея существа. Какой грѣхъ при этомъ можетъ быть маловаженъ?

Все, доселѣ сказанное, имѣетъ цѣлію объяснить необходимость открытой, полной и подробной исповѣди въ таинствѣ покаянія. Нѣкоторыя общества христіанскія ввели у себя общую исповѣдь предъ служителемъ церкви, соединенную съ общимъ отъ него рѣшеніемъ всѣмъ кающимся.—И теперь, кажется, эти общества чувствуютъ ложь въ основаніи этого обычая—и сожалѣютъ о своемъ вымыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о больныхъ, которые, пришедши къ врачу, въ слухъ себѣ однимъ хотятъ разсказывать свои болѣзни? Что сказать и о врачѣ, который всѣмъ больнымъ безъ разбора предлагаетъ одно лѣкарство?

Итакъ, сколь бы малы ни были или казались грѣхи, надобно ихъ возненавидѣть, надобно чувствовать отвращеніе къ нимъ, и потому надобно открыто и вполнѣ исповѣдать ихъ и имѣть искреннюю скорбь, при ихъ исповѣданіи. Ядъ грѣха дѣйствуетъ внутренно и глубоко, приноситъ душѣ вѣрную смерть, хотя рана внѣшняя, черезъ которую онъ проходитъ, можетъ быть очень невелика. Надобно выкинуть изъ своего исповѣданія всѣ общія, пустыя обвиненія, которыя ничего не объясняютъ въ нашихъ болѣзняхъ и состояніяхъ душевныхъ, и суть не болѣе, какъ хитрые извороты гнѣздящагося въ глубинѣ души змія, чтобы скрыть свою голову. Мы не столько любимъ Бога, сколько бы должны, не съ такимъ усердіемъ молимся Ему, съ какимъ бы должно; не столько любимъ ближняго, сколько обязаны: это наши грѣхи; но «говоря такимъ образомъ, въ покаяніи», замѣчаетъ одинъ духовный писатель, «ты будешь говорить такія вещи, которыя, конечно, могли бы сказать о себѣ и люди самые совершенные и даже всѣ блаженные, въ раю уже находящіеся, если исповѣдь была еще нужна для нихъ». Нѣтъ! Такой ли исповѣди требуютъ отъ насъ наша жизнь, наше состояніе, внутреннее и внѣшнее, въ этомъ мірѣ? Тяжки раны сердца, но тѣмъ глубже надобно проникать въ нихъ, тѣмъ рачительнѣе ихъ осматривать, и потому не довольно сказать тотъ или другой грѣхъ, который кажется болѣе важнымъ, или болѣе представляется памяти и воображенію, но надобно пересказать, пересчитать, переименовать всѣ свои грѣхи—отъ большихъ до меньшихъ, отъ грѣховъ дѣла до грѣховъ мысли и слова, отъ грѣховъ самоволія и жестокосердія до грѣховъ невѣдѣнія, заблужденія, нерадѣнія, опущенія, отъ грѣховъ къ смерти—до грѣховъ легкомыслія и простительныхъ. Но и этого недовольно, чтобы точно пересказать грѣхи; надобно сказать ихъ причину: было ли это самолюбіе, или тщеславіе, или упрямство, или суетное удовольствіе, или обольщеніе, или праздность, или вредный примѣръ, или какая-либо другая причина. И еще то требуетъ объясненія, какъ долго остаемся мы въ томъ или другомъ грѣхѣ, потому что, чѣмъ долѣе мы остаемся во грѣхѣ, тѣмъ болѣе умножаются его вредныя дѣйствія. Большая, напр., разность между переходящимъ тщеславіемъ, которое вкрадывается въ сердце на нѣсколько времени, и между суетною самоугодностію, которою питается наша духовная гордость—въ продолженіе многихъ лѣтъ или цѣлой жизни. Надобно быть внимательнымъ и къ тѣмъ грѣхамъ, которые часто возникаютъ въ сердцѣ и долго владычествуютъ въ немъ, такъ что, какъ нерѣдко случается, мы сами того не примѣчаемъ,—внимательнымъ для того, чтобы и отъ нихъ очищать свою душу. Потому надобно открывать и самыя склонности, привычки и прочіе источники грѣха, чтобы ближе подойти къ источнику врачеванія и успѣшнѣе найти вѣрныя пособія; надобно обнаруживать даже тѣ склонности, по которымъ мы еще и не впадали ни въ какое преступ-

леніе: напр., когда духъ уныніе и печали слишкомъ тяготитъ насъ, или когда чувствуемъ особенную склонность къ разсѣянію, веселости, къ чувственнымъ наслажденіямъ и т. п. Словомъ, не должно щадить себя ни въ чемъ, что служитъ къ обнаруженію нашихъ немощей и нашего поврежденія: только въ этомъ и можетъ быть надежда вѣрнаго врачеванія. Со смиреніемъ и кротостію надобно приступать къ покаянію; съ полнымъ самоотверженіемъ надобно раскрыть всю внутренность своего сердца, съ простотою и искренностію чувства надобно обличать самого себя, чтобы одинъ разъ навсегда успокоить совѣсть свою такъ, чтобы ничто ее болѣе не тревожило. Признаніе грѣховъ есть лучшее лѣкарство отъ грѣховъ. Есть много утѣшительнаго и усладительнаго въ этомъ самомъ признаніи, когда оно чисто и искренно: есть много духовно-пріятнаго и свѣтлаго въ собственныхъ чувствахъ души, когда она очищается раскаяніемъ, и истинное покаяніе, покаяніе христіанское точно, по выраженію одного писателя,—«имѣетъ такую сладость и пріятность, изливаетъ изъ среды себя такое благоуханіе въ глубину души, что имъ очищается вся гнусность грѣха и истребляется все его зловоніе». Это благоуханіе есть благоуханіе благодати Божественной, оживляющей и умиротворяющей кающуюся душу, сладость мира духовнаго, котораго источникъ—крестъ Спасителя. Вотъ единственное убѣжище души, терзаемой раскаяніемъ,—и не только защита ея отъ стрѣлъ вѣчнаго правосудія, но и сѣнь ея успокоенія, освященія. «Когда исповѣдуешь грѣхи твои», говоритъ одинъ благочестивый мужъ, «то представляй себѣ, что ты на Голгоѳѣ, у ногъ распятаго Іисуса, и что безцѣнная кровь Его течетъ изо всѣхъ Его язвъ въ твою душу, для очищенія тебя отъ грѣховъ твоихъ». Здѣсь-то, при подножіи креста, никакое сознаніе и признаніе грѣховъ не устрашитъ сердца, никакой страхъ суда и наказанія не возмутитъ совѣсти, но въ мирѣ и мужествѣ, вооруженная вѣрою и любовію, погруженная въ язвы Спасителя, душа христіанская смѣло предстоитъ испытанію и суду, безъ боязни и отчаянія взираетъ на лицо грознаго Правосудія и взываетъ, какъ объятый этимъ воодушевленіемъ взывалъ одинъ мужъ: «карай! рази! но,—гдѣ найдутъ во мнѣ мѣсто стрѣлы Твои, когда весь я омытъ кровію Сына Твоего и моего Спасителя»!

Теперь, разсмотрѣвъ таинство христіанскаго покаянія съ его нравственной стороны, обозрѣвъ и принадлежности самой исповѣди, желалось бы представить самый образецъ исповѣди христіанской, въ его совершенствѣ, чтобы прослѣдить въ ней самыя чувства и расположенія кающейся души, и раскрыть ихъ, чтобы видѣть черты истиннаго покаянія, обратить духъ покаянія въ постоянное расположеніе сердца, и исповѣдь предъ Богомъ сдѣлать всегдашнею принадлежностію цѣлой жизни.

И чтобы видѣть исповѣдь совершенную,—обратиться ли теперь къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда ревность благочестивая столь сильно дѣйствовала въ сердцахъ христіанъ, что исповѣдь у нихъ была дѣйствіемъ всенароднымъ, въ которомъ принимала участіе вся церковь,—когда кающійся открывалъ и исповѣдывалъ свои грѣхи предъ всѣми, и въ знакъ раскаянія всенародно проходилъ разныя степени самаго тяжелаго покаянія,—съ такимъ самоотверженіемъ, которое изумляетъ нынѣ христіанъ самыхъ ревностныхъ? Истинная и совершенная исповѣдь: но—она выше нашихъ немощей; въ этомъ надобно признаться. Обратить ли взоры отъ міра къ пустынѣ—и тамъ видѣть образъ покаянія и кающихся,—видѣть то, что по словамъ одного очевидца, «ни око нерадиваго человѣка не видало, ни ухо лѣниваго не слышало, и на сердце невнимательнаго не всходило». Что же видѣть? «Видѣлъ я, продолжаетъ тотъ же неложный свидѣтель, обитель кающихся, или, лучше сказать, страну плачущихъ, видѣлъ произвольныхъ осужденниковъ, чрезъ весь день и ночь стоящихъ неподвижно, усильно и скорбно съ естествомъ борющихся и отъ такой борьбы изнуряемыхъ; эти люди не даютъ себѣ ни малаго покоя, но самихъ себя поносятъ и самихъ себя возбуждаютъ отъ лѣности всякимъ поношеніемъ и злословіемъ на себя самихъ. Иные изъ нихъ обращаютъ взоры на небо, и оттуда просятъ помощи съ воплемъ и стенаніемъ; другіе стоятъ на молитвѣ и, на подобіе осужденныхъ, имѣютъ у себя связанныя назади руки; они преклоняютъ съ печалію лице свое къ землѣ, и считаютъ себя недостойными даже воззрѣть на небо... Одни изъ нихъ всю землю орошали слезами, другіе, не имѣя слезъ, сами себя терзали. Иные о душахъ своихъ, какъ мертвыхъ, рыдали, не въ силахъ будучи удержать и снести болѣзней сердечныхъ... Иные изъ нихъ съ сердечнымъ упованіемъ желали и просили у Бога оставленія всѣхъ своихъ грѣховъ, другіе, по смиренномудрію, считали себя прощенія недостойными, и тогда, какъ нѣкоторые просили Бога, чтобъ Онъ здѣсь и наказалъ, а въ будущемъ помиловалъ,—другіе, отягчаемые совѣстію, умоляли, чтобы Онъ ни въ муку вѣчную не повергалъ ихъ, ни Своего царствія не удостоивалъ,—и въ этомъ только думали найти себѣ отраду. Они забывали пищу, и иные, вкусивъ немного хлѣба, отвергали тотчасъ его отъ себя своею рукою, называя себя недостойными и человѣческой пищи; слишкомъ немного пепивали они воды, чтобы только не умереть отъ жажды. Отъ многихъ и частныхъ колѣнопреклоненій жесточайшія раны

на колѣняхъ; очи померклыя, лишенныя рѣсницъ и глубоко впавшія; ланиты изъязвленныя и отъ потоковъ горячихъ слезъ пламенѣющія; лица сухія и блѣдныя, и нисколько не отличныя отъ мертвыхъ; перси, отъ ударовъ посинѣвшія, такъ что отъ сильныхъ біеній извергались чрезъ уста кровавыя мокроты. Нельзя было слышать другихъ словъ, кромѣ; горе мнѣ! помилуй! спаси! прости,—если есть какое-либо прощеніе! И самаго гроба нерѣдко они лишали сами себя. Приближаясь къ смерти, многіе изъ нихъ съ клятвою упрашивали другихъ, чтобы не удостоивали ихъ человѣческаго погребенія, но—или бросили бы тѣло ихъ въ рѣку, какъ нечеловѣческое, или въ полѣ отдали звѣрямъ на съѣденіе. И очень нерѣдко такое желаніе ихъ было исполняемо»!

Что сказать о такомъ покаяніи,—чрезвычайномъ, странномъ и едва вѣроятномъ покаяніи? Найдетъ ли оно себѣ объясненіе въ самыхъ расположеніяхъ души кающагося? Найдетъ ли подтвержденіе въ истинѣ христіанскаго покаянія? «Знаю я, говоритъ тотъ же наблюдатель этихъ подвиговъ покаянія,—знаю, что эти описанные мною подвиги однимъ покажутся невѣроятными, другимъ невозможными, а иные, можетъ быть, увидятъ въ нихъ одно состояніе душевнаго отчаянія. Но мужъ доблественный находитъ здѣсь для самого себя побужденіе и, получивъ въ собственное сердце стрѣлу пылающей ревности, съ успѣхомъ будетъ пользоваться этимъ побужденіемъ—къ покаянію. Послѣ этого и другой, познавъ свою немощь и чрезъ собственное самоуничиженіе ставъ смиренномудрымъ, пойдетъ вслѣдъ за первымъ, а можетъ быть и сравняется съ нимъ. Только нерадивый и непостоянный не долженъ касаться описанныхъ теперь подвиговъ,—чтобы, отчаявшись, не потерять и того, въ чемъ онъ трудится. Статься не можетъ, чтобы, упавъ въ глубину беззаконія, мы изъ него возстали, если чрезъ покаяніе не сойдемъ въ глубину смиренномудрія. Иное смиреніе кающихся состоитъ въ сношеніи оскорбленія; иное—въ чувствованіи угрызеній совѣсти»...

Перейдемъ къ нынѣшнему образу нашей обыкновенной исповѣди,—гдѣ въ одной сокровенной бесѣдѣ кающагося съ однимъ служителемъ алтаря должны раскрыться совѣсть и обнаружиться дѣла; гдѣ путемъ одного устнаго исповѣданія должны извергнуться всѣ скверны грѣховныя изъ внутренности души и сердца,—гдѣ ни стыдъ множества свидѣтелей, или открытаго покаянія, ни страхъ тяжелыхъ испытаній, грознаго суда, или тяжкихъ подвиговъ покаянія, не можетъ тревожить души; гдѣ вся исповѣдь совершается, повидимому, такъ просто, такъ скоро и легко, что примиреніе съ Богомъ—весь планъ спасенія,—столь великій по объему, столь неограниченный по продолженію, столь непостижимый по началу и основанію,—какъ будто сокращается въ одномъ словѣ кающагося грѣшника: согрѣшилъ! помилуй! гдѣ взору кающагося—въ тишинѣ уединенія—представляется одинъ простой аналой съ евангеліемъ и крестомъ,—и это являетъ силу и собою замѣняетъ предъ его совѣстію всѣ памятники и знаменія самыхъ великихъ и чрезвычайныхъ дѣлъ всемогущества Божія, подвигшаго собою небо и землю, время и вѣчность,—токмо для устроенія этой нашей исповѣди—и только это замѣняетъ собою въ глазахъ исповѣдника и страшный нѣкогда для израильтянъ Синай, явившій, среди громовъ и бурь, людямъ грозный и неумолимый законъ, по которому они долженствовали быть судимы и осуждаемы на вѣки безъ пощады,—и страшное нѣкогда зрѣлище Голгоѳы, гдѣ среди необычайныхъ потрясеній природы сосредоточены были всѣ мученія ада надъ очистительною жертвою, которая приносилась за грѣхи міра, которая собою для міра изображала то, какого суда и наказанія стоили грѣхи его, какую страшную и невыносимую исповѣдь онъ долженъ былъ принести самъ за себя,—если бы оставленъ былъ самъ себѣ! Все здѣсь такъ упрощено, такъ сокровенно, все такъ облегчено ради немощей нашихъ! Но и эта простая исповѣдь все же должна быть страшнымъ судомъ надъ нами, въ насъ самихъ,—и это краткое время покаянія должно дѣйствовать на вѣчность! Какое же положеніе кающагося можетъ быть прилично такой исповѣди? Положеніе блуднаго, кающагося сына, когда онъ «въ себе пришедъ, рече: востав иду ко отцу моему, и реку ему: Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою... И востав—иде»... (Лук. 15, 17—20). Тихое но глубокое и рѣшительное раскаяніе въ потерянной жизни,—прямое и твердое намѣреніе исповѣдать Отцу своему проступки свои, и ждать отъ Него со смиреніемъ рѣшенія своей участи: вотъ образъ покаянія, самый свойственный и естественный для нашей исповѣди, тихой и сокровенной, но которая должна быть рѣшительна, и должна имѣть всю свою силу. Въ покаяніи блуднаго сына эти черты такъ сильны и трогательны. Въ себе пришедъ: прозрѣвшій внутреннимъ окомъ,—чтобы видѣть всѣ раны и болѣзни души и всю глубину постыдныхъ паденій, до которыхъ довели страсти и пороки; волнуемый разнообразными и противорѣчащими мыслями о перемѣнѣ своей жизни, уединяясь душею и тѣломъ, чтобы свободнѣе бесѣдовать съ собою и проливать обильные потоки слезъ, не могши болѣе владѣть своею печалію, отъ стыда преклоняя взоры къ землѣ и не смѣя возвести ихъ къ небу,—откуда впрочемъ ожидаетъ своего спасенія, взывая къ самому себѣ голосомъ, вынужденнымъ воздыханіями изъ глубины сердца: согрѣшихъ!—

вотъ состояніе кающагося блуднаго сына,—и это-то состояніе всего лучше видѣть въ уединенной исповѣди христіанина предъ алтаремъ. Истинное раскаяніе говоритъ мало и дѣйствуетъ рѣшительно. Тутъ, въ тишинѣ нашей исповѣди, въ обнаженіи нашей совѣсти, когда каждый изъ насъ, уединенный, какъ блудный сынъ, оставляется собственнымъ чувствованіямъ, — тутъ, чѣмъ менѣе можетъ занимать и развлекать насъ внѣшность, чѣмъ больше простоты въ образѣ покаянія, тѣмъ большую силу надобно дать чувству внутреннему, тѣмъ громче должна говорить совѣсть, тутъ, гдѣ міръ насъ не видитъ и не слышитъ, и мы ничего не видимъ предъ собою, кромѣ Бога и Его служителя,—тутъ должно вполнѣ раскрыться наше внутреннее состояніе; всякая завѣса прелести и обмана, скрывающая нашу жизнь отъ насъ самихъ должна пасть, суетныя и льстивыя понятія свѣта, подъ которыми онъ представляетъ и въ насъ воспитываетъ свои страсти, должны исчезнуть; не только надобно оставить всю гордость и самолюбіе,—весь ложный стыдъ и страхъ,—въ такой исповѣди, какъ наша, это очень нетрудно и особенно необходимо, но и все высокое для міра: возвышенность рода или званія, мысль о личномъ достоинствѣ, или чести, предубѣжденія—всѣ эти завѣсы, скрывающія въ свѣтѣ насъ отъ насъ самихъ,—то само себѣ противорѣчащее понятіе о чести, то мнимое благородство, ложная образованность, по понятіямъ свѣта,—должны исчезнуть или перемѣнить свое названіе: тутъ надобно видѣть и раскрывать свободно всѣ свои раны, для того, чтобы получить отъ нихъ исцѣленіе, надобно стыдиться только себя, чтобы перемѣнить себя, надобно обвинить себя, чтобы получить оправданіе, надобно совершенно уничижить себя, чтобы возстановить вполнѣ свое достоинство. Здѣсь, въ нашемъ сокровенномъ покаяніи, ничто не препятствуетъ, а, напротивъ, все благопріятствуетъ намъ испытать свои силы надъ стыдомъ самосознанія, удерживающимъ насъ въ свѣтѣ, и слабостями нашего сердца, которыми такъ жестоко пользуется свѣтъ, чтобы тиранствовать надъ нашемъ сердцемъ своими злыми страстями и обычаями; здѣсь, въ тиши уединенія и свободнаго самоиспытанія, всего удобнѣе излить предъ Богомъ всю горесть души, такъ много теряющей въ этой жизни вмѣстѣ съ потерею невинности, души стѣсненной самою жизнію, въ которой непрестанный мятежъ суетъ, страстей и заботъ лишаетъ ее всякаго покоя, въ которой она должна подчиняться всѣмъ условіямъ свѣта, выдуманнымъ его порчею, его развращеніемъ или его праздностію и ничтожествомъ,—и въ которыхъ, поэтому, нѣтъ ничего для души чувствующей и мыслящей, кромѣ скуки и тягости, кромѣ рабства и непрерывнаго крушенія: излить

душу, познавшую скорби среди самихъ удовольствій жизни, томленіе среди самаго разсѣянія, пустоту среди видимаго обилія всѣхъ радостей и наслажденій чувственныхъ; излить чувства души, принужденной въ свѣтѣ скрывать свои лучшія чувства и быть въ какомъ-то мучительномъ противорѣчіи съ самой собою,—тамъ, гдѣ эти чувства не постигаются или не уважаются, гдѣ голосъ міра, всегда блаженствующаго въ своемъ безчувствіи, оказывается сильнѣе ея и заглушаетъ ее своимъ шумомъ, или гдѣ страсти человѣческія угрожаютъ ей борьбою не по силамъ. Гдѣ лучше, гдѣ удобнѣе и полезнѣе раскрыть всѣ эти чувства души, какъ не въ мѣстѣ исповѣди, гдѣ не отъ кого скрывать ихъ, и гдѣ, по самому устройству исповѣди, все благопріятствуетъ ихъ свободному изліянію? И надобно, кажется, согласиться, что ничто столько не способствуетъ къ ощущенію сладостныхъ утѣшеній религіи въ прощеніи и разрѣшеніи совѣсти, столь нужныхъ для кающейся души, какъ эта тихая, уединенная исповѣдь. Въ томъ образѣ покаянія, когда кающійся грѣшникъ всенародно открываетъ себя и свою совѣсть, и объявляетъ при множествѣ свидѣтелей свои заблужденія и паденія прежней жизни,—тутъ—нельзя думать, чтобы душа этого кающагося скоро могла ощущать утѣшенія благодатнаго мира, скоро и вполнѣ могла успокоиваться въ самомъ разрѣшеніи, и чтобы открытіе такое грѣха и разнообразныя впечатлѣнія отъ того на другихъ людей не могли еще болѣе отягчать совѣсть; состояніе души въ такой исповѣди должно быть слишкомъ напряженно. Въ тѣхъ ужасающихъ подвигахъ покаянія, которыхъ описаніе мы видѣли прежде, гдѣ кающійся самъ на себя налагаетъ тяжкія раны, гдѣ отъ необычайнаго самоумерщвленія, невообразимыхъ для насъ произвольныхъ мученій, человѣкъ не перестаетъ терзаться душею и тѣломъ, сколь напряженнымъ страданіямъ подвергаетъ свою душу, столь же глубокими язвами покрываетъ свое тѣло,—тамъ скорѣе видишь страшнаго въ своихъ преступленіяхъ преступника, нежели сокрушеннаго сердцемъ христіанина, скорѣе воображаешь всѣ ужасы гнѣва и правосудія Божескаго и его неумолимость, его неотвратимыя кары, нежели ожидаешь благодатныхъ утѣшеній и небеснаго мира кающемуся, тамъ болѣе поражаешься муками грѣшника, временными и вѣчными, нежели помышляешь о сладости обращенія души къ Богу и благотворныхъ плодахъ того огненнаго очищенія, какому Онъ подвергаетъ душу, при ея обращеніи. Напротивъ, въ тихомъ раскаяніи и мирной исповѣди—удобнѣе всего слышать предъ собою тихій гласъ Любви Отца Небеснаго, призывающій къ Себѣ обремененную грѣхомъ душу, и со всею благостію готовый снисходить къ ея немощамъ, принимать ея

покаяніе, тутъ удобнѣе, раскрывъ всѣ раны своего сердца, восчувствовать въ глубинѣ его дѣйствіе и исцѣляющаго, благодатнаго мира и отрады небеснаго милосердія и прощенія, восчувствовать, какъ близокъ къ намъ Отецъ Небесный,—и въ этомъ одномъ чувствѣ, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ напряженномъ подвигѣ покаянія,—подкрѣпить силы своего изнемогающаго духа, разсѣять всякій неосновательный страхъ, умирить совѣсть; тутъ—въ самое краткое время истинно кающійся видитъ, какъ одно смиренное его покаяніе уничтожаетъ всѣ затрудненія, дотолѣ смущавшія его душу и совѣсть; тутъ горы, которыя онъ думалъ видѣть предъ собою, когда приступалъ къ покаянію въ одно мгновеніе, отъ одного гласа чистаго раскаянія—уравниваются и исчезаютъ; тутъ раскаяніе не можетъ быть бурнымъ пламенемъ, пожирающимъ душу, но развѣ тихимъ дождемъ, ее орошающимъ—и все располагаетъ къ тому, чтобы дать себѣ чувство кроткой преданности Отцу Небесному, чувство сыновней покорности и любви,—для которой за всякій проступокъ самое тяжелое наказаніе—оскорбленіе Отца.

Вотъ совершенства нашей тихой и уединенной исповѣди,—и мы не находимъ для нея образца совершеннѣйшаго, какъ образъ покаянія блуднаго сына. Не вопли и терзаніе, а чистота истиннаго, внутренняго чувства, не шумъ изысканныхъ подвиговъ, а глубина смиренія, не столько страхъ и ужасъ, сколько любовь, должны управлять нашимъ раскаяніемъ. Нечего смущаться и множествомъ паденій. «Ничего столько не надобно страшиться въ несчастіи, говоритъ одинъ опытный мужъ, какъ отчаянія и неувѣренности въ пособіяхъ. Небесный Врачъ находитъ удовольствіе исцѣлять для насъ самихъ неисцѣльныя болѣзни, и большіе грѣшники наиболѣе требуютъ Его милости. Не больше ли блистаетъ величіе Божіе, когда рука творческая извлекаетъ Іону изъ глубины бездны, и возставляетъ Петра, утопающаго въ морѣ? Можетъ быть, что и на послѣдней степени грѣховъ начнется дѣйствіе благодати; можетъ быть, что первое знаменіе милостей небесныхъ будетъ положено на послѣдней степени нашего злополучія!» «Видалъ я, говоритъ также одинъ святый мужъ, души до безумія въ тѣлесную красоту влюбляющіяся, но тѣ же самыя, представивъ себѣ на мысль покаяніе, и уже по вкушеніи чувственной любви, всю свою любовь усилились обратить ко Господу и, побѣдивши мужественно всякій страхъ, съ ненасытимою жаждою устремились къ любленію Бога. Вотъ почему, продолжаетъ тотъ же св. мужъ,—Господь и той уцѣломудрившейся блудницѣ говоритъ: опущаются грѣси ея мнози, зане возлюби много,—не за то, что много убоялась, но

много возлюбила и возмогла удобно отразить любовь любовію». Такъ и блуднаго сына отецъ любящій пріялъ и облобызалъ прежде, чѣмъ тотъ, въ сокрушеніи сердца, успѣлъ выговорить всю свою исповѣдь!

И то, наконецъ, можно сказать въ пользу нашей исповѣди, что она даетъ кающемуся видѣть удобность обновленія прежней жизни и начатія новой, лучшей. Отецъ чадолюбивый спѣшитъ на встрѣчу блудному сыну,—спѣшитъ, по выраженію одного учителя Церкви, для того, чтобы на пути ему не случилось какого-либо препятствія, могущаго удержать его. Въ самомъ дѣлѣ, самая пустая, незначущая вещь въ состояніи поколебать грѣшника въ началѣ его покаянія. «Это такой человѣкъ, говоритъ одинъ писатель,—который, долгое время испытывая всю ярость волнъ и бурь, не въ силахъ держаться самъ собою, ежели не подкрѣпитъ его рука помощи. Одинъ случай, одна неудача, внутреннее смущеніе или неудовольствіе, можетъ заглушить въ душѣ первыя дѣйствія благодати. Душа робкая и нерѣшительная, колеблясь между страхомъ и благочестивымъ желаніемъ, останавливается, приходитъ въ изнеможеніе и иногда отступаетъ отъ принятаго пути обновленія. Наша исповѣдь своей простотою, легкостію, устраненіемъ видимыхъ ужасовъ суда,—много помогаетъ въ этомъ случаѣ душѣ кающейся. Она оставляетъ послѣ себя чувства въ душѣ мирныя и кроткія, отрадныя и утѣшительныя,—и особенно способна воспитать въ душѣ умиленное чувство признательности къ Спасителю,—что, въ свою очередь, можетъ расположить насъ къ смиренію: «разрѣшенія во грѣхахъ знаменіемъ есть, говоритъ одинъ св. мужъ,—если кто всегда себя грѣшнымъ почитаетъ».

О причащеніи.

Принося искреннее и чистое раскаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, христіанинъ успокоивается въ чувствѣ прощенія и разрѣшенія; его духовныя раны врачуются и покрываются; его совѣсть, страдающая подъ тяжестію страстей и пороковъ, облегчается, и среди знойной пустыни, какую представляетъ жизнь міра, палимаго и опустошаемаго зноемъ собственныхъ золъ, душа находитъ миръ и прохладу подъ сѣнію животворной благодати Божественной. Вотъ плоды покаянія. Но, успокоенный въ прошедшемъ, духъ человѣка всегда еще много имѣетъ думъ на будущее. На такомъ тяжеломъ пути, каковъ путь этого міра, и для такого путешествія, какова эта жизнь,—мало для странника одной тѣни и прохлады. Его жизнь все идетъ впередъ: и долгій покой, не только внѣшній, но и внутренній, не возможенъ. Надобно

рѣшаться, дѣйствовать и идти далѣе. Мало одного покаянія: недостаточно его однихъ плодовъ. Надобно запастись новыми силами въ душѣ и возстановить, такъ-сказать, восполнить жизнь души, истощенную въ неправильной дѣятельности; на добно запастись новою пищею для души, чтобы утолить ея голодъ, тѣмъ сильнѣе чувствуемый тогда, когда пища грѣховныхъ и суетныхъ наслажденій оказывается ложною и вредною; нужно запастись новою бодростію и ревностію, чтобы рѣшительнѣе дѣйствовать въ будущемъ къ пользамъ души. А смерть? а вѣчность? Когда и всѣ грѣхи прощены человѣку, мысль о безконечной вѣчности тяжелымъ камнемъ упадаетъ на душу, заставляетъ ее невольно страшиться,—если не суда и мученій,—то *собственной* нищеты и *собственной* малости. Съ чѣмъ пойдетъ эта истощенная въ силахъ душа въ ту жизнь, гдѣ, *поскольку высшее* открывается блаженство, *постольку высшее* требуется совершенство? Такъ, прощая, напр., должнику всѣ его долги, мы его утѣшаемъ своимъ благодѣяніемъ; но если за всѣмъ тѣмъ онъ остается бѣденъ и несчастенъ, то и выходя изъ темницы, онъ не радуется своей жизни. Таково же, кажется, было бы состояніе человѣка, если бы оставить ему одно покаяніе, одну благодать прощенія,—и ничего болѣе.

И, кажется, если бы Премудрость Божія въ дѣлѣ спасенія человѣка остановилась только на томъ, чтобы даровать ему прощеніе грѣховъ: его участь не была бы совершенной. Тутъ нужно *нѣчто* болѣе. И Премудрость Божія дѣлаетъ гораздо болѣе для человѣка, нежели только прощаетъ его. Она его вновь и вполнѣ пересоздаетъ,—и не только духомъ, но и духовно-чувственно,—пересоздаетъ тѣломъ и кровію Спасителя.

Никакой умъ не могъ бы, не дерзнулъ бы представить себѣ что-либо подобное для спасенія человѣка. Но и послѣ того, какъ это уже совершилось, никакой умъ не измѣритъ въ этомъ таинствѣ—высоты Премудрости Божественной, и глубины Ея снисхожденія къ человѣку, и широты Ея довѣчнаго плана о человѣкѣ, и долготы Ея неистощимыхъ средствъ—для его полнаго и совершеннаго обновленія. Не будемъ теперь касаться этого таинства со стороны догматической. Предполагаемъ его обозрѣть въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ разсужденіи его потребности для нашей жизни духовной и его дѣйствій въ этой жизни, и 2) касательно надлежащаго употребленія таинства съ нашей стороны.

Наша душа требуетъ сродной себѣ пищи. Но при этомъ наша душа не то, что чистый, безтѣлесный духъ, который требуетъ себѣ чистой духовной пищи и можетъ ею одной питаться: чистый духъ можетъ питаться чистымъ созерцаніемъ чистой истины,—и тѣмъ непрестанно и безпрепятственно давать новую

жизнь своему разуму, можетъ питаться чистымъ чувствомъ чистаго блаженства, и тѣмъ давать всегда и непрестанно новую жизнь силѣ своихъ ощущеній; можетъ жить въ чистыхъ дѣйствіяхъ воли, утвержденной въ добрѣ и въ постоянномъ расширеніи и совершенствованіи этихъ дѣйствій,—непрестанно восходить къ новой и полнѣйшей жизни, въ цѣломъ своемъ существѣ, поелику, гдѣ чистое добро, тамъ чистая истина и блаженство,—и слѣдовательно, чистый духъ тамъ всѣми силами существа своего живетъ и дѣйствуетъ,—въ полнѣйшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Такова, конечно, жизнь чистыхъ духовъ въ сферахъ премірныхъ. Но не такова, естественно, жизнь нашей души на землѣ. Чистыя, непосредственныя созерцанія истины для нея недоступны и невозможны; для нея нѣтъ чистаго блаженства, поелику она еще не утверждена въ чистомъ добрѣ,—а она не утверждена въ добрѣ, потому что еще предана борьбѣ добра и зла, борьбѣ духовнаго съ чувственнымъ, небеснаго съ земнымъ. Силы ея, время отъ времени, ослабѣваютъ; подобно, какъ организмъ тѣлесный, въ періодахъ своего развитія, чрезъ нѣсколько лѣтъ подвергается истощенію и требуетъ обновленія,—и естество нашей души, въ непрерывной, но далеко несовершенной, дѣятельности, какъ бы истощается и требуетъ духовнаго обновленія. Если даже при семъ не имѣть въ виду нравственной порчи души, составляющей главную причину ея безсилія, то и чистая, естественная жизнь души—духа, заключеннаго въ тѣлѣ,—не можетъ не имѣть нужды въ особенныхъ средствахъ къ своему поддержанію и обновленію. Взаимное отношеніе между духомъ и тѣломъ таково, что состояніе одного изъ нихъ необходимо имѣетъ вліяніе на другаго, и въ другомъ производитъ свои дѣйствія. Такая пища, которая бы только питала духъ, а не имѣла силы питательной для тѣла, не только не могла бы вполнѣ поддерживать нашей жизни, духовной, также какъ и тѣлесной вмѣстѣ, но и не могла бы имѣть совершенныхъ дѣйствій для одного духа: духъ все—имѣлъ бы жизнь не полную и не совершенно развитую и крѣпкую, потому что тѣло—его необходимый сочленъ въ существѣ человѣка, его необходимое орудіе и органъ, цѣлая половина бытія нашего,—оставалось бы безъ пищи, а слѣдовательно, безъ жизни: неизбѣжное тѣлесное разрушеніе пресѣкало бы все развитіе жизни духовной. И наоборотъ, пища чувственная, питательная только для тѣла и не имѣющая силы для духа, —давала бы человѣку ложную жизнь, потому что только возращала бы и расширяла бы тѣло, тогда какъ духъ,—среди видимо цвѣтущей жизни тѣла, невидимо бы умиралъ. Итакъ, человѣческому существу, здѣсь, на землѣ, нужна пища духовно-чувственная: это была бы пища

совершеннѣйшая, которая могла бы вмѣстить въ себѣ, такъ сказать, духовную чувственность и чувственную духовность, которая бы, то есть, питала душу чрезъ тѣло и тѣло чрезъ духъ,— которая бы, доставляя духу сродное ему духовное питаніе, вмѣстѣ могла бы быть принимаема въ чувственный организмъ; пища, которая въ чувственномъ элементѣ заключала бы силу духовную для поддержанія и обновленія жизни духа, и чрезъ эту духовную силу имѣла дѣйствіе для самой плоти, ее возрождающее, очищающее и направляющее въ правильныя отношенія къ духу; пища, которая бы, возстановляя жизнь тѣла, приводимую въ разстройство зломъ физическимъ, и потребляя его дѣйствія въ организмѣ, въ то же время врачевала и уничтожала въ душѣ смертоносныя дѣйствія зла нравственнаго и, такимъ образомъ, чрезъ уничтоженіе одного зла истребляла бы другое и приготовляла все существо человѣка къ полному обновленію и совершеннѣйшей жизни; наконецъ, чтобы довершить изображеніе,— пища, которая эту жизнь временную души и тѣла приготовляла бы для жизни будущей,—для тѣла, послѣ разлученія его отъ души, приготовляла бы не тлѣніе, смрадъ и ничтожество, какъ эта нечистая и грубая пища, которою мы повседневно питаемся, но полагала бы въ тѣлѣ нашемъ сѣмена нетлѣнія и будущаго возстановленія, а для души приготовляла бы, по смерти тѣла, не вѣчную муку въ томленіи и гладѣ духовномъ, нестерпимомъ,— въ отчужденіи отъ свѣта и жизни Божіей, что готовитъ намъ обыкновенная пища нашихъ суетныхъ наслажденій, нашихъ страстей и всѣхъ теперешнихъ грубыхъ и грѣховныхъ обольщеній, но въ душѣ полагала бы сѣмена жизни вѣчной въ чистомъ свѣтѣ и блаженствѣ, начало тѣхъ совершеннѣйшихъ ея наслажденій жизнію, которымъ не должно быть конца. Не правда ли, что такая пища по своему существу и по своимъ дѣйствіямъ, какихъ можно бы отъ нея ожидать для человѣка, уже была бы таинствомъ? И такая-то пища первоначально устроена была человѣку въ райскомъ древѣ жизни, которое естественнымъ путемъ должно было приводить жизнь человѣка къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя мы теперь представили,—хотя эти дѣйствія не могли принадлежать собственно дереву, а внутренней, Божественной силѣ, въ немъ сокрытой. Эта сила, однако-жъ, скрывалась подъ чувственнымъ образомъ и въ чувственномъ питаніи,—слѣдовательно, дѣйствія ея были совершенно приспособлены къ природѣ человѣка, и блаженный Августинъ, конечно, былъ правъ, когда называлъ древо жизни—таинствомъ.

Но во всемъ совершенствѣ, во всемъ могуществѣ чрезвычайной, сверхъестественной силы, такая пища предлагается намъ

въ таинствѣ Тѣла и Крови. Дѣйствія совершеннѣйшей, духовно-чувственной пищи, какъ мы ее теперь представили, не суть дѣйствія только воображаемыя. Надобно со вниманіемъ прослѣдить бесѣду Іисуса Христа съ іудеями объ этой именно пищѣ,— переданную намъ евангелистомъ Іоанномъ: тамъ она изображается, какъ брашно негиблющее, какъ истинный хлѣбъ съ небесе, какъ хлѣбъ животный, отъ котораго ядущіе не имутъ взалкатися, и будутъ живы во вѣки,—какъ сѣмя и залогъ нашего воскресенія, и духовнаго—въ единеніи души съ Творцомъ, и тѣлеснаго—въ день общаго возстанія и обновленія міра.

Понятіе о тѣлѣ и крови даетъ понятіе о естествѣ; образы: хлѣбъ и вино—выражаютъ *жизнь*. Итакъ, въ таинствѣ Евхаристіи несомнѣнно сообщается намъ новое естество, новая жизнь. Мы не можемъ объяснять, какъ это совершается въ таинствѣ и въ насъ: но, что это совершается, это не должно такъ казаться страннымъ или невозможнымъ, чтобы нельзя было тому вѣрить. Разнородная пища, ежедневно нами принимаемая, даже чуждая нашему естеству,—прелагается въ наше тѣло и въ нашу кровь. Да и вся жизнь видимой природы не держится ли именно закономъ преложенія, или пресуществленія, посредствомъ котораго одинъ видъ тварей непрестанно переходитъ въ другой, изъ низшаго въ высшій, и обратно? А въ таинствѣ Евхаристіи предлагается намъ не чуждое намъ какое-либо вещество или естество, а тѣло и кровь,—наше же естество и отъ насъ же взятое. Оно предлагается намъ уже очищенное, освѣщенное, совершенное, возвышенное до причастія всей полноты Божества въ лицѣ Богочеловѣка; и предлагается, и прелагается въ насъ, подобно какъ чистая и плодоносная лоза прививается и пресуществляется въ дикомъ деревѣ и его оплодотворяетъ. Таинство принимается нами подъ чувственнымъ образомъ: но дѣйствуетъ въ насъ духовно, возрождая нашъ духъ, обновляя его силы, врачуя его немощи, возвышая его дѣятельность,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ въ нашей жизни тѣлесной, освящая ее и укрѣпляя силы ея къ нетлѣнію и будущему возсозданію. Для достаточнаго понятія объ этомъ совокупномъ духовно-чувственномъ дѣйствіи Евхаристіи довольно знать, что въ ней мы причащаемся тѣла не безжизненнаго, или смертнаго, но воскресшаго и безсмертнаго. Совершеннѣе и могущественнѣе такого средства къ нашему всецѣлому возрожденію представить невозможно. Какъ полное жизни сѣмя полагается въ нѣдра земли,—и изъ земли выходитъ цвѣтущее растеніе, какъ полная питательной силы пища принимается нами въ нашъ организмъ, и онъ ея дѣйствіемъ постоянно возрастаетъ и укрѣпляется,—и Тѣло и Кровь нашего Спасителя соединяется

съ нашимъ естествомъ,—и изъ него долженствуетъ образоваться, и не во времени только, но и въ вѣчности, естество высшее первобытнаго, чистое, духовное, свѣтлое, обновленное и прославленное безсмертіемъ.

Страждущій Іовъ, желая дать сильнѣйшее свидѣтельство своей добродѣтели, представляетъ восторгъ своихъ домочадцевъ, когда полные любви къ нему и въ желаніи всегда быть съ нимъ—они восклицали: «Кто убо далъ бы намъ отъ плотей его насытитися?» (Іов. XXXI, 31). Страшныя слова! Но въ нихъ вѣетъ духъ пророческій: они предъизображали ту силу любви, какую нѣкогда имѣла возбудить въ сердцахъ человѣческихъ благодать Божественная, предъизображали и таинственное средство для выраженія и укрѣпленія любви взаимной,—и единенія между Богомъ и человѣками. Такъ! Единеніе между человѣкомъ и Богомъ необходимо для человѣка, не только—по взаимнымъ отношеніямъ между Творцемъ и тварью, первообразомъ и образомъ, безконечнымъ и конечнымъ,—отношеніямъ, по которымъ конечное, образъ, тварь, безъ Творца, первообраза, безконечнаго,—существовать не можетъ; но и единеніе существенное, единеніе любви, жизни и самаго существа. Иначе состояніе человѣка нельзя и представить, не противорѣча существеннымъ его потребностямъ и его истинному назначенію. Всякая любовь въ человѣкѣ, обращенная не къ его первообразу, есть только паденіе и мученіе; всякая жизнь, не возсоединенная съ жизнію безсмертною и вѣчною, есть не что болѣе, какъ смерть; всякое существо конечное, отторженное отъ безконечнаго, должно обращаться въ ничтожество. Но нельзя представить себѣ единенія тѣснѣе и совершеннѣе, какъ единеніе естества: это открывается во всемъ кругу видимаго нами бытія, этотъ законъ положилъ Самъ Творецъ въ основаніе всего мірозданія. Единеніе мужа и жены, рождающаго и рождаемаго, души и тѣла,—все это есть единеніе *естества*,—и единеніе жизни и любви, крѣпче котораго представить нельзя. Но, какъ же Творецъ можетъ соединиться существомъ, а не отношеніемъ только,—съ Своею тваріею? Какъ безконечное естество войдетъ въ единеніе жизни съ конечнымъ? Единеніе не нравственное, а существенное? Это для ума естественнаго не разрѣшимо. Или безконечное должно снизойти въ кругъ конечнаго,—или тварь должна возвыситься до естества творческаго, до обоженія. Какъ же это сдѣлалось бы, безъ противорѣчія природѣ того и другаго существа? Какъ произошло бы это безъ уничтоженія въ томъ и другомъ самостоятельности?

«Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси (жертвы также могли быть знаменіемъ общенія человѣка съ Богомъ): тѣло же

совершилъ ми еси!» (Евр. X, 5). Вотъ довѣчный отвѣтъ на тѣ неразрѣшимые для ума вопросы. Послѣ сего, по силѣ воплощенія, союзъ Божескій съ человѣкомъ, не дѣйствіемъ, а существомъ,—простирается уже не на одинъ духъ Божескій и человѣческій,—что выражаютъ слова апостольскія: «прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ съ Господомъ»; но даже на самое тѣло человѣческое, соотвѣтственно природѣ и состоянію человѣка. И какой союзъ полный, обоесторонній, тѣсный и неистощимый, неизмѣримый по своимъ послѣдствіямъ! Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души: Самъ Творецъ принимаетъ отъ естества человѣческаго тѣло и душу. И какъ, поэтому, для всецѣлаго и совершеннаго единенія съ Нимъ потребно соединеніе, не по духу только, но и по тѣлу: то Онъ и предлагаетъ намъ для этого свою плоть и кровь. Самъ тѣлесно соединившись съ нами тѣмъ, что отъ всѣхъ насъ, можно сказать, пріялъ плоть человѣческую. По силѣ такого союза, какъ Онъ, Спаситель нашъ, есть кровный нашъ, такъ мы существуемъ отъ плоти Его и отъ костей Его. Это дивное обоженіе существа человѣческаго! И безъ сомнѣнія, всѣ плоды этого обоженія раскроются для насъ во всей полнотѣ и своихъ свойствахъ тамъ, гдѣ послѣдній врагъ испразднится—смерть, эта враждебная природа, теперь еще отдѣляющая насъ отъ жизни со Христомъ въ Богѣ. Но и здѣсь, въ этой жизни, они велики и чудесны,—и если мы ихъ не примѣчаемъ, то, конечно, прежде всего потому, что не имѣемъ на этотъ разъ достаточнаго вниманія: а плоды причащенія тѣла и крови дѣйствуютъ въ насъ такъ внутренно и такъ глубоко, что одно легкое вниманіе не можетъ проникать ихъ дѣйствій,—или еще вѣрнѣе потому, что самое причащеніе принимается нами не такъ, какъ должно, и плоды его не открываются въ насъ во всей силѣ.

«Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ»,—говоритъ Спаситель. Это обѣщаніе непреложное: оно основывается на собственной внутренней силѣ самого причащенія, которое естество Богочеловѣка, плоть и кровь Его, соединяетъ съ нашимъ естествомъ, съ нашею плотію и кровію. Дѣйствіе сего таинственнаго соединенія можно, хотя нѣсколько, приблизить къ своему разумѣнію,—представивъ себѣ союзъ естества, соединяющій жизнь родителей и дѣтей или родныхъ между собою. Союзъ крови есть самый крѣпчайшій и непобѣдимый союзъ: сила его неистребима. Онъ не только соединяетъ сердца двухъ кровныхъ существъ, но и передаетъ самыя ихъ свойства, отъ одного къ другому; онъ не только не основывается на какихъ-либо отчетливыхъ чувствахъ любви или случайныхъ впечатлѣніяхъ, но—онъ движетъ самое естество человѣка и даже

предшествуетъ своими дѣйствіями полному развитію сознанія. Какія бы случайныя преграды ни возставали между этими двумя существами, соединенными плотію и кровію,—голосъ природы всегда побѣдитъ, и на землѣ нѣтъ совершеннѣйшей, прекраснѣйшей и сильнѣйшей любви, какъ та, какую воспитываетъ въ человѣкѣ сама природа, связуя его съ человѣкомъ узами крови. Такъ, приблизительно, мы можемъ представить себѣ и дѣйствія союза между Богомъ и человѣкомъ въ таинствѣ тѣла и крови Спасителя. Не говоримъ о силѣ любви, которая въ этомъ открывается и дѣйствуетъ со стороны Самого Бога. Съ своей стороны человѣкъ никогда не могъ любить своего Творца чище, полнѣе, дѣятельнѣе и совершеннѣе, нежели сколько можетъ любить теперь, дѣйствіемъ причащенія. Можетъ,—говорю, потому что нельзя же человѣку въ этой дольной странѣ, гдѣ онъ вдали отъ своего отечества, гдѣ столько чуждыхъ и враждебныхъ ему предметовъ окружаетъ его, гдѣ столько золъ обременяетъ его,—нельзя же ему вполнѣ предаться внутреннимъ влеченіямъ своей любви, безъ борьбы—и съ собою, и съ окружающимъ его міромъ, безъ вражды со многими другими чувствами и влеченіями, которыя міръ этотъ въ немъ возбуждаетъ. А эти влеченія такъ часто его побѣждаютъ! Эти чувства такъ часто его порабощаютъ,—и вся эта вражда такъ сильно его терзаетъ, такъ много дѣлаетъ ему зла, что отнимаетъ у него силы—свободно воспитывать въ себѣ чувства высшей, небесной любви! Но онъ можетъ все это побѣждать, можетъ надъ всѣмъ торжествовать силою внутренней любви къ отчизнѣ,—ни чѣмъ другимъ ее усливая,—какъ тѣмъ же всемогущимъ средствомъ, которое полагаетъ въ насъ и самыя сѣмена этой любви,—причащеніемъ и частымъ повтореніемъ причащенія этой самой любви,—въ причащеніи Тѣла и Крови своего Спасителя,—своего *брата* и *друга:* такъ Онъ, нашъ Спаситель, именуетъ Самъ Себя! И въ самой природѣ человѣка не можетъ не быть любви и влеченія къ своему вѣчному началу, къ своему небесному отечеству. Въ чемъ должна была всегда высказываться эта любовь? Въ недовольствѣ ничѣмъ настоящимъ, временнымъ и конечнымъ,—въ скорбномъ отягощеніи чувства самой жизни земной. И было время, было долгое время, когда человѣкъ забывалъ эту любовь, и былъ, или хотѣлъ быть доволенъ всѣмъ временнымъ, не помышляя о вѣчномъ, хотѣлъ жить одною земною жизнію, едва обращая взоры къ отечеству, къ небу; или, можетъ быть, самый взоръ на небо тогда тяготилъ его, когда чувство своего глубокаго паденія и поврежденія представляло ему небо страною недосязаемою! Теперь надобно посмотрѣть, какъ христіанство пробудило во всемъ существѣ человѣка эту тайную

силу стремленія къ небу, какъ оно воспитало и возвысило въ немъ эту силу, и какое обширное, глубокое и неограниченное въ своихъ дѣйствіяхъ сообщило ей развитіе!

Уже съ младенчества сердце христіанское располагается чувствовать, что на землѣ оно будетъ только странствовать и искушаться, не зломъ только, но и самымъ добромъ, не только горемъ, но и самыми радостями, и что полною жизнію оно будетъ жить только тамъ, гдѣ его истинное отечество и гдѣ Отецъ. И потому-то младенецъ христіанскій гораздо свободнѣе, веселѣе и съ большею смѣлостью любви смотритъ на небо, нежели сколько могъ всякій мудрецъ,—не христіанскій! И потомъ,—въ продолженіе цѣлой жизни христіанина, сколько бы это чувство небесной любви ни заглушалось разнообразными впечатлѣніями, заботами и всѣмъ шумомъ жизни внѣшней, оно пробивается непремѣнно, пробивается среди самаго шума жизни, среди самыхъ наслажденій ея чувственныхъ, и открываетъ само себя въ глубокомъ, часто не разгаданномъ, чувствѣ недовольства и грусти. Въ человѣкѣ возстаетъ и дѣйствуетъ какъ бы другой человѣкъ, говоритъ какъ будто иная природа, которая требуетъ совсѣмъ другой жизни, и которой эта внѣшняя жизнь не удовлетворяетъ.

Въ мірѣ христіанскомъ эти ощущенія господствуютъ,—господствуютъ во всемъ,—въ жизни ли внѣшней, въ жизни ли дѣятельной или умственной, и столько же высказываютъ сами себя среди мірскаго величія, среди всѣхъ видимыхъ удовольствій жизни, сколько они замѣтны во всякомъ другомъ состояніи человѣка на землѣ, и собою, такъ сказать, довершаютъ скорби земныя. И въ этихъ ощущеніяхъ взоры души невольно обращаются къ небу, и самое небо въ нихъ какъ-будто роднится съ землей и уже не представляется страною невѣдомою и недосязаемою...

Мы сказали, что союзъ крови, соединяющій два существа одной природы, передаетъ и самыя свойства ихъ, отъ одного къ другому. Такъ, свойства родителей переходятъ къ дѣтямъ, такъ сходятся характеры братьевъ. Вотъ еще черта, по которой мы можемъ примѣчать дѣйствія въ насъ и таинственнаго причащенія! Вспомнимъ, что въ таинствѣ Евхаристіи мы причащаемся плоти и крови пострадавшаго за насъ и умершаго Богочеловѣка, что эта плоть истерзана была въ жесточайшихъ мученіяхъ, что эта кровь излилась изъ насильственной раны... Вспомнимъ также, что эта кровь пролита была за насъ,—и пречистая плоть, неприкосновенная грѣху, въ своихъ страданіяхъ и крестной смерти,—была очистительною и искупительною жертвою за наши неправды. Потому особенное назначеніе человѣка въ христіанствѣ—пріобщаться страданій Искупителя,—и страданіями очищать свою

душу, чтобы сила жертвы искупительной могла въ ней воздѣйствовать. Крестъ—тайна жизни человѣка въ христіанствѣ. И много у него страданій въ мірѣ, внутреннихъ и внѣшнихъ, невольныхъ—и такихъ, къ которымъ онъ самъ себя приводитъ,—страданій вещественныхъ и нравственныхъ. Когда видимое счастіе человѣка убѣгаетъ, когда лучшія надежды его разрушаются, всѣ льстивыя мечты исчезаютъ, когда сердце его повергается во всѣ муки разочарованія или неудовлетворенныхъ стремленій, и онъ боится все потерять въ жизни, не встрѣчая нигдѣ и ни въ чемъ радости, сочувствія, привѣтнаго участія и утѣшенія: тогда—какую силу могли бы имѣть, сами по себѣ, всѣ эти страданія, чтобы способны были очищать подавленную ими душу,—какую бы силу имѣла сама въ себѣ душа, чтобы изъ огня самыхъ мученій своихъ исторгать искры свѣта новаго и животворнаго, чтобы изъ самыхъ болѣзней выраждать для себя новыя силы, изъ самаго томленія смерти выходить въ новой, очищенной и возрожденной жизни? И однако-жъ такъ бываетъ въ душѣ христіанской! Что же въ ней дѣйствуетъ? Какая сила въ ней перерождаетъ ея страданія, очищаетъ огонь ея мученій, превращаетъ его въ чистый свѣтъ новой, духовной жизни? Это—сила духа Христова, въ насъ обитающаго, сила общенія нашего съ нашимъ Искупителемъ, который живетъ въ насъ,—не дѣйствіемъ только, но существенно,—въ своей крови, пролитой за насъ и насъ очищающей, въ Своей плоти, умерщвленной за насъ и насъ оживляющей,—въ Своихъ страданіяхъ за насъ претерпѣнныхъ,—и насъ возраждающихъ и обновляющихъ духовно. Нельзя ничего представить сильнѣе и глубже этого таинственнаго дѣйствія тѣла и крови въ нашихъ страданіяхъ.

Въ самыхъ тяжкихъ страданіяхъ души нельзя найти болѣе крѣпкаго и рѣшительнаго врачевства, какъ таинство пріобщенія: и вотъ почему мученики христіанства, готовясь къ жесточайшимъ мученіямъ тѣлеснымъ и душевнымъ, только имѣли нужду въ этомъ пріобщеніи тѣла и крови,—чтобы потомъ безтрепетно отдавать свою плоть и кровь—на жертву огня и меча! Не будь въ насъ этого возрождающаго дѣйствія силы Божественной, этого очищающаго насъ и оживляющаго общенія съ Божествомъ въ крови нашего Искупителя, и страданія наши въ жизни были бы безотрадны, безнадежны, губительны—невозвратно! Доказательства—страданія человѣка въ мірѣ до-христіанскомъ! А что еще сказать о той силѣ христіанскаго духа, когда человѣкъ произвольно идетъ на страданія внутреннія и внѣшнія, съ намѣреніемъ—чрезъ подвиги самоотверженія и самоумерщвленія, въ какой бы мѣрѣ они не предстояли ему,—отрѣшиться на цѣлую

жизнь отъ всего чувственнаго и видимаго и всецѣло, совершенно, жить со Христомъ въ Богѣ и для Бога? Что влечетъ человѣка на такой крестъ? Что возбуждаетъ его къ страданіямъ, и что имъ даетъ такой путь, что чѣмъ болѣе и очевиднѣе сокрушается ветхій человѣкъ, тѣмъ полнѣе и дѣйствительнѣе обновляется новый? Это уже прямое и высшее дѣйствіе общенія со Христомъ,—которое, внося въ избранныя души духъ Его, вноситъ въ нихъ и силу крестную, въ особенной степени, и эта сила побуждаетъ ихъ дѣйствительнѣйшимъ образомъ пріобщиться страданій Того, присутствіе и дѣйствіе и самую кровь котораго они чувствуютъ въ самихъ себѣ.

Укажемъ еще одно дѣйствіе таинственнаго общенія тѣла и крови Христовой,—во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. *Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози, вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17), говоритъ апостолъ. Сама природа, единствомъ корня и существа, связала людей между собою: но грѣхъ ослабляетъ и разрываетъ эту связь, и люди скоро научились ненавидѣть другъ друга. Проливать кровь не перестаетъ быть тяжкимъ зломъ для чувства сердца: но кровопролитіе приведено въ систему, и то, что не позволяется одному человѣку противъ одного,—оправдывается для цѣлыхъ обществъ человѣческихъ, которыя почитаютъ своимъ народнымъ правомъ, хотя по самымъ ничтожнымъ причинамъ, лить кровь другихъ обществъ и упитывать ею землю. Но кровь христіанская имѣетъ голосъ, въ высшей степени сильный для чувства нашего сердца, и еще сильнѣе, нежели естественный голосъ крови: кровь христіанская питаетъ чувство уваженія и страха въ самыхъ различныхъ между собою по внѣшности состояніяхъ людей,—тамъ, гдѣ древній міръ не-христіанскій не зналъ для себя никакихъ правилъ уваженія или побужденій страха, напр., въ отношеніяхъ господъ къ своимъ рабамъ, царей къ подданнымъ, побѣдителей къ плѣнникамъ. Духъ христіанскій есть духъ особенной любви, которая въ другомъ человѣкѣ христіанинѣ видитъ брата,—единокровнаго,—и чувства этой любви, движущія сердце, всегда понятны сердцу другому, и никакія другія чувства не могутъ столь легко возбуждать и находить сочувствіе, какъ чувства—чисто-христіанскія. Чтобы увидѣть въ этомъ духъ точно христіанскій, надобно только обратить вниманіе на взаимныя расположенія людей внѣ христіанства,—сколько не достаетъ тамъ чистоты и силы, свойственной христіанству,—или напр. на расположенія сердца христіанина въ отношеніи къ человѣку—не христіанину: оно не лишаетъ и этого человѣка своей любви,—но эта любовь только обще-человѣческая, естественная, и далеко не та, что взаимная

любовь христіанская. Сердце христіанское тутъ уже невольно чувствуетъ, что въ другомъ сердцѣ нѣтъ ему родного голоса,—и не то же естество; эти два сердца невольно чуждаются другъ друга!—Что же такъ тѣсно соединяетъ и, такъ сказать,—роднитъ сердца христіанскія? Что даетъ такую цѣну и такую силу крови христіанской? Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы,—мы христіане,—вси бо отъ единаго хлѣба причащаемся! Мы одного естества,—мы всѣ—одно тѣло,—поелику одного естества, одного тѣла и крови—всѣ причащаемся. Голосъ этого единства тѣла и крови заглушаться не можетъ!

Какъ ни велики плоды таинственнаго общенія со Христомъ, въ тѣлѣ и крови Его,—но, если бы они ограничивались только здѣшнею жизнію, *окаяннѣйши паче всѣхъ человѣкъ* (1 Кор. 15, 19)—были бы мы,—скажемъ словами апостола: потому что тогда исконный врагъ нашъ—смерть поглотила бы все, что мы получили въ здѣшней жизни—чрезъ Христа. Но вотъ еще одно изъ величайшихъ обѣтованій Его,—Его смертію подтвержденныхъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный... Сей есть хлѣбъ, сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ясть, не умретъ.* И еще: *Яко же посла мя живый Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради* (Іоан. 6; 48—50, 57). Это послѣднее обѣтованіе въ особенности сильно и величественно! «Отецъ Мой есть жизнь высочайшая и всесовершенная, и источникъ всякой жизни. Я съ Нимъ одно, Я отъ Него пришелъ,—и потому во Мнѣ таже самая жизнь, и потому Я также источникъ жизни для всего живущаго. Но, кто вкушаетъ тѣло и кровь Мою, тотъ соединяется со Мною, и подобно тому, какъ Я—одно съ Отцемъ, посему и въ томъ не можетъ не быть жизни,—не можетъ быть и смерти,—и той живъ будетъ Мене ради». Вотъ смыслъ и сила обѣтованія. Причащающійся—не умираетъ; онъ не умираетъ потому, что живетъ въ Сынѣ, который живетъ въ Отцѣ, и, слѣдовательно, причащающійся не можетъ умирать по тому самому, почему и Самъ Сынъ не подлежитъ смерти! Сильнѣе этого обѣтованія, тверже этого заключенія—ничего быть не можетъ! Но—мы причащаемся, и умираемъ!—Прежде, нежели мы позволимъ себѣ согласить видимое противорѣчіе этихъ явленій, остановимся мыслію на самой смерти нашей. Смерть есть самое тяжкое слѣдствіе грѣха,—и во всякомъ случаѣ самая тяжкая съ нашей стороны жертва правосудію Божію.—Но, говоритъ Писаніе, *Богъ смерти не сотвори:* думаемъ ли мы, поэтому, что такой страшной жертвы Правосудіе Божіе требуетъ отъ насъ только для удовлетворенія Своего гнѣва, не помышляя о ея тяжести для насъ, въ нашей долѣ? Думаемъ ли, что, опредѣливъ создать человѣка, и, безъ сомнѣнія, отъ вѣчности провидѣвъ его паденіе, Премудрость и Всемогущество только тѣмъ не хочетъ измѣнять Своей творческой волѣ, что не уничтожаетъ бытія человѣка, предоставляя его собственной участи?—Такія мысли могутъ служить основаніемъ—только ада! Возьмемъ въ примѣръ хоть это явленіе: при наступленіи весны садовникъ разсаживаетъ цвѣты, въ ожиданіи полнаго ихъ раскрытія весною и лѣтомъ. Не знаетъ ли онъ, что весна и лѣто недолговременны, и что наступаетъ осень и зима, когда всѣ цвѣты потеряютъ свою красоту, увянутъ и исчезнутъ? Знаетъ,—и однакожъ сажаетъ цвѣты, и не для одного только удовольствія—наслаждаться ими весною и лѣтомъ, но зная то, что, когда они исчезнутъ осенью, въ землѣ останется сѣмя ихъ, которое дастъ имъ новое бытіе на другую весну, и что—хотя бы, наконецъ, и самъ корень ихъ изгнилъ, все же—они могутъ дать отъ себя новыя сѣмена, для новыхъ растеній. Вотъ порядокъ въ природѣ,—и такой же порядокъ небесное откровеніе даетъ видѣть намъ въ судьбахъ человѣка. Знала Премудрость Божія, что человѣкъ не только можетъ пасть, но что онъ дѣйствительно падетъ и долженъ умереть, и, не смотря на то, даровала человѣку жизнь, поелику, давъ ему Свой духъ, духъ безсмертный, она въ самомъ существѣ человѣка положила сѣмя и начало жизни безсмертной и несокрушимой,—жизни, которая въ перемѣнахъ судьбы человѣка можетъ, правда, ослабѣвать и истощаться, можетъ страдать, и, такъ сказать, подавляться подъ развалинами его внѣшняго, тѣлеснаго состава,—но всегда можетъ воспринимать въ себя новыя силы, давать отъ себя новые ростки дѣятельности и плоды жизни, и составляетъ такимъ образомъ несокрушимое основаніе въ планѣ сотворенія человѣка,—основаніе, въ отношеніи къ которому, одинъ разъ на всегда утвержденному, Премудрость и благость всемогущая никогда сама себѣ не измѣняетъ. Если въ смерти нашей видѣть одно правосудіе: правосудіе требуетъ жертвы и беретъ себѣ жертву,—какую? Беретъ то, что изъ Его же рукъ вышло, и что въ Его рукахъ никогда не можетъ ни уничтожиться, ни сокрушиться, что безъ Него и существовать само по себѣ не можетъ,—беретъ жизнь человѣка, беретъ его духъ, разлученіемъ его отъ тѣла прерывая жизнь грѣховную и наказывая за грѣхъ, но въ то же время въ рукахъ Своего всемогущества соблюдая и духъ и тѣло для новой, лучшей жизни, для полнаго возсозданія въ будущемъ.

Вотъ посильное рѣшеніе страннаго возраженія многихъ: для чего Премудрость Божія допустила человѣку пасть и допускаетъ умирать, или даже, для чего даровала ему жизнь, когда, конечно, предвидѣла его паденіе и смерть? Но послѣ этого не должна

казаться странною судьба человѣка и теперь, когда по силѣ пріобщенія таинственнаго, долженствующаго живить человѣка на вѣки, онъ не можетъ умирать, а однакожъ умираетъ. Что мы будемъ называть жизнію? Эту ли жизнь въ соединеніи души съ тѣломъ,—гдѣ душа только обременяется тѣломъ и въ немъ непрестанно умираетъ духомъ,—и тѣло, само по себѣ, только непрестанно сокрушается, тлѣетъ и распадается? Эту-ли жизнь,—гдѣ естественныя немощи и болѣзни души не даютъ раскрываться въ ней всѣмъ совершенствамъ, къ которымъ она стремится и къ которымъ возводитъ ее благодать Божественная, гдѣ ея постоянныя лишенія не оставляютъ ей никакого блаженства, гдѣ еще живущій въ душѣ грѣхъ усильно борется съ новымъ человѣкомъ и не даетъ ему полнаго развитія и силъ? И этой ли жизни мы будемъ желать безсмертія? Это было бы тягчайшее изъ всѣхъ наказаній, это было бы самое безотрадное мученіе,—и совсѣмъ не жизнь вѣчная, а развѣ одно вѣчное умираніе. Напротивъ, причащеніе тѣла и крови Божественной точно вноситъ въ насъ начало жизни вѣчной и приготовляетъ насъ къ блаженному безсмертію, къ полному, совершеннѣйшему возсозданію по душѣ и тѣлу,—возсозданію, которое не иначе и можетъ совершиться, какъ послѣ временнаго разрѣшенія души отъ тѣла: душа чрезъ это разрѣшеніе, исполненная благодатныхъ силъ и причастная Божественнаго естества, отрѣшится отъ всего чуждаго ей, чувственнаго вліянія плоти, отъ всѣхъ болѣзненныхъ для нея немощей тѣла, отъ всѣхъ, тяжкихъ для нея, искушеній и золъ этой временной жизни: и тогда-то она предначинаетъ въ другомъ мірѣ новую жизнь, въ свѣтѣ, блаженствѣ и славѣ, въ раскрытіи всѣхъ благодатныхъ совершенствъ, и въ участіи вѣчнаго царства небеснаго со Христомъ; такъ и тѣло, по разрѣшеніи души обращаясь въ землю, возвращаетъ тлѣнію и персти то, что есть въ немъ отъ природы тлѣннаго и перстнаго, разрушается въ своемъ, уже заранѣе,—отъ самаго рожденія, поврежденномъ составѣ, и въ землѣ погребаетъ съ собою всѣ свои болѣзни и все зло физическое, которымъ только отягощало человѣка въ жизни:—но, за всѣмъ тѣмъ,—сила нетлѣнія и безсмертія, въ самомъ тѣлѣ нашемъ полагаемая дѣйствіемъ на него Божественной благодати, предрасположеніе къ воскресенію и жизни, утверждаемое въ тѣлѣ общеніемъ безсмертнаго тѣла и живоносной крови Спасителя, не можетъ истребиться въ тѣлѣ, а сохранится въ немъ и сохранитъ его, среди видимаго тлѣнія, для будущаго его возстанія и обновленія. *Азъ воскрешу его въ послѣдній день*,—говоритъ самъ Спаситель о причащающемся Его Крови,—«воскрешу, какъ живой членъ Моего собственнаго тѣла, съ которымъ Я существенно неразрывно соединенъ, который существенно никогда и не умиралъ, поелику пребывалъ во Мнѣ и Я въ немъ». Такъ Самъ Спаситель воскреситъ тѣло человѣческое, въ которомъ Его собственное, Его тѣло и кровь, подобно какъ душа, присущая тѣлу во время сна, возбуждаетъ собственною силою его члены, погруженные въ сонное бездѣйствіе. Тогда-то тѣло наше возстанетъ въ новой силѣ и красѣ, и соединится съ полною обновленной жизни душею,—и то будетъ истинная жизнь вѣчная!

Изложивъ дѣйствія Евхаристіи въ жизни духовной христіанина, обратимся къ способамъ употребленія сего таинства. Здѣсь прежде всего требуетъ вниманія приготовленіе къ таинству. Приготовленіе, которое, конечно, должно вполнѣ соотвѣтствовать важности самаго таинства, можно представить здѣсь въ двоякомъ видѣ: приготовленіе *церковное*, общее для всѣхъ христіанъ православѣрующихъ,—приготовленіе въ томъ видѣ, въ какомъ установляетъ его церковь, и приготовленіе *частное*, относительно собственныхъ расположеній лица, причащающагося Тѣлу и Крови.

Приготовленіе къ таинству Евхаристіи, установленное церковію, заключается главнымъ образомъ въ трехъ дѣйствіяхъ: постѣ, покаяніи и молитвѣ. Остановимся на первомъ. Постъ, какъ заповѣдь и какъ врачевство противу болѣзней духовно-чувственныхъ всего нашего состава,—поелику простираетъ свои дѣйствія отъ тѣла до духа,—постъ имѣетъ для себя основанія не только духовно-нравственныя, но и физическія. Потребность поста прежде всего лежитъ въ естественной жизни человѣка. Творецъ каждому изъ живыхъ твореній, имѣющихъ нужду въ пищѣ, назначилъ особую, своего рода, пищу, примѣнительно къ его организму и образу жизни. Одному творенію, человѣку, предоставлены теперь всѣ роды пищи, и даже искусству его оставлено обращать въ пищу для него и то, что само по себѣ не казалось бы способнымъ къ питанію его и насыщенію. Конечно, разнообразная пища человѣка имѣетъ отношеніе къ самому устройству его тѣла, которое, бывъ первоначально совершеннѣе всѣхъ другихъ твореній, по этому самому не такъ стѣснено въ образѣ своего развитія и въ своихъ потребностяхъ, какъ организмъ прочихъ тварей животныхъ. Надобно, однакоже, замѣтить, что совершеннѣйшая пища—всегда есть пища одна натуральная, а такая пища всегда чиста и проста, и всегда заключается въ самыхъ ограниченныхъ предметахъ, въ отношеніи къ количеству: вотъ главныя свойства натуральной пищи. Посмотрите на тварей животныхъ: большая часть ихъ питается самою простою и чистою пищею, травами и

плодами земли. Даже тѣ изъ животныхъ, которыя питаются кровію другихъ, питаются ею не столько по какой либо натуральной неспособности употреблять другую пищу, а—или по недостатку другой пищи, или по звѣрству своихъ нравовъ,—и терзаютъ другихъ животныхъ часто сверхъ голода. Чистая и простая пища, назначенная для живыхъ тварей природою, безъ сомнѣнія, имѣетъ связь съ первоначальною чистотою и совершенствомъ ихъ первозданнаго естества. И мы знаемъ о самомъ человѣкѣ, что въ началѣ онъ не имѣлъ не только нужды, даже и наслажденія въ какой либо животной пищѣ, но долженствовалъ питаться отъ однихъ плодовъ райскихъ; несомнѣнно и то, что разнообразіе и сложность его пищи увеличивались постепенно, съ распространеніемъ человѣческаго рода, и по той мѣрѣ, какъ разнообразнѣе и сложнѣе становилась его собственная жизнь. Не удивительно, если человѣкъ потребовалъ себѣ въ пищу животныхъ,—самъ въ своей жизни сошедши на степень животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ,—посмотримъ, какимъ малымъ количествомъ пищи наша тѣлесная натура, даже и теперь, при всѣхъ ея немощахъ и при всемъ поврежденіи, можетъ быть довольна, какъ органы, составляющіе внутренній механизмъ нашего тѣла, скорѣе и легче приспособляютъ свое дѣйствіе къ пищѣ болѣе простой и чистой, чѣмъ сложной и разнообразной, какъ, напротивъ, напряженіе органовъ, производимое сложностію и разнообразіемъ пищи: не столько усиливаетъ, сколько стѣсняетъ естественную живость и крѣпость дѣятельности нашего тѣла,—то легко можно согласиться, что въ питаніи нашего тѣла первый и собственный законъ самой природы есть строжайшая умѣренность, умѣренность не только въ количествѣ, но и качествѣ пищи; говорю качествѣ, поелику хотя вкусъ человѣка получилъ обширнѣйшее развитіе, въ сравненіи съ этимъ же чувствомъ у другихъ живыхъ тварей, но тѣмъ не менѣе онъ ограниченъ у человѣка своею мѣрою и своими законами—и именно, его потребности стоятъ какъ бы въ обратномъ отношеніи къ способамъ его развитія и насыщенія, даннымъ человѣку. Это тотчасъ видно. Чѣмъ слаще пища, тѣмъ скорѣе она становится приторною и возбуждаетъ отвращеніе; чѣмъ она изысканнѣе, тѣмъ менѣе ее должно употреблять, потому что тѣмъ вреднѣе она для здоровья. Это опытъ. Правда, слабости нашего тѣла и даже немощи духа, имѣющія вліяніе на жизнь тѣла, заставляютъ насъ не удовлетворяться одною натуральною, простою и малою пищею, но во всякомъ случаѣ ошибочно думаютъ, будто именно сложность и умноженіе пищи способствуютъ большей крѣпости и совершенству нашего организма. Сложность пищи дѣлается для насъ необходимою только въ томъ отношеніи, что естественныя произведенія земли, назначенныя намъ въ пищу, а тѣмъ болѣе яства изъ царства животныхъ, не всѣ равно питательны и совершенно удовлетворяютъ нашему вкусу и потребностямъ нашего питанія, и потому требуютъ въ своемъ составѣ пособія другихъ родовъ пищи; въ собственномъ же нашемъ организмѣ сама природа столько блюдетъ чистоту нашей плоти и крови, что малѣйшее прибавленіе къ пищѣ чистой и питательной,—другой, не чистой и не питательной а только напр., обманчивой для вкуса,—извергается нашими органами и вредитъ ихъ здоровью. Только загрубѣлость и притупленіе этихъ органовъ, которые по своему натуральному образованію очень чувствительны,—заставляютъ ихъ принимать въ себя наши, до чрезвычайности сложныя яства,—и, истощаясь въ своихъ силахъ, переваривать въ нашу плоть и кровь, отъ того еще болѣе грубѣющую. Что же касается до умноженія или частаго употребленія пищи, то это совершенно противуестественно; въ пріемахъ пищи наша природа слѣдуетъ столь строгимъ законамъ и знаетъ такую строгую мѣру, что одинъ лишній кусокъ уже обременяетъ желудокъ, одна лишняя капля уже разслабляетъ организмъ. Пресыщеніе есть ни что иное, какъ только напряженіе нашихъ органовъ отъ ихъ отягощенія, напряженіе обманчивое, которое, вмѣсто укрѣпленія, влечетъ за собою необходимое разстройство тѣла. Здоровье можетъ поддерживаться только повременнымъ употребленіемъ пищи; безпрестанное питаніе причинило бы смерть.

Такимъ образомъ въ самой природѣ тѣлесной есть не только указаніе, даже законъ—самаго строгаго воздержанія и умѣренности. Чѣмъ простѣе и умѣреннѣе образъ жизни, тѣмъ ближе къ природѣ и тѣмъ благодѣтельнѣе въ своихъ слѣдствіяхъ. Нигдѣ нѣтъ столько болѣзней, уже не тѣлесныхъ только, но и душевныхъ, какъ тамъ, гдѣ искусство и роскошь нарушаютъ эти первочальные всеобщіе законы природы. Но мы говоримъ только о пищѣ. Во всѣхъ другихъ естественныхъ отправленіяхъ природа знаетъ тѣ же законы. Даже самыя наслажденія нашей чувственной природы, составляя нѣкоторую потребность жизни ея, подчинены столь строгимъ законамъ, что имѣютъ для себя одну, опредѣленную отъ самого же естества нашего, мѣру,—удовлетворяясь скоро и легко,—однимъ разомъ удовлетворенія, такъ что не только уже излишество въ нихъ, даже одно частое повтореніе ихъ больше вредитъ нашей природѣ, чѣмъ довольствуетъ ее.—Даже и внѣшнія чувства наши управляются тѣми же законами воздержанія: безпрерывныя удовольствія зрѣнія, напр. хотя самый свѣтъ дневной безъ смѣны ночнаго мрака—могутъ

притупить зрѣніе и дѣлаться для него тяжки; безпрестанная музыка, хотя бы самая стройная, дѣлается, наконецъ, нестерпимою для слуха, и причиняетъ разстройство въ его органахъ; частое пѣніе производитъ грудныя болѣзни; всѣ вообще чувственныя удовольствія, при повтореніи своемъ, наводятъ скуку.

Послѣ сего, что такое *постъ* какъ заповѣдь внѣшняя, какъ нравственно-тѣлесный подвигъ за извѣстное время года? Это не только натуральный, и потому самый лучшій, способъ совершенствованія нашей чувственно-духовной жизни, но и натуральное, и потому самое сильное, врачевство въ разстройствѣ всего нашего естества. Онъ всегда имѣетъ своею цѣлію и своимъ первымъ дѣйствіемъ возстановленіе нашего чувственнаго состава въ его натуральной чистотѣ, крѣпости и жизненности его силъ. И не однѣ только болѣзни тѣлесныя, уже открывшіяся, должны обращать насъ къ этому врачевству: напротивъ; мы весьма часто обманываемся, приписывая себѣ крѣпость силъ и здравіе, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ организмъ нашъ разстроенъ и страдаетъ, страдаетъ не отъ чего другаго, а отъ безпрестаннаго, тяжелаго труда переваривать въ сокъ и кровь всякую пищу, какую мы ему сообщаемъ. Потому организмъ нашъ, въ своемъ непрестанномъ дѣйствованіи, имѣетъ нужду не только въ способахъ къ возстановленію и укрѣпленію своихъ силъ, т. е. въ питаніи, но имѣетъ нужду въ постоянныхъ способахъ—къ возстановленію силъ самого питанія. Здѣсь самое лучшее пособіе нашему организму во всякое время—постъ. Это доказываетъ наша же природа, лишая насъ при болѣзняхъ каждый разъ побужденія къ пищѣ и производя отвращеніе къ ней. Надобно только повиноваться,—и самымъ простымъ и естественнымъ образомъ это врачевство—постъ возстановляетъ силы нашего естества. Вотъ какъ опытные врачи изображаютъ въ этомъ случаѣ дѣйствіе поста. Во время поста, не имѣя новаго матеріала для работы, органы пищеваренія доканчиваютъ всѣ прежніе свои труды: продолжаютъ потреблять все, съ разныхъ временъ оставшееся, и что остаткомъ своихъ тяготило ихъ и все тѣло. Истощивъ такимъ образомъ свой собственный запасъ, органы собираютъ и движутъ запасные соки, разлитые по всему тѣлу, которые, оставаясь долго безъ употребленія и перемѣны, также портятся и портятъ тѣло; истощивъ и это, органы обращаютъ свое дѣйствіе на самихъ себя; исправляютъ и поновляютъ на свободѣ весь свой снарядъ, скрѣпляютъ ослабѣвшее, возбуждаютъ отъ безчувствія уснувшее, оживляютъ омертвѣлое, стягиваютъ расширенное, отверзаютъ заглохшее и такимъ образомъ приводятъ сами себя въ состояніе дѣйствовать правильно снова. Поелику же отъ органовъ питанія

зависитъ весь составъ тѣла, то благотворныя дѣйствія, въ нихъ совершающіяся, распространяются, и очень быстро, на все тѣло: обращеніе крови и соковъ нервныхъ становится правильнѣе и свободнѣе, излишки и недостатки въ разныхъ видахъ и мѣстахъ исчезаютъ, жизненная сила, не подавляемая болѣе тяжестію плоти, не истощаемая непрестанною работою, пробуждается, оживаетъ и дѣлается способною исправлять сама собою многія и важныя поврежденія.

Такимъ образомъ не только и здоровый самъ въ себѣ организмъ дѣлается совершеннѣе, но непримѣтно могутъ проходить самыя упорныя болѣзни. Крѣпость, живость, легкость и особенно пріятное чувство жизни и здравія—непремѣнные плоды такого врачующаго поста. Вообще люди, соблюдающіе не предписанный только, но и произвольно постоянный постъ, наслаждаются несравненно болѣе крѣпкимъ и надежнымъ здоровьемъ, нежели тѣ, которые поста не знаютъ. А тѣ люди, которые и всю жизнь проводили въ постѣ, при всѣхъ видимыхъ лишеніяхъ въ образѣ жизни, большею частію далеко переходили за обыкновенные предѣлы ея: 80, 90,—иногда и долѣе ста лѣтъ продолжалась ихъ жизнь. Въ быту людей, незнающихъ поста, такія лѣта почти никогда не достигаются.

Таковы естественныя основанія поста,—и церковная заповѣдь о постѣ, даже объ извѣстномъ въ году времени поста, оправдывается вполнѣ физическими причинами. Но отъ этихъ основаній не трудно дойти до уразумѣнія и духовной, нравственной силы поста. Въ связи съ дѣятельностію нашего тѣла,—и даже, по извѣстнымъ отношеніямъ, въ зависимости отъ нея, находится вся жизнь нашей души. Довольно вспомнить, что и первоначальное паденіе наше совершилось отъ неумѣренности въ желаніяхъ, и вкушенія запрещеннаго, слѣдовательно, вовсе ненужнаго для насъ плода,—т. е. совершилось отъ полнаго нарушенія поста. И главною дѣйствующею причиною въ этомъ случаѣ была чувственность, для которой именно и нуженъ постъ. Если посмотрѣть на тѣ нравственные, да и не нравственные только, а и самые физическіе недуги, которыми страдаетъ нынѣшнее разслабленное человѣчество, то, легко можно примѣтить, что источникъ этого зла скрывается точно въ незнаніи умѣренности и воздержанія ни въ чемъ, и прежде всего въ чувственной жизни,—однимъ словомъ, въ незнаніи поста. Когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ возраста, еще прежде полнаго развитія смысла, намѣренно начинаютъ изнѣживать наше тѣло чрезъ неумѣренныя и вовсе неумѣстныя заботы о его красотѣ, о его мнимомъ здоровьѣ и ловкости, когда самымъ здоровьемъ жертвуютъ

модѣ и приличію, и для ложной граціозности движеній забываютъ законы естественные, даже нравственные, которые сама природа научаетъ насъ уважать въ пріемахъ и во всѣхъ движеніяхъ членовъ тѣла: то при этой изнѣженности тѣла какой нравственной крѣпости и силы можно ожидать для души? Въ одной неумѣренности внѣшнихъ чувствъ, взора и слуха, изнѣженныхъ и управляемыхъ нечистою, только развѣ утонченною, силою чувственности, уже погибаетъ душа.

Не говоримъ о неумѣренности въ мысляхъ, желаніяхъ, откуда—вольномысліе, гордость, невѣріе, любостяжаніе, ненасытимое честолюбіе, необузданное плотоугодіе—все полчище страстей и все скопище болѣзней души, самыхъ ядовитыхъ и страшныхъ, разливаются на всю жизнь, отъ одного человѣка до цѣлыхъ народовъ, и отъ народовъ на цѣлый вѣкъ. Не говоримъ уже о невоздержаніи въ пищѣ, отъ котораго человѣкъ—и по-духу—прилагается скотомъ несмысленнымъ. Въ насъ совершенно превращенъ порядокъ вещей, узаконенный самою природою. Чѣмъ должно служить тѣло для души? Оно должно быть орудіемъ души и быть въ полномъ подчиненіи разсудку; а у насъ напротивъ: душа служитъ орудіемъ тѣла и раболѣпствуетъ его склонностямъ. Этого мало: плоть, изнѣженная ложнымъ воспитаніемъ, поврежденная страстями, питаемыми грубыми и, какъ бы ни утончали ихъ,—нечистыми въ своемъ существѣ страстями,—эта плоть, господствуя надъ духомъ и управляя имъ по своимъ видамъ, до того ослабляетъ и унижаетъ духъ, что онъ бываетъ неспособенъ служить даже хорошимъ орудіемъ для тѣла; самъ грубѣетъ, плотянѣетъ, какъ бы засыпаетъ и закрывается совершенно грубою завѣсой плоти; смотря на такихъ-то людей, мы невольно спрашиваемъ: есть-ли въ такомъ человѣкѣ душа? Для такихъ чувственныхъ людей кумиръ, богъ, по выраженію апостольскому, есть чрево, и нечего думать, будто это принадлежность невѣжества и грубости нравовъ. Напротивъ, однимъ изъ дѣйствій просвѣщенія почитается у насъ—наука о чревѣ и искусство угождать ему во всѣхъ прихотяхъ; и эта наука, это искусство—составили еще множество другихъ искусствъ, веществъ, орудій, изобрѣтеній,—чтобы угожденіе чреву могло совершаться съ большимъ, сколько есть возможности, изяществомъ. Это безмысленное чрево, такимъ образомъ, господствуетъ; но, если не обращать взоровъ дальше,—не собственное ли сложеніе человѣческаго тѣла говоритъ противъ этого господства? «Стань предъ зеркаломъ, говоритъ одинъ учитель нашей Церкви, и посмотри, не написанъ ли на самомъ тебѣ законъ противъ раболѣпства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь,

въ которой живетъ сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что надъ нею еще возвышается глава, въ которой царствуетъ умъ, созерцающій истину, разумъ, мыслящій и судящій о предметахъ, что подъ тою и другою, какъ подъ небомъ и землею—адъ, низвержено темное чрево, не умѣющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницанія, чтобы примѣтить, что оно не владычествовать должно надъ высшими областями, а быть въ служеніи, въ порабощеніи, въ презрѣніи. Если ты, напротивъ, стараешься болѣе и болѣе угождать чреву въ томъ, чего оно требуетъ слѣпо, для него желаешь, для него вымышляешь, то берегись, чтобы оно не сдѣлалось у тебя сильнѣе и выше головы, и своею безобразною тяжестью не стало стѣснять и подавлять благороднѣйшихъ дѣйствій ума и сердца».

Итакъ, надобно низвергнуть первѣе всего этотъ всепожирающій и неумолимый кумиръ; надобно возстановить законный и естественный порядокъ вещей въ нашемъ существѣ: и вотъ это есть самое первое дѣйствіе поста, который поэтому, всегда и вездѣ, есть уже благопріятный знакъ владычества духа надъ тѣломъ, есть средство освобожденія перваго отъ рабства послѣднему. Чѣмъ долѣе и строже соблюдается постъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ свобода духа,—и кто въ состояніи отнять у себя лишнее, тотъ можетъ непримѣтно дойти и до того, чтобы ограничивать и даже оставлять потребное, и наоборотъ, кто пріучаетъ себя ограничивать потребное для себя, тотъ всегда легко можетъ жить безъ излишняго, и даже намѣренно лишать себя всякаго излишества. Вотъ этой-то способности располагать собою и ограничивать себя недостаетъ у многихъ изъ насъ, и отъ этого недостатка, даже при всѣхъ добрыхъ чувствахъ сердца, происходитъ ихъ всегдашнее непобѣдимое и какъ бы невольное раболѣпство плоти и міру, прихотямъ и страстямъ. Дальнѣйшія дѣйствія поста открываются въ томъ, что, упрочивая власть духа надъ плотію, постъ отнимаетъ у нашей плоти многія тяжкія и вредныя для духа ея качества, напр., свойственную ей лѣность и недвижимость, алчность къ насыщенію и прихотливость, свирѣпство ея вожделѣній, буйство ея возстаній, безчинство ея взыграній, ярость ея раздраженія, излишнюю чувствительность и изнѣженность въ ея ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постъ даетъ духу большую силу и крѣпость для поддержанія своей чистоты и достоинства. Подвиги любви и самоотверженія становятся для него легче и сладостнѣе; его стремленія къ предметамъ высшимъ, духовнымъ, оживляются; страсти его утихаютъ, собственныя чувства его и ощущенія отъ различныхъ впечатлѣній бываютъ болѣе мирныя и удобонравныя; богомысліе и всѣ

дѣла благочестія дѣлаются для него привлекательнѣе и плоды ихъ ощутительнѣе; благоразумію и добрымъ склонностямъ оставляется болѣе свободы дѣйствовать и управлять всѣми его движеніями; исполненіе христіанскаго долга, въ отношеніи къ Богу, и вообще, истинная добродѣтель перестаетъ казаться ему чѣмъ-то тяжелымъ, скучнымъ и враждебнымъ для его удовольствій, напротивъ, становится доступнѣе его сердцу, и одни изъ его удовольствій, обличая сами себя во лжи, теряютъ для него свою привлекательность, для другихъ остается въ немъ болѣе чистоты сердца. Вообще, дѣйствіемъ одного поста все существо духа измѣняется: мысли свѣтлѣе, совѣсть чище, чувства мирнѣе, желанія благоразумнѣе и строже, воля тверже въ своемъ направленіи къ добру, воображеніе добропорядочнѣе и правильнѣе, разсудокъ дѣйствуетъ легче и связнѣе, память вѣрнѣе, сердце теплѣе, вкусъ очищеннѣе,—словомъ, вся душа, со всѣми ея силами, стремленіями и дѣйствіями, обновляется, принимаетъ высшее и свободнѣйшее направленіе, тонѣетъ, живѣетъ, начинаетъ свою истинную, духовную жизнь и сродную себѣ дѣятельность. Самое тѣло въ постѣ уже не то, что было, когда не знало поста,—оно само тонѣетъ, обновляется, укрѣпляется, свободно и съ охотою слѣдуетъ за всѣми движеніями духа, какъ бы само одухотворяется. Легкость и удободвижимость во внѣшнихъ движеніяхъ, чистота и спокойствіе во внутреннихъ: вотъ новыя свойства, какія даетъ тѣлу постъ. Постоянный постъ всѣ эти благотворныя для нашей души и тѣла дѣйствія обратилъ бы въ постоянныя ихъ совершенства. Когда и самая смерть проходитъ для разрѣшенія души отъ тѣла, то, находя духъ неопутанный со всѣхъ сторонъ узами плоти, находя плоть неогрубѣвшую и неотяжелѣвшую въ своемъ составѣ и не крѣпко прильнувшую къ духу, совершаетъ разлученіе духа и тѣла скоро, легко и тихо, безъ жестокихъ потрясеній и страданій. Смрадъ тлѣнія не простирается на одухотворенное и освященное постомъ тѣло: составъ его разрѣшается въ чистотѣ,—а иногда даже,—въ самой смерти процвѣтаетъ очевидною жизнью и бываетъ, по выраженію пророческому, *яко вертоградъ напоенный*. Говорить ли объ особенномъ значеніи поста въ христіанствѣ, гдѣ совершенство человѣка заключается въ томъ, чтобы во все время жизни жить не по плоти, а по духу, гдѣ крестъ и страданія Спасителя должны быть глубоко напечатлѣны въ сердцѣ каждаго истиннаго христіанина, гдѣ всѣ мысли, чувства и желанія духа должны быть постоянно обращены отъ земли къ небу, отъ временнаго къ вѣчному, отъ чувственнаго къ духовному, и гдѣ постольку мы живемъ истинною жизнію и оправдываемъ свое назначеніе, поскольку живемъ для неба и

всѣмъ жертвуемъ для будущаго, гдѣ и все житіе наше *на небесѣхъ есть*,—есть, а не будетъ только въ ожидаемомъ концѣ этой временной жизни,—слѣдовательно, здѣсь, въ христіанствѣ, не удовлетвореніе плоти и ея пресыщеніе, а умерщвленіе, не умноженіе удовольствій земныхъ, усиленіе страстей чувственныхъ, жажда благъ временныхъ, а отверженіе всего этого, ради наслажденій небесныхъ, ради любви къ единому Богу и Христу, жажда благъ вѣчныхъ, однимъ словомъ,—истинный, всесовершенный постъ, столько же внутренній, сколько внѣшній, составляетъ основаніе нашего совершенства и неизмѣнное средство ко спасенію, и если гдѣ, то въ христіанствѣ постъ имѣетъ свое истинное назначеніе, свою высшую силу,—и потому долженъ всегда имѣть для насъ полный характеръ заповѣди. Правда, въ христіанствѣ дѣйствуетъ вся во всемъ вседѣйствующая благодать Божественная, но и благодать, чистая и святая сила Духа Божественнаго, можетъ ли исполнять нашу душу, когда она не очищена отъ грубыхъ страстей, когда она помрачена чувственными вожделѣніями,—когда нѣтъ чистоты, ни въ жизни духа, ни въ жизни нашей плоти? Можетъ ли благодать, сила духовная, дѣйствовать всею своею плодотворностію въ нашемъ существѣ, когда въ насъ собственный нашъ духъ угасаетъ подъ тяжестію пресыщенной и отягченной пресыщеніемъ плоти, когда нѣтъ мѣры въ нашихъ плотскихъ вожделѣніяхъ, нѣтъ границъ для алчности нашихъ плотяныхъ чувствъ, поглощающей всѣ силы нашего духа? Надобно упразднить, очистить этотъ сосудъ, чтобы духъ благодати могъ въ немъ вмѣщаться, надобно обуздать силу чувственности и даже ограничить ея естественныя потребности, чтобы дѣйствія духа сверхъестественныя могли свободно въ насъ открываться.

Теперь объ отношеніи поста къ таинству тѣла и крови. Можно уже видѣть, до какой степени необходимое приготовленіе къ этому таинству составляетъ постъ. Нельзя найти лучшаго и совершеннѣйшаго и болѣе сообразнаго съ свойствомъ таинства приготовленія, какъ постъ,—разумѣется, въ соединеніи съ молитвою и покаяніемъ. Съ одной стороны, постъ, такъ сказать, упраздняетъ наше міромъ, плотію и нашимъ я наполненное естество чтобы дать въ немъ свободное и готовое мѣсто причащенію, съ другой,—внутренно очищаетъ и обновляетъ весь внутренній составъ нашъ, чтобы онъ не опалился чистымъ огнемъ тѣла и крови Божественной. Посредствомъ поста—исповѣдь и причащеніе находятъ уже человѣка достаточно приготовленнымъ къ ихъ воздѣйствію въ сердцѣ его. Въ первыхъ вѣкахъ христіанства, когда болѣе усматривалось совершенства въ хри-

стіанахъ, и вся жизнь ихъ была какъ бы одно непрерывное, чистое говѣніе предъ Богомъ, они ежедневно или въ каждый воскресный день подкрѣпляли себя, въ высокихъ подвигахъ совершенства духовнаго, тѣломъ и кровію Спасителя. Когда же открывалось, что кто-нибудь изъ христіанъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не приступалъ къ причащенію таинъ, то пресвитеры по долгу своему спрашивали его, не имѣетъ ли онъ на душѣ своей какого-либо тяжкаго грѣха, препятствующаго принимать тайны; болѣзнь и одно отсутствіе не могло быть въ этомъ случаѣ достаточною причиною не-причащенія, потому что больнымъ и отсутствующимъ оно посылалось чрезъ діаконовъ. Но съ постепеннымъ распространеніемъ христіанства между людьми всякаго рода и цѣлыми, чужеземными и отдаленными, народами, Церковь въ отношеніи къ Св. Тайнамъ—начала поступать осторожнѣе, особенно послѣ открывшихся примѣровъ злоупотребленія ихъ недостойными людьми, и съ большею строгостію допускала къ причащенію, нежели какъ было прежде, въ меньшемъ кругу вѣрныхъ. Тогда постъ, и именно четырекратный въ году—былъ избранъ, какъ лучшимъ средствомъ приготовленія, такъ и удобнѣйшимъ временемъ для совершенія христіанскаго долга, въ духѣ истиннаго покаянія и съ очищенною отъ грѣховъ совѣстію. Примѣнительно же къ нуждамъ времени и людей опредѣлены были церковію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми наружными обрядами, и продолженіе поста, и самый родъ пищи, для единообразія и порядка, а вмѣстѣ и для того, чтобы доставить истиннымъ сынамъ вѣры, чрезъ добровольныя лишенія, подвигъ спасительнаго самоотверженія и послушанія уставамъ Церкви.

Мы уже говорили о покаяніи и исповѣди, какъ таинствѣ. Внѣшній образъ, данный этому таинству церковію, особенно простъ и своею простотою соотвѣтствуетъ тому удобству, съ какимъ здѣсь сообщается благодатію Божественною разрѣшеніе отъ грѣховъ искренно кающемуся. Христіанинъ, внутренно расположенный и внѣшне приготовленный къ принятію таинства, избираетъ себѣ духовника, человѣка, которому намѣренъ повѣрить свою совѣсть, и отъ котораго хочетъ слышать спасительный гласъ свыше разрѣшенія совѣсти. Духовникъ вмѣстѣ съ кающимся молитвенно обращается ко Христу, воспоминая примѣры ветхозавѣтные о прощеніи Давида и Манассіи, умоляя простить и въ настоящій часъ представшаго кающагося грѣшника. «Не устрамися, ниже убойся и да не скрыеши что, но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси; внемли убо, понеже притекъ еси во врачебницу, да не неисцѣленъ отъидеши». Этотъ голосъ вышняго довѣрія подобному намъ человѣку, поставленному принять

наше исповѣданіе, голосъ любви и благодати, готовый врачевать и покрывать всѣ наши раны грѣховныя—долженъ влить все мужество вѣры и упованія въ кающуюся душу и исполнить ее самое любви, ради которой одной и прощаются ей грѣси ея мнози. Послѣ искренней исповѣди, съ новою молитвою къ Богу, не хотящему смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему, кающійся получаетъ желаемое разрѣшеніе. Вотъ весь внѣшній составъ таинства исповѣди, въ приготовленіи кающейся души къ таинству причащенія. Въ составъ таинства покаянія входитъ еще одинъ предметъ, который хотя не составляетъ сущности его, но важенъ по своей нравственной силѣ—это епитимія. Епитимія имѣетъ также особенную важность и относительно самаго причащенія, которое требуетъ отъ христіанина не одного покаянія, но и всей чистоты души. Епитимія помогаетъ этому. Впрочемъ, епитимію внимательнѣе изслѣдуемъ въ другое время. (О ней выше уже сказано, стр. 149 и сл.). Теперь будемъ слѣдовать за дальнѣйшимъ приготовленіемъ церкви къ таинству тѣла и крови.

Послѣ исповѣди назначаются приготовленія собственно уже молитвенныя: то, что на языкѣ церкви называется вечернимъ и утреннимъ правиломъ. Предложимъ краткій очеркъ этихъ молитвъ. Обыкновенныя, для вечерняго правила полагаемыя церковію, молитвы суть: канонъ и акаѳистъ Іисусу, акаѳистъ Богоматери, канонъ Ангелу Хранителю. Одно слово объ этихъ молитвахъ. Не должно смотрѣть на одни слова этихъ молитвъ, или на одинъ внѣшній составъ ихъ, который по своей растяженности и многословію могъ бы казаться утомительнымъ для нашей чувственности, или по простотѣ своихъ мыслей и выраженій, повидимому, мало доставлялъ бы занятія нашему уму. Чувственность—въ разсужденіи всякаго молитвословія—судья самый пристрастный и лѣнивый, а нашъ праздный умъ—судья слишкомъ холодный и безотрадный. Надобно хорошо проникнуть духъ, движущій слова этихъ молитвъ, надобно самому проникнуться имъ,—и тогда не только онѣ не покажутся излишни, скучны, или утомительны, напротивъ, каждое слово ихъ получитъ свой вѣсъ, и внутренняя сила ихъ откроется и воздѣйствуетъ въ полной мѣрѣ. Языкъ живаго, сильнаго раскаянія не точно ли такъ усиленъ и настойчивъ въ своихъ выраженіяхъ, въ своемъ прошеніи о пощадѣ и милости, какъ именно языкъ канона Іисусу? И что свойственнѣе ему выражать и повторять въ своихъ выраженіяхъ кромѣ одного: пощади, спаси, помилуй! Языкъ внутренней, глубокой скорби души не такъ ли именно унылъ и медленъ, какъ это выражается въ канонѣ Богоматери? Напротивъ, языкъ

любви, сильной, искренней любви, не такъ ли многорѣчивъ, не такъ ли расточителенъ на похвалы любимому предмету, не такъ ли обиленъ и выразителенъ въ его величаніи, не такъ ли разнообразенъ и неистощимъ въ эпитетахъ, любимое характеризующихъ, каковъ языкъ акаѳиста Іисусу и Богоматери? Надобно придти въ чувство, воодушевляющее эти молитвы, надобно сочувствовать ему внутренно,—и тогда каждое слово молитвы будетъ отзываться въ душѣ, и въ собственномъ нашемъ сердцѣ воспринимать новую силу. Этими молитвами церковь научаетъ насъ чувствовать, а не говорить только: слова всегда найдутся, когда есть мысль и чувство.

Есть особый канонъ причащенія, принадлежащій также къ вечернему правилу: онъ въ особенности изображаетъ важность принимаемаго таинства. Потомъ, на утро, предлагаются еще другія молитвы, собственно къ причащенію; молитвы возвышенныя, излившіяся изъ глубины богомудраго ума и благочестиваго сердца великихъ святыхъ. Составители этихъ молитвъ: Василій Великій, Златоустъ, Дамаскинъ, Симеонъ—новый Богословъ; но числомъ всѣхъ молитвъ двѣнадцать. Онѣ очень сильны и трогательны и невольно дѣйствуютъ на сердце, смягчая его ожесточеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ весьма утѣшительны и, исторгая слезы, въ то же время умиротворяютъ душу, и вселяютъ въ нее полное вѣры и любви отрадное спокойствіе. Молитвы Василія Великаго отличаются обыкновенно глубиною мысли, и вмѣстѣ ясностію и чистотою чувства. Въ первой молитвѣ ко причащенію онъ обращается ко Христу, какъ Источнику жизни и безсмертія, воспоминая Его страданія, и языкомъ блуднаго сына выражаетъ: «согрѣшихъ Господи, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и нѣсмь достоинъ воззрѣти на высоту славы Твоея, Твоя заповѣди преступивъ!». Но и проникнутый чувствомъ своего недостоинства, какъ созданіе благаго Творца, не отчаявается о своемъ спасеніи, молитъ, вмѣстѣ съ разбойникомъ и мытарями помилованными, взявшаго грѣхъ міра взять и его бремя тяжкое, грѣховное, очистить и соединить съ собою, «да не въ судъ будетъ причастіе святыни, но въ общеніе Духа Святаго, въ напутіе живота вѣчнаго, и въ благопріятенъ отвѣтъ на страшномъ судищѣ Христовомъ».—Златоустъ слѣдуетъ за Василіемъ и въ ужасѣ какъ бы останавливается: «вѣмъ, яко нѣсмь достоинъ, ниже доволенъ, да подъ кровъ внидеши храма души моея»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ глубину снисхожденія Сына Божія къ человѣку, воспоминаетъ всѣ примѣры милосердія Спасителя къ грѣшникамъ и человѣколюбиваго съ ними общенія,—и, ободряемый этими примѣрами, дерзновеннѣе молитъ о благодатномъ воздѣйствіи Божественнаго причащенія—и для своей смиренной души.—Вообще молитвы Златоуста отличаются кротостію чувства и простотою мысли.

Слѣдующая затѣмъ молитва Метафраста, какъ и другія его молитвы, высказываетъ особенно глубокое сознаніе своего поврежденія и недостоинства, и особенную силу раскаянія. Онъ, представляя страданія воплотившагося Сына Божія, молитвенно примѣняетъ къ себѣ всѣ дѣйствія Богочеловѣка ради человѣка: проситъ Его крестомъ умертвить страсти наши, погребеніемъ погребсти лукавыя совѣтованія, воскресеніемъ возставить падшаго, вознесеніемъ сподобить десной части спасаемыхъ, освятить наитіемъ Св. Духа, и при второмъ пришествіи даровать срѣтеніе Господа на облацѣхъ—съ ликами святыхъ. Но, послѣ этого дерзновенія вѣры, послѣ этихъ, столь свѣтлыхъ надеждъ, взглянувъ въ собственное сердце, Метафрастъ съ трепетомъ переносится къ послѣднему дню, и, какъ самъ выражаетъ, еще прежде пришествія его предстоитъ уже предъ Богомъ у св. жертвенника Его, и предъ страшными и святыми ангелы, преклоненъ отъ своея совѣсти, и приноситъ свои лукавыя и беззаконныя дѣянія, являя ихъ и обличая. Метафрастъ во всей наготѣ раскрываетъ раны грѣховныя, во всей подробности обличаетъ преступленіе,—это его характеръ, и надобно это обличеніе относить не столько къ нему, сколько къ себѣ, поелику невольнымъ повтореніемъ грѣховъ онъ имѣетъ цѣлію побудить грѣшника къ ихъ собственному сознанію.

Молитва Дамаскина, не отличаясь отъ другихъ мыслями, являетъ особенную кротость и смиреніе духа, постоянно его отличавшую. Онъ также взываетъ къ имѣющему власть оставляти грѣхи, чтобы презрѣлъ всѣ согрѣшенія его и сподобилъ таинъ Божественныхъ, не въ тяжесть, не въ муку, ни въ приложеніе грѣховъ, но въ очищеніе и освященіе и обрученіе будущаго живота и царствія. И въ другой молитвѣ, воспоминая жену, однимъ прикосновеніемъ къ краю ризы Спасителевой получившую исцѣленіе, и блудницу, разрѣшенную, когда держалась за ноги Его, Дамаскинъ содрагается при одной мысли, что дерзаетъ воспріять все тѣло Спасителя.

Молитва Симеона—новаго Богослова выражаетъ особенную торжественность и силу чувства и возвышается почти до гимна. Онъ молитъ Христа принять его молитву отъ сквернихъ устъ, отъ мерзкаго сердца и нечистаго языка и души оскверненной,—и дать силу дерзновенно сказать все, что желаетъ, и вмѣстѣ научить, что сказать и сдѣлать. «Язвы мои зриши, но и вѣру вѣси. Не таится Тебе, Боже мой, Творче мой, Избавителю мой

ниже капля слезная, ниже капли часть нѣкая. Не содѣланное мое видятъ очи Твои; въ книзѣ же Твоей и еще не содѣянная написанна Тебѣ суть». Но, бывъ убѣжденъ, что никакіе грѣхи не превосходятъ долготерпѣнія и человѣколюбія Творческаго, которое и самыхъ грѣшниковъ кающихся творитъ общниками своего Божества, онъ снова дерзаетъ, «радуяся вкупѣ и трепеща, трава сый, огню причащаяся, и орошается не опаляясь!» Наконецъ, снова Златоустъ, прибѣгая къ заступленію Богоматери, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, заключаетъ рядъ вдохновенныхъ молитвенниковъ особенною молитвою, читаемою уже предъ самымъ пріобщеніемъ: «Вѣрую Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Сынъ Бога живаго»...

Съ какими расположеніями духа должно приступать къ таинству св. Причащенія?

Молитва, покаяніе, постъ,—вотъ что составляетъ, по установленію св. Церкви, общее приготовленіе христіанъ къ великому таинству святаго причащенія. Но сіе общее приготовленіе недостаточно, если всякій приступающій къ таинству, самъ внутри себя несовершенно приготовленъ къ принятію онаго. Потому, кромѣ церковнаго приготовленія къ причащенію, нужно еще частное, такъ-сказать, личное, касающееся тѣхъ расположеній, съ которыми должно приступать къ таинству, съ которыми должно принимать оное, и отъ которыхъ зависитъ плодотворность его въ насъ, въ нашей жизни. Заключать силу причащенія только въ одномъ внѣшнемъ принятіи тѣла и крови Христовой, почитать сіе только временнымъ долгомъ, который въ свое время опять надобно будетъ повторить,—и такимъ образомъ разсчитывать важность таинства на время: это, мало сказать, заблужденіе, мало сказать—и вредъ; это судъ себѣ, по выраженію апостольскому (I Кор. XI, 28, 29), судъ который въ такомъ случаѣ человѣкъ самъ себѣ ѣстъ и пьетъ; чрезвычайно сильное выраженіе! Оно даетъ видѣть, что въ человѣкѣ, недостойно причащающемся, самое сіе тѣло и самая сія кровь—будетъ вопіять къ вѣчному суду объ отомщеніи за столь безразсудное оскорбленіе святыни, самое сіе причащеніе послужитъ къ обличенію, осужденію, мученію преступной души, подобно какъ если бы кто принялъ внутрь себя огонь, попаляющій его внутренность.

Съ полнымъ смиреніемъ съ живымъ чувствомъ собственнаго недостоинства, съ искреннимъ сознаніемъ своей духовной и тѣлесной немощи и бѣдности, надобно приступать къ сему таинству. Это первое и главное. Въ часъ приближенія къ тѣлу и крови душа должна восчувствовать всю силу внутренняго глада

и жажды духовной къ сему тѣлу и крови, какъ единственной пищѣ могущей насытить насъ, какъ единственному врачевству, способному исцѣлить наши немощи,—глада и жажды,—подобно какъ вся сила голода и жажды открывается при видѣ долго ожидаемой пищи и долго ненаходимаго питья. Ни одна мысль о себѣ, при этомъ, не должна занимать нашего ума; ни одно постороннее чувство не должно развлекать сердца. Все существо наше должно, такъ сказать, упразднниться отъ всего—уже не говоримъ—нечистаго и враждебнаго Божественному врачевству,—но отъ всего вообще посторонняго, отъ всего внѣшняго, отъ всего временнаго и житейскаго, чтобы стать готовымъ сосудомъ для принятія страшной тайны, и дать ея силѣ свободный входъ и очищенное мѣсто,—внутрь себя. Одна мысль должна наполнять весь умъ: мысль о важности предлагаемой тайны; одно чувство должно господствовать въ душѣ: чувство своего недостоинства. Нигдѣ наше самомнѣніе такъ не неумѣстно, нигдѣ оно столь нетерпимо, какъ въ виду тѣла и крови пострадавшаго за насъ Спасителя: довольно побужденій къ нашему смиренію въ тѣхъ великихъ страданіяхъ, среди которыхъ сіе тѣло было вознесено на крестъ и сія кровь пролилась изъ ранъ нашего Спасителя, довольно урока для нашего сокрушенія и въ томъ, что Самъ Сынъ Божій, уже прежде сложенія міра преданный Отцемъ на жертву за насъ, смертельною скорбію приготовлялъ себя къ мученіямъ и даже молилъ Отца, чтобы, если можно, миновала Его сія чаша,—сія самая чаша, изъ которой мы теперь безъ страданій причащаемся! Наше себялюбіе и всегда не совмѣстно съ любовію къ Богу: а здѣсь оно является какъ открытый, ожесточенный врагъ сей любви, который безстрашно и хладнокровно приступаетъ съ нами къ Спасителю, какъ бы для того, чтобы только предать Его въ насъ на второе распятіе! Но если бы представить здѣсь, истинно достойное своего предмета, положеніе человѣка, приступающаго къ тѣлу и крови Спасителя, то нельзя найти лучшаго на это образа—какъ положеніе распятаго на своемъ крестѣ разбойника,—со всѣмъ усиліемъ чувствъ обращеннаго душей къ Спасителю: «Помяни Мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ»! Именно положеніе распятаго, чтобы не владѣть, и не быть обладаему ни однимъ чувственнымъ движеніемъ, связать и пригвоздить въ себѣ всѣ земные помыслы и чувства, отказаться на этотъ разъ отъ всякаго земного впечатлѣнія, какъ бы совершенно оторгнуться отъ земли, силою глубочайшаго смиренія привести въ совершенный покой свое существо, оставить даже всѣ наружныя дѣйствія,—и имѣть только чувство и только языкъ,—чтобы чувствовать и выражать—исповѣдь разбойника на крестѣ! Пусть

умолкнутъ даже всѣ внѣшнія чувства,—и наша душа, наше тѣло—пусть станетъ только совершенно праздным и чистымъ сосудомъ,—неподвижнымъ, доколѣ не восчувствуетъ въ себѣ присутствія Того, Кто одинъ и долженъ наполнять его, одинъ и можетъ наполнить его!

Съ твердою и несомнѣнною вѣрою въ Божество Христа Спасителя, въ Его ходатайственныя заслуги, въ дѣйствительность тѣла и крови Его въ евхаристіи, въ благодатную силу ихъ на освященіе души и тѣла,—надобно принимать причащеніе, и вѣрою, какъ духовными устами, усвоять эту небесную пищу всѣмъ силамъ существа нашего. Не только всякое сомнѣніе тутъ неумѣстно, преступно и гибельно, даже всякое размышленіе о способѣ таинственнаго преложенія хлѣба въ тѣло и вина въ кровь—безвременно и предосудительно. Надобно подавить въ себѣ всякую смѣлую мысль о сей тайнѣ; надобно тотчасъ уничтожить въ себѣ всякое любопытство. Возстанетъ ли сомнѣніе—лучше идти наперекоръ сомнѣнію, и тѣмъ скорѣе и мужественнѣе приступать къ тайнамъ: съ принятіемъ ихъ сомнѣніе само собой уничтожится. Но гораздо лучше и спасительнѣе приступать безъ всякаго испытанія и размышленія о способѣ тайны. Образы хлѣба и вина—являются въ помощь нашей немощи. Кто изъ насъ въ состояніи былъ бы принять тѣло и кровь Спасителя, если бы онѣ подавались намъ въ собственномъ своемъ видѣ? Кто былъ бы въ состояніи даже смотрѣть,—безъ смертнаго ужаса,—на младенца, заколеннаго копіемъ на дискосѣ,—и на живую кровь его въ чашѣ? Никакъ не должно позволять себѣ и того желанія, чтобы для убѣжденія въ истинѣ тайны явилось что-либо чрезвычайное: это было бы дерзко для нашего недостоинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно для нашей немощи; можемъ ли мы быть увѣрены, что открытіе сей недовѣдомой тайны будетъ вмѣстимо для нашихъ чувствъ? что мы будемъ въ состояніи перенести это? что мы спокойно и смѣло будемъ принимать и ощущать въ себѣ живое тѣло и живую кровь—обнаженныя отъ завѣсы видимыхъ теперь нами образовъ? За это ручаться невозможно: страшно и думать объ этомъ. Собственное внутреннее чувство можетъ достаточно убѣдить всякаго, что тутъ лучше ничего не испытывать.

Съ живою и искреннею любовію къ Спасителю, которая срастворяя, такъ сказать, и соединяя причащеніе тѣла и крови Его съ нашею внутреннею жизнію, усвояла бы намъ оное въ вѣчную собственность,—надобно прикасаться къ тѣлу и крови Спасителя. Одна любовь подаетъ намъ сіе причащеніе, одна чистая любовь и должна принимать его, и одна любовь должна быть въ

виду при семъ принятіи залога любви. Гдѣ мы можемъ найти столько любви, какъ въ семъ дѣйствіи нашего Спасителя, гдѣ Онъ даетъ намъ Свою душу и Свое тѣло, которое положилъ за насъ на крестѣ, даетъ въ Своей крови Свою силу, Свою жизнь, Свою любовь, Свою славу и блаженство, словомъ, даетъ намъ въ пищу Свое естество и всего Себя, чтобы проникнуть Собою наполнить Собою наши души, и соединить ихъ съ Собою, вѣчнымъ союзомъ. И гдѣ больше пищи для нашей любви, какъ въ семъ таинственномъ единеніи нашимъ съ Богочеловѣкомъ, въ семъ существенномъ, кровномъ союзѣ, который въ то же время простирается и на всѣхъ вѣрующихъ ближнихъ нашихъ, на ихъ сердца и на нихъ жизнь, и такимъ образомъ составляется всесовершенный, единственный и въ самой вѣчности продолжающійся и тамъ еще болѣе раскрывающійся союзъ—всѣхъ насъ со Христомъ, всѣхъ насъ между собою, всѣхъ насъ съ Богомъ во Христѣ, и со всѣми нами Бога и Христа, въ единствѣ блаженной нескончаемой жизни! Какое совершенное, вѣчное единство! Но что же и въ насъ будетъ согрѣвать тѣло и кровь Спасителя, если только холодныя уста будутъ принимать ихъ и холодное сердце будетъ воспринимать ихъ внутри насъ? Что соединитъ и срастворитъ въ насъ тѣло и кровь Божественную съ нашимъ тѣломъ и кровію, когда не будетъ въ насъ теплоты любви? Для чувственной пищи нуженъ внутри насъ жаръ, чтобы пища могла разрѣшиться въ сокъ и кровь нашего тѣла; и для причащенія духовнаго потребенъ внутренній огонь любви: иначе оно останется безплодно.

Наконецъ святая рѣшимость, по таинственномъ соединеніи со Христомъ, оставаться навсегда живыми членами Его; блюсти себя отъ сквернъ плоти и духа и ходить достойно своего новаго высокаго званія—званія причастника Божественнаго естества,—такая рѣшимость должна запечатлѣть наше причащеніе. Она должна дать всю силу дѣйствію Божественнаго врачевства, и предотвратить всякій возвратъ духовныхъ болѣзней. Надобно пріобщаться тѣла и крови Спасителя, чтобы дать себѣ новую, лучшую жизнь, вмѣсто плотской духовную, вмѣсто страстной и порочной чистую и святую, вмѣсто жизни для себя или міра—жизнь для Бога и для вѣчности, чтобы дать себѣ новыя свойства, вмѣсто естественныхъ благодатныя, вмѣсто земныхъ небесныя, и вмѣсто общечеловѣческихъ ангельскія или лучше—Божественныя: ибо не ангельскаго, а Божескаго пріобщаемся естества; чтобы вмѣстѣ съ плотію Богочеловѣка усвоить себѣ Его духъ, тотъ духъ святости и чистоты пренебесной, который обиталъ въ пречистой плоти Его, неприкосновенной грѣху; тотъ духъ совершеннѣйшей кротости и безпрекословнаго смиренія, по которому всю жизнь

свою, всю славу Свою Онъ полагалъ въ безпредѣльномъ повиновеніи Отцу и ради Его воли принесъ Себя на жесточайшія страданія; тотъ духъ любви, который склонилъ Его—столь великою жертвою искупить осужденіе человѣковъ, снисхожденіемъ, столь глубокимъ,—уврачевать ихъ немощи и собственными лишеніями пріобрѣсти имъ снова благословеніе Отца и вѣчное спасеніе: надобно усвоить себѣ Его Божественный духъ, чтобы водиться имъ во всей своей жизни, и постепенно восходить къ высшему совершенству, на пути благодатнаго возрожденія и обновленія. Словомъ,—причащеніе тѣла и крови надобно принимать какъ новое, уже не безсознательное, но въ полномъ сознаніи—рожденіе, какъ новое для себя естество, для котораго нашъ чувственный составъ, не бывъ очищенъ и укрѣпленъ подвигами вѣры и любви христіанской, вмѣстилищемъ служить не можетъ: иначе огненная сила сего новаго естества разрушитъ нашъ нечистый и обветшалый составъ. «Никто же приставленія ризы новы приставляетъ на ризу ветху: аще ли же ни, и новую раздеретъ, и ветсѣй не согласуетъ еже отъ новаго. И никто же вливаетъ вина нова въ мѣхи ветхи: аще ли же ни, расторгнетъ новое вино мѣхи, и само изліется и мѣси погибнутъ» (Лук. V, 36, 37). Такъ причащеніе тѣла и крови по свойству своему есть врачество самое сильное и рѣшительное: а такія врачества, если не производятъ почему-либо всѣхъ спасительныхъ дѣйствій, то сопровождаются особенною опасностію для принимающихъ. Надобно рѣшиться дать въ себѣ всю силу Божественному причащенію: иначе это будетъ въ насъ не что другое, какъ страшный огонь, который потребитъ насъ. А сія рѣшимость должна заключаться въ твердомъ намѣреніи—жить послѣ причащенія истинно по духу Христову, а не по духу міра, или собственнымъ страстямъ.

Наше тѣло, и вообще всякое живое тѣло, принимаетъ въ себя свойства той пищи, какую употребляетъ. Такъ надобно вѣрить, что души вѣрующія и любящія, часто пріобщаясь истинной пищи въ таинствѣ Евхаристіи, пріобрѣтаютъ и усвояютъ себѣ и самыя свойства сей Божественной пищи. Потому души чистыя и святыя, часто питая себя пріобщеніемъ крови воплотившейся Любви, тѣла Виновника всякой святости и чистоты, всякой благости и красоты, безъ сомнѣнія, также содѣлываются въ очахъ Его совершенно добрыми, совершенно святыми, совершенно чистыми и прекрасными. Объ этомъ можно судить и по тѣмъ повременнымъ явленіямъ, какими иногда даже очевидно, сопровождалось причащеніе людей святыхъ и угодившихъ Богу: лице ихъ просіявало необыкновеннымъ свѣтомъ, или они и другіе видѣли сверхъестественный огнь, окружающій св. Тайны, или

видимо открывалось для нихъ общеніе съ высшимъ, безтѣлеснымъ міромъ, и душа ихъ исполнялась восторговъ небесныхъ, ощущала въ себѣ истинно-новую жизнь, чувствовала блаженнѣйшее общеніе со Христомъ,—состоянія, о которыхъ свидѣтельствовала и самая ихъ внѣшность, а еще болѣе, вся ихъ совершенная по духу Христову жизнь и чрезвычайныя, въ нихъ дѣйствовавшія, силы.

Что сказать о людяхъ, менѣе чистыхъ и святыхъ, въ которыхъ, однакожъ, собственное недостоинство въ причащеніи покрывается истинностію раскаянія и благодатію прощенія? «Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки». Сила Его благодати всегда выше нашихъ немощей, и только одно нераскаяніе и ожесточеніе дѣлаетъ насъ недостойными причастниками Его, и только это одно отнимаетъ отъ насъ дѣйственную силу Его пріобщенія. Надобно вѣрить и не сомнѣваться, что души наши, сколь бы ни были слабы нравственно, отъ благоговѣйнаго и неукоснительнаго причащенія Таинъ могутъ получать всю необходимую для нихъ крѣпость и силу, могутъ предохраняться отъ распространенія и усиленія въ нихъ нравственной порчи, могутъ достигать и того, что ядъ порочныхъ пристрастій не будетъ уже имѣть сильныхъ дѣйствій внутри ихъ. Вкушая хлѣбъ жизни, можно еще долго оставаться слабымъ, но умереть грѣховною смертью уже нельзя. Не смотря на свои несовершенства и раны духовныя, никакъ не должно отдалять отъ себя пріобщенія; напротивъ, надобно со всѣмъ усиліемъ ревности, со всею жаждою сей душевной пищи, со всѣмъ желаніемъ себѣ совершеннаго исцѣленія отъ болѣзней—искать пріобщенія крови Божественной. Именно, чтобы очиститься отъ несовершенствъ своихъ, чтобы избавиться отъ нуждъ своихъ, чтобы имѣть утѣшеніе въ скорбяхъ своихъ, чтобы подкрѣплять слабость свою—должно причащаться. Если совершенные должны съ ревностью причащаться, чтобы утвердиться въ добрѣ, ближе подойти къ Источнику совершенства, и съ Нимъ всегда тѣснѣе и тѣснѣе соединяться, то несовершенные должны обращаться къ тому же средству, чтобы возбудить и воспитать въ себѣ стремленіе къ совершенству, и дать себѣ силы достигать его; если крѣпкіе и здоровые имѣютъ нужду въ пріобщеніи, чтобы не ослабѣвать и предохранить себя отъ болѣзней, то слабые и больные—для того, чтобы укрѣпиться и получить исцѣленіе. Препятствуютъ ли великіе труды и заботы жизни? Уповаемъ сказать истину, что среди трудовъ и заботъ не можетъ быть болѣе надежной и крѣпкой пищи для духа и тѣла, какъ тоже пріобщеніе. Чувствуетъ ли само сердце недостатокъ любви къ Богу, чтобы часто и съ усердіемъ пріоб-

щаться? Пріобщайся для того, чтобы научиться любить Бога, чтобы успѣвать, укрѣпляться и утѣшать себя въ любви Божіей. Надобно пріобщаться, и часто, для того, чтобы научить себя, какъ должно пріобщаться, потому что нельзя дѣлать хорошо то, въ чемъ мало упражняемся.

Человѣкъ можетъ долго переносить голодъ: но отъ голода смерть есть самая ужасная изъ всѣхъ родовъ смерти, и мученія въ этой смерти тѣмъ страшнѣе, что она медленная, и когда она уже воспріяла свое дѣйствіе внутри тѣла, то и самое питаніе не помогаетъ; жизнь изчезаетъ въ лютыхъ страданіяхъ. Вотъ наиболѣе вѣрное изображеніе духовнаго состоянія человѣка, не знающаго Божественной пищи тѣла и крови. Онъ, повидимому, не чувствуетъ никакого голода, но невниманіе къ себѣ не даетъ ему видѣть того, что въ немъ происходитъ. Но наконецъ дѣйствія внутренняго лишенія открываются: душа ощущаетъ въ себѣ тяжесть и пустоту; чувства ея грубѣютъ; томленіе, уныніе, сильное смущеніе и безпокойство терзаютъ ее; силы ея очевидно ослабѣваютъ; страсти ожесточаются, послѣдній остатокъ свѣтлыхъ мыслей и добрыхъ стремленій исчезаетъ; человѣкъ становится самъ себѣ въ тягость; и это признакъ смертнаго дѣйствія духовнаго голода. Горе, если сей открывшійся голодъ не будетъ благовременно утоленъ пищею, именно, тою пищею, которой алчетъ душа, и которая одна только можетъ спасти ее; пища тѣла и крови искупительной и животворящей! Мучительная, тяжкая смерть, въ лютѣйшихъ страданіяхъ души, угрожаетъ тогда человѣку! Не благовременно, не должнымъ образомъ принятая, и самая сія пища не помогаетъ! Человѣкъ ожесточенъ, и смерть уже дѣйствуетъ своею силою въ мукахъ его отчаянія! Умирающій голодною смертію, наконецъ, теряетъ разсудокъ и сознаніе: и такъ можетъ быть многіе изъ христіанъ живутъ съ омраченными чувствами, страдая внутренно и смертно, только не разсуждая о томъ, и—можетъ быть—уже не сознавая! Что пользы,—что они видимо и живутъ! Страшная, голодная смерть!

Объ елеосвященіи.

Остается сказать о таинствѣ елеосвященія. Мы бы никогда не рѣшили, какимъ образомъ помазаніе тѣла елеемъ можетъ исцѣлять душевныя и тѣлесныя немощи человѣка, или врачевать тѣлесныя посредствомъ исцѣленія отъ духовныхъ, если бы всемогущая благодать Божественная не заключила въ этомъ помазаніи своей Божественной силы, и не обратила его дѣйствія въ

таинство. Врачующія дѣйствія этого таинства несомнѣнны: но нельзя заключать ихъ въ одной вѣрѣ принимающаго или сообщающаго помазаніе. Положимъ, что вѣра была бы тутъ средствомъ исцѣленія отъ болѣзней тѣлесныхъ, но какъ бы на одной вѣрѣ и въ одномъ елеѣ могло основаться исцѣленіе и отъ болѣзней душевныхъ? Вѣра есть только сила пріемлющая: нужна сила дѣйствующая. Или, какъ бы въ одномъ помазаніи тѣла могли мы заключить все приготовленіе человѣка на тотъ страшный путь, который открывается ему за гробомъ?

Сообразно предположенному плану обозрѣнія таинства, изслѣдуемъ: 1) потребность и дѣйствія таинства елеосвященія и 2) способъ употребленія его.

Прежде всего, это таинство обращаетъ наше вниманіе на тотъ важный предметъ, котораго оно непосредственно касается, и который, бывъ неизбѣженъ въ нашей жизни, составляетъ одинъ изъ горчайшихъ плодовъ первоначальнаго паденія человѣка.— Это—наши болѣзни, болѣзни тѣлесныя. Можно легко видѣть на опытѣ, какъ велико можетъ быть бѣдствіе болѣзни, въ сравненіи съ другими несчастіями. Іовъ, напр., постигнутый нищетою и безчадіемъ еще разсуждалъ, и разсуждалъ благодушно, еще благословлялъ Бога; но пораженный болѣзнію, «отверзе Іовъ уста своя, и прокля день свой» (3, 1). Страданія духа сообщаются тѣлу и страданія тѣла принадлежатъ духу. Эти два существа такъ тѣсно связаны между собою, что, составляя вмѣстѣ, общими силами и дѣйствіями, одну жизнь на землѣ, они не иначе могутъ жить другъ безъ друга, какъ половинною и весьма несовершенною жизнію; отлетѣвшій отъ тѣла духъ не можетъ вполнѣ блаженствовать, когда его тѣло гніетъ. Это больше, нежели догадка: надобно только представить себѣ очевидное прославленіе святыхъ, когда блаженство ихъ духа на небѣ дополняется нетлѣніемъ тѣла на землѣ, или только вспомнить, что наше полное блаженство, и по обѣщанію Евангелія, не прежде наступитъ, какъ по воскресеніи и обновленіи нашихъ тѣлъ. Жизненныя силы, разлитыя по всему тѣлу, отъ всѣхъ членовъ его сходятся и, такъ сказать, сосредоточиваются въ душѣ: потому-то и нравственныя болѣзни, собственно болѣзни духа, производятъ, по свойству своему, болѣзни физическія и, наоборотъ, болѣзни физическія нерѣдко располагаютъ къ нравственнымъ. По всему же этому болѣзни тѣла въ существѣ человѣка имѣютъ гораздо большее значеніе и большія дѣйствія, нежели чисто вещественныя болѣзни тѣла въ животныхъ. Теперь, что для врачеванія немощей тѣлесныхъ именно нужно было таинство, т. е. дѣйствіе силы высшей, духовной и Божественной, должно объясняться изъ того, что источникъ всѣхъ

разстройствъ въ составѣ человѣка заключается внутри его, въ его духѣ, что всѣ немощи тѣлесныя первоначально родились отъ немощей духовныхъ, и чрезъ нихъ естественнымъ образомъ усиливаются и распространяются, и что поэтому самыя болѣзни тѣла въ судьбѣ человѣка имѣютъ значеніе нравственное, и истинная, врачующая сила для всѣхъ немощей человѣка, была бы совершенна та, которая бы, врачуя наружно тѣло, врачевала въ то же время и духъ, и наоборотъ, врачеваніе тѣлу сообщала чрезъ исцѣленіе духа. Вотъ почему и самъ Іисусъ Христосъ для болящихъ всякаго рода оказывалъ первое благодѣяніе—то, что отпускалъ имъ грѣхи, и не иначе, какъ на этомъ основаніи, на разрѣшеніи отъ грѣховъ, утверждалъ и исцѣленіе ихъ тѣлесныхъ недуговъ. «Отпущаются тебѣ грѣси твои», говоритъ Онъ имѣющимъ нужду въ тѣлесномъ врачеваніи. Такъ ап. Петръ, приготовляя язычниковъ къ вступленію въ христіанство, изобразилъ для нихъ Божественность лица Іисуса Христа и высокую благотворность Его жизни земной особенно въ одномъ дѣйствіи—исцѣленіи. «Помаза Его, говоритъ, Богъ Духомъ Святымъ и силою, иже пройде, благодѣтельствуя и исцѣляя» (Дѣян. X. 38). Видимо, что исцѣленіе апостолъ поставляетъ непосредственнымъ дѣйствіемъ въ Богочеловѣкѣ Божества, Его исполнявшаго.

Состояніе болѣзни превращается, наконецъ, въ преддверіе смерти. Какое важное, какое страшное и вмѣстѣ дивное это послѣднее поприще жизни, гдѣ постепенно разрушающееся тѣло приготовляетъ постепенное освобожденіе отъ узъ его духу, и гдѣ между тѣмъ послѣднее присутствіе духа, его послѣднее напряженіе, такъ важно, что съ послѣднею минутою жизни временной рѣшается участь человѣка на вѣки,—и въ рѣшительномъ сраженіи духа съ плотію, онъ или выигрываетъ вѣчную побѣду и торжествуетъ въ новой жизни, или отдается въ плѣнъ, уже невозвратный, отъ одного малодушія и безполезныхъ усилій—спастись бѣгствомъ отъ смерти! Гдѣ всѣ подвиги жизни, какъ бы они важны ни были, довершаются этимъ однимъ, послѣднимъ, и—или въ немъ увѣнчиваются, восполняются, и съ послѣдней степени ихъ человѣкъ переступаетъ на небо, или напротивъ, неувѣнчанный конецъ затмеваетъ всѣ дѣла жизни, и человѣкъ, немногими остальными въ ней шагами, оступается въ бездну! Какая это непонятная, а потому трудная и всегда опасная брань смерти съ безсмертіемъ, тлѣнія съ нетлѣніемъ, ветшающей жизни съ обновленною, и всѣхъ воспоминаній прошедшаго со всѣми страхами и надеждами будущаго! Иногда упадающія силы тѣлесныя до того приводятъ въ изнеможеніе человѣка, и, если можно такъ выразиться, засыпаютъ духъ его своими развалинами, что

болящій даже не видитъ приближающейся смерти, не примѣчаетъ важности наступающаго подвига, не ищетъ и пособій. А еще, какое слово изобразитъ то страшное томленіе души, какое производитъ въ ней обнаруженіе совѣсти, ея сильный и уже ничѣмъ незаглушимый голосъ, и къ тому, какая тяжесть должна быть въ душѣ отъ чувства всей нищеты этой жизни, всѣхъ потерянныхъ надеждъ, всѣхъ утраченныхъ благъ, всѣхъ допущенныхъ заблужденій,—отъ обнаруженія предъ взоромъ души всего того, что въ продолженіе жизни еще отъ нея скрывается, чтобы только разительнѣе представиться ей въ часъ смерти!

Вотъ состояніе, въ которомъ тѣмъ нужнѣе сильная и рѣшительная помощь, чѣмъ безпомощнѣе оно само въ себѣ, тѣмъ необходимѣе высшая помощь, чѣмъ быстрѣе тутъ все человѣческое и земное склоняется къ ничтожеству; что же можетъ приготовить человѣка къ этой страшной, рѣшительной брани духа и плоти? Что поддержитъ его въ подвигѣ, дастъ ему вѣрное, крѣпкое оружіе, и, утоляя мученіе тѣла, поможетъ духу его, сквозь развалины жизни земной, возвышаться къ жизни небесной, ему сродной и ему тогда открывающейся? Какая могучая и животворная сила, какое цѣлебное дуновеніе расправитъ и возвыситъ крила отлетающей душѣ? Сила Божественная, дуновеніе благодатное—однимъ словомъ, таинство елеосвященія. Оно имѣетъ силу облегчать страданія тѣлесныя; оно помогаетъ духу собрать свои силы, чтобы исторгаться изъ подъ тяжкихъ для него развалинъ плоти; оно поддерживаетъ пламенѣющія искры жизни духовной въ угасающей жизни плотской; оно укрѣпляетъ въ больномъ чувствованія вѣры и молитвы; оно возжигаетъ огонь даже и въ хладномъ, даже и въ полумертвомъ сердцѣ; оно вселяетъ и возвышаетъ въ душѣ умирающаго твердое упованіе спасенія, умиряетъ его совѣсть, даетъ мужество побѣждать всѣ ужасы смерти и безбоязненно смотрѣть въ темную дверь вѣчности,—и если уже человѣку не суждено возвратиться съ новыми силами къ жизни земной,—оно направляетъ горній полетъ души, возноситъ ее надъ бездною мрака къ свѣту жизни вѣчной, устрояетъ ей путь непогрѣшительный, и, дѣйствуя сколько же на тѣло, сколько и душу, поддерживаетъ въ составѣ тѣла сѣмена его будущаго воскресенія и обновленія, не смотря на земное его сокрушеніе и тлѣніе. «И аще грѣхи сотворилъ, отпустятся ему»: это высшее благодѣяніе человѣку довершаетъ силу таинства и блаженную судьбу умирающаго. Совершеннѣе этой помощи ни представить, ни пожелать—нельзя.

Такъ изображаетъ Церковь таинственную и тайнодѣйствующую силу елея, освящаемаго въ таинствѣ: «елей сей, елей радо-

ванія, елей освященія, одежда царская, броня силы, всякаго діавольскаго дѣйства отгнаніе, печать ненавѣтная, радованіе сердца, веселіе вѣчное, и симъ помазуеміи паки рожденіе, страшни будутъ сопротивнымъ, и возсіяютъ въ свѣтлостяхъ святыхъ, не имуще скверны и пріимутся въ вѣчная упокоенія, и воспріимутъ почесть горняго званія».

Оригенъ представляетъ таинство елеосвященія, какъ сродное съ таинствомъ покаянія, и почитаетъ первое какъ бы слѣдствіемъ послѣдняго. Это справедливо,—и этимъ надобно изъяснять замѣченную въ таинствѣ елеосвященія силу—отпущенія грѣховъ немощному. Основаніе и сущность того и другого таинства одна: благодать очищенія и обновленіе духа и врачеваніе немощей человѣка; но тамъ, въ таинствѣ покаянія, врачеваніе немощей душевныхъ, здѣсь въ елеосвященіи—немощей душевныхъ и тѣлесныхъ вмѣстѣ; тамъ—судъ кающемуся,—здѣсь одна милость; тамъ полное исповѣданіе грѣховъ со стороны человѣка,—здѣсь оно замѣняется его молитвою; тамъ дѣйствуетъ власть церковная, прощающая человѣку грѣхи,—здѣсь власть и ходатайство о грѣшникѣ самой Церкви; тамъ исцѣленіе и оживленіе духа въ переходѣ его отъ жизни грѣховной въ жизнь благодатную: здѣсь исцѣленіе, оживленіе и полное вооруженіе духа—въ переходѣ его отъ всей жизни временной къ вѣчной.

Что касается до способа употребленія олеосвященія, до расположеній духа, съ какимъ надобно приступать къ нему и пользоваться этимъ таинствомъ, то ихъ опредѣляетъ уже самое назначеніе таинства. Чтобы расположенія въ принятіи этого таинства открывались во всей чистотѣ, глубинѣ и силѣ, чтобъ они были рѣшительны и тверды,—какія для сего побужденія могутъ быть важнѣе тѣхъ, какія представляетъ человѣку смертный его часъ? Или, если и не имѣть въ виду этого страшнаго часа,—какое побужденіе къ употребленію сего таинства можетъ быть сильнѣе побужденія—въ полномъ раскрытіи немощей человѣка душевныхъ и тѣлесныхъ, требующемъ чрезвычайной силы для его поддержанія? Къ принятію другихъ таинствъ можетъ располагать одно чувство долга; къ таинству елеосвященія возбуждаетъ человѣка весь его собственный составъ, возбуждаетъ голосомъ его жизни, всегда и среди немощей усиливающейся поддерживать себя,—или уже голосомъ наступающей смерти? Чѣмъ сильнѣе чувство немощей, чѣмъ болѣе болѣзни тѣла простираютъ свои разрушительныя дѣйствія на жизнь духа,—тѣмъ болѣе надобно побуждать себя къ принятію таинства елеосвященія, и тѣмъ болѣе ускорять его принятіемъ. Предразсудокъ народный не иначе представляетъ это таинство, какъ предсмертнымъ, и ложная мысль, будто употребленіе этого таинства уже предускоряетъ неминуемую смерть,—противорѣчитъ истинному назначенію елеосвященія и много вредитъ его спасительнымъ дѣйствіямъ въ человѣкѣ, его требующемъ: вредитъ потому, что въ борении и замѣшательствѣ чувствъ, знаменующемъ собою послѣдній часъ жизни,—человѣкъ уже неспособенъ бываетъ усвоить силу этого таинства съ сознаніемъ и полнымъ чувствомъ, и со всѣми необходимыми расположеніями духа самымъ таинствомъ отъ него требуемыми. Напротивъ, благовременное употребленіе таинства окажетъ благовременно и силу его,—и хотя бы немощи душевныя-ли то, или тѣлесныя, послѣ принятія таинства, видимо, увеличивались, внутреннее дѣйствіе его будетъ возрастать вмѣстѣ съ усиленіемъ немощей и, если бы не возставило тѣла къ жизни временной, несомнѣнно, воздѣйствуетъ въ духѣ къ жизни вѣчной.

Итакъ, вотъ необходимыя расположенія, заблаговременныя, съ которыми должно приступать къ таинству елеосвященія. Нужно искреннее и, сколько возможно, совершенное раскаяніе въ грѣхахъ всей своей жизни. Если бы въ другое время мѣшало нашему раскаянію ложное чувство страха или стыда, нерадѣніе или самообольщеніе, или неспособность владѣть собою, удерживающая насъ въ грѣхѣ, тутъ ли могутъ быть умѣстны всѣ такія ложныя препятствія, гдѣ собственное существо человѣка уже легко напоминаетъ ему его послѣдняя, и онъ самъ чувствуетъ, какъ жизнь его скользитъ на послѣднихъ граняхъ этого міра, готовая погрузиться въ безпредѣльную вѣчность? Тутъ ли еще надобно обманывать себя и почитать себя довольно чистымъ, чтобы не хотѣть за себя стыдиться и не слушать своей совѣсти, или довольно крѣпкимъ, чтобы не опасаться вѣчнаго плѣна? Если въ таинствѣ покаянія нужна сила духа, чтобы дать себѣ рѣшимость оставить худую жизнь и начать лучшую, то въ таинствѣ елеосвященія самыя немощи духа должны возбуждать къ самому чистому и полному раскаянію, чтобы въ душѣ не осталось рѣшительно ни одного плевела, способнаго дать изъ себя пищу огню геенскому.

Не говоримъ о необходимомъ также расположеніи духа—вѣрѣ; безъ вѣры ни одно таинство не дѣйствительно. Но въ елеосвященіи къ вѣрѣ должна присоединиться и вся сила упованія. Тамъ, гдѣ уже всѣ надежды временной жизни для человѣка потеряны, тѣмъ чище должна быть надежда будущаго; тамъ, гдѣ всякая другая сила можетъ оставить человѣка,—тѣмъ крѣпче, должна быть сила его надежды. Если гдѣ, то въ послѣднихъ часахъ жизни безвѣріе ужасно, отчаяніе губительно на вѣки: во

власть вѣчнаго мрака и мученій души нестерпимыхъ, нескончаемыхъ, предаетъ тогда человѣка невѣріе и отчаяніе. Ничего страшнѣе вообразить нельзя, какъ смерть невѣрующаго; отчаяніе начинаетъ для него адъ еще здѣсь, на землѣ, въ немъ самомъ. Полное довѣріе къ Провидѣнію, смиренная преданность его волѣ, все мужество вѣры и упованія, чистая и искренняя молитва, обращеніе всѣхъ мыслей и чувствъ горѣ, спокойное всесовершенное возношеніе всего себя въ жертву Любви и Милосердію Божію, чистосердечное желаніе спасенія: вотъ расположенія, наиболѣе нужныя и наиболѣе спасительныя въ таинствѣ елеосвященія. Страхъ смерти долженъ быть послѣднею изъ причинъ, долженствующихъ возмущать душу: если по отношенію къ естественному, неизбѣжному и общему для всѣхъ закону смерти, страхъ сколько же безполезенъ и безотраденъ, то и въ таинственномъ укрѣпленіи души силою елеосвященія, въ часъ смерти, страхъ можетъ только препятствовать полному дѣйствію таинства, изгонять изъ души другія, необходимыя расположенія, и только безъ отрады для человѣка увеличивать тяжесть его разрѣшенія отъ земли и переселенія въ вѣчность.

Мы говоримъ о расположеніяхъ души въ таинствѣ елеосвященія, имѣя преимущественно въ виду послѣдніе часы жизни: на это время, столь важное въ нашей жизни, расположенія души должны быть съ особеннымъ вниманіемъ устроены и управлены, по правиламъ вѣры и чистой христіанской нравственности. Всѣ земныя чувства должны въ это время умолкнуть: говорить должны одни чувства небесныя; всякая философія должна удалиться отъ одра умирающаго: тутъ должна предстоять и дѣйствовать одна религія. Если на этотъ разъ таинство елеосвященія вообще и почитается не необходимымъ, все—оно, мало сказать,—не излишне, оно потребно, если не со стороны религіи, удовлетворяющейся таинствомъ покаянія и причащенія, то со стороны самого духа человѣческаго, котораго состояніе въ эти послѣдніе часы такъ необычайно по отношенію къ цѣлой его жизни земной, что не одно только должное и необходимое можетъ помогать ему и его успокоивать, но и должное и необходимое должно быть для него чрезвычайными мѣрами усиляемо, восполняемо и возвышаемо, дабы тѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе могла быть оказана ему помощь. Такое-то восполненіе, усиленіе и возвышеніе помощи необходимой—таинства покаянія и причащенія—и заключается для умирающаго въ таинствѣ елеосвященія. Въ такихъ страданіяхъ души и тѣла, каковы предсмертныя,—не только необходимыя врачевства должны быть приняты, но и необходимыя усугублены; въ такой борьбѣ, какова смертная, и въ такомъ подвигѣ, каковъ подвигъ разрѣшенія души отъ тѣла,—самыя усиленныя мѣры необходимы. И благодать Божественная усиливаетъ эти мѣры. Тутъ-то, въ смертный часъ, человѣкъ живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ всю Божественную силу религіи христіанской, ощущаетъ всю нужду въ ея благодатныхъ дѣйствіяхъ,—и она не напрасно увеличиваетъ столько свою попечительность объ участи человѣка, не напрасно удвояетъ и усиливаетъ свои обыкновенныя пособія человѣку въ важнѣйшихъ судьбахъ его, когда для того, чтобы не только его неизбѣжную борьбу съ своею бѣдственною долею облегчить, но и сдѣлать его побѣдителемъ, его увѣнчать и привести къ полному торжеству,—даетъ ему не одно оружіе, покрываетъ его не однимъ щитомъ, снабжаетъ его не однимъ запасомъ потребныхъ силъ, сопровождаетъ его не однимъ путемъ жизни земной, но идетъ съ нимъ и за гробъ его, все сообщаетъ ему въ обиліи и съ избыткомъ, облегчаетъ и ускоряетъ его каждый шагъ къ послѣдней цѣли, и не прежде успокоивается въ своей материнской заботливости и блаженствѣ его,—какъ проводивъ, если можно такъ сказать, до самыхъ дверей царства небеснаго.

О молитвѣ.

Если на этой землѣ, если въ этомъ чувственномъ мірѣ, душа человѣка можетъ когда-нибудь жить собственною своею жизнію или дышать въ свойственной себѣ, чистой атмосферѣ, то развѣ тогда, когда она живетъ и дышетъ молитвою. Молитва—истинная жизнь души, потому что въ молитвѣ она, какъ весенняя птица, паритъ и витаетъ въ чистомъ эопрѣ жизни небесной, возносится къ вѣчному Солнцу,—туда, гдѣ источникъ ея жизни, и гдѣ ожидаетъ ее вѣчная жизнь въ лонѣ того, что не имѣетъ конца; истинная, родная стихія души, въ которой духовное существо ея, какъ увлажненный свѣжею росою цвѣтъ, раскрывается въ сіяніи своей духовной красоты и силы, впиваетъ въ себя чистый свѣтъ жизни духовной и обновляется въ сладкомъ чувствѣ облегченія отъ бремени чувственности; истинный, родной языкъ души, которымъ она непосредственно бесѣдуетъ съ своимъ отцомъ и отечествомъ и съ сроднымъ себѣ міромъ духовнымъ, и которымъ выражаетъ невѣдомыя для плоти и крови чувства и желанія; и—прибавимъ—языкъ, съ которымъ никакой языкъ плоти и крови сравниться не можетъ, языкъ, который въ полнотѣ вѣры столь силенъ и краснорѣчивъ, что сквозь всѣ громы раздраженнаго грѣхами нашими неба гласъ его достигаетъ престола Всемогущаго, Который внимаетъ ему съ любовію и преклоняется къ прощенію грѣшной души, дѣлая человѣка изъ врага своему пра-

восудію друга своей любви; языкъ, котораго славословію, во святомъ воодушевленіи любви, отзывается гласъ цѣлой вселенной, повѣдающей вмѣстѣ съ нимъ славу Творца и Промыслителя, или—воздыханіямъ котораго, въ глубокомъ чувствѣ кроткой надежды, вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ,—вмѣстѣ съ нимъ выражая скорбь порабощенія суетѣ и ожиданія благодатной свободы; наконецъ, языкъ, котораго самое безмолвіе сильнѣе всякаго слова и громче всякаго другого голоса раздается въ небесахъ. «Что вопіеши ко Мнѣ»,—вопросилъ Всемогущій Моисея,—въ минуты ужаснѣйшей для него опасности, а посмотрите: Моисей еще не сказалъ ни одного слова! Или, можетъ быть, нужно представить силу этого языка въ дѣйствіяхъ, болѣе видимыхъ и ощутительныхъ? Представьте себѣ столь могущественную силу слова, которая бы одна, сама собою, затворяла небо для прекращенія дождя и снова его отверзала для одожденія земли, которая бы повелѣвала, чтобы горсть муки была достаточна для пропитанія цѣлаго семейства и не на короткое время; которая бы возбуждала мертвыхъ изъ гробовъ и велѣла съ неба низойти огню, чтобы онъ попалилъ жертву и жертвенникъ, погруженные въ воду. Это необыкновенно! Но эта чрезвычайная сила слова—самая простая сила молитвы. *Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ и молитвою помолися*—и только. Но никто изъ насъ не пророкъ, чтобы имѣть такую силу молитвы!—пусть такъ: представимъ себѣ что нибудь меньше пророка,—представимъ, пожалуй, меньше нежели христіанина,—хоть язычника. Довольно, что язычникъ имѣетъ въ себѣ тотъ языкъ души, о которомъ теперь мы разсуждаемъ. Раздается этотъ могучій, дивный языкъ,—и небо слышитъ его, небо отверзается. Ангелъ прилетаетъ на гласъ его и наставляетъ язычника: язычникъ получаетъ свѣтъ истиннаго богопознанія и богопочтенія и изъ язычника дѣлается христіаниномъ. Это не мечтаніе ли? нѣтъ; это дѣйствительное событіе: «бѣ Корнилій мужъ благоговѣйнъ и бояйся Бога, творяй милостыни и моляйся Богу всегда; явися ему ангелъ и рече: услышана есть молитва твоя» (Дѣян. 10, 1—5).

Нужно ли сказать что-нибудь болѣе? Вообразите страшное зрѣлище кары небесной, когда она постигаетъ ожесточенныхъ оскорбителей правды Божественной; вообразите, что Всевышній раздраженъ преступленіями цѣлаго народа и являетъ свою волю погубить его; небо потрясается, чтобы разразиться всѣми громами надъ его главою, земля, пропасти, адъ—разверзаются чтобы поглотить несчастныя жертвы; народъ издыхаетъ въ отчаяніи,—каждая минута несетъ вѣчную гибель; не кажется ли, что уже не возможно спасти этотъ народъ? Но въ сіи страшныя минуты

является одинъ человѣкъ, который рѣшается отверзть уста свои и принести молитву за народъ. Онъ молится, и громъ гнѣва небеснаго заглушаетъ его молитву: (*остави мя, и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ*). Но онъ опять молится, и опять голосъ его заглушается,—молится еще, и сила молитвы побѣждаетъ громы, побѣждаетъ гнѣвъ непобѣдимаго! *И умилостивися Господь о злѣ, еже рече сотворити людемъ своимъ.* Это—событіе въ народѣ Израильскомъ (Исх. 32; 10, 14).

Что было бы съ бѣдною душею человѣка въ этой бѣдной землѣ изгнанія, если бы не тотъ могучій, живительный языкъ, которымъ она еще можетъ бесѣдовать съ своею отчизною чрезъ все разстояніе неба отъ земли, этотъ языкъ нѣжный, котораго сладкая рѣчь можетъ заставить душу забыть всякое горе! Еще разъ: родное достояніе души, ея родное слово—безцѣнный даръ небесъ. Когда горькіе опыты жизни насъ обременяютъ, когда міръ,—люди отказываютъ намъ въ добромъ расположеніи или полезномъ совѣтѣ, и безсильная рука человѣческая не можетъ никакой помощи подать намъ; когда лучшія надежды и пріятнѣйшія ожиданія измѣняютъ намъ, и теряются лучшія драгоцѣнности сердца; когда среди малыхъ радостей, но многихъ горестей, міръ отвергаетъ насъ, люди обижаютъ, счастіе бѣжитъ отъ насъ, какъ ложный другъ въ часы опасности: тогда, тогда—обрати, душа, всѣ мысли и чувства твои къ твоей отчизнѣ, вознеси свой чистый, крѣпкій голосъ надежды и вѣры къ Тому, Кто одинъ всегда и вездѣ тебя видитъ и слышитъ,—скажи,—и отзовется тебѣ отъ него голосъ мира и любви; Онъ пошлетъ изъ лона своего безоблачнаго свѣта искру, и одна искра возставитъ упадшую бодрость, прольетъ цѣлебную живительную силу на раны скорбію пораженнаго сердца, разгонитъ тучу сомнѣній, разсѣетъ мракъ уныніе, освѣтитъ и уравнитъ самый тернистый путь жизни.

Есть особенная школа, въ которой этотъ языкъ души образуется, и изъ которой онъ выноситъ всѣ чудеса своей силы. Эта школа—христіанство. Остановимся теперь на молитвѣ собственно христіанской, чтобы разсмотрѣть ея внутреннее образованіе и видѣть то, что ей въ особенности свойственно, и что составляетъ ея существенный, отличительный характеръ.

Если бы не связывали души нашей, или не связывали такъ тяжко, узы плоти, еслибы не развлекали ее постоянно чувственные предметы, то, можетъ быть, она въ самой себѣ ощутила бы довольно естественныхъ влеченій, чтобы жить по христіанскому ученію: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 16),—потому самому, что молитва—ея родной языкъ, языкъ ея отчизны! Но—въ чуждой

странѣ мудрено ли и совсѣмъ забыть свой родной языкъ? Такъ наша душа, живя въ этомъ мірѣ, принуждена перенимать чуждый для нея языкъ окружающихъ ее предметовъ, языкъ слабый и ограниченный, и какъ часто этотъ языкъ не можетъ высказать вполнѣ мыслей и чувствъ, питаемыхъ душею, и еще, какъ часто въ своихъ выраженіяхъ онъ превращаетъ ея мысли и чувства, и она платитъ невольную дань чужбинѣ, тѣмъ, что выражаясь чуждымъ языкомъ и обращаясь съ чуждыми для нея предметами, принуждена скрывать свои завѣтныя мысли, свои чувства родныя. А между тѣмъ ея собственный, чистый языкъ забывается, до того забывается, что она уже стала совершенно неспособна бесѣдовать непосредственно съ небомъ, я было нужно, чтобы родная мать ея—Любовь небесная—снизошла съ неба на землю и облеклась въ чуждую ей плоть, въ которой могла открыть себя душѣ, и нужно было всецѣлое возрожденіе души, чтобы она опять пріобрѣла способность владѣть своимъ отечественнымъ языкомъ. Языкъ возстановленъ, очищенъ и усовершенъ. Душа человѣка въ объятіяхъ любви небесной, любви, которая сама явилась къ ней въ землю изгнанія съ привѣтомъ отчизны, приняла ее на лоно свое и, желая съ ней непрестанно бесѣдовать, побуждаетъ непрестанно говорить съ собою роднымъ языкомъ. «Непрестанно молитеся»—это въ самомъ дѣлѣ, кажется, не столько заповѣдь и понужденіе, сколько ласка и побужденіе любви, подобно тому, какъ любящая мать, держа на рукахъ любимое дитя, заставляетъ его безпрестанно лепетать своимъ дѣтскимъ языкомъ. Непрестанно молись: непрестанно возвѣщай о себѣ, непрестанно открывай чувства сердца твоего, нужды или скорби жизни твоей; непрестанно говори обо всемъ, о чемъ думаешь, чего желаешь, что испытываешь; печаль-ли возмущаетъ тебя, радость-ли восхищаетъ, сомнѣніе-ли тяготитъ, зло-ли какое искушаетъ, благо-ли какое привлекаетъ къ себѣ думы и надежды: говори, все говори, говори непрестанно; родной языкъ понятенъ, дорогъ Любви, и Любовь непрестанно слушаетъ и внемлетъ, даже прислушивается, не излетитъ-ли вздохъ изъ глубины родимаго сердца, чтобы летѣть ему на помощь. Непрестанно молитеся. Конечно, можно говорить много и молиться о многомъ. Но о чемъ говорить нужнѣе и полезнѣе? или о чемъ молиться—должно? Вотъ на это единственный, глубочайшій отвѣтъ религіи христіанской, который, впрочемъ, и касается только души христіанской: *о чесомъ бо помолимся, яко подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными, испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе духа, яко по Богу ходатайствуетъ о святыхъ* (Рим. 8, 26, 27).

Какая чрезвычайная истина! Чего не хотѣла бы или не могла желать душа наша, въ своемъ существѣ необъятная и неизмѣримая душа, которой и цѣлый міръ со всѣми его предметами и благами наполнить не можетъ? И, однакожъ, то самое, что наша душа могла бы желать всего, доказываетъ, что она не можетъ знать, чего надобно желать, и она въ самой жаждѣ насыщенія, въ самомъ жару своихъ необъятныхъ желаній, была бы вѣчно безмолвна, еслибы во глубинѣ ея возрожденной жизни не было живого и, можетъ быть, ей самой недовѣдомаго голоса, который за нее ходатайствуетъ, проситъ, желаетъ, чего надобно,—и молитъ воздыханіи неизглаголанными! И вотъ самое очевидное свидѣтельство. Посмотрите на міръ языческій: какія ненасытныя желанія тяготили его во всѣ времена и во всѣхъ состояніяхъ его просвѣщенія и жизни общественной! Какая мучительная жажда всегда снѣдала его, и какое жестокое отчаяніе терзало его, когда онъ ничѣмъ не могъ ни утолить, ни заглушить этой жажды, не могъ ее въ себѣ и уничтожить! И, однакожъ, умѣлъ-ли онъ объяснить себѣ, что это за жажда, и умѣлъ-ли ее высказать, какъ надобно? Нѣтъ! Вотъ что значитъ, что у души въ этомъ мірѣ не былъ развязанъ языкъ,—поелику, странствуя въ чуждой землѣ, она умѣла говорить только чужимъ языкомъ и забыла родной, тотъ родной языкъ, на которомъ бы ея всегдашняя жажда могла высказаться. Состояніе человѣка естественнаго, въ разсужденіи молитвы, подобно состоянію младенца, который чувствуетъ въ себѣ боль, но не умѣетъ ее объяснить. А сколько еще связывала языкъ совѣсть, отягченная преступленіями, которая заставляла человѣка только трепетать, а не высказывать свободно своихъ желаній! Правда, и язычники и грѣшники смотрятъ на небо; но небо отвѣчаетъ страшными громами на ихъ, чуждый для него, грубый языкъ.

Такъ, *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* Если же такъ, что же значатъ тѣ воздыханія неизглаголанныя, которыми Духъ въ душѣ нашей ходатайствуетъ о насъ? Это-то и есть тотъ возбужденный, обновленный языкъ души, который она воспріяла и сознала въ себѣ, послѣ того, какъ Любовь небесная заговорила ей своимъ, родственнымъ ей, языкомъ, и напомнила о горнемъ отечествѣ; или еще, эта Любовь вложила въ душу искупленную свой божественный языкъ, который есть именно тотъ языкъ или гласъ Духа, котораго воздыханія неизглаголанны. Новый въ душѣ человѣка и чудный гласъ! Это сила Духа Божественнаго и особенное дѣйствіе сего Духа, который *дышетъ, идѣже хощетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ* (Іоан. 3, 8): кто хочетъ слышать его, тотъ,

по наставленію Спасителя, долженъ войти въ клѣть свою и, затворивъ за собою дверь, пребывать, какъ апостолы въ горницѣ іерусалимской, въ ожиданіи обѣтованія Отца. Тамъ-то, въ этомъ духовномъ уединеніи безмолвіи внѣшнихъ, обыкновенныхъ чувствъ, можно, наконецъ, слышать, какъ этотъ сильный голосъ возникаетъ изъ глубины самоуглубленной души и говоритъ, говоритъ то, чего не скажетъ никогда ни міръ, ни плоть, ни земля, ни природа, и что можетъ говорить только этотъ голосъ, а слушать—только трепещущая совѣсть! Пробуждается-ли когда-нибудь душа наша отъ очарованія,въ которомъ усыпляютъ, и держатъ ее міръ и плоть,—и видитъ-ли въ ясной картинѣ свою прошедшую жизнь, въ цѣпи заблужденій, слабостей, страстей и преступленій, гдѣ и самыя добродѣтели оказываются ненадежными, чтобы устоять предъ взоромъ Всемогущаго? Вотъ дыханіе бурно, которое, проникая въ храмъ нашей души, въ нѣкоторые часы,—о если бы всегда!—потрясаетъ, такъ сказать, все существо ея и угрожаетъ, повидимому, разрушеніемъ,—тотъ «Духъ великъ и крѣпокъ, разоряя горы и сокрушая каменіе», который какъ бы противъ воли заставляетъ самихъ насъ бросать то, что доселѣ берегли мы, какъ драгоцѣнность, разрушать то, что долго созидали, какъ блаженство! Невольное уныніе и грусть овладѣваютъ сердцемъ; все кажется потеряннымъ и все становится безотрадно; отчаяніе, какъ огнь, быстро охватываетъ душу и ее пожираетъ! Но еще усиліе, чтобы не пасть,—и капля росы благодатной опускается въ самую среду внутренняго, снѣдающаго душу, огня, и огонь загасаетъ, буря утихаетъ, отчаяніе исчезаетъ, заря надежды и мира восходитъ въ душѣ,—и тогда-то изъ глубины ея потрясенной, но обновленной и успокоенной жизни возникаютъ кроткія, сладкія, мирныя и неизглаголанныя воздыханія, которыми самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ и вопіетъ за насъ: Авва отче! Это не наши воздыханія, наше было только отчаяніе; и эти воздыханія неизглаголанны, потому что на землѣ, кругомъ насъ, нѣтъ того предмета, къ которому они стремятся, или который они выражаютъ. Самъ Духъ, Духъ Божій движетъ тогда чувствами, языкомъ нашей души, и она, какъ дитя за матерью, за нимъ повторяетъ только: Авва отче! Сладкій, въ самой грусти сердца, языкъ! поелику это языкъ надежды! Нѣжный—въ самой отягченной совѣсти—языкъ: поелику это языкъ отрады, милосердія и прощенія.

Таковъ молитвенный духъ христіанства! О чесомъ помолимся, не вѣмы, но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными: какъ это совмѣстить въ одномъ понятіи? Молитва вѣры.

Въ насъ есть ходатай за насъ. Но—наша внѣшняя жизнь? наше состояніе, наши судьбы въ мірѣ? Какая молитва, какой голосъ объ этомъ предъ Богомъ души христіанской? И на это есть отвѣтъ въ христіанствѣ, и опять такой отвѣтъ который только въ христіанствѣ возможенъ: *вѣсть Отецъ вашъ Небесный, яко требуете сихъ всѣхъ прежде прошенія вашего; не печытеся убо на утрей, утренній бо собою печется, довлѣетъ дневи злоба его* (Мѳ. 5, 8. 6, 32, 34). Послѣ этого, касательно предметовъ внѣшней жизни и судебъ ея въ мірѣ самая сильная и краснорѣчивая молитва христіанина—безмолвіе.

Безмолвіе—всесовершенная преданность души Богу, возвышенное состояніе христіанскаго покоя, въ которомъ человѣкъ всего себя, все, что ему принадлежитъ, все, что съ нимъ можетъ случиться, предоставляетъ волѣ и провидѣнію Творца и Отца, такъ, что самъ остается только стражемъ своей души и тѣла, только орудіемъ собственныхъ дѣйствій, только свидѣтелемъ собственныхъ приключеній. Такое состояніе есть непрерывная, отъ одного конца жизни до другого простирающаяся молитва, молитва собственно души христіанской,—и вотъ искусство цѣлую жизнь обратить въ единую, непрерывную молитву предъ Богомъ. И душа проходитъ, такимъ образомъ, совершенный подвигъ крѣпчайшаго моленія, не выражая ни одного слова. Какъ, однакожъ, плодовито мыслями, богато чувствами, обширно въ дѣятельности,—это безмолвіе! Какъ оно глубоко и обдуманно! Сравните только два рода жизни: жизнь этого безмолвія и жизнь молвы суетливой; тамъ нѣтъ конца заботамъ о счастіи, и одно за другимъ самыя обширныя предначертанія къ устроенію своего благополучія,—и, однакожъ,—всѣ эти предначертанія, даже самымъ лучшимъ образомъ обдуманныя, или не исполняются, или несовершенно исполняются, или самое счастіе не радуетъ, потому что не удовлетворяетъ; здѣсь, среди этого безмолвія, нѣтъ никакихъ собственныхъ предначертаній,—и тѣмъ вѣрнѣе путь жизни—въ чертежѣ единаго всемогущаго провидѣнія, устрояющаго путь земной человѣка прежде всего ко благу души, а гдѣ благо души, тамъ и все благо цѣлой жизни; тамъ, въ жизни суеты, успѣхи надмеваютъ, неудачи повергаютъ въ уныніе, прошедшее терзаетъ раскаяніемъ, настоящее озабочиваетъ, будущее страшитъ: здѣсь, въ безмолвіи христіанства, все въ рукахъ и подъ кровомъ единаго Всемогущаго, а потому нѣтъ гордости въ счастіи, а есть чистая радость; нѣтъ ропота въ несчастіи, а есть кротость смиренія и покой надежды; нѣтъ заботы, нѣтъ страха, потому что прошедшее не потеряно, настоящее безопасно, будущее вѣрно; сердце положено въ силу Божію,—и въ самой немощи откры-

вается сила Божія; всѣ дѣла приближены къ Богу, и всѣ намѣренія тверды; тамъ суета и обманъ; здѣсь нѣтъ суеты, и все вѣрно; тамъ жизнь тяжка и смерть страшна, здѣсь жизнь для Бога, смерть о Господѣ. Вотъ планъ жизни, какой только могъ бы пожелать безпристрастный умъ и совершенная добродѣтель, чтобы обладать совершеннымъ спокойствіемъ на пути этого міра: какимъ дѣйствіемъ со стороны человѣка осуществляется этотъ, столь глубокій, планъ? Молитвою, иногда же безмолвіемъ, которому учитъ вотъ эта молитва: «да будетъ воля Твоя, якоже на небеси, и на земли»! Итакъ, повторимъ голосомъ Любви на голосъ нашей души: «вѣсть Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ, прежде»... Какъ изобразить однимъ словомъ предметъ этого наставленія для души христіанской?—Молитва надежды.

О законѣ Евангельскомъ.

«Для меня нѣтъ закона; я умеръ закону, и живу только для Бога. Я распялся со Христомъ, и не я живу, но самъ Христосъ живетъ во мнѣ, который столько возлюбилъ меня и предалъ Себя за меня». (Гал. 2, 19, 20). Вотъ идея высочайшаго нравственнаго совершенства, до какого только можетъ достигнуть человѣкъ, и эта идея принадлежитъ Евангелію, принадлежитъ новому, возрожденному человѣчеству. Законъ можетъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ, но не можетъ сдѣлать его совершеннымъ: потому что законъ всегда держитъ человѣка въ оковахъ заповѣдей, всегда подчиняетъ его жизнь правиламъ: а гдѣ заповѣди, тамъ рабство, гдѣ правила, тамъ ученичество, школа. Правда, заповѣди и правила приготовляютъ человѣка къ совершенству, но только приготовляютъ; совершенство уже выходитъ за границу заповѣдей: оно тамъ, гдѣ духъ, сила, жизнь, свобода,—то, чего не можетъ дать законъ. Теперь, когда апостолъ говоритъ, что для него нѣтъ закона, что онъ умеръ закону: то говоритъ, что жизнь возрожденнаго человѣка выходитъ за черту дѣятельности подзаконной, и съ раскрытіемъ въ ней новыхъ силъ, съ свободою духа, идетъ къ высшему совершенству; въ ней воображается Христосъ, въ Немъ она распинается, и идетъ, раскрывается не для міра, не для самаго человѣка, даже не для закона, а для Бога. Таковъ законъ новой жизни человѣчества, т. е. человѣчества возрожденнаго, таковъ законъ Евангельскій. Умереть закону, распяться со Христомъ, жить для Бога единаго: сколько тутъ необычайнаго, вышеестественнаго, сколько тутъ таинствъ нравственныхъ, если можно употребить такое выраженіе! Чтобы выразумѣть полнѣе

сущность этого закона Евангельскаго, надобно раскрыть частныя его свойства.

Первая черта закона Евангельскаго есть та, что это—законъ вѣры. Для человѣка, оставленнаго самому себѣ послѣ грѣхопаденія, законъ дѣлъ, или положительный законъ Божественный, былъ необходимъ: надобно было обуздать чувственную, грѣшную натуру человѣка, которая обнаружила слишкомъ неумѣренное буйство и своеволіе, надобно было освѣтить сколько нибудь путь истины для ума, потерявшагося въ своихъ безпутныхъ умозрѣніяхъ; надобно было образовать сколько нибудь и сердце,—сердце, которое подъ разными условіями внѣшней жизни человѣка, въ разныхъ странахъ и въ разныхъ климатахъ,—тамъ дичало, тамъ изнѣживалось, тамъ питалось прахомъ земли, а тамъ пило кровь человѣческую. Данъ законъ. Однакожъ, что могъ сдѣлать и законъ? Сказать человѣку, что онъ поступаетъ худо, не такъ, какъ долженъ поступать; сказать, что онъ долженъ дѣлать добро и не дѣлать зла; указать ему путь добра и обличить его страсти и пороки; судить его, и обѣщать ему награды, какъ вѣрному блюстителю правды законной, или страшить его казнями, какъ преступника: все ли это? все ли, что нужно было человѣку, или что могло спасти его? Нечего читать нравоученія голодному: надобно дать ему кусокъ хлѣба; нечего бросать деньги утопающему: надобно вытащить его изъ воды. Учить и судить: вотъ двѣ обязанности, которыя, въ отношеніи къ человѣку, принималъ на себя законъ. Но,—наука не то, что природа или жизнь, и судъ не то, что помощь или спасеніе. Я могу прекрасно понимать добродѣтель въ теоріи, но въ то же время могу быть самымъ дурнымъ человѣкомъ,—и поневолѣ, когда у меня нѣтъ силъ побѣдить въ себѣ зло. Не напрасно душа моя порывается къ добру, котораго идею носитъ въ умѣ своемъ, котораго чувство питаетъ въ сердцѣ своемъ; не напрасно сердце мое износитъ вздохъ, когда сознаетъ въ себѣ болѣзнь, когда слышитъ о судѣ и воздаяніи, или когда раскрываютъ предъ нимъ глубину зла, въ которую оно пало. Чувствую, что живу не такъ, какъ должно, и дѣлаю не то, что должно. Кто-же дастъ мнѣ силу —любить добро такъ, какъ я самъ желалъ бы того? Дайте мнѣ крѣпость и мужество—подвизаться ради добродѣтели, столько, сколько она заслуживаетъ; дайте рѣшимость и постоянство—побѣждать, подавлять въ себѣ зло, дотолѣ, доколѣ не будетъ во мнѣ корня его. Нѣтъ у меня силъ—бороться со зломъ,—и я рабъ грѣха, не смотря ни на какіе законы, не смотря ни на какіе суды и угрозы, я врагъ добродѣтели, не смотря ни на какое превосходство ея, ни на какія обѣщанія наградъ за любовь къ ней: люблю порокъ, хотя и вижу его безобразіе и знаю,

что онъ меня губитъ.—Законъ нарушенъ: преступникъ обличенъ. Всѣ молніи и громы правосудія небеснаго вооружаются на главу его; всѣ стихіи природы возстаютъ, чтобы быть орудіями суда и казни; міръ потрясается, бездна разверзается,—преступникъ долженъ погибнуть. Какой преступникъ? Самый жалкій преступникъ: человѣкъ,—бѣдный и немощной, умирающій прежде суда и казни, умирающій отъ внутреннихъ тяжкихъ болѣзней; несчастный плѣнникъ грѣха, которому не имѣетъ силъ сопротивляться, жертва зла, котораго не можетъ побѣждать, даже не можетъ отдалить отъ себя, отъ своего сердца. Это самое безсиліе, это рабство несчастное есть уже тягчайшее наказаніе для бѣднаго человѣка. Судите его: онъ сталъ рабомъ грѣха еще прежде, чѣмъ понялъ различіе между добромъ и зломъ; онъ созналъ въ себѣ силу страстей, прежде, чѣмъ исчерпалъ глубину жизни духовной и взвѣсилъ свои нравственныя силы, чтобы узнать, что онъ можетъ сдѣлать въ пользу добродѣтели. Еще малое дитя, онъ уже былъ не малый грѣшникъ: eram tantillus puer, et tantus peccator, какъ говорилъ о себѣ блаженный Августинъ. И человѣкъ долженъ погибнуть, погибнуть въ казняхъ временныхъ и вѣчныхъ?

И то еще: сколько внѣшній законъ могъ дѣйствовать на внутреннія расположенія души,—и могъ ли управлять внутренними чувствами? Тамъ, внутри души, источникъ добродѣтели и совершенства нравственнаго, но туда менѣе всего могъ проникать законъ. Онъ говорилъ: не убій, не укради, не клевещи; это дѣла внѣшней жизни, и выполнить ихъ можно. Но, если законъ говорилъ: люби? Могу ли я любить по приказанію, вопреки собственнымъ чувствамъ души, и что это была бы за любовь? Законъ говоритъ: молись и приноси жертвы,—могу: но дастъ ли онъ тотъ духъ молитвенный, которымъ бы воодушевлялось внѣшнее поклоненіе Богу, и душа, не привязываясь къ чувственнымъ жертвамъ, свободно возносилась къ небу? Ничего этого не могъ сдѣлать внѣшній законъ,—потому что для этого нужно было положить въ душу сѣмя новой жизни, ее возрождающее,—а такое возрожденіе—не дѣло закона, который, по ученію апостола, не могъ живить человѣка.

Теперь на мѣсто этого, страшнаго, чтобы судить человѣка, но безсильнаго, чтобы спасать его,—закона, является новый законъ,—законъ вѣры. Внѣшній законъ за человѣка выполненъ; судъ правды понесенъ, всѣ казни и кары уничтожены; внутренняя жизнь человѣка возрождена и обновлена. Что остается человѣку? Вѣровать: вѣрою начинать поприще своей дѣятельной жизни, вѣрою продолжать его, вѣрою оканчивать, вѣровать и не переставать вѣровать, доколѣ вѣра не преобразится въ любовь,—тамъ,

гдѣ уже нѣтъ мѣста вѣрѣ или надеждѣ, но гдѣ царствуетъ единая, всеобъемлющая любовь. Что могъ сказать самый строгій блюститель закона, прошедши свое земное поприще, гдѣ онъ велъ тяжкую, неустанную борьбу, то со своею волею—непокорною закону, то съ своею совѣстію—всегда непокойною отъ несовершеннаго выполненія закона? Что онъ могъ сказать? «Я дѣлалъ, что могъ, и вижу, что ничего не сдѣлалъ; нѣтъ мнѣ прощенія; законъ твой не выполненъ, Судія всесильный! Въ твоей волѣ карать меня какъ преступника! Въ твоей страшной десницѣ жизнь и смерть моя»! Не то говоритъ, и не то должна говорить человѣку вѣра Евангельская. Нравственная сила вѣры чрезвычайна. Надобно сказать правду: тяжко было иго закона, а Евангельскія заповѣди еще труднѣе; но требованіямъ этихъ заповѣдей не уступаетъ могучая сила вѣры,—сила вышеестественная, которая все побѣждаетъ. Брось все, говоритъ человѣку Евангеліе, брось все, что есть для тебя пріятнаго и драгоцѣннаго для жизни; будь мертвъ для міра,—иди страдать на цѣлую жизнь,—и ничего не ожидай себѣ на землѣ, кромѣ скорбей ради спасенія, но и ни о чемъ не заботься, не заботься даже о хлѣбѣ насущномъ, а думай объ одномъ только спасеніи души твоей. И человѣкъ избранный, послушный этому голосу, оставляетъ все и идетъ на зовъ Евангелія, и знаетъ, что идетъ на страданія, что для него путь самоотверженія будетъ тяжекъ, прискорбенъ, однакожъ идетъ и не оставляетъ рѣшимости идти. Какія у него силы? Никакихъ. Въ чемъ у него надежда на себя самаго? Ни въ чемъ. Какихъ онъ ожидаетъ себѣ радостей въ жизни? Никакихъ. Что же ведетъ его, что укрѣпляетъ и поддерживаетъ? Вѣра. Жизнь въ мірѣ и для возрожденныхъ имѣетъ обыкновенныя свои трудности и суеты; тамъ заботы житейскія не даютъ времени подумать о себѣ; тамъ множество предметовъ, требующихъ вниманія и размышленія, подавляютъ умъ; тамъ столкновеніе различныхъ обязанностей приводитъ въ замѣшательство и недоумѣніе; тамъ пропускъ, тамъ ошибка или заблужденіе; тамъ излишество, а тамъ недостатокъ; а тамъ соблазнъ, страсть, грѣхъ и паденіе. Какой умъ или характеръ избѣжитъ всѣхъ этихъ преткновеній? Никакой. Гдѣ взять силъ или способовъ—побѣждать всѣ эти трудности? Нигдѣ. Что же покроетъ ихъ, что выведетъ изъ нихъ человѣка побѣдителемъ?—Вѣра. Вѣруй,—и всегда будешь на вѣрномъ пути, и всегда вѣрно придешь къ цѣли.

Другое свойство закона Евангельскаго состоитъ въ томъ, что это есть—*законъ духа, жизни,* какъ выражается апостолъ. Тамъ, гдѣ преобладала чувственность, необходимъ былъ законъ чувственный. Самыя первыя заповѣди десятословія имѣютъ въ

виду чувственность. «Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси—горѣ, и елика на землѣ—низу»: не дѣлай для себя Божествомъ того, что хотѣла бы боготворить твоя обольщенная чувственность. Законъ обрядовый весь относился къ чувственности. Что же духъ? Гдѣ его пища? Гдѣ его истина? Пища духа въ самыхъ малыхъ зернахъ сокрывалась въ томъ, чѣмъ питаема была чувственность; самымъ тонкимъ внутреннимъ чувствомъ надобно было ощущать силу этихъ зеренъ пищи духовной: не постигаемыя этимъ чувствомъ, они пропадали въ чувственномъ. Истина духа, въ слабыхъ отблескахъ, просіявала сквозь рядъ чувственныхъ образовъ, которыми была обставлена религіозная жизнь человѣка. И самымъ тонкимъ зрѣніемъ внутреннимъ надобно было постигать эти отблески; не замѣченные, они пропадали въ мракѣ внѣшнихъ образовъ. Судите-же: сколько могъ быть совершенъ духъ человѣка въ истинѣ и добрѣ, самимъ закономъ, такъ сказать, погруженный въ чувственность! Это было дитя, которое учили грамотѣ по картинкамъ, и оно считало буквы, не умѣя сочетать ихъ для выраженія истины. Правда, прекрасна и занимательна для духа была и эта грамата: съ какимъ, напримѣръ, восхищеніемъ духа Давидъ говоритъ о законѣ! «Законъ твой услаждаетъ меня; заповѣди твои возбуждаютъ улыбку веселія на устахъ моихъ; это чистое серебро; это камень драгоцѣнный; возлюбилъ я законъ твой: онъ свѣтильникъ для меня, онъ поученіе мое»! Но это была только буквальная грамота, и учились ей въ школахъ строгаго правосудія; а жизнь, жизнь духа была еще далеко,—за предѣлами этой школы. Духъ требовалъ жизни и свободы, искалъ созерцанія истины въ ея чистомъ свѣтѣ, въ ея красотѣ существенной, небесной. «Жаждетъ душа моя къ Богу, крѣпкому, живому: когда увижу тебя, истина превѣчная, когда узрю лице твое, красота несозданная! Какъ лань, среди жаркаго лѣта, отъ жажды бѣжитъ къ потокамъ ручья, такъ съ пламенною жаждою вѣчно живой воды, стремлюсь я къ тебѣ, Боже мой! Когда ты дашь мнѣ слышать непосредственно изъ устъ твоихъ слово живое»?

Наконецъ этотъ голосъ души, алчущей и жаждущей высшей правды, услышанъ. Является законъ духа. Все говоритъ духу въ Евангеліи, все питаетъ и возвышаетъ духъ въ христіанствѣ. Духъ въ религіи: какимъ мѣстомъ или временемъ, какимъ народомъ—ограничено исповѣданіе вѣры Евангельской? Никакимъ. Буду ли читать долгія молитвы, или неусыпно возвышать свой голосъ въ пѣніи псалмовъ, подниму ли взоры къ небу или склоню ихъ къ землѣ: приму ли на себя образъ сокрушенія и печали, и преклоню колѣна и буду распростертъ на землѣ; пойду-ли въ

Іерусалимъ для поклоненія, или воздвигну великолѣпный храмъ имени Тріединаго: но—нѣтъ религіи, когда нѣтъ истины въ духѣ, нѣтъ у меня молитвъ, когда нѣтъ молитвы въ моемъ сердцѣ. Будетъ ли языкъ мой—языкъ ангельскій, или мудрость моя мудрость необыкновенная; буду ли пророчествовать и творить чудеса; или—раздамъ все, что имѣю, буду умирать отъ голода и жажды, и, если бы самое тѣло я отдалъ на сожженіе: но—нѣтъ духа, нѣтъ любви,—и ничтоже есмь. Вотъ наступитъ время, когда не будетъ для насъ въ мірѣ ни зла, ни печали, ни заботъ, ни воздыханія, когда придетъ во славѣ Безконечной любви Искупитель нашъ и воцарится, и мы будемъ съ нимъ царствовать, блаженствовать, и радостей нашихъ никто же возьметъ отъ насъ. Но—царство Мое не отъ міра сего,—сказалъ уже самъ ожидаемый Царь. Когда же его царство наступитъ? Не пріидетъ съ соблюденіемъ. Гдѣ оно будетъ? внутрь насъ. Что будетъ? Не брашно и питіе, но правда, миръ, и радость о Дусѣ святѣ. И какую свѣтлую, богатую, неисчерпаемую жизнь даетъ нашему духу этотъ духъ религіи! Благодать сообщаетъ нашему духу свою духотворную живоносную силу,—и развязываетъ крылья нашей душѣ. Тяготится ли душа всѣмъ временнымъ земнымъ и желала бы предвкусить вѣчное: духъ благодати подъемлетъ ее и возноситъ, возноситъ на небо и, превыше неба, на третье небо возводитъ, и тамъ даетъ слышать тайны, ихъ же нелѣть человѣку глаголати; желаетъ ли душа сосредоточиться въ себѣ и жить чистою, свойственною себѣ, духовною жизнію: духъ благодатный отрѣшаетъ ее отъ всего чувственнаго, плотскаго,—и она живетъ въ себѣ, забывая міръ, жизнь тѣлесную,—забываетъ самое тѣло, не думаетъ о его пищѣ или кровѣ, и, какъ чистый духъ, живетъ мыслію, такъ что, наконецъ, и самая плоть, какъ бы поглощаемая преобладающею жизнію души, сама одухотворяется, отрѣшается отъ своихъ чувственныхъ потребностей,—и не знаетъ тлѣнія; пытается ли душа развить свою духовную силу во внѣшней природѣ, отъ самого начала ей покоренной: духъ благодатный раскрываетъ силу души до могущества—творить чудеса; стихіи покоряются, горы сдвигаются, солнце останавливается, животныя повинуются, ядъ не вредитъ,—все творитъ вѣрующая душа, и все ей возможно.

Далѣе, Евангеліе, христіанство вноситъ духъ въ нравственность.—Приди гордый міръ, надменный своею мечтою просвѣщенія, своими совершенствами, своею роскошью и своими радостями и благами: приди и взгляни на тѣхъ людей, которые, по ученію Евангелія, и мудрѣе тебя, и совершеннѣе тебя, и богаче тебя, которымъ не обѣщается ничего, кромѣ славы и блаженства,

и которые будутъ, по слову же Евангелія, нѣкогда судить тебя со всѣми твоими дѣлами. Что это за люди? Всѣ они идутъ прямымъ путемъ за своимъ Учителемъ и Царемъ вѣчнаго царства: это—*нищій*, который не только оставилъ все, что имѣлъ, или могъ имѣть въ мірѣ, нищій до того, что не имѣетъ пищи и крова, и даже не проситъ, и не думаетъ о какомъ бы то ни было стяжаніи, но и въ самомъ духѣ своемъ нищенствуетъ, не знаетъ въ себѣ никакого совершенства ума, ни сердца, и ничего не смѣетъ приписать себѣ, кромѣ слабостей и недостатковъ; презираютъ его и унижаютъ: онъ смиренно почитаетъ себя достойнымъ того, и не думаетъ оскорбляться.—Это *плачущій*, который вперилъ взоръ свой въ глубину собственной души и, не видя тамъ ничего, кромѣ горестныхъ заблужденій и тяжкихъ грѣховъ, не выноситъ спокойно этого мрачнаго зрѣлища, зритъ осужденіе души своей, и непрестанно, день и ночь, проливаетъ горячія, горькія слезы, и еще взываетъ къ ближнимъ своимъ, чтобы они пролили слезы о его несчастіи. Это—*кроткій*, который со смиреніемъ и великодушно сноситъ всѣ возможныя оскорбленія отъ людей, который, получивъ ударъ въ ланиту, подставляетъ другую, любитъ своихъ враговъ, благословляетъ клянущихъ его благотворитъ ненавидящимъ, молится за обижающихъ: кто хочетъ судиться съ нимъ, чтобы отнять у него кафтанъ, онъ отдастъ ему и рубашку, кто заставляетъ его идти съ собою версту, онъ идетъ двѣ. Это—*алчущій и жаждущій правды*, у котораго одна мысль, одно желаніе, одна молитва: да пріидетъ царствіе твое! и который, въ жаждѣ этого царства, тѣмъ болѣе томится и страдаетъ, чѣмъ болѣе смотритъ на міръ; міръ преуспѣваетъ въ просвѣщеніи, а тотъ оплакиваетъ его невѣжество и буйство; міръ строитъ огромные планы своего усовершенія, а тотъ воздыхаетъ о его суетѣ и ничтожествѣ; міръ веселится и торжествуетъ, а тотъ ожидаетъ на него суда и гибели. Это—*милостивый*, котораго осуждаютъ за то, что онъ отдалъ послѣднюю копѣйку нищему, или смѣются за то, что онъ снялъ съ себя одежду и отдалъ ее просящему на дорогѣ. Это—*чистый сердцемъ*, цѣломудренный, который бѣжитъ отъ соблазна, какъ смерти, и готовъ вырвать у себя глазъ, когда онъ его соблазняетъ, отсѣчь руку, когда она служитъ орудіемъ грѣху, и не щадя,—жжетъ свое тѣло, когда оно похотствуетъ. Вотъ и еще избранные: тѣ, которымъ нѣтъ милости и покоя въ мірѣ,—за ужасное невыносимое оскорбленіе міра, за правду и благочестіе, и онъ изливаетъ на нихъ всю свою ярость, на однихъ въ презрѣніи и посмѣяніи, на другихъ—въ ненависти и коварствѣ, на третьихъ—въ жестокомъ, открытомъ гоненіи: что же они? Идутъ спокойно изъ міра, или же отдаютъ ему свою кровь, и когда кровь ихъ льется, они радуются и веселятся,—яко мзда ихъ многа на небеси. Вотъ истинные ученики и послѣдователи нравственности Евангельской. Что это за нравственность? Что это за жизнь? Возможно ли, сносно ли это для человѣка во плоти? Но, въ томъ и дѣло, что человѣкъ возрожденный, подъ благодатію, человѣкъ въ жизни евангельской, не живетъ уже во плоти, а въ духѣ; онъ—не свой, онъ живетъ высшею, вышечувственною жизнію. А тамъ, гдѣ живетъ полною жизнію духъ, плоть должна умереть, тамъ, гдѣ духъ свободенъ, плоть должна быть распята. Нѣтъ мѣста землѣ—тамъ, гдѣ небо; нѣтъ мѣста времени—гдѣ вѣчность,—и нѣтъ мѣста міру, гдѣ Христосъ. Еще разъ: человѣкъ евангельскій не живетъ во плоти, а потому нравственность его чисто-духовна. Это не мое ученіе, а апостольское. «Вы не свои,—прямо говоритъ апостолъ христіанамъ, а принадлежите Духу Св., который живетъ въ васъ; вы не во плоти, а въ духѣ... Вотъ и я,—говоритъ еще апостолъ, и я—не я живу, а Христосъ живетъ во мнѣ, а если я живу еще во плоти, то живу вѣрою въ Сына Божія, который возлюбилъ меня, предалъ себя за меня, и съ которымъ я міру распялся. Ни для кого, ни для чего не живу я, кромѣ одного Бога». (Рим. 8, 9, 1 Кор. 6, 19. Гл. 2, 20). Вотъ изъясненіе духа Евангельской нравственности.

Еще свойство закона Евангельскаго: это есть законъ *свободы и любви*. Еще Платонъ мыслилъ, что для праведника не должно быть закона.—Да, праведникъ долженъ быть выше закона. Законъ запрещаетъ дѣлать зло, а праведникъ зла и не знаетъ; законъ повелѣваетъ добро, а праведникъ его любитъ; законъ устрашитъ угрозами ада или утѣшаетъ возданіемъ наградъ, а праведникъ не подлежитъ суду, не ищетъ наградъ. Но гдѣ же найти такого праведника. Платонъ прибавлялъ къ свѣтлому образу праведника еще и ту черту, что праведникъ совершенный былъ бы тотъ, кто рѣшился бы умереть за неправедныхъ. Эта черта уже рѣшительно выше закона. Но гдѣ праведникъ возьметъ такую крѣпость духа, такую силу самоотверженія? Вотъ что: для того, чтобы стать выше закона, надобно прежде выполнить весь законъ, во всей точности и полнотѣ, а въ этомъ-то и была рѣшительная невозможность для человѣка. Человѣкъ согрѣшилъ и палъ, прежде, нежели законъ объяснилъ ему, что такое грѣхъ и паденіе; силы человѣка стали повреждены, прежде чѣмъ законъ потребовалъ отъ него усилій къ выполненію своихъ обязанностей. Законъ былъ самъ въ себѣ духовенъ и совершенъ, а человѣкъ подзаконный былъ человѣкъ плотской и немощный. Законъ носилъ въ себѣ идеалъ совершенства нравственнаго, а человѣкъ—

далеко отъ пути совершенства, былъ плѣнникъ и рабъ грѣха. Какъ же было человѣку выполнить законъ, во всей его полнотѣ и точности? И вотъ почему, по закону не было и не могло быть праведниковъ, и вотъ почему законъ не только не возвышалъ человѣка къ совершенству, но и былъ для него игомъ невыносимымъ. Духъ закона былъ недостижимъ, а буква его убивала.

Теперь для того, чтобы освободить человѣка отъ ига законнаго и, отрѣшивъ его отъ буквы закона, возвысить къ идеѣ совершенства, въ духѣ закона сокровеннаго, нужно было дѣйствіе въ жизни человѣка высшей силы нравственной, дѣйствіе силы, которая, по существу своему бывъ чиста и совершенна, проникала бы въ духъ закона и съ собою приносила въ него жизнь и свѣтъ, а по своей свободѣ, бывъ выше закона и не подлежа ему, уничтожила бы его букву, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышая духъ человѣка надъ плотію, уничтожала бы иго подзаконное, тяжкое для немощной человѣческой плоти. Явилась такая сила въ быту человѣковъ, проникла въ ихъ жизнь и утвердилась своимъ могуществомъ въ ихъ природѣ. Это сила благодати. Снизошла любовь превѣчная, и по существу своему бывъ безконечно чиста и совершенна, взяла въ свои руки законъ и всю подзаконную жизнь человѣка, и, проникнувъ своимъ духомъ, духомъ любви, въ сущность закона, сообщила ему новую жизнь, жизнь любви; бывъ безконечно выше закона и не подлежа ему въ своей свободѣ, эта любовь выполнила въ себѣ самой законъ всесовершенно, и, сокрушивъ его букву, сокрушила для человѣковъ иго подзаконное. Теперь законъ нравственный является въ новомъ свѣтѣ; онъ самъ, такъ сказать, достигъ возрожденія духовнаго въ царствѣ благодати, какъ этого достигла природа и жизнь человѣковъ; теперь въ немъ—въ законѣ—то же, какъ и прежде, содержаніе, но уже преобладаетъ въ немъ духъ надъ плотію, идея надъ формою, смыслъ надъ буквою. Свобода и любовь или, однимъ словомъ, любовь,—поелику гдѣ любовь, тамъ свобода,—любовь, говорю, есть характеръ, жизнь, сила обновленнаго закона. Любовь есть выполненіе закона, и самое точное, и самое совершенное: въ собственномъ чувствѣ любви объемлются, проясняются и возвышаются заповѣди десятословія, и смыслъ ихъ становится понятнѣе, сила обширнѣе, чѣмъ для пристрашныхъ рабовъ ига подзаконнаго. Грозна была первая заповѣдь среди грома Синайскаго: «да не будутъ тебѣ бози инїи, развѣ мене... Азъ есмь Богъ ревнитель»... а для любви эта заповѣдь сладка, и, прибавлю, естественна: любовь ли будетъ благотворить что-либо, кромѣ того, что любитъ, и не любитъ ли сладко зрѣть свое Божество въ томъ, что она любитъ? Любовь ли истинная будетъ довольствоваться бездушнымъ кумиромъ, на небѣ ли то, или на землѣ, когда она любитъ носить въ сердцѣ то, что любитъ, и жить въ томъ душою, и когда ей свойственно взывать: «что ми есть на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли, Боже сердца моего, и часть моя Боже во вѣкъ»? Любовь ли измѣнитъ возлюбленному даже въ словѣ, и захочетъ ли она имя возлюбленнаго принимать всуе? Любовь ли не отдастъ поклоненія возлюбленному, и она ли не встрѣтитъ съ радостію день, который собою напоминаетъ ей о Немъ? Такъ любовь къ Богу, такъ и любовь къ человѣку. Почитай старшихъ себя, не убій, не укради, не клевещи, не желай, не ищи чужаго: это заповѣди, заповѣди для раба, котораго надобно принуждать, которому надобно грозить. Не то любовь; она все это понимаетъ внутреннимъ чувствомъ, дѣлаетъ безъ повелѣній и еще идетъ дальше: не только не оскорбляетъ старшихъ, но чтитъ и любитъ всѣхъ ближнихъ, не только не беретъ чужаго, но и отдаетъ свое, не только трепещетъ посягнуть на жизнь человѣка—ближняго, но и сама истощаетъ свою жизнь на служеніе благу ближнихъ: долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится; не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла; не радуется неправдѣ, радуется о истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, все переноситъ (1 Кор. 13, 4—7). Таковы свойства любви, и она предшествуетъ закону, потому что даетъ мысль, а законъ прибираетъ только выраженія, она даетъ душу, а законъ образуетъ тѣло. Любовь свободна, истинно свободна,—потому что постигаетъ добро внутреннимъ чувствомъ, она дѣлаетъ добро прежде заповѣди, и безъ заповѣди, потому что изгоняетъ страхъ и исполняетъ законъ съ соуслажденіемъ ему,—по внутреннему человѣку, потому что не знаетъ для себя никакихъ угрозъ и не ищетъ никакихъ наградъ: она принадлежитъ духу, и вездѣ, во всемъ и всегда, ищетъ духа и духомъ дѣйствуетъ, и потому свобода ея возвышенна и совершенна.

Любовь,—любовь нравственная... нѣтъ! Это названіе не выражаетъ того, о чемъ теперь думаю. Любовь ангельская! Но,—ангелы не знаютъ смерти, а я думаю о любви, которая любитъ за любимое умирать. Любовь Божественная! Такъ; вотъ откуда пре-излилась на землю та сила любви, могучая, чудодѣйствующая, непобѣдимая, которая преобразовала міръ, жизнь, законъ, и стала выше закона, жизни, міра. Никакой законъ не положилъ бы мѣры силъ и совершенства любви: потому что любовь, сама по себѣ, по своему существу, всегда выше закона; никакой законъ не опредѣлилъ бы истиннаго величія и славы истинной любви, потому что его духъ—рабство, а любви духъ—свобода. Только любовь

небесная, Божественная, снизшедши на землю, поставила на землѣ мѣру величія и совершенства любви, мѣру достойную любви, и которую прежде всего она сама положила для своихъ дѣйствій: крестъ. Крестъ—верхъ славы любви, вѣнецъ ея подвиговъ, торжество ея свободы, высота ея совершенства, древо ея жизни, скипетръ ея царства, полнота ея блаженства. Сама воспламѣневъ на крестѣ всею силою своего огнетворнаго существа, Любовь Божественная сообщила кресту своему непобѣдимую, живую силу влеченія избранныхъ душъ вслѣдъ ея, на крестъ,—«вся привлеку къ себѣ»,—и съ того времени нѣтъ славы для любящихъ душъ, какъ страдать, нѣтъ торжества и вѣнца,—какъ умирать на крестѣ любви за Любовь. Что для любви всѣ блага міра, когда въ нихъ нѣтъ того, что она любитъ? Она бросаетъ весь міръ. Что для нея въ ней самой, когда она еще не вблизи того, къ чему стремится? Она забываетъ себя, жертвуетъ собою воспламеняется,—горитъ, и на крилахъ огня внутренняго летитъ туда, гдѣ предметъ и цѣль ея желаній огненныхъ. Что ей жизнь, своя жизнь, когда она не живетъ жизнію того, безъ чего не хочетъ, не можетъ жить? Она бросаетъ собственную жизнь, она идетъ на смерть,—и торжествуетъ, блаженствуетъ, живетъ,—когда умираетъ. Это любовь истинная, это любовь евангельская. Не ищите ее тамъ, гдѣ міръ; ищите тамъ, гдѣ нѣтъ міра; не найдете ее тамъ, гдѣ видите счастіе земное, со всѣмъ его шумомъ, блескомъ, роскошью и со всею его пустотою,—найдете тамъ, гдѣ увидите страданія, печаль, лишенія и слезы. И какъ она могуча, какъ непобѣдима—эта любовь! «Кто разлучитъ меня отъ любви, восклицаетъ пламенная душа крѣпкаго мужа любви,—кто разлучитъ: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? Каждый день я умираю за тебя, вмѣняюсь, какъ жертва на закланіе. Но все, все побѣждаю ради Любви, которая возлюбила меня прежде меня, и которую я возлюбилъ больше себя. Приди смерть, возстань жизнь, явитесь ангелы, угрожайте начальства и власти; вооружись настоящее, устрашай будущее: нѣтъ, ни что,—ни высота, ни глубина, ни что не угаситъ во мнѣ любви! (Рим. 8, 35—39). Мы отовсюду притѣсняемы, говорятъ еще апостольскія души, но не стѣснены; въ крайности, но не отчаяваемся; насъ гонятъ, но мы не отстаемъ; мы брошены, но не пропадаемъ; радуемся, бывъ огорчаемы; обогащаемъ другихъ, бывъ сами нищи; всѣмъ обладаемъ,—ничего у себя не имѣя; тысячу смертей было устремлено на насъ,—и вотъ мы живы»! (2 Кор. 4; 8, 9. 6; 9, 10). Это не есть какое-либо ослѣпленіе, самообольщеніе или изступленіе: нѣтъ! Это полный свѣтъ мысли Богопросвѣщенной, зрѣлая сила чувства

вдохновеннаго; возвышенный характеръ воли, благодатію укрѣпленной. Тяжесть креста, подъемлемаго любовію, не скрыта отъ любви; она и сама не скрываетъ отъ себя этой тяжести. Но таково свойство креста Христова, что онъ бываетъ тяжелъ, когда душа только подъемлетъ его, но онъ становится постепенно легче чѣмъ долѣе и чѣмъ крѣпче душа любящая держитъ его на себѣ; таково свойство любви, что самыя болѣзни и скорби крестныя для нея обращаются въ сладость внутренняго чувства и иго легкое,—какъ сказалъ и Самъ Спаситель міра (Мо. 11, 29, 30). Одинъ взоръ на Распятаго для любви сладокъ и утѣшителенъ, и этотъ взоръ, полный вѣры и надежды, постоянно укрѣпляетъ ея силы и возвышаетъ мужество. Съ рѣшимостію воли, въ огнѣ внутреннихъ желаній духовныхъ, въ силѣ внутренняго, благодатнаго возрожденія, душа любящая на крестѣ распинаетъ плоть со страстьми, распинается, распинаетъ себя міру, пригвождаетъ все, что задерживаетъ ее въ стремленіи къ любимому, и чѣмъ болѣе сама распинается, тѣмъ болѣе возвышается сама въ себѣ, въ своей любви, въ своей силѣ,—все существо свое, всю жизнь свою обращаетъ въ крестъ,—и, такъ сказать, приходитъ въ такое содружество съ крестомъ Любви небесной, что,—погружаясь въ ней и забывая себя, восклицаетъ, какъ Божественный мужъ: любовь моя распялась!

О благодатномъ возрожденіи и обновленіи человѣка.

Величественно и прекрасно было мірозданіе первобытное, еще величественнѣе и прекраснѣе мірозданіе второе—благодатное. Благодать выше природы, и то, что совершаетъ любовь въ царствѣ благодати, ею основанномъ, превосходитъ то, что совершается силою всемогущества въ царствѣ природы. Божественное откровеніе изъясняетъ намъ, что при самомъ сотвореніи человѣка высшею и главною цѣлію творческой премудрости была именно жизнь человѣка благодатная, а не естественная, ограниченная видимымъ міромъ. Послѣдняя, какъ земная, чувственная, и не могла быть сама себѣ цѣлію; она должна была служить только переходомъ къ жизни благодатной, или только ея внѣшнимъ образомъ, покровомъ, органомъ. Вотъ почему сотвореніе человѣка совершено не однимъ творческимъ словомъ, не однимъ воззваніемъ человѣка изъ естественнаго порядка творенія, подобно всѣмъ другимъ тварямъ, а особеннымъ таинственнымъ совѣтомъ Тріипостаснаго Божества... Когда Богъ, послѣ паденія человѣка, выражаетъ раскаяніе, что сотворилъ его, онъ черезъ это свидѣтель-

ствуетъ, что человѣкъ могъ бы и не пасть, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что жизнь естественная и не была цѣлію его созданія; или лучше, тутъ сама безконечная любовь принимаетъ на себя покаяніе за грѣхъ человѣческій, чтобы спасти его, потому что знаетъ высшій планъ его сотворенія и высшія цѣли его существованія на землѣ. Міръ природы, міръ естественный сотворенъ быть только почвою, изъ которой долженъ возродиться міръ благодатный, быть, такъ сказать, скорлупою въ которой положено зерно жизни высшей и совершеннѣйшей. Міръ рушился, скорлупа распалась, и это зерно обнажилось; и міръ грѣхомъ палъ какъ падаетъ осенній листъ съ дерева, оставляя на немъ почки, которыя расцвѣтутъ весною. Правда, мы знаемъ, что прежде, чѣмъ эти почки расцвѣтутъ, и наступитъ весна, дерево должно выдержать всю жестокость холода, всѣ бури и непогоды зимнія; оно должно покрыться снѣгомъ и на извѣстное время омертвѣть; мы знаемъ, что прежде, чѣмъ зерно въ почвѣ земли разовьется и дастъ корень, оно должно умереть и растлѣть: таковъ законъ жизни въ природѣ. Но таковы и судьбы человѣка. Человѣкъ: не даромъ Моисей, приступая къ исторіи сотворенія человѣка, говоритъ о совѣтѣ Тріединаго Божества. Мнѣ представляется, что этотъ совѣтъ болѣе относится къ возстановленію и искупленію человѣка, чѣмъ къ его первоначальному сотворенію. Воззваніе къ бытію требовало дѣйствія всемогущества и благости; искупленіе и возстановленіе падшаго требовало изъявленія всей глубины любви, которая составляетъ существо Превѣчнаго, и—дерзаемъ прибавить—всей высоты премудрости, какая природу Его вѣнчаетъ. *Сынъ мой еси, азъ днесь родихъ тя,*—днесь, когда я даю бытіе образу Моему на землѣ, днесь я нарекаю тебя возстановителемъ его и спасителемъ, рождаю тебя для земли, на которую ты снидешь и воплотишься и искупишь мой образъ. Такъ глаголалъ превѣчный Отецъ.—Отче святый, *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси... Тогда рѣхъ; се иду, вже сотворити волю твою, Боже* мой! (Евр. 10, 5—7). Такъ глаголалъ предвѣчный Сынъ.—*Излію отъ Духа моего на всяку плоть... и отъиму отъ нихъ сердце каменно и дамъ имъ сердце плотяно, и Духъ мой дамъ въ нихъ* (Іоил. 2, 28. Іез. 36, 26. Ср. 11, 19)—еще глаголалъ Отецъ, и о томъ молилъ Его Сынъ и тому соизволялъ Духъ.—Вотъ таинственный совѣтъ о человѣкѣ Тріединаго Божества, какъ открываетъ намъ его глаголъ самого Божества въ откровеніи, и вотъ планъ любви и премудрости, по которому человѣкъ долженствовалъ быть созданъ, чтобы быть возсозданнымъ, долженствовалъ родиться, чтобы возродиться, получить жизнь временную, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную; и по этому-то

плану человѣкъ искупленный долженъ стоять выше естественнаго.

Процессъ внутренняго, нравственнаго возрожденія человѣка, по дѣйствію благодати, есть таинство. То, что совершаетъ внутри человѣка благодать, непостижимо по самому существу своему, а то, что дѣлаетъ при этомъ самъ человѣкъ, или можетъ дѣлать, своею душею, своею свободою, опредѣляется различными условіями, имѣющими отношеніе къ неодинаковой степени нравственныхъ силъ человѣка нравственнаго поврежденія его, такъ же какъ и его внѣшней жизни и другимъ обстоятельствамъ. Однакожъ, обращая вниманіе на самое понятіе возрожденія, которое само собою сближается съ понятіемъ о рожденіи, равно какъ и понятіе о возстановленіи, по самому смыслу своему, возникаетъ изъ понятія о первобытномъ состояніи; мы можемъ процессъ явленія новой твари сблизить съ образомъ сотворенія древней твари, не сомнѣваясь, что между дѣйствіями единой, нераздѣльной премудрости, и всемогущества, въ мірѣ маломъ и великомъ, въ царствѣ благодати и натуры, должна быть соразмѣрность и соотвѣтственность, при всемъ ихъ видимомъ разстояніи и существенномъ различіи. Итакъ, образъ возрожденія человѣка мы видимъ въ образѣ сотворенія міра.

Посмотримъ на человѣка невозрожденнаго, въ его внутреннемъ состояніи. Въ немъ есть свое небо и земля, духъ и плоть, духовное и чувственное, внутреннее и внѣшнее, совершенство первобытное и растлѣніе грѣховное: это первобытная матерія, это хаосъ, изъ котораго должна образоваться новая тварь. Точно хаосъ: смѣсь ума и глупости, смѣсь добра и зла, величія и ничтожества, познаній и заблужденій, радостей и горя, грубости и нѣжности, смѣсь всего, что есть самаго разнообразнаго, самаго противоположнаго, самаго нестройнаго. И—точно матерія первобытная, которая имѣетъ нужду въ образованіи, просвѣщеніи, въ раздѣленіи и устроеніи смѣшанныхъ между собою элементовъ; и тотчасъ видны тутъ всѣ четыре стихіи міра: тутъ есть огонь страсти, огонь, который перевариваетъ, переплавляетъ въ себѣ все, что входитъ въ жизнь этого внутренняго міра, который жжетъ прежде всего душу самаго человѣка, а потомъ и все, что къ нему прикасается; тутъ есть земля,—сердце, въ которомъ все, что ни посѣй, вырастетъ и дастъ плодъ, добро и зло,—зла впрочемъ больше,—которое требуетъ искуснаго и трудолюбиваго воздѣланія и составляетъ, такъ сказать, почву духовной жизни человѣка; тутъ есть воздухъ, впрочемъ, еще не сосредоточенный въ составѣ своихъ элементовъ, еще разрозненный,—мышленіе разума, которое по своему назначенію должно обнимать, покрывать,

наполнять, двигать весь міръ внутренній, какъ воздухъ—міръ внѣшній, физическій; тутъ есть и четвертая стихія—вода,—воля, которая потечетъ туда, куда ее направишь, но которую надобно заключить въ берега, въ границы, иначе она разольется, будетъ волноваться и затопитъ всю внутреннюю жизнь человѣка. Вотъ четыре стихіи, составляющія жизнь души естественную; но въ ней есть еще пятая стихія, и самая бурная, и самая нелѣпая,—грѣхъ первородный: эта стихія борется со всѣми другими, приводитъ все въ безпорядокъ, и по всему существу человѣка распространяетъ не жизнь, а смерть. Такова первобытная матерія,—душа человѣка невозрожденнаго: и все въ ней идетъ не своимъ путемъ, все безъ порядка, все бушуетъ, свирѣпствуетъ, пока глаголъ творческій въ душѣ не уничтожитъ всѣхъ этихъ безпорядковъ. Нравственное ничтожество, въ какое погруженъ внутренно человѣкъ невозрожденный, дѣлаетъ его «землею пустою и неустроенною»—по смыслу выраженія Моисеева (Быт. 1, 2) Тьма невѣдѣнія и грѣховности покрываетъ эту бездну.

Но Духъ Божій уже носится надъ водою,—надъ волею человѣка невозрожденнаго, стремясь ее управить, привесть въ правильныя границы и влить въ нее свою животворную силу. Весь внутренній хаосъ приходитъ въ движеніе, всѣ стихіи, въ немъ смѣшанныя, приходятъ въ броженіе. «И рече Богъ: да будетъ свѣтъ! И бысть свѣтъ».—Глаголъ Божественный внутри человѣка водворяетъ высшій свѣтъ, который освѣщаетъ всю неустроенную массу міра внутренняго, сіяетъ, движетъ мысли и чувства, и чѣмъ болѣе онъ сіяетъ, свѣтитъ, тѣмъ болѣе отдѣляется и становится ощутительнѣе для самаго человѣка собственная тьма человѣка. «И бысть вечеръ»—проходитъ сумракъ жизни естественной хаотической, «и бысть утро»—первое благодатное озареніе и восходъ новой жизни. Это первый и единый день новаго творенія,—въ первый и единственный день, когда-бы онъ ни явился—въ началѣ земной жизни или въ концѣ—день обращенія человѣка, прекрасный, свыше благословенный день его возрожденія.

Далѣе, слово творческое внутри человѣка раздѣляетъ воды вышнія отъ нижнихъ,—высшія, духовныя стремленія воли отъ низшихъ, чувственныхъ, и въ средѣ первыхъ устрояетъ твердь, сферу силъ благодатныхъ, объемлющихъ, покрывающихъ, управляющихъ жизнь новоустроеннаго міра. Это второй день,—другой періодъ обновленія человѣка благодатію.

Далѣе,—третій день. Какъ въ третій день мірозданія словомъ творческимъ собраны воды въ предѣлы, отдѣлена суша, и повелѣно сушѣ произрастить травы и дерева: такъ благодать

Божественная въ душѣ человѣка, ограничивъ, обуздавъ волю естественную, бурную и неудержимую для самаго человѣка, обнажаетъ въ немъ сушу, естественную природу души, сухую, безплодную, не имѣющую растительной силы для плодовъ правды и добродѣтели; но, обнажая въ такомъ видѣ душу для взоровъ самого человѣка, благодать не оставляетъ ее въ такомъ безотрадномъ состояніи она наполняетъ ее росою своихъ небесныхъ утѣшеній, посѣваетъ въ ней семѣна духовной, дѣятельной жизни, и изъ нея произращаетъ разнообразные цвѣты духовныхъ совершенствъ и богатые плоды высокихъ добродѣтелей. «И видѣ Богъ, яко добро».—Это уже не та первобытная, неустроенная земля. Это земля одѣтая, украшенная, почва многоплодная.

Четвертый день. На тверди обновленной души являются свѣтила: солнце,—сосредоточенный, неисчерпаемый, лучезарный, разливающій теплоту и жизнь по всему существу человѣка, свѣтъ благодатной вѣры,—и луна: преизливающійся изъ свѣта вѣры, имъ движимый и управляемый, отрадный свѣтъ закона естественнаго,—и въ движеніи этихъ двухъ свѣтилъ великихъ совершается теченіе новой, благодатной жизни человѣка. Еще-же и звѣзды: свѣтлыя, возвышенныя идеи въ умѣ, свѣтлыя, возвышенныя чувства сердца, свѣтлые, чистые образы въ воображеніи,—и за тѣмъ новременныя откровенія, озаренія свыше,—составляющія величественныя явленія въ душѣ, восхищающія духъ и бросающія лучи яркаго свѣта въ самую глубокую ночь естестеннаго невѣдѣнія.

Жизнь обновленная идетъ и расширяется. Подобно, какъ въ пятый день мірозданія творческій глаголъ создалъ живущія твари и, проникши въ стихію водную, далъ бытіе въ ней живымъ существамъ,—и благодать собственною, животворною силою, проникая въ стихію естественной воли человѣка, возбуждаетъ въ ней живыя дѣла нравственнаго добра, которыя возрастаютъ, умножаются, движутся и наполняютъ кругъ свободной дѣятельности; и подобно, какъ въ тотъ же день сотворены въ воздушной стихіи летающія,—въ стихіи очищеннаго благодатію мышленія являются живые, выспренніе помыслы, живыя стремленія къ истинѣ: и эти помыслы, эти стремленія развиваются, расширяются, движутся и собою движутъ умственную жизнь души.

Наконецъ возсозданіе человѣка внутренняго довершается. Вся земля,—все существо души обогащается разнообразными, духовными способностями, полными жизни и крѣпости, которыя рождаютъ изъ себя живыя дѣла духовныя, подвиги, совершенства. Изъ земли,—изъ естественной природы души берется чистѣйшая сущность, взимается, что въ ней есть лучшаго, болѣе чистаго и

совершеннаго, и образуется живой организмъ,—сосудъ для духа благодати, вдыхаемаго непосредственно изъ устъ Вседержителя; дыханіе жизней,—жизни духовной, жизни дѣятельной, жизни вѣчной, жизни Божественной,—вселяется въ новый составъ, который, вмѣстѣ съ духомъ, его оживляющимъ, совершается во образъ Сына Божія, довѣчнаго образа предвѣчнаго Отца,—и вотъ человѣкъ является вполнѣ новою тварію, получаетъ бытіе, вмѣсто естественнаго, благодатное; свойства, вмѣсто человѣческихъ,—Божественныя; блага, вмѣсто временныхъ,—вѣчныя. Совершивъ это новое дѣло творенія, благодать Божественная его освящаетъ, въ немъ утверждаетъ свое царство, царство правды, мира и радости о Св. Духѣ, и въ немъ почиваетъ.

Вотъ, если позволено такъ выразиться, механизмъ созданія новаго человѣка. Еще разъ: величественное, прекрасное созданіе Творческой любви. Что же самъ человѣкъ? Какъ онъ ощущаетъ свое возрожденіе? Какъ сознаетъ свое новое бытіе? Каково индивидуальное состояніе его души, воззываемой, возставляемой къ новой жизни? «Тотъ, кто сотворилъ тебя безъ тебя, не спасаетъ тебя безъ тебя»,—говоритъ Августинъ, и вотъ черта, отдѣляющая новое твореніе отъ первобытнаго. Тамъ человѣкъ созналъ себя уже тогда, когда получилъ полное бытіе, когда взглянулъ и увидѣлъ себя среди всѣхъ разнообразныхъ твореній всемогущей десницы; въ возрожденіи не такъ: тутъ весь процессъ дѣйствія благодатныхъ силъ, обновляющихъ человѣка, въ глазахъ самого человѣка, и самъ человѣкъ долженъ помогать содѣйствовать своему новому рожденію. Въ личномъ состояніи человѣка, при его воссозданіи, открывается еще новый процессъ,—и прибавлю, самый печальный. Весело цвѣла и играла въ избыткѣ жизненныхъ силъ первобытная природа, когда творимъ былъ первый человѣкъ, и весело, смѣло взглянулъ первосозданный на Божій міръ, какъ свое необозримое царство, на небо, какъ сѣнь, утканную свѣтилами, чтобы осѣнять его царственную, вѣнчанную главу; на землю, на этотъ мягкій, роскошный, разноцвѣтный коверъ, который былъ подъ его стопами. То былъ господинъ вселенной, мужъ, полный жизни, силъ; совершенный, блаженный,—и все ему покорствовало, и все онъ обнималъ господственною мыслію ума, повелительною силою воли, и сердце его цвѣло богатою, духовною жизнію, въ обиліи разнообразнѣйшихъ, пріятнѣйшихъ ощущеній, и взоръ его, обращенный къ небу, просвѣщался, упивался, восхищался свѣтомъ небесной премудрости, изливавшихъ на землю свои блистающіе и животворные лучи. То былъ періодъ невинности и блаженства. Теперь, хотимъ-ли видѣть человѣка благодатію возрождаемаго изъ ветхаго въ новаго? Хотимъ-ли видѣть

образъ новаго, благодатнаго творенія? Пойдемъ,—не въ Едемъ, не въ рай сладости,—пойдемъ въ какую-либо дикую, безлюдную пустыню, пойдемъ въ дремучій лѣсъ или темную пещеру, и тутъ увидимъ человѣка,—человѣка,—безъ крова и одежды, безъ пищи и безъ сна,—томимаго, или, лучше сказать, томящаго себя голодомъ и жаждою, подъ вліяніемъ всѣхъ бурныхъ стихій, поверженнаго на землѣ, на камнѣ; человѣка, котораго болѣзни и труды вызываютъ на лице капли крови и потоки слезъ, котораго всегда преклоненъ долу, все тѣло согбено, истощено и покрыто ранами отъ трудовъ и болѣзней непрерывныхъ; пойдемъ туда, куда едва можетъ проникать слѣдъ или взоръ человѣческій, гдѣ, повидимому, менѣе всего можно жить человѣку, и тутъ увидимъ человѣка, который шелъ сюда, оставивъ все, что имѣлъ и могъ имѣть въ мірѣ,—которому послѣ этого чужды всѣ радости земныя, всѣ утѣшенія, всѣ блага жизни, чужды самыя узы крови, и который непрерывно, тяжко, невыносимо страдаетъ и, однакожъ, хочетъ страдать, и за одну мысль, за одно чувство сердца, сколько нибудь склоняющія его къ міру, ко временной жизни, наказываетъ самъ себя еще тягчайшими страданіями: вся жизнь его борьба, а онъ борется со всѣмъ, что есть внутри его и внѣ его,—борется съ своимъ умомъ, съ своимъ сердцемъ, съ своею волею, съ своею плотію, и все это въ немъ, все составляетъ его самого, онъ во всемъ этомъ видитъ вражду противъ себя самого, и все хочетъ стѣснить, подавить, умертвить; все вокругъ него страшно, дико, уныло, а онъ хочетъ, чтобы все было еще печальнѣе, мрачнѣе, страшнѣе; все тяжко, а онъ непрестанно увеличиваетъ для себя тяжести; онъ не хочетъ никакого утѣшенія, никакой помощи отъ человѣковъ, онъ бѣжитъ отъ самихъ человѣковъ, и для него отраднѣе, когда все и всѣ оставляютъ его, и онъ спокоенъ, когда никто его не знаетъ. Но во внутренней, одинокой жизни его, ему ничего не извѣстно, кромѣ скорбей и страданій; печаль души не оставляетъ его, грусть давитъ сердце, огнь раскаянія терзаетъ и пожираетъ душу,—онъ весь въ огнѣ, весь въ мученіи, онъ умираетъ,—но не желаетъ еще и не смѣетъ просить, чтобы мученія его пресѣклись—смерть его длится, и среди жесточайшихъ страданій онъ безгласенъ, и самые токи слезъ, которыя онъ проливаетъ, не угашаютъ, а усиливаютъ пламя его мученій. Что это за состояніе? Это возрожденіе. Что это за жизнь? Это смерть ветхой природы. Да, когда мы рождаемся тѣломъ въ міръ тѣлесный, то подвергаемся всѣмъ болѣзнямъ тѣла и всѣмъ немощамъ души, но не сознаемъ того: за насъ отвѣчаетъ мать; мать переноситъ на себѣ всѣ болѣзни рожденія, всѣ немощи тѣла и души нашей, и, воспитанные грудью матери,

мы весело вступаемъ въ отроческій возрастъ. Не такъ въ жизни духовной: тутъ возрожденіе человѣка сопровождается тягчайшими страданіями во всемъ существѣ его, и всѣ страданія сознаетъ, чувствуетъ и долженъ перечувствовать и перестрадать самъ человѣкъ. Всѣ немощи, всѣ болѣзни души минуютъ; душа возродится и обновится, просвѣтлѣетъ, но надобно сознаться, чего стоитъ перенесть, выдержать борьбу со всѣмъ и побѣдить все, что запинаетъ, такъ сказать, душу въ ея возрожденіи. Что же дѣлать? Человѣкъ самъ вызвалъ на себя всѣ страданія, самъ положилъ раны на свою душу, не хотѣвъ, чтобы душа его такъ же безболѣзненно прошла въ жизнь вѣчную, какъ безболѣзненно вошла въ жизнь временную первоначально.

Болѣзни возрожденія неизбѣжны, и неизбѣжно тяжки, потому что грѣхъ утвердилъ свой корень въ самой глубинѣ человѣческой природы, и чтобы исторгнуть его корень, надобно, такъ сказать, потрясти все существо человѣка, надобно вызвать на борьбу всю свою природу, всѣ мечты ума, всѣ склонности сердца, всѣ привычки воли, всѣ грезы фантазіи; надобно испытать муки смертныя, надобно просто—умирать, потому что жизнь духовная, благодатная, не иначе можетъ водвориться въ душѣ, какъ съ умерщвленіемъ плоти и ея страстей; надобно распинаться, потому что духъ не иначе можетъ получить свойственную себѣ духовную свободу, какъ пригвоздивъ самыми тяжелыми гвоздями къ самому тяжкому кресту всю чувственность, и—прольется ли кровь,—нѣтъ себѣ пощады ради крови! надобно горѣть въ самомъ жестокомъ огнѣ внутреннихъ мученій, горѣть,—потому что сила грѣха отъ борьбы и отъ сопротивленія только болѣе воспламеняется, потому что раскаяніе не иначе преобразить можетъ душу и совѣсть, какъ обратившись въ огонь ее пожирающій,—да и самая благодать, истребляющая въ душѣ плевелы грѣха, есть огнь, и самый сильный и страшный, потому что это огонь чистый и чисто духовный.—Надобно плакать, и—сколько горячихъ, горькихъ слезъ надобно пролить, чтобы омыть душу, оскверненную страстями и пороками! Еще разъ: тяжело!—Но таковъ законъ возрожденія: тамъ сладко,—гдѣ горько; тамъ слава,—гдѣ страданіе; тамъ жизнь,—гдѣ смерть.

Благодать на всѣхъ путяхъ міра, во всѣхъ состояніяхъ жизни слѣдитъ за человѣкомъ, чтобы при пріятномъ для ея дѣйствій расположеніи духа, проникнуть въ его внутреннее и начать его возрожденіе. И ничѣмъ другимъ начинаются ея дѣйствія, какъ обнаруженіемъ предъ собственнымъ взоромъ человѣка его заблужденій, его бѣдности и ничтожества, и ни чѣмъ другимъ поддерживаются, какъ сильнымъ возбужденіемъ печали душевной,

Душа бросила взоръ на себя, и, понявъ себя, увидала въ себѣ то, чего прежде не видала, и что заставляетъ ее теперь—горькіе взоры бросать и на все, что ее доселѣ веселило. Своевольный, увлекаемый обольщеніемъ свѣта и страстей, покинувъ отца и домъ родительскій, буйный и расточительный,—потомъ нищій въ рубищѣ, томимый голодомъ, потерявшій и себя и жизнь свою, и все, что имѣлъ, въ вихрѣ чувственныхъ удовольствій, унылый и мрачный, униженный предъ самимъ собою, и самому себѣ оставленный въ чуждой странѣ,—блудный сынъ: вотъ точное изображеніе человѣка, оставленнаго самому себѣ на распутіяхъ міра. Что губитъ его? Своя воля! Онъ рождается въ міръ съ прекрасными способностями души, съ богатыми средствами—жить счастливо, столько, сколько могутъ давать человѣку счастія на землѣ его естественныя, хорошія и хорошо образованныя способности. Прекрасный, просвѣщенный умъ, доброе, образованное сердце, живой, благовоспитанный характеръ: все это соединяется, чтобы сдѣлать человѣка человѣкомъ, по идеѣ человѣка. Но это человѣкъ естественный,—и тотчасъ обнаруживаетъ себя: онъ не хочетъ, не можетъ, не умѣетъ жить иначе, какъ на волѣ. Природа, страсти, все говоритъ ему, что ему нужна воля, что нѣтъ блаженства, кромѣ жизни на свободѣ. И онъ ищетъ свободы! Какую дать ему свободу? Дайте ему свободу насладиться всѣмъ, чего хочетъ душа его; снимите съ него всѣ оковы нравственности, закона, совѣсти, дайте ему волю—испытать все, что есть въ мірѣ и жизни, что манитъ его къ себѣ и прельщаетъ; оставьте ему свободу употребить всѣ силы и способности такъ, какъ онъ хочетъ; дайте ему просторъ—раскрыть, расширить, такъ сказать, свою душу и насытить, утолить жаръ ея всѣми благами, какія можетъ дать ей жизнь. И вотъ эта бурная, страстная душа, вырвавшись изъ оковъ воспитанія и науки, обманувъ совѣсть и не думая о религіи, полетѣла,—полетѣла въ міръ, гдѣ все ей на встрѣчу летитъ съ радостями и утѣхами, гдѣ все для нея такъ прекрасно и очаровательно, и жизнь такъ счастлива, такъ привольна,—и вотъ она бросается на всякое впечатлѣніе въ мірѣ, пьетъ его удовольствія, пьетъ непрестанно, и все хочетъ пить, и не воображаетъ, чтобы эти удовольствія когда-нибудь имѣли конецъ. Но—«быть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той начатъ лишатися». Рано ли, поздно ли, міръ, этотъ міръ, который такъ привязываетъ къ себѣ пылкую, неопытную душу, который такъ обольстительно расширяетъ свои объятія, и столько очарованія умѣетъ придать своимъ приманкамъ и своей лести,—этотъ міръ, рано или поздно, обнаружитъ себя, рано ли, поздно ли отъ взоровъ души не скроется, что этотъ очаровательный міръ, со всѣми

его прелестями, есть прекрасное, цвѣтущее поле, на которомъ пріятно и весело гулять, пока не захотѣлось ѣсть, не то,—загулявшись, можно умереть съ голоду; это—роскошный бѣднякъ, который сегодня всѣ блага расточаетъ, а на завтра и самъ безъ хлѣба, и нечѣмъ накормить своихъ проголодавшихся друзей; подлый льстецъ, который выбираетъ для себя лучшія жертвы, для того, чтобы выманивать изъ нихъ все, что есть въ нихъ лучшаго, и обогащаться чужими достоинствами, которому нужны жертвы съ умомъ, для того, что онъ самъ глупъ и безсмысленъ, жертвы съ нѣжнымъ сердцемъ, чтобы имѣть лучшую пищу своего коварства и легче притворяться, скрывая свою злобу; жертвы со всѣми совершенствами, для того, чтобы ими, такъ сказать, загораживать собственное ничтожество. Каково же теперь состояніе души, которая, наконецъ, узнала, что такое міръ, взглянула ему въ лицо, и вмѣстѣ съ тѣмъ взглянула на себя,—на то, что сдѣлалъ изъ нея міръ. Бѣдная, несчастная душа! Куда пошли тѣ врожденныя достоинства, съ которыми она вошла въ міръ, и которыя обѣщали ей лучшую долю въ жизни. Куда дѣвался тотъ свѣтлый, живой умъ, который въ лучшія лѣта жизни восхищалъ душу своими парѣніями и увлекалъ ее въ своихъ идеяхъ и мечтахъ къ красотѣ и превосходству истины? Этотъ же умъ теперь неподвиженъ, мраченъ, истощенъ на пустые предметы и, какъ птица безъ крыльевъ, влачится по землѣ, не зная, на чемъ остановиться. Куда дѣвались тѣ нѣжныя, прекрасныя чувства сердца, съ которыми въ былое время дѣтства человѣкъ такъ весело смотрѣлъ на міръ, на жизнь, на все, что его окружало, и думалъ быть вѣчно счастливъ? Теперь это сердце уныло, загрубѣло въ чувственности, растерзано страстями, утомлено суетою, разочаровано, и тяжкое раскаяніе, тоска, какъ камень, тяготитъ его. Куда дѣвались тѣ мечты о блаженномъ упоеніи души въ неисчерпаемыхъ удовольствіяхъ міра, тѣ планы жизни счастливой, свободной, безпечальной, съ которыми человѣкъ летѣлъ въ объятія міра, не думая никогда съ ними разстаться. Все, все потерялось, все рушилось, все исчезло, и отъ всего осталось на долю человѣка горькое сознаніе печальной истины: суета, суета, суетъ—суета; все тлѣнно, все ничтожно и все—одно крушеніе духа (Еккл. 2; 17. 12; 8).

«Восставъ, иду ко отцу»: голосъ души, или лучше, голосъ благодати, который начинаетъ говорить въ душѣ, заблудшей на распутіяхъ міра, и суетою, страстями, пороками увлеченной на страну далече. «Колико наемникомъ въ дому отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю»! Сколько людей, которые въ ту пору, какъ я предавался всѣмъ наслажденіямъ жизни, отказывались отъ удовольствій міра и неусыпно работали на пользу ума, сердца, и думали о служеніи Богу и добродѣтели! Сколько людей, которые еще во время юности, когда я только мечталъ о жизни, о мірѣ и всѣхъ его благахъ, обременяли себя трудами, были бѣдны, незнатны, удалены отъ всѣхъ пріятностей жизни привольной, и мнѣ казались несчастными, жалкими, или я смотрѣлъ на нихъ съ гордостію и презрѣніемъ; теперь эти люди, послѣ трудовъ и произвольныхъ лишеній, наслѣдовали міръ, обиліе благъ внутреннихъ и внѣшнихъ, славу предъ Богомъ и людьми, нашли себѣ счастіе, которое у нихъ никогда не отнимется,—а я, послѣ наслажденій, роскоши и своеволія, послѣ безпечности и праздныхъ круженій въ вихрѣ свѣта, бѣденъ, нищъ, гладенъ, убитъ суетою и горемъ. «Восставъ иду къ отцу»...

Но гдѣ этотъ отецъ, къ которому обратилась бы эта унылая, растерзанная скорбію душа? Кого назоветъ она своимъ отцомъ, забывъ небо въ суетѣ міра и создавъ кумиры страстей и чувственныхъ наслажденій, которыя однѣ паче всего возлюбила, воцарила, обоготворила. Приметъ ли ее къ себѣ отецъ, котораго она оскорбила своеволіемъ, забыла въ вихрѣ міра?—Но этотъ-то Отецъ, оскорбленный и прежде забытый, онъ-то и предваряетъ погибающую душу: съ любовію, съ утѣшеніемъ онъ встрѣчаетъ ее, пріемлетъ, и тогда, какъ она повергается предъ нимъ въ сокрушеніи о грѣхахъ своихъ, онъ подаетъ ей духъ своей благодати, подкрѣпляющій ее на пути обращенія. Тогда какъ, поражаемая стыдомъ за свои преступленія, она не дерзаетъ возвести взоровъ на небо, почитаетъ себя недостойною назвать Его, предъ лицемъ Его, отцомъ, Онъ самъ вновь признаетъ ее своею дщерію и успокоиваетъ въ лонѣ своей всепрощающей, все покрывающей, искупительной любви. Здѣсь-то совершается великое таинство благодатнаго обновленія души. Сокрушеніе о грѣхахъ терзаетъ душу, жестокій огонь раскаянія пожираетъ ее; но въ этомъ огнѣ душа, не сгорая, расплавляется, какъ металлъ, и въ этомъ сокрушеніи, не сокрушаясь, душа смягчается, какъ удобренная почва; тогда благодать небесная, мало-по-малу утишая внутренній огонь росою своихъ утѣшеній, расплавленную душу образуетъ вновь по образу создавшаго ее, и, полагая сѣмена новой жизни въ душѣ смягченной, даетъ ей силы производить добрые, прекрасные плоды вѣры и любви. Непримѣтно для самой души, изъ глубины ея сокрушенія возникаетъ миръ, который ее укрѣпляетъ и придаетъ ей мужество и силы; изъ огня внутренняго излетаютъ искры небеснаго свѣта, который ее озаряетъ, просвѣщаетъ и восхищаетъ горѣ. Слабость обновленной жизни даетъ себя чувствовать послѣ горькихъ слезъ и тяжкой

печали. И вотъ душа возрождена: нравственное безобразіе ея закрыто свѣтлымъ покровомъ заслугъ Искупителя; новая жизнь ея запечатлѣна печатію даровъ Св. Духа; новыя силы, ей сообщенныя, побуждаютъ ее къ новой, высшей дѣятельности въ подвигахъ спасенія; и тогда, какъ всѣ блага міра, которыми она услаждалась, всѣ дѣла, въ которыхъ она искала своего счастія, самыя, мнимыя, ея прежнія добродѣтели, теперь кажутся смердящими, и она ихъ стыдится,—это расположеніе души наноситъ послѣдніе удары ея самолюбію, вмѣстѣ съ которымъ умираетъ и вся ветхая, грѣховная природа. Чувство новой жизни воскрыляетъ душу; сердце полно веселія и радости чистой, которой никто не отниметъ, и спокойствія, котораго ничто возмутить не можетъ. Хоръ ангеловъ воспѣвалъ славу Вседержителя, когда сотворены были звѣзды и устроена земля; и сама небесная премудрость играла на земномъ кругу, въ первые дни міра веселясь о красотѣ и блаженствѣ своихъ твореній. Еще болѣе бываетъ на небѣ радости и торжества, когда совершается новое на землѣ твореніе, когда Любовь срѣтаетъ и объемлетъ возвратившуюся къ ней, заблудшую душу.

Теперь, тотъ ли это человѣкъ, плотской, душевный, мертвый, который былъ до возрожденія? Нѣтъ; тоже существо, но не тотъ же образъ; тѣ же силы но не та же жизнь: ожилъ, обновился, одухотворился, усыновился,—даже до причастія Божественнаго естества. Какъ это?—Это открыто только для внутренняго чувства самихъ возрожденныхъ (2 Кор. 13, 5); но единеніе съ Божествомъ въ обновленной душѣ существенно (Іоан. 17, 21—23. 1 Кор. 6, 17), есть истинное, тѣсное общеніе (1 Іоан. 1, 3), и объясняется тѣмъ существеннымъ, необходимымъ союзомъ, какой находится между основаніемъ зданія и самимъ зданіемъ (1 Петр. 2; 4, 5), между древомъ и его вѣтвями (Іоан. 15, 4), между головою и членами тѣла (Еф. 1, 22, 23). Тотъ ли это разумъ, слѣпой, гордый, немощный, вѣчный труженикъ и вѣчный мученикъ въ своихъ собственныхъ изысканіяхъ, которому въ назиданіе и награду за всѣ его дерзкія паренія къ тому, что выше его, оставляется горькая доля—знать только то, что онъ ничего не знаетъ? Возрожденіе приноситъ съ собою въ умъ помазаніе отъ Святаго, чрезъ которое мысль человѣка прелагается изъ естественной тьмы въ свѣтъ, отъ ума свѣтъ переливается и въ сердце,—и это помазаніе учитъ всему (1 Іоан. 2, 27). Чему же всему? Точно всему, потому что прежде всего научаетъ познанію того, въ чемъ все, черезъ что все и для чего все существуетъ: познанію Бога (Іоан. 17, 3). Вотъ первоисточникъ свѣта всякаго познанія, свѣта, который дается еще младенцамъ, и по которому младенецъ христіанскій пристыдилъ бы греческаго Платона—за великое изреченіе его философіи, будто нельзя найти Отца вселенной, а если бы и случилось найти Его, нельзя говорить о Немъ народу, а у насъ дѣти говорятъ о Немъ! Вотъ высота просвѣщенія, на которой слѣпоту человѣческую не нужно вооружать стеклами, чтобы смотрѣть на небо: съ этой высоты путь на самое небо, и еще выше, туда, гдѣ и самое небо можетъ стать подножіемъ человѣку; не нужно изобрѣтать—черезъ цѣлые вѣка—какія-нибудь машины, чтобы похвалиться познаніемъ силъ природы или превосходствомъ надъ нею, а нужно принять въ себя нѣкотораго рода особенное зерно, хоть такое маленькое, какъ горчичное, и тогда можно сдѣлать все, напримѣръ: на дорогѣ гора, на которую трудно взойти,—можно сказать ей: прочь!—и она сдвинется съ мѣста; страшно ли, бурно ли море: сказать ему слово,—и оно престанетъ,—и еще, пожалуй, не нужно корабля, чтобы плыть по морю,—можно пройти по водѣ, какъ по сушѣ. Огонь не жжетъ змѣи не жалятъ, ядъ не вредитъ; изсохшія дерева цвѣтутъ, всякія болѣзни врачуются, всѣ стихіи повинуются,—и еще не знаю, что больше сказать,—мертвые воскресаютъ. Какой разумъ разрѣшилъ бы эти тайны природы? Какая наука достигла бы такого всемогущества? И все это открыто, доступно для вѣры, для благодати, однимъ словомъ, для духовно-возрожденнаго человѣка.

То-ли это сердце,—сердце,—то грубое, то изнѣженное, то бурное, то слабое, то страшное, то безчувственное,—сердце—маленькая частичка нашего существа и самый разнохарактерный тиранъ нашей жизни? То-ли это сердце, источникъ заблужденій и паденій, страстей и пороковъ, радостей безумныхъ и печалей глупыхъ, корень нравственной порчи, гнѣздо самолюбія, надменное и тяжелое въ счастіи, унылое и легкомысленное въ несчастіи, самый жестокій господинъ и самый лукавый рабъ? Да, то въ невозрожденныхъ, но не то въ возрожденныхъ. «Любы, радость, миръ долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость надежда», а главное—любы, все объемлющая, все покрывающая все терпящая, чистая, полная, совершенная,—вотъ свойства сердца возрожденнаго, и сіи-то свойства въ совокупности составляютъ ту высокую жизнь сердца, полную свѣта, утѣшенія, блаженства, которая изъ души переливается и во внѣшнюю жизнь истиннаго христіанина. Вотъ источникъ священныхъ воодушевленій христіанина, сознающаго все блаженство жизни своей въ истинѣ и добрѣ и въ совершеннѣйшемъ союзѣ добра и истины; источникъ воодушевленій, который всякаго христіанина истиннаго дѣлаетъ. осмѣлюсь сказать, истиннымъ поэтомъ въ душѣ—по-

этомъ болѣе возвышеннымъ и совершеннымъ, нежели самые образованные поэты Греціи и Рима, питаетъ въ сердцѣ вѣрующаго ту небесную поэзію, которая возвышается надъ всѣмъ временнымъ, земнымъ и которой поэзія Клопштока, Тасса или другихъ, служитъ только слабѣйшимъ отголоскомъ. И какъ могущественно дѣйствіе этого внутренняго воодушевленія вѣры и любви христіанской въ сердцѣ возрожденномъ! «Оно, по выраженію Стеффенса, есть предчувствіе всего блаженства на землѣ. Подобно чадолюбивой матери, лелѣющей дитя свое, воодушевленіе вѣры и любви покоитъ сердце во глубинѣ его жизни, смягчаетъ для него всѣ суровыя обстоятельства въ мірѣ, и несчастные случаи обращаетъ въ пріятные и веселые. Для сердца, такъ воодушевленнаго, всѣ растенія покрываются цвѣтами, всѣ животныя покорствуютъ, свирѣпыя волны струятся въ радостныя слезы, и бурный воздухъ производитъ веселіе. Священный восторгъ этотъ былъ неизвѣстенъ древнимъ, но его ощущаетъ возрожденная душа, которая и въ самой превратности міра зритъ новую землю и новое небо.

О воспитаніи.

Девять помышленій ублажихъ въ сердцы моемъ, говоритъ мудрый, *а десятое изреку языкомъ: человѣкъ веселяйся о чадѣхъ...* (Сир. 25, 9, 10). Если мудрый такъ дорого цѣнилъ дорогое для мудрости сокровище слова, что самыя лучшія помышленія своего сердца не спѣшилъ изрекать языкомъ: то конечно, радость добраго отца о своихъ дѣтяхъ была лучшимъ изъ лучшихъ его помышленій, когда для этого предмета онъ не усумнился пожертвовать словомъ! Такъ должно согласиться, что чистая радость о дѣтяхъ, доступная родительскому сердцу, стоитъ того, чтобы для нея умолчать о девяти другихъ радостяхъ въ жизни. Надобно согласиться, что изъ естественныхъ радостей, какія, среди всѣхъ печалей и заботъ, еще оставлены человѣку въ этой жизни нельзя найти болѣе истинныхъ и прочныхъ, какъ радости семейственныя: радости—утѣшенія прекрасныя, по ихъ чистотѣ; высокія, по ихъ внутреннему достоинству; благотворныя по ихъ плодамъ,—и, прибавимъ, драгоцѣнныя по тѣмъ трудамъ и подвигамъ, какихъ онѣ требуютъ, прежде чѣмъ созрѣютъ. Заботы и труды, даже печали и слезы, соединенные съ воспитаніемъ, съ образованіемъ души подобнаго намъ существа, понятны вполнѣ только тому, кто въ собственной жизни былъ призванъ къ этому священному долгу и—тому, прибавимъ, кто этотъ долгъ хотѣлъ выполнить со всѣмъ усиліемъ благоразумія, усердія, постоянства.

Если воспитаніе уподобляютъ земледѣлію и трудъ родителей или воспитателей—труду земледѣльца, который полагаетъ сѣмя въ нѣдра вскопанной, удобренной земли, и, проливъ много пота, долженъ съ терпѣніемъ ожидать плодовъ благовременныхъ: то при этомъ сравненіи довольно вспомнить, что воздѣлать безчувственную почву далеко не то, что воспитать характеръ души свободной и чувствующей, и что непостоянство стихій, бури и непогоды, часто губящія весь плодъ трудовъ земледѣльца, совсѣмъ не то, что бури страстей человѣческихъ и непостоянство разнообразныхъ случаевъ жизни. Какъ часто эти бури исторгаютъ съ корнемъ все, что лучшаго было посѣяно въ юной душѣ, и какъ часто такіе случаи низпровергаютъ самые лучшіе планы образованія и жизни человѣка! Однакожъ, еще хуже того было бы отчаяваться во всякомъ воспитаніи: на все есть своя наука и надежда. Скажемъ же вслѣдъ за мудрымъ: девять и десять прекрасныхъ мыслей можно питать въ душѣ смотря на жизнь; но—нельзя не высказать мысли одной: счастлива жизнь благовоспитанная! Остановимся на этомъ предметѣ.

Задача воспитанія разработывается и отъ времени къ полному рѣшенію подвигается многими усильными дѣйствіями въ жизни тѣхъ тружениковъ истины и добродѣтели, которые призываются служить человѣчеству, какъ законодатели, правители, избранные служители науки и религіи, истинные отцы народовъ и семействъ. Ихъ трудами и опытами, ихъ прозрѣніями въ жизнь человѣческую, приводится въ ясность идеалъ совершенства и счастія человѣка, по степенямъ его восхожденія и преспѣянія на временномъ разумно-нравственномъ и общественномъ поприщѣ, по степенямъ расширенія потребностей внутренней и внѣшней жизни. Такъ Платонъ, въ своей республикѣ, по нуждамъ времени, начерталъ идеалъ гражданина. Такъ, на поприщѣ несравненно совершеннѣйшаго образованія жизня, Моисей въ законѣ начерталъ образъ истиннаго израильтянина, или лучше, подъ этимъ частнымъ образомъ представилъ идеалъ жизни человѣка подзаконнаго, имѣющаго воспитаться для жизни благодатной. Такъ, наконецъ, Евангеліе, соотвѣтственно высшему состоянію духовной жизни человѣчества, изображаетъ намъ совершеннѣйшія черты человѣка возрожденнаго, долженствующаго воспитаться для жизни вѣчной. Такъ для всякаго возраста рода человѣческаго есть свой идеалъ воспитанія: какъ идеалъ,—онъ имѣетъ характеръ общности, поелику не ограничивается никакими частными отношеніями жизни человѣка, или частными его цѣлями, имѣетъ характеръ высшаго, необходимаго правила, которому всѣ частныя правила воспитанія, по всѣмъ частнымъ его направленіямъ, должны под-

чиняться. Всякое частное воспитаніе въ кругу жизни семейственной, или даже гражданской, по столько имѣетъ достоинствъ и совершенствъ, поскольку соотвѣтствуетъ и приближается къ этому идеалу; иначе оно не можетъ быть правильно, не можетъ имѣть довольно твердости въ своихъ началахъ и полноты въ своемъ объемѣ. Такъ напр. естественныя начала разума или правила естественной нравственности могутъ прекрасно образовать человѣка; но въ настоящее время, въ христіанствѣ, такое воспитаніе недостаточно. Свѣтъ совершенно обманывается, когда на правилахъ такого мнимо-прекраснаго воспитанія думаетъ утвердить современную жизнь обществъ человѣческихъ: это прекрасное воспитаніе, на переходѣ отъ внѣшняго къ внутреннему, или отъ школы образованія къ жизни и дѣятельности, составляетъ не болѣе, какъ прекрасную наружность, которая можетъ прикрыть, но не можетъ истребить безобразія естественно-нравственной порчи души. Какъ часто это внутреннее безобразіе измѣняетъ человѣку въ жизни, проглядывая сквозь тонкое покрывало свѣтскаго образованія! Но нѣтъ другаго средства исправить это безобразіе, кромѣ высшей силы благодатной, сокрытой въ христіанствѣ.

Для теоріи воспитанія полезно было-бы начертать исторію его, чтобы можно было видѣть, какъ идея человѣческаго разумнонравственнаго воспитанія, постепенно раскрывалась и возвышалась въ жизни человѣчества, и какъ осуществлялась въ частныхъ правилахъ воспитанія принадлежащаго жизни семейственной и гражданской. Но этотъ трудъ, въ своихъ подробностяхъ, былъ-бы слишкомъ продолжителенъ и обременителенъ. Замѣтимъ вообще, что въ разсужденіи жизни человѣчества, въ ея историческомъ развитіи, существуетъ два противоположныхъ взгляда: можно ихъ примѣтить столько-же въ литературѣ, сколько и въ обществѣ. Одни превозносятъ старое и прошедшее, другіе восхищаются настоящимъ и новымъ. Для однихъ все *старое* имѣетъ особенную цѣну, потому самому, что это старое,—по привычкѣ представлять древнія времена лучшими временами жизни человѣческой, временами, отъ которыхъ человѣкъ постепенно уклонялся къ худшему, такъ что вся жизнь его, чѣмъ далѣе отъ старины, тѣмъ далѣе отъ своей первоначальной чистоты, простоты и добродѣтели, и, напротивъ, чѣмъ глубже погружается въ стихіи древности, тѣмъ ближе къ этимъ совершенствамъ. Думаютъ даже, что если-бы изъ настоящаго времени можно было что-нибудь противопоставить прошедшему, какъ лучшее, или по крайней мѣрѣ, какъ равное, то это доказало-бы только нашу слѣпоту, слабость чувства, которое уже неспособно постигать истинновеликаго въ человѣкѣ Противоположный сему образъ мыслей всякаго совершенства ищетъ въ *новомъ*, не болѣе какъ потому, что это—новое. Онъ предполагаетъ состояніе рода человѣческаго первоначально грубымъ и несовершеннымъ, и только постепенно усовершающимся; отсюда, если еще не близко полное совершенство, то, по крайней мѣрѣ, каждый шагъ впередъ производитъ нѣчто лучшее, нежели что было прежде. Чувство силы исполняетъ насъ при такой самоувѣренности, побуждаетъ насъ постепенно усовершаться, и когда такимъ образомъ наша дѣятельность, обращенная на насъ самихъ, возвышается, мы усматриваемъ факты дальнѣйшаго усовершенія, и въ насъ самихъ, и внѣ насъ, и чрезъ насъ,—въ общемъ и цѣломъ. Будущее лежитъ предъ нами, какъ великое царство ничѣмъ не затемняемаго свѣта, полнаго развитія ума, свободы, блаженства.

Вотъ два взгляда на жизнь: разумѣется, что первый, въ пользу старины, господствуетъ въ людяхъ старѣйшаго возраста, которыхъ мысли уже не подходятъ подъ новѣйшія теоріи; и даже можно примѣчать, что этотъ взглядъ преимущественно и свойственъ старому времени, когда такъ важно и свято было правило воспитанія: «предъ лицемъ сѣдаго востани и почти лице старче» (Лев. 19, 32). Новѣйшее время, напротивъ, по выраженію одного писателя, «хочетъ сажать дитя на стулъ, чтобы оно судило своихъ родителей». За первый взглядъ, кажется,—и сама природа, поелику, чтобы дитя было судьею своихъ родителей, не естественно. Но справедливость требуетъ сказать, что въ томъ, равно какъ и въ другомъ, образѣ мыслей есть неправильность,—и именно, ихъ односторонность. Если мы будетъ разсматривать человѣка въ самомъ себѣ, въ собственномъ его существѣ, то всегда увидимъ, что самъ въ себѣ онъ всегда одинъ и тотъ же, и что образованіе, какъ показываетъ уже самое слово, можетъ дать только тотъ или другой образъ его жизни, и какъ образъ, а не существо, всегда можетъ измѣняться, столько же къ лучшему, сколько и худшему; но чтобы измѣнялось самое существо человѣка, для этого нужна сила высшая. Поэтому-то, если будемъ смотрѣть на жизнь человѣка естественную, въ собственныхъ ея предѣлахъ заключенную, то также нельзя своимъ умомъ доказывать, что она становится постоянно хуже, какъ трудно рѣшать и то, что эта жизнь сама собою, въ собственномъ развитіи, идетъ и должна идти къ совершенству. Укажутъ-ли намъ на обширное, въ настоящее время, развитіе наукъ: наука не то, что природа, и не то, что жизнь; укажутъ ли на чрезвычайные успѣхи цивилизаціи: цивилизація далеко не то, что внутренняя, духовная жизнь человѣка, принадлежащая къ высшему міру, куда никакіе общественные законы или формы не достигаютъ.

Совсѣмъ иначе представляется жизнь человѣка, когда ее разсматриваемъ въ чертежѣ Провидѣнія, сколько само Провидѣніе благоволитъ открывать намъ; когда смотримъ на человѣка подъ рукою вѣчной Любви, которая, прежде всего, сама на себя приняла его воспитаніе. Къ сей любви послѣдній, сію минуту родившійся человѣкъ столько же близокъ, какъ первый, и если первый человѣкъ самъ исторгся изъ Ея рукъ, впалъ во всѣ заблужденія ума и сердца, то мы знаемъ, что сдѣлала Любовь для возставленія падшаго. Настоящее состояніе человѣка, поврежденное въ глубинѣ его естественной жизни, озаряется свѣтлыми лучами благодатнаго обновленія, съ высоты любви пренебесной. Вотъ пунктъ соединенія и примиренія обоихъ противоположныхъ взглядовъ на жизнь. Кто допускаетъ, что первоначальное состояніе человѣка было невинно и совершенно, кто признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ глубоко человѣкъ ниспалъ изъ этого состоянія, тотъ долженъ знать и то, что Провидѣніе опять благоволитъ возставить человѣка къ совершенству. И, наоборотъ, кто хочетъ доказывать, что человѣчество съ постепеннымъ образованіемъ своихъ силъ становится—время отъ времени—не тѣмъ, что было прежде, тотъ долженъ согласиться, что при всемъ образованіи настоящее состояніе природы нашей совсѣмъ не такъ совершенно, какъ первобытное, и есть состояніе возрожденія,—опять-же не естественнаго, а высшаго, благодатнаго. Такъ, есть золотой вѣкъ за нами; есть золотой вѣкъ предъ нами: вѣкъ настоящій—переходъ отъ перваго къ послѣднему.

Такое соединеніе взглядовъ на человѣка и необходимо для жизни. Нельзя дать прочнаго воспитанія дѣтямъ, если родители впереди себя не имѣютъ образца, которому могутъ подражать, и—опять, всякое воспитаніе безполезно, если нельзя надѣяться, что потомство принесетъ съ собою въ міръ что-либо лучшее, нежели что есть въ настоящее время. Если отецъ имѣетъ полныя права въ воспитаніи своего сына: то сынъ, чрезъ это же воспитаніе, можетъ развить въ себѣ еще большія духовныя силы, нежели какія имѣетъ и самъ отецъ его; и наоборотъ: если потомки являются совершеннѣе предковъ, то не должны забывать, что въ основаніи ихъ совершенствъ лежитъ воспитаніе ихъ отцовъ. Мы все еще дѣти древняго міра, который продолжаетъ дѣйствовать своимъ вліяніемъ на наше образованіе, подобно тому, какъ превосходнѣйшее твореніе писателя не можетъ обойтись безъ буквъ, составляющихъ начальную грамату дитяти.

Идея воспитанія, какъ полнаго развитія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка, сообразно достоинству его природы и назначенію, вдругъ не могла составиться между людьми: она предполагаетъ уже извѣстныя степени умственнаго и нравственнаго образованія. Мы знаемъ, что первыя дѣти перваго отца на землѣ родились внѣ рая—мѣста невинности и совершенства: слѣдовательно, уже съ самыхъ первыхъ временъ міра воспитаніе должно было получить значеніе искусства, труда, столько-же пособія природѣ, сколько и борьбы противъ нея, уже получившей наклонность ко злу. Тѣмъ не менѣе характеръ временъ первобытныхъ,—единство жизни, въ которомъ религія и просвѣщеніе, мудрость и добродѣтель, семейство и общество,—все это являлось въ самой тѣсной взаимной связи и составляло ту прекрасную гармонію жизни, въ которой мы удивляемся вмѣстѣ и простотѣ и возвышенности, и крѣпости силъ, и близости къ природѣ. Это была жизнь сосредоточенныхъ въ дѣятельности силъ человѣка, образованія органическаго, самаго живаго единенія между собою мысли, и чувства дѣйствій. Безъ школъ и теорій, безъ спора о правилахъ и законахъ, древніе жили по преимуществу самою жизнію, учили и учились въ опытахъ жизни, поелику разсматривали, слушали и дѣлали то, что являла жизнь,—слово и примѣръ предковъ. Поэтому самое воспитаніе составляло одно съ жизнію, т. е. возникая изъ болѣе или менѣе глубокихъ потребностей жизни, оно поддерживалось живою силою чувствъ и стремленій естественныхъ, во взаимномъ отношеніи родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, окружалось живыми примѣрами и живыми предметами умственныхъ созерцаній, обнимало въ единствѣ жизни религію и общество, мудрость и добродѣтель, и, имѣя преимущественно характеръ практическій, развивалось въ живой дѣятельности. Когда дѣти въ свою очередь становились родителями, возникали новыя, болѣе расширенныя отношенія между людьми,—вниманіе къ дѣтямъ со стороны родителей возрастало, новыя—умственныя и нравственныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія потребности жизни обратили къ новымъ, обширнѣйшимъ способамъ ея развитія,—и воспитаніе потребовало новыхъ, твердѣйшихъ и болѣе развитыхъ началъ: оно основалось на разумно-сознательномъ, проникнутомъ особыми мыслями и цѣлями, вліяніи ума и воли родителей на умъ и свободу дѣтей. Отселѣ уже составилась *идея* о воспитаніи.

Воспитаніе, получивъ идеальный характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ должно было получить менѣе *свободнаго* развитія, нежели сколько оно могло имѣть тогда, когда основывалось на однихъ живыхъ чувствахъ, связующихъ родителей съ дѣтьми, и на дѣятельныхъ опытахъ жизни, просто,—когда оно ограничивалось жизнію семейственною. Этому причиною то, что, при умноженіи людей, переходя изъ семейства въ общество, жизнь должна была прини-

мать болѣе и болѣе сложныя формы, подчиняться извѣстнымъ законамъ, входить въ новыя отношенія, для которыхъ нужны были извѣстныя, опредѣленныя правила. Тутъ уже родители, при воспитаніи дѣтей, начинали смотрѣть далѣе частной жизни семейственной, даже, можно сказать, далѣе собственной, личной жизни своихъ дѣтей, и прозирать туда, гдѣ дѣти ихъ становились членами организма общественной жизни, и, слѣдовательно, принимали на себя новыя обязанности этой жизни. Такимъ образомъ воспитаніе, съ одной стороны, переходило въ *обязанность* для родителей, не только уже естественную, но и *законную*, а съ другой,—становилось болѣе и болѣе сложною наукой, для которой требовались многія новыя пособія, планы, опыты. Природа передала жизнь человѣка изъ своихъ материнихъ объятій въ руки наукѣ и искусству. Общество стало воспріемникомъ его изъ-подъ мирнаго крова семейственныхъ добродѣтелей и счастія, чтобы вести его поприщемъ обширнѣйшей дѣятельности, на пользу цѣлаго.

Общество, развиваясь изъ семействъ, мало-по-малу удаляется отъ простыхъ, естественныхъ началъ семейной жизни, и, образуясь въ *народъ*, составляетъ изъ себя цѣлое, которому семейства, какъ части, должны уже подчиняться. Стремясь осуществить идеи гражданскаго развитія, уже высшаго и обширнѣйшаго, чѣмъ развитіе человѣка семейственное, общество простираетъ свои виды и свою нравственную силу на рождающихся въ семействѣ дѣтей, какъ своихъ членовъ, и ихъ воспитаніе причитаетъ уже къ кругу своей жизни: тогда этотъ священный долгъ, возлагаемый самою природою на родителей, раздѣляется, въ своемъ обширнѣйшемъ развитіи, между родителями и правителями, наставниками и законодателями. служителями религіи и другими дѣятелями общества. Вотъ и на этотъ разъ характеристическая черта древняго міра: даже при образованіи гражданскихъ обществъ, тамъ отецъ семейства, правитель, жрецъ—нерѣдко совмѣщались въ одномъ лицѣ, образуя единство власти естественной, нравственной, общественной и духовной. Разумѣется, что такое единство долго не могло держаться: оно нарушилось при сильномъ перевѣсѣ искусственности въ жизни надъ природою, сложнаго гражданскаго быта надъ простымъ, семейнымъ, эгоизма надъ чистотою религіозныхъ чувствъ и стремленій.

Надобно, однако-жъ, замѣтить, что какъ крѣпчайшую силу въ поддержаніи связей общественныхъ, такъ первые и глубочайшіе способы воспитанія,—всегда оказывала *религія*. Въ ней образовались нравы народные, смягчалась дикость страстей въ ней человѣкъ сознавалъ свое высшее бытіе, и поддерживались его

благороднѣйшія побужденія въ общественной и нравственной дѣятельности. Религія была источникомъ мира, силъ и гармоніи въ быту человѣка,—и даже тамъ, въ религіи, первоначально образовалась поэзія жизни,—и первые наставники народа, первые учители искусства, первые поэты и двигатели жизни народной были религіозные пѣвцы. Религіозные законоположники были лучшіе законодатели гражданскіе. Возьмите въ примѣръ древнѣйшаго изъ нихъ Моисея. Языческій примѣръ на это—Нума. Мало, однакожъ, мы видимъ народовъ, которые съ теченіемъ времени не измѣнили этому прекрасному и благотворному вліянію религіи, и, сохранивъ въ себѣ силу его, счастливо достигли полнаго цвѣта въ своемъ образованіи. Религія всегда и вездѣ испытывала дѣйствія враждебныхъ себѣ силъ, возникавшія столько же изъ глубины поврежденной природы, сколь изъ обстоятельствъ внѣшней народной жизни. Къ дѣйствіямъ перваго рода принадлежитъ то обыкновенное въ исторіи народовъ варварство, которое порождается невыдержанною борьбою съ силою страстей и буйствомъ нравовъ, и пораждаетъ мракъ, поглощающій всѣ успѣхи общественнаго и нравственнаго образованія; къ дѣйствіямъ послѣдняго рода принадлежатъ столкновеніе и смѣшеніе народовъ, въ которыхъ народъ грубый одолѣваетъ, народъ образованный ослабѣваетъ, вообще же теряются способы свободнаго умственнаго или религіознаго развитія. Одинъ только народъ тщательно сохранился отъ подобныхъ несчастныхъ столкновеній съ чуждыми племенами, хотя увлекался неизбѣжною силою естественно-нравственной порчи. То былъ народъ еврейскій.

Каждый народъ, стремясь къ самообразованію, проходитъ три степени жизни: возрастанія, процвѣтанія, и, такъ сказать, осѣмененія, когда т. е. достигая самъ въ себѣ зрѣлости, онъ становится разсадникомъ образованія для новыхъ, младшихъ его народовъ. Въ жизни естественной бываетъ и то, что этотъ послѣдній періодъ соединяется уже съ увяданіемъ самого народа. Такъ Греція и Римъ, при своемъ паденіи, завѣщали свои науки и искусства новому міру. Такія видимыя замиранія жизни въ отдѣльныхъ народахъ не нарушаютъ жизни цѣлаго, которое сохраняется, движется и управляется единымъ вседѣйствующимъ Провидѣніемъ; тутъ мы видимъ только картину того же явленія, когда въ порядкѣ видимой природы лѣто смѣняется зимою, и зима въ свою очередь уступаетъ мѣсто веснѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это явленіе въ жизни народовъ, т. е. когда народъ достигаетъ видимой полноты и зрѣлости въ своемъ умственномъ или практическомъ, не скажу—нравственномъ, развитіи, въ то же время состарѣвается и падаетъ,—это явленіе, говорю, весьма разительно

въ исторіи міра показываетъ слабость и поврежденіе самаго корня въ естественной жизни человѣчества, то поврежденіе, по которому эта жизнь не можетъ давать плодовъ совершенныхъ, и ихъ неизбѣжная судьба—тлѣніе. Такая, однакожъ, смѣна народовъ на поприщѣ міра и переходъ образованія отъ одного изъ нихъ къ другому, не составляетъ какой-либо *необходимости* въ жизни міра: мы разумѣемъ здѣсь ту идею логической необходимости, какую вводитъ въ міръ новѣйшая философія изъ школы Гегеля,— и которая, какъ залетное насѣкомое, жужжитъ иногда и въ нашемъ отечествѣ, вовсе не по русскому духу; по этой философіи надобно видѣть въ быту рода человѣческаго какую-то непреложную, необходимую систему *саморазвитія*, по которой будто бы онъ идетъ постепенно къ совершенству умственно-практическому, а высочайшая идея этой системы—государство! Но трудно рѣшить: какъ можно представлять себѣ человѣка или человѣчество постепенно усовершающимся и въ жизни его видѣть саморазвитіе, и въ то же время представлять его заключеннымъ въ оковахъ необходимости; какъ можно почитать высочайшею цѣлію или идеею человѣчества—государство, когда, въ самомъ порядкѣ вещей, государство служитъ только средствомъ развитія и образованія человѣчества! Если же оковы необходимости не мѣшаютъ человѣку идти къ совершенству, то развѣ такъ, какъ это бываетъ въ машинѣ, которая можетъ выдѣлывать совершеннѣйшія, въ своемъ родѣ, произведенія, не имѣя нисколько свободы въ своемъ движеніи. Не отрадно, однакожъ, представлять себя машиною, гдѣ движущіяся части приводятъ въ движеніе цѣлое и не могутъ сами по себѣ перемѣнить ни одного гвоздя, машиною, которая—какое бы ни было ея устройство,—чѣмъ быстрѣе движется, тѣмъ ближе къ разрушенію.

Не въ идеѣ логической необходимости, которая и самого Творца связываетъ въ Его дѣйствіяхъ, но въ самой природѣ вещей, управляемыхъ всемогуществомъ Единаго, надобно искать изъясненія на судьбы ихъ. Когда плодъ на деревѣ достигаетъ полной зрѣлости, онъ не можетъ долго держаться на стеблѣ, и отпадаетъ; цвѣтокъ въ то именно время распадается, когда является въ полномъ развитіи своихъ лепестковъ. Причина сему всеобща,— первоначальное ослабленіе силы въ природѣ, по которому она не можетъ сама въ себѣ поддерживать неизмѣнно продолжительную жизнь, и каждое ея произведеніе развиваясь въ опредѣленную мѣру совершенства, истощается уже въ самомъ своемъ развитіи, такъ что, по достиженіи своей полноты, или разрушается, или, какъ говорится, перезрѣваетъ. Тоже является намъ въ судьбахъ человѣка естественнаго.

Способности его духа къ образованію и дѣятельности обширны; онъ стремится къ совершенству, которое и есть его назначеніе; но тамъ, гдѣ онъ оставляется самому себѣ, долженъ съ трудомъ и болѣзнію изъ самого себя развивать свою умственную и нравственную жизнь, такъ что его труды и болѣзни умножаются вмѣстѣ съ его видимымъ усовершеніемъ и, наконецъ, доходятъ до такой мѣры, что онъ ихъ не выдерживаетъ и, среди видимой зрѣлости жизни, истощается въ силахъ и падаетъ. Такова участь поврежденнаго естества человѣческаго. Каждое новое изысканіе только открывало его внутреннее безсиліе. Такъ, римская имперія рушилась въ то самое время, когда достигла высшей степени видимаго могущества, поелику каждое новое расширеніе ея только обличало слабость ея духовныхъ, внутреннихъ силъ, истощенныхъ нѣгой, роскошью и пр. Такъ языческая религія пала въ то самое время, когда разумъ въ грекахъ и римлянахъ показалъ самое сильнѣйшее напряженіе въ изысканіи истины,—напряженіе, котораго эта религія не выдержала. Такъ называемые исполинскіе шаги, гигантскія предпріятія, колоссальные замыслы въ естественной жизни рода человѣческаго всегда влекутъ за собою опасность разрушенія, потому что производятъ неумѣренное напряженіе въ естественной его дѣятельности, которая, какъ естественная, не можетъ идти дальше самой себя и напряженія не выдерживаетъ: она распадается, а духъ подъ ея развалинами, замираетъ. Примѣръ этому—судьба многихъ государствъ, въ древней и новой исторіи. Теперь понятно, что должно быть слѣдствіемъ такихъ опытовъ: они должны привести насъ къ правильному самопознанію, къ сознанію естественной нашей немощи и духовной порчи; къ желанію обновленія жизни и высшей помощи,—однимъ словомъ, должны привести къ тому же, къ чему расположился и древній языческій міръ,— къ познанію христіанства.—Это предисловіе и изложено нами съ тою цѣлію, чтобы открыть въ воспитаніи характеръ идеальный, характеръ общности и единства, по которому оно есть принадлежность не членовъ только семейства и не членовъ только общества, но прежде всего принадлежность человѣка—вообще, и не человѣка только—въ его естественномъ образованіи, но и всего человѣчества, въ его развитіи по чертежамъ Провидѣнія: этотъ характеръ составляетъ основаніе, по которому въ воспитаніи частное должно подчиняться общему, общее—цѣлому, и по которому вовсе нельзя оправдывать того воспитанія,—гдѣ бы оно ни совершалось, въ семействѣ, или обществѣ,—воспитанія, которое изводитъ на свѣтъ умныхъ и милыхъ дѣтей, но худыхъ членовъ общества, или самыхъ исправныхъ служителей жизни граждан-

ской, но дурныхъ людей, или—даже, хорошихъ людей, но слабыхъ *христіанъ*.—Теперь будемъ излагать самую систему воспитанія.

Объ основныхъ началахъ воспитанія.

Мы уже высказали почти точное опредѣленіе воспитанія: оно есть возможно полное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ способностей и силъ человѣка, сообразно достоинству его природы и его временному и вѣчному назначенію. Такъ опредѣляютъ воспитаніе вообще всѣ педагоги. Но, чтобы это опредѣленіе получило всю правильность, ясность и высшее—не внѣшнее только и временное значеніе,—надобно связать его съ нѣкоторыми важнѣйшими для человѣка истинами, которыя должны составлять его основаніе и внутреннюю силу. Сіи истины суть слѣдующія: а) въ своемъ глубочайшемъ и первоначальномъ значеніи, воспитаніе есть дѣйствіе Божественнаго Провидѣнія, такъ какъ отъ премудрости и благости Божественной человѣкъ получаетъ бытіе, силы и совершенства, свое поприще жизни и назначеніе; слѣдовательно, воспитаніе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частномъ, лежитъ въ чертежѣ дѣйствій Божественнаго промышленія и міроправленія; б) воспитаніе есть раскрытіе Божественнаго въ существѣ человѣческомъ, такъ какъ вѣчный Творецъ создалъ человѣка по своему образу, который есть Божественное въ человѣческомъ, безсмертное въ тѣлесномъ, духовное въ чувственномъ,—и составляетъ первое основаніе достоинства человѣческой природы; в) оно есть возникающее изъ себя самого развитіе духа, такъ какъ духъ человѣка, бывъ существомъ свободнымъ, изъ положеннаго въ немъ сѣмени силъ и способностей, развиваетъ свою жизнь до совершенства безграничнаго; г) воспитаніе есть во времени образующееся человѣчество, которое чрезъ недѣлимыя идетъ и развивается отъ родителей до дѣтей, отъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ народа въ народъ, отъ цѣлаго къ частямъ и отъ частей къ цѣлому,—человѣчество, которое не есть какое-либо отвлеченное понятіе, но имѣетъ свою жизнь въ жизни безчисленныхъ недѣлимыхъ, въ пространствѣ и времени, по взаимно-дѣйствію духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, составляющихъ, какъ одинъ великій организмъ,—цѣлое, стремящееся къ безконечному. Въ связи съ этими мыслями, мы получаемъ опредѣленное истинное понятіе о воспитаніи, понятіе, въ которомъ субъектъ—человѣчество въ его недѣлимыхъ, объектъ—высшее, естественное и богоподобное достоинство нашей природы,—а связь между тѣмъ и другимъ—дѣйствіе и водительство Провидѣнія.

Нѣтъ никакой нужды усиливаться въ доказательствахъ необходимости воспитанія. Эта необходимость въ самой природѣ. Надобно только взглянувъ на родившагося, во всѣхъ немощахъ нашей природы, младенца, чтобы слышать въ глубинѣ своего сердца голосъ, взывающій о пособіи этому существу, столь слабому, еще не начинающему собственной полной жизни,—голосъ, чтобы сберечь едва возгорающуюся искру жизни этого существа, чтобы предохранить его отъ смерти прежде жизни и дать ему три необходимыя, существенныя принадлежности человѣческаго существа, безъ которыхъ оно или умретъ не живши, или будетъ жить, умерши однажды навсегда: хлѣбъ, мысль, слово; надобно слышать голосъ разума, побуждающій заранѣе развивать способности дитяти, когда оно только еще начинаетъ путь жизни, чтобы благовременно предохранить отъ столь многихъ, угрожающихъ въ мірѣ, опасностей, и на прочныхъ основаніяхъ утвердить счастіе человѣка, прежде чѣмъ онъ выступитъ на борьбу съ тяжелыми опытами жизни.

Такъ природа и жизнь за одно говорятъ о воспитаніи. Природа человѣка слишкомъ ясно высказываетъ свои потребности, начиная отъ низшихъ, въ которыхъ заключается одно простое поддержаніе жизни, одно *питаніе*, а еще не *воспитаніе*, до потребностей высшихъ, когда съ постепеннымъ возрастаніемъ въ жизни раскрывается разумное сознаніе и высказываются дѣятельныя, нравственныя стремленія. Самый дикій американецъ, котораго внѣшній образъ жизни едва отличаетъ отъ животнаго, который, однакожъ, самъ понимаетъ, что онъ не животное, или,—встрѣчаясь съ звѣремъ, понимаетъ, что не можетъ бороться съ нимъ одною тѣлесною силою, но долженъ употребить искусство или хитрость,—такой *сынъ природы* самою природою выводится на поприще сознанія и мысли,—и лукъ или топоръ, которые онъ умѣетъ сдѣлать по своей мысли, свидѣтельствуютъ уже о высокомъ превосходствѣ его природы предъ животными. Для животныхъ воспитаніе не существуетъ. Инстинктъ животныхъ заключенъ въ тѣсныхъ, неодолимыхъ предѣлахъ: онъ утвержденъ на одномъ какомъ-либо пунктѣ, съ котораго сойти не можетъ. Тотъ же инстинктъ, который такъ искусно строитъ пчелиные ульи и умѣетъ различать цвѣты, не научитъ пчелъ собирать съ цвѣтовъ сѣмена и класть ихъ на землю, чтобы, для собранія лучшаго меда приготовлять себѣ лучшіе цвѣты. Тотъ-же инстиктъ, который всѣмъ вообще животнымъ внушаетъ такую привязанность къ своимъ дѣтямъ, оказывается слабымъ послѣ того, какъ дѣти бываютъ въ состояніи добывать сами себѣ пищу,—до такой степени слабымъ, что ни мать, ни дѣти не могутъ другъ

другу уступать куска пищи, и изъ-за него другъ противъ друга ожесточаются. Вотъ потому справедливо говоритъ Кантъ, что человѣкъ есть единственное твореніе, которое можетъ и должно быть воспитано. Замѣтимъ-ли съ—самыхъ первыхъ дней жизни младенца—усиліе разуной души высказаться въ мысли, когда младенецъ въ самомъ движеніи внѣшнихъ чувствъ выражаетъ, что видимые имъ предметы его занимаютъ, и онъ усиливается различать ихъ; усиліе высказаться въ чувствѣ, когда младенецъ живо сочувствуетъ своей матери умѣетъ избирать то, что ему нравится, и нѣжныя ласки его окружающихъ людей отличать отъ суровыхъ взглядовъ; усиліе—высказаться въ словѣ, когда онъ самъ такъ напряженно старается развязать свой языкъ, чтобы назвать тотъ или другой предметъ его именемъ: вотъ голосъ разумной природы, требующій воспитанія! Человѣкъ только между людьми человѣкъ.

Эта естественная необходимость воспитанія соединяется еще съ важнѣйшими побужденіями нравственными, возникающими изъ *свободы* человѣка. Свобода—это высокое преимущество человѣческой природы — есть вмѣстѣ самый тяжелый хотя и драгоцѣннѣйшій камень въ вѣнцѣ царя земныхъ твореній, камень, который такъ часто преклоняетъ человѣка долу и повергаетъ до неспособности—возстать; это—самыя быстродвижныя, самыя живыя крила безсмертной души, которыя носятъ ее въ сферѣ жизни разумной, между небомъ и землею, и могутъ вознести на небо, но которыми владѣть—для души нѣтъ ничего труднѣе; это самая могучая, самая дѣятельная сила духа, которая ни на одно мгновеніе не перестаетъ дѣйствовать и не имѣетъ предѣловъ своему развитію и жизни, но которая бываетъ причиною самыхъ противоположныхъ явленій въ жизни человѣка: величія и ничтожества, добродѣтелей и пороковъ, совершенства и паденій, радостей и горя, счастія и несчастія, славы и осужденія, жизни и смерти. Такова свобода человѣка, и если бы отъ него ничего болѣе не требовалось, какъ согласить эти противоположности въ характерѣ своей свободы, то, можетъ быть, жизнь человѣка походила-бы на жизнь физической природы, въ которой огонь и вода, роза и терніе, день и ночь приведены въ стройную гармонію и составляютъ порядокъ цѣлаго; но царство свободы не то, что царство природы, порядокъ міра физическаго не то, что совершенство, для какого созданъ міръ нравственный. Человѣкъ долженъ быть совершенъ и блаженъ по идеѣ чистаго блага и добра,—въ чемъ нѣтъ мѣста никакимъ противоположностямъ. Творецъ даетъ ему волю: воля въ его природѣ; но ничто столько не показываетъ ему самому нужду въ законѣ и правилахъ для жизни, какъ его собственная свобода.

Теперь взглянемъ на ходъ развитія этой свободы. Оставимъ первый возрастъ человѣческой жизни, когда еще не вполнѣ открывается дѣятельность воли. Скоро затѣмъ исчезаетъ юность,—это невозвратное время, когда человѣкъ, еще новый житель міра, съ жаждою ищетъ постоянно новыхъ, постоянно живыхъ и сильныхъ ощущеній, чтобы ими питать быстро развивающуюся жизнь души; юность, когда все еще такъ очаровываетъ и привязываетъ къ себѣ сердце человѣка, и все,—и жизнь, и міръ, и люди, и разнообразные предметы, его окружающіе, представляются ему въ свѣтлыхъ, радужныхъ цвѣтахъ, и довѣрчивое сердце, не думая о томъ, чѣмъ обольщается, ничего такъ мало не постигаетъ, какъ необходимости углубляться въ жизнь и возможности когда-либо разувѣриться въ своихъ чувствахъ и мечтахъ; юность—серебрянный вѣкъ жизни, на который науки и искусства, разумъ и воображеніе, родъ и званіе въ обществѣ, наслажденія и мечты—все стремится навести позолоту, чистую, прочную, блистающую позолоту,—и все въ жару пылающей души переваривается и переплавляется, чтобы составить одну драгоцѣнность на цѣлую жизнь—*счастіе*, подобно какъ различные химическіе составы перегораютъ въ горнилѣ алхимика, ищущаго философскаго камня. Приманчивость и обманчивость, обыкновенныя свойства, такъ называемаго, счастія на землѣ, точно дѣлаютъ его подобными тому мнимому, искомому золоту, которое такъ обольщаетъ и такъ жестоко обманываетъ жаркихъ его искателей. Но этотъ жаръ души въ юности, эта стремительность—не требуетъ-ли самаго обширнаго искусства, самаго крѣпкаго нравственнаго вліянія и помощи, чтобы управить ими и удержать ихъ въ правильныхъ границахъ на цѣлую жизнь? Иначе: не можетъ ли этотъ жаръ воспламенить въ душѣ огонь сильныхъ страстей, который, не бывъ умѣренъ, разрушитъ собственную жизнь души и подвергнетъ ее болѣзненному нравственному тлѣнію? Не можетъ ли эта стремительность характера вовлечь человѣка во всѣ заблужденія ума и сердца, во всѣ распутія безпорядочной, порочной жизни, когда наконецъ человѣкъ потеряетъ силу—владѣть собою, и, обезсиленный, безпомощный, падетъ невозвратно? Жизнь души, по своимъ естественнымъ свойствамъ, всегда подобна огню: самое существо души есть духовной огонь; но, не бывъ умѣренъ воспитаніемъ, этотъ огонь страшенъ и разрушителенъ, какъ пламя вулкана, а бывъ управленъ и очищенъ въ воспитаніи, онъ горитъ чисто и свѣтло, тихо и отрадно, какъ свѣтильникъ въ лампадѣ; такъ мирно течетъ жизнь благовоспитанная,—и мирно угасаетъ въ здѣшнемъ мірѣ, чтобы возродиться въ новый, чистѣйшій свѣтъ,—тамъ, гдѣ блистаетъ свѣтъ несозданный.

Счастливое время юности останавливается на эпохѣ, которая составляетъ необходимый переломъ въ жизни человѣка: говорю—необходимый, потому что юность, какъ бы она ни была счастлива, не заключаетъ въ самой себѣ всѣхъ цѣлей жизни, какъ листъ на деревѣ, безъ цвѣта и плода, не даетъ еще конца развитію дерева, и еще потому, что человѣку для жизни необходимъ *характеръ*,—опредѣленная, сознательная дѣятельность духа, вытекающая сколько изъ естественнаго настроенія способностей и силъ души, достигшихъ опредѣленнаго развитія, столько изъ идеи о временномъ и вѣчномъ назначеніи, уясненномъ въ сознаніи, въ наукѣ и опытахъ жизни. Характеръ—это есть утвердившійся центръ внутренней и внѣшней жизни человѣка, центръ, изъ котораго исходятъ и къ которому восходятъ всѣ лучи его разносторонней дѣятельности, и котораго нѣтъ еще тамъ, гдѣ человѣкъ, управляемый преходящими чувствами или воображеніемъ, еще занятый одними внѣшними впечатлѣніями или однимъ школьнымъ теоретическимъ образованіемъ, еще блуждаетъ, такъ сказать, на окружности своей внутренней, и—по верхамъ внѣшней жизни, и не имѣетъ углубленной въ себя дѣятельности. Понятно, какъ важна для человѣка эпоха, когда онъ долженъ утвердить на прочныхъ началахъ свой характеръ и начать обдуманный планъ жизни: но, какъ показываютъ многочисленные опыты, эта эпоха бываетъ болѣзненна и вообще затруднительна въ своемъ рѣшеніи. Настаетъ время, когда пылъ юности утихаетъ, когда сила чувствъ ослабѣваетъ, впечатлѣнія теряютъ свою живость, разсудокъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ чувствомъ и воображеніемъ, взоръ души обращается отъ внѣшняго къ внутреннему, и—человѣкъ начинаетъ приходить въ себя. Нечего было бы страшиться этой эпохи возрожденія, надобно было бы желать ея, какъ начала новой жизни; но неумѣренность и заблужденія юности соединяютъ этотъ переломъ съ такими болѣзнями, которыя далеко превосходятъ всѣ болѣзни тѣла при рожденіи. Взоръ души, обращенный на прошедшее, ясно различаетъ въ немъ многія темныя стороны своей жизни, отъ которыхъ мракъ теперь налегаетъ на совѣсть; тамъ онъ видитъ легкомысліе, которому въ свое время уступалъ разсудокъ, но, породивъ цѣлый рядъ заблужденій, теперь это легкомысліе прежнихъ лѣтъ тяготитъ своими слѣдствіями, которыя тотъ же разсудокъ судитъ и не прощаетъ; тамъ объясняются упущенія, которыми въ то время послабляла самой себѣ душа, чуждаясь труда и строгой дѣятельности, но теперь, вслѣдствіе такихъ упущеній, открываются въ глубинѣ души самыя горькія немощи жалкіе недостатки, которые исправить уже трудно; тамъ юная, живая фантазія роскошно цвѣла

среди всѣхъ наслажденій чувствъ и мнимо изящныхъ удовольствій свѣта, весело и беззаботно осыпала цвѣтами этихъ удовольствій въ тѣ дни привольный путь жизни: теперь эти цвѣты отцвѣли и осѣменились, и изъ нихъ вмѣсто всякаго плода сладкаго или пріятнаго родились тяжелыя умственныя и нравственныя болѣзни, среди которыхъ душа невольно трепещетъ за себя, за свою жизнь, уже не думая о наслажденіяхъ. Очень можетъ быть, что не все еще потеряно, что въ душѣ еще остается много крѣпости и силъ, чтобы начать новую, лучшую жизнь; но этотъ тяжкій отчетъ, который она принуждена дать за себя себѣ самой, невольно стѣсняетъ ея мысли и совѣсть и грозитъ полнымъ разочарованіемъ въ жизни. Впрочемъ, естественно, что такое состояніе души не можетъ быть постоянно, надобно предпринять что-нибудь рѣшительное, и тутъ-то рѣшительнымъ шагомъ нерѣдко опредѣляется цѣлая будущность. Это состояніе подобно состоянію тѣхъ болѣзней тѣла, въ которыхъ сильный переломъ также можетъ разрѣшиться возстановленіемъ здоровья и обновленіемъ цѣлаго организма, какъ можетъ окончиться и смертію. Человѣкъ начинаетъ вопрошать истину,—чтобы разрѣшить сомнѣнія, колеблющія разумъ, начинаетъ искать добра, чтобы дать миръ потрясенной душѣ, миръ, утверждаемый на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ всѣ, такъ называемыя, удовольствія свѣта, и это стремленіе—добрый признакъ: это сѣмя обновленія и возрожденія души, долженствующее принести для другой половины жизни прекрасный плодъ. Теперь должно быть понятно, какъ на этотъ разъ счастливъ человѣкъ, если въ немъ заранѣе попечительною рукою положены добрыя сѣмена, сѣмена жизни нравственной, которыя никогда не пропадутъ, и особенно послѣ рѣшительныхъ минутъ перелома, какъ сѣмена въ землѣ послѣ бури и грома, могутъ дать новыя, свѣжія отрасли, какъ, напротивъ, несчастенъ тотъ, кто принужденъ выдерживать эту страшную бурю въ душѣ своей, не находя въ то же время въ себѣ самомъ никакого убѣжища совѣсти, никакого сѣмени новой жизни, никакой отрады отъ плодовъ прежняго воспитанія, подобно жалкому путнику, застигнутому бурею среди пустынныхъ степей. Не удивительно, если борьба души съ самой собою въ такомъ случаѣ оканчивается отчаяніемъ, которое есть самая страшная и мучительная нравственная смерть.

Есть еще эпоха для человѣка, которая собственно не принадлежитъ одному какому-либо возрасту жизни, но въ которой дозрѣваетъ все, что онъ ни сдѣлалъ въ цѣлое продолженіе своего временнаго развитія. Эта эпоха—послѣдній часъ жизни. Нечего страшить воображеніе какими-либо фантастическими ужа-

сами этого часа: но истина велитъ сказать, что онъ приноситъ съ собою и раскрываетъ въ сильнѣйшей степени все, что можетъ быть болѣзненнаго въ тѣлесномъ разрушеніи, въ страданіяхъ души, все, что есть и можетъ быть страдательнаго въ цѣломъ нашемъ естествѣ и самаго мучительнаго въ огнѣ нашей совѣсти. Страшная борьба духа съ самимъ собою еще увеличивается въ своихъ ужасахъ отъ того, что духъ въ тоже время борется съ тѣломъ, съ которымъ долженъ разлучиться; вся эта борьба неописанна,—и ея послѣднее напряженіе, наконецъ, прерываетъ самую жизнь. Этимъ-то мгновеніемъ, которымъ оканчивается временная жизнь, начинается страшная для духа, теперь неизъяснимая для насъ, вѣчность. Неизъяснимая, безпредѣльная вѣчность! Одна мысль объ ней наводитъ печальную тѣнь на всю настоящую жизнь, на всѣ ея блага и радости, и въ нее-то пойдетъ нашъ духъ, одинокій, оставленный себѣ, съ однимъ страшнымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ—открытою совѣстію. Тамъ-то нашъ духъ вполнѣ откроется самому себѣ, со всѣмъ своимъ теперь недовѣдомымъ существомъ, со всею силою своихъ глубочайшихъ чувствъ и стремленій, теперь не вполнѣ развивающихся, и, прибавимъ, со всею ясностію сознанія о добрѣ и злѣ, теперь—или не ясно различаемыхъ, или такъ мало занимающихъ его совѣсть что добро беззаботно опускается, а зло невольно допускается Тамъ, въ отрѣшеніи отъ узъ тѣла духъ испытаетъ напряженнѣйшія усилія вознестись къ высшей жизни духовнаго міра, къ сферѣ котораго онъ будетъ приражаться; но въ то же время тяжесть нравственнаго зла будетъ всею своею силою увлекать его въ бездну лишенія этой жизни, въ безпредѣльное отдаленіе отъ свѣта, мира и блаженства чистыхъ духовъ, и это бореніе собственныхъ стремленій съ собственною тяжестію обратится въ источникъ жесточайшихъ, нестерпимыхъ мученій, которыя, однакожъ, для духа не будутъ имѣть конца. И это уже дѣлаетъ слишкомъ страшною для насъ смерть; однакожъ, это еще только предшествуетъ полному рѣшенію вѣчной судьбы человѣка, и эта сторона мученій, на которую мы теперь указываемъ, можетъ быть, составляетъ еще самыя малыя искры того вѣчнаго, пожирающаго, но не истребляющаго и не угасающаго *огня*, о которомъ напоминаетъ намъ Св. Писаніе.

Представленіемъ о такихъ страданіяхъ духа на предѣлахъ и за предѣлами этой жизни мы не отвергаемъ той истины, что переходъ въ вѣчность можетъ сопровождаться и полнымъ, высокимъ спокойствіемъ духа; есть вѣчное совершеннѣйшее блаженство за гробомъ, блаженство, для изображенія котораго у насъ теперь нѣтъ предмета и слова. Но должно опасаться самообольщенія: кто увѣренъ въ себѣ? Мысль о страданіяхъ неизбѣжна, какъ неизбѣжно сознаніе зла, насъ увлекающаго. Теперь вся задача въ томъ: чѣмъ приготовить духъ человѣка къ послѣднему часу такъ, чтобы онъ всею крѣпостію собранныхъ своихъ силъ выдержалъ рѣшительную борьбу, и тѣмъ выигралъ себѣ вѣчную побѣду. Чѣмъ облегчить и обезопасить отъ невозвратнаго плѣна—эту борьбу тлѣнія съ нетлѣніемъ, ветшающаго человѣка съ обновляемымъ, связующаго тѣла съ освобождаемою душею, привычекъ и привязанностей земныхъ съ желаніями небесными, воспоминаній прошедшаго съ надеждами и страхами будущаго? Какъ сдѣлать успѣшнымъ этотъ окончательный подвигъ, чтобы онъ довершилъ всѣ предъидущіе подвиги человѣка въ жизни, или даже сколько-нибудь восполнилъ недостатокъ ихъ, чтобы не многими шагами человѣкъ не оступился въ бездну—на вѣки? Безъ сомнѣнія, ближайшій отвѣтъ на эти вопросы тотъ, что вся жизнь человѣка должна быть приготовленіемъ къ послѣдней эпохѣ ея; но то, что составляетъ главнѣйшій предметъ въ этомъ приготовленіи, есть религіозно-нравственное образованіе духа человѣка,—однимъ словомъ, воспитаніе; оно-то должно заранѣе дать въ руки человѣку непобѣдимыя оружія на всякую духовную брань, подъ которыми разумѣемъ—первыя—религію и добрую совѣсть; оно должно благовременно утвердить жизнь и силы души на самыхъ прочныхъ началахъ, которыхъ не могли бы колебать никакія внутреннія или внѣшнія потрясенія въ судьбахъ человѣка; оно должно изъ дѣтства направить стремленія души далѣе міра и земли, къ небу и вѣчности, чтобы въ послѣдній часъ обнаруженіе жизни загробной предъ взоромъ души не могло быть такъ страшно и невыносимо; оно должно пріучить духъ человѣка къ постоянному углубленію въ себя, чтобы обнаженіе духа предъ самимъ собою въ часъ смерти не было такъ страдательно и тягостно для совѣсти.

Вотъ важнѣйшія эпохи, чрезъ которыя каждому изъ смертныхъ необходимо пройти въ своей жизни: и сіи-то эпохи должны имѣть въ виду родители и наставники, смотря на возрастаніе дѣтей подъ ихъ рукою. Приготовлять дѣтей къ мужественному испытанію сихъ эпохъ есть священный долгъ воспитателя и основа воспитанія. Теперь вопросъ: на какомъ основаніи утвердить столь необходимое приготовленіе,—образованіе человѣка? Гдѣ взять лучшія и болѣе прочныя начала воспитанія? Есть наука, къ которой еще древняя философія нерѣдко обращалась въ своихъ умозрѣніяхъ, хотя не имѣла достаточныхъ способовъ къ правильному и полному ея изученію, есть наука, которая въ настоящее время должна получить всю свою ясность, по всѣмъ обстоятель-

ствамъ внутренней и внѣшней жизни современнаго намъ человѣчества,—наука въ двухъ словахъ: γνωθι σεαυτὸν. Слова эти выражаютъ истину, которая такъ проста и вмѣстѣ такъ несомнѣнна, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Нельзя жить, нельзя получить правильнаго образованія и воспитанія, нельзя быть совершеннымъ и блаженнымъ на землѣ, не зная себя: это аксіома. Потому особый вопросъ: на чемъ утвердить самопознаніе, какъ основаніе начала воспитанія? Гдѣ указать лучшую школу для самопознанія и полнаго его развитія? Мы видимъ троякую почву, для укорененія въ человѣчествѣ самопознанія, и три школы для его развитія и совершенствованія, на томъ основаніи, что человѣкъ можетъ познавать себя или въ окружающемъ его твореніи, собственно теоретически, или въ подобномъ себѣ существѣ, собственно практически, или въ высшемъ своемъ первообразѣ, и созерцательно и дѣятельно вмѣстѣ, однимъ словомъ, духовно,—на этомъ основаніи мы видимъ троякую почву самопознанія: въ разумѣ, въ жизни, въ религіи, и три школы его: въ наукѣ, въ обществѣ, въ церкви. Изслѣдуемъ эту почву и заглянемъ въ эти школы.

На первомъ планѣ самопознанія, конечно, по всей справедливости долженъ стоять разумъ, съ своими теоріями, или науками; разумъ есть глазъ, обращенный внутрь собственнаго нашего существа, и дѣятель всегда необходимый, безъ котораго какія бы средства даны ни были человѣку для самопознанія отвнѣ, они не могутъ быть дѣйствительны. Иное дѣло обратить вниманіе на то, сколько успѣлъ или успѣваетъ разумъ развить самопознаніе человѣка въ своихъ теоріяхъ и наукахъ. Если бы съ вопросомъ: что такое человѣкъ? мы обратились къ тому времени, когда только одинъ разумъ и дѣйствовалъ въ жизни человѣка, то на эпохѣ сильнѣйшаго и обширнѣйшаго образованія разума, которая, скажемъ кстати, была и послѣдняя въ исторіи разума, на этой эпохѣ мы услышали бы одинъ изъ разныхъ голосовъ разума отвѣтъ на нашъ вопросъ: «человѣкъ есть ложь, человѣкъ есть обманъ, человѣкъ есть неопредѣленное, непонятное, неразгаданное существо»! Мы можемъ видѣть прямыми словами такія мысли у Плинія, Сенеки, Лукіяна, даже Плутарха и другихъ умовъ, которые замыкали собою періодъ образованія и развитія язычества. Какъ безсознательна и, слѣдовательно, какъ безотрадна должна быть жизнь, когда разумъ систематически доходитъ до убѣжденія, что человѣкъ самъ для себя есть обманъ! Видно, что науки древнихъ, при всемъ своемъ обширномъ развитіи, мало помогали самопознанію разума: конечно, отъ того, что разумъ въ своихъ теоріяхъ не умѣлъ найти правильной точки зрѣнія, на которой бы созерцаніе другихъ предметовъ могло вести

его и къ познанію себя; онъ только обтекалъ окружность видимаго міра, не достигая средоточія,—которое, по истинному понятію философіи, и есть самъ человѣкъ. Оттого и общій характеръ образованности древнихъ былъ—сильный перевѣсъ фантазіи, такъ что высшимъ плодомъ и высшимъ выраженіемъ духовной дѣятельности, не исключая и теоретическихъ знаній, было изящное, эстетическое. Подъ этотъ характеръ подходили и самые важные вопросы въ язычествѣ о человѣкѣ, напримѣръ, вопросъ о возможномъ облаженствованіи человѣка, т. е. по силѣ преобладающей фантазіи и эстетическаго направленія, при этомъ вопросѣ только суетились какъ бы облаженствовать внѣшнюю жизнь человѣка духовнаго, временную жизнь человѣка безсмертнаго, и выходило, что хотѣли только подсластить каплю жизни, не заботясь, сладко или горько будетъ море, которое послѣ нея пить надобно. Такимъ образомъ и воспитаніе имѣло характеръ по преимуществу эстетическій; имъ завѣдывали главнымъ образомъ двѣ науки: гимнастика и музыка. Первая образовала тѣло, вторая, посредствомъ поэзіи и краснорѣчія,—духъ. Но въ области первой высшимъ идеаломъ совершенства былъ Геркулесъ, а въ послѣдней главнѣйшею школою для юношества были—зрѣлища, гдѣ вмѣстѣ съ искусствомъ развивались и страсти, о которыхъ говорить иногда стыдятся сами язычники. Такое-то воспитаніе, наконецъ, заразило внутреннюю жизнь міра языческаго неизцѣльными болѣзнями, отъ которыхъ этотъ роскошный, раззолоченный міръ самъ собою истлѣлъ и распался.

Перейдемъ къ нашему времени. Видно таковъ законъ всего естественнаго, всего, что заключено въ предѣлахъ ограниченной природы,—что силы естественныя, сколько бы ни напрягались въ своей дѣятельности, но, не могши переступить положенныхъ для нихъ предѣловъ, бываютъ принуждены время отъ времени обращаться назадъ и возобновлять только прежнюю, старую дѣятельность, только болѣе или менѣе измѣняя ея форму. Примѣръ этому философія. Исторія философіи показываетъ, какъ разумъ былъ нѣкогда ограниченъ и тупъ въ своихъ понятіяхъ, до такой степени, что не умѣя ничего объяснить въ мірѣ и жизни, все приписывалъ какому-то року, или судьбѣ, которой и самъ не понималъ, которая также и сама себя не понимала. Если это были времена младенчества философіи, то что же она дѣлаетъ въ старости? Перемѣняетъ слова и говоритъ тоже. Новѣйшая, по времени, философія есть очень старая по существу, и идея логической необходимости, необходимый законъ какого-то прогрессивнаго развитія міра, это не что иное, какъ старая пѣсня на новый ладъ. Такова философія Гегеля.

Трудно рѣшить, что отъ этой философіи выигрываетъ вѣкъ, который хочетъ по преимуществу называть себя вѣкомъ разумнаго самосознанія. Напротивъ, когда жизнь человѣка заключена въ такую тѣсную рамку, что въ порядкѣ развитія цѣлаго она не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, по дѣйствію свободы, то разумное сознаніе скорѣе отъ того стѣсняется, чѣмъ расширяется, скорѣе подавляется, чѣмъ возвышается. Когда идея жизни человѣка есть идея логическая, т. е. законъ необходимой послѣдовательности, то что остается на долю личнаго самосознанія человѣка, того самого знанія, на которомъ основывается вся его разумная дѣятельность, его нравственность, его все благо и счастіе? Основа этого самосознанія, его жизнь, сила, сфера его высшаго развитія—есть свобода; отнимите свободу,—самосознаніе угаснетъ. Въ такомъ случаѣ, по идеѣ Гегеля, въ мірѣ надобно будетъ воцарить странный логическій формализмъ, вмѣсто личности и свободы, формализмъ, въ которомъ и воля Всемогущаго едва ли можетъ имѣть какую-либо силу: поелику характеръ законовъ или формъ логическихъ—необходимость. И опять старая пѣсня на новый ладъ. Творецъ у Гегеля, такимъ образомъ, есть тоже, что Зевесъ у стоиковъ: semel jussit, semper paret. Можно ли, напримѣръ, Богу, у Гегеля, принести молитву? Нельзя: это было бы лишнее, потому что Богъ, скованный логическою необходимостію, не въ силахъ былъ бы выполнить молитвы. Богъ, такимъ образомъ, не можетъ сдѣлать ничего необыкновеннаго, или сверхъестественнаго.

Шеллингъ, который, вслѣдствіе новаго направленія своихъ мыслей, сильно возстаетъ противъ Гегеля, находитъ очевиднѣйшее, опытное приложеніе умозрительныхъ идей Гегеля—во Франціи. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы хотѣли дознать, какъ могъ-бы человѣкъ воспитаться, или цѣлое общество образоваться по такимъ идеаламъ, то нигдѣ нельзя видѣть этого лучше, какъ во Франціи. Французъ воспитывается и образуется, не для того, чтобы быть собственно нравственнымъ или добродѣтельнымъ, даже понятія о счастіи у него неопредѣленны, онъ живетъ для того, чтобы быть, какъ онъ выражается, l'homme du monde! Идея жизни общественной, или—просто—свѣтскости, поглощаетъ въ себѣ всѣ другія начала. Въ цѣломъ государствѣ, даже въ правительствѣ, преобладаніе политицизма ослабляетъ всякое духовное, собственно человѣческое развитіе. Это преобладаніе передѣлываетъ по своему,—почти каждый день вновь,—нравы, религію, просвѣщеніе, также, какъ перемѣняетъ министровъ и костюмы на жителяхъ. Это именно въ духѣ Гегеля: потому что Гегель, представляя жизнь человѣчества развивающеюся въ необходимыхъ

формахъ логическаго прогресса, совершеннѣйшую форму развитія находитъ въ государствѣ; у него не государство существуетъ для человѣчества, а человѣчество для государства: «Франція же, сказалъ Шеллингъ, примѣръ тому, какъ опасно приводить эту мысль въ дѣйствіе».

Что сказать о другихъ наукахъ, составляющихъ просвѣщеніе разума? Сколько онѣ способствуютъ развитію и возвышенію самосознанія? Могутъ-ли онѣ дать отъ себя достаточныя, прочныя начала воспитанія? Смотря на современную организацію наукъ, невольно надобно признаться, что всѣ знанія разума человѣческаго нынѣ болѣе, чѣмъ когда нибудь, основаны *на стихіяхъ міра*, по буквальному выраженію апостола. Философія напр., въ нашихъ университетахъ и академіяхъ наукъ, потерявъ большую часть своего высшаго значенія, обратилась только въ художественное изученіе природы видимой и жизни ея, такое изученіе, въ которомъ стихіи этой жизни посредствомъ искусственныхъ опытовъ, насильственно раздробляются на мелочи, искажаются, превращаются и убиваются. Такая философія, естественно и сама по себѣ, даетъ не очень живыя и огромныя познанія: но гдѣ тутъ тѣ живыя и животворныя начала разумнаго просвѣщенія, которыя бы столько-же озаряли, укрѣпляли и возвышали внутреннюю жизнь человѣка, сколько дѣлали его мудрымъ и въ жизни внѣшней? Объ этомъ, конечно, и не спрашиваютъ философскіе факультеты нашихъ университетовъ и академій, но тѣмъ прискорбнѣе, когда ихъ стихійная философія заслоняетъ собою источники той истинной мудрости, которая, бывъ прежде вѣкъ уготована въ славу нашу, заключаетъ въ себѣ начала жизни истинной, т. е. духовной, безсмертной и вѣчной. Цвѣтутъ еще науки, напр., то изученіе земли, которое просвѣщеннѣйшій изъ нашихъ архипастырей называетъ—совершенно вѣрно—могильнымъ, которое по глыбамъ и слоямъ входитъ въ глубину земли, какъ въ могилу, и остатками разрушенія хочетъ истолковать жизнь уже подъ развалинами погребенную, а еще въ развалинахъ остающуюся. Новая наука,—а какъ она безжизненна, какъ она безотрадна и безнадежна сама въ себѣ! Уже не воскреситъ она жизни, истлѣвшей и погребенной въ землѣ, не сохранитъ и той, которая еще остается и тлѣетъ! Но она хоть бы навела мыслящіе умы на вопросъ откуда эта смерть все поглощающая, и тлѣніе, все разрушающее? Отчего это тяжкое проклятіе надъ землею? Какой будетъ общій, рѣшительный конецъ ея? Нѣтъ-ли для нея надежды воскресенія и обновленія? Пустая наука земли, когда не можетъ рѣшить этихъ вопросовъ,—и еще пустѣе, когда даже не приво-

дитъ къ нимъ, даже не возбуждаетъ ихъ. Есть въ рукахъ просвѣщеннаго вѣка и познаніе неба, познаніе, которое тотъ же учитель нашей церкви называетъ стекляннымъ, которое посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ слѣдитъ пути звѣздъ,—конечно, не безъ пользы и удовольствія. Но вотъ была бы совершенная наука, которая бы, при этомъ, указала зрителю и путь на небо, объяснила бы, можетъ-ли быть и будетъ-ли когда-либо новое, лучшее небо, и кто изъ насъ можетъ быть на этомъ небѣ? Этого конечно, не рѣшилъ бы никогда разумъ человѣческій; но онъ жалокъ, когда, оставляя истинныя науки, какъ дитя, самъ обращаетъ свои занятія въ игрушки. Что сказать еще о другихъ наукахъ? Важную роль въ свѣтѣ играетъ изученіе какого нибудь древняго права Греческаго или Римскаго, которому только время дало важность и котораго время показало слабость,—это изученіе много-ли даетъ познанія о томъ правѣ вѣчномъ, которымъ Царь неба и земли благоустрояетъ свое царство всѣхъ вѣковъ и свое владычество во всякомъ родѣ и родѣ,—и что особенно важно для человѣка,—познанія о томъ правѣ, посредствомъ котораго этотъ всеблагій и всемогущій Царь хочетъ устроить свое царство внутри самого человѣка! Если-бы жизнь человѣка принадлежала только внѣшнему міру и только имъ ограничивалась, то, можетъ быть, и свѣтская наука правъ сколько нибудь могла человѣка усовершенствовать и облаженствовать; но—жизнь человѣка истекаетъ изнутри его: какое же человѣческое право простирается на внутреннее человѣка?

Внутренняя жизнь человѣка есть предметъ, предъ которымъ всѣ другіе предметы знанія ясно обнаруживаютъ свою малость; но между тѣмъ этотъ предметъ даетъ такіе вопросы, предъ которыми и всякая наука, всякая мудрость міра—невольно умолкаетъ. Мы видѣли важнѣйшія эпохи жизни, когда возникаютъ изъ нея эти необходимые вопросы. Какая философія здѣсь окажетъ свою силу? Какое знаніе спасетъ душу человѣка? Вотъ размышленіе, которымъ одинъ изъ глубочайшихъ умовъ нашего времени, останавливаясь на словахъ пѣвца Израилева: «взыскахъ Господа, и услыша мя и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя,—приступите»... (Пс. 33; 6, 7), обличаетъ слабость свѣтскихъ наукъ и знаній въ жизни человѣческой: «спросимъ только себя, безъ скорбей ли прожили мы до-нынѣ, и надѣемся ли прожить безъ скорбей? Не думаю, чтобы кто такъ рѣшительно похвалился прошедшимъ или поручился за будущее. Спросимъ особенно: кто изъ насъ ненарушимо обладаетъ блаженствомъ, о которомъ говоритъ древній мудрецъ: блаженъ мужъ, иже не уязвися печалію грѣха? Если мы не такъ прельщены сами собою, не такъ чужды истины

чтобы не признавать въ себѣ печали и грѣха и, слѣдовательно, подвержены печали грѣха, то спрашиваю всѣхъ, имѣющихъ или когда либо имѣвшихъ притязаніе на просвѣщеніе и мудрость: гдѣ та мудрость, которая научила бы меня утѣшиться въ печали грѣха? Гдѣ то просвѣщеніе, которое освѣтило бы мнѣ путь избавленія отъ скорбей жизни, и особенно отъ скорбей совѣсти? Гдѣ та наука, которая бы удовлетворительно разрѣшала, ни для кого изъ насъ не посторонній, вопросъ о возможномъ облаженствованіи человѣка, и особенно согрѣшившаго и повиннаго предъ Богомъ? Гдѣ человѣкъ, который просвѣтилъ бы меня такъ, чтобы лице мое не постыдилось предъ Богомъ и предъ собственнымъ сердцемъ, которое зазираетъ грѣхамъ моимъ. Изыскатели силъ, движущихъ небо и держащихъ оное въ порядкѣ и равности! Дайте мнѣ силу, которая бы достаточно противодѣйствовала моему вольному и невольному тяготѣнію къ аду! Испытатели правъ Божескихъ и человѣческихъ, естественныхъ и общественныхъ! Вы не можете не признать, что нѣтъ естественнѣе и безъизъятнѣе права, какъ то, которое имѣетъ Богъ—требовать, чтобы никакая тварь не нарушала Его воли и закона, никакимъ дѣйствіемъ, никакимъ словомъ или желаніемъ; что поступившій въ противность правамъ самодержца теряетъ чрезъ сіе собственныя права, которыми, по кореннымъ началамъ царственнаго благоустройства, не могъ пользоваться иначе, какъ съ обязанностію вѣрнаго послушанія, что по тѣмъ же началамъ онъ подвергаетъ себя укротительнымъ или карательнымъ дѣйствіямъ правосудія. Такимъ образомъ и ваша наука, какъ и совѣсть постыждаетъ лице грѣшника, но знаетъ ли она средство изгладить его стыдъ? Говорятъ у васъ, что сдѣланное не можетъ уже стать не сдѣланнымъ; это изреченіе осуждаетъ грѣшника на вѣчный стыдъ сознаваемаго грѣха. «Богъ милосердъ»! хорошо,—но и правосуденъ! безконечно милосердъ, но и безконечно правосуденъ; вѣсы понятій стоятъ ровно, и нѣтъ причины, почему бы надежда на милосердіе могла перевѣсить ужасъ правосудія. Кто же разрѣшитъ мои недоумѣнія? Кто просвѣтитъ тьму мою? Кто утѣшитъ меня вѣрнымъ непосрамляющимъ упованіемъ на милосердіе Божіе? Кто избавитъ мя отъ всѣхъ скорбей моихъ? Тебѣ единому возможно сіе, отъ Бога пришедшій Учитель, свѣтъ міра, посѣститель душъ, Господи Боже, Спасителю Іисусе! Твое чудесное явленіе въ мірѣ, Твое слово, наипаче же Твои за меня страданія, Твои раны, Твоя крестная смерть—суть такія доказательства спасающаго милосердія, которыя сильны, и онѣ только сильны, не только земную тьму невѣдѣнія, сомнѣнія, скорби, но и адскій мракъ отчаянія просвѣтить сладкимъ животворнымъ, неугаси-

мымъ свѣтомъ. Какъ бы ни глубоко уязвлено было сердце мое печалію грѣха, какъ бы ни было изранено и растерзано скорбями земной жизни, когда внутреннимъ движеніемъ вѣры прилагаю мои сердечныя раны къ Твоимъ крестнымъ ранамъ, текущая изъ нихъ Твоя безмертная и воскрешающая жизнь касается моей жизни умирающей, или уже умершей, и Твой Божественный свѣтъ просвѣщаетъ омраченнаго, творческое слово Твое возставляетъ падшаго, исцѣляетъ недугующаго, воскрешаетъ умерщвленнаго: утѣшеніе Духа Твоего или избавляетъ отъ всѣхъ скорбей, или самыя скорби дѣлаетъ утѣшительными, самыя страданія радостными въ причастіи Твоихъ спасительныхъ скорбей и страданій; съ Тобою лице мое не постыждается предъ Богомъ, Отцемъ Твоимъ и моею собственною совѣстію: ибо кровь Твоя очищаетъ совѣсть мою отъ мертвыхъ дѣлъ».

Вотъ предметы мудрости, столь необходимые для каждаго изъ насъ въ жизни, и никакія знанія, естественныя или философскія, не только не могутъ сообщать ихъ безъ откровенія высшаго, но и постигать ихъ въ откровеніи. Для изъясненія и изученія сихъ-то высокихъ предметовъ единственный Просвѣтитель міра открылъ на землѣ свое необыкновенное училище, какого никто кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Него, образовать не могъ; училище, всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли, училище, которое не ласкаетъ надеждою степеней учительскихъ, а хочетъ сдѣлать всѣ народы не болѣе какъ *учениками*, но которое, будучи такъ неприманчиво, при первоначальномъ образованіи своемъ, привлекло и переучило по своему древне-ученый міръ. Бывъ поставленъ среди сего училища однимъ изъ великихъ въ немъ трудолюбцевъ и служителей истины, тотъ же размышляющій умъ такъ заключаетъ свое размышленіе о высотѣ и плодахъ просвѣщенія Христова: «Славлю Тебя, единственный Просвѣтитель, и хотя недостойнымъ гласомъ, съ достойнымъ служителемъ Твоего вѣчнаго просвѣщенія (т. е. псалмопѣвцемъ) взываю о Тебѣ ко всѣмъ просвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ вѣка сего: приступите къ Нему—умомъ благоговѣющимъ, сердцемъ вѣрующимъ, духомъ молящимся, волею послушною, приблизьтесь, приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся!»

О расположеніяхъ противныхъ вѣрѣ.

Однимъ изъ высочайшихъ преимуществъ, какія имѣетъ нравственная сила вѣры въ церкви христіанской, есть непобѣдимость и неистощимость этой силы. *Созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. 16, 18). При всемъ томъ вѣрѣ суждена въ церкви продолжительная, упорная, то открытая, то сокровенная, то внѣшняя и видимая, то внутренняя и только ощущаемая,—борьба съ враждебными ей силами. Не могутъ эти силы побѣждать самой вѣры, но могутъ побѣждать и плѣнять вѣрующихъ, и хотя сокровище вѣры благодатной, положенной въ церкви ея основателемъ—Христомъ и совершителемъ—Духомъ, неистощимо, Самъ, однакожъ, Основатель церкви предрекаетъ, что будутъ времена, когда едва-ли останется на землѣ даже искра вѣры (Лук. 18, 8). Такая судьба вѣры внимательному наблюдателю даетъ весьма сильныя побужденія—слѣдить за состояніемъ ея въ церкви, и наблюдать дѣйствіе враждебныхъ ей силъ, Остановимся на этомъ предметѣ.

Если бы, смотря на жизнь міра, мы хотѣли судить объ ней по суду самого міра, то, конечно, успѣхи цивилизаціи, обширное развитіе наукъ, искусства и изобрѣтенія—все это могъ бы представить намъ міръ, какъ явное доказательство своего усовершенствованія и какъ прочный залогъ еще лучшаго будущаго. И, если бы мы хотѣли остановиться на этой одной сторонѣ жизни настоящей міра, то, кажется, не оставалось бы ничего болѣе, какъ, не раскрывая Евангелія, спокойно жить въ настоящемъ и внѣшнемъ, не думая о внутреннемъ или будущемъ. Если бы еще хотѣли мы прибѣгнуть къ новой философіи вѣка, то, безъ сомнѣнія, она постаралась бы утѣшить насъ и успокоить однажды навсегда тѣмъ, что все идетъ—какъ идетъ, просто, своимъ чередомъ, что все нужно, когда нужно, нужно—когда есть, не нужно—когда нѣтъ, были времена благочестія и вѣры,—было нужно; нѣтъ вѣры и благочестія,—не нужны. Но—не наше призваніе учиться этой философіи, и не нашъ долгъ водиться судомъ міра. Раскроемъ Евангеліе.

Не по какому-либо предубѣжденію противъ времени и не по личному взгляду на состояніе вѣры и Церкви, но по нуждѣ—обличать то, что есть и можетъ быть въ насъ, или кругомъ насъ, чуждаго и враждебнаго вѣрѣ,—и по обязанности—остерегаться всего, противнаго ея истинѣ и чистотѣ, особенно, когда все это прикрывается обольстительными личинами,—въ направленіи ли умовъ, въ расположеніи ли сердецъ, въ образѣ ли цѣлой жизни враговъ вѣры, или и просто христіанъ неистинныхъ,—по этимъ побужденіямъ мы остановимся теперь на тѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, въ которыхъ изображаются явленія въ Церкви несвѣтлыя и неотрадныя. Но, прежде всего, здѣсь приходитъ на память весьма вѣрное наставленіе апостола, которымъ онъ предваряетъ хри-

стіанъ въ сужденіи о судьбахъ Церкви. *Имамы*, говоритъ, *извѣстнѣйшее пророческое слово* и пр. (2 Петр. 1, 19—21). Это значитъ, что если Слово Божіе должно быть единственнымъ руководствомъ для христіанина въ вѣрѣ и жизни, въ понятіяхъ первой и судьбахъ послѣдней, то одно чтеніе слова Божественнаго не объяснитъ всего, что нужно христіанину постигать въ своей вѣрѣ или въ жизни, или въ окружающемъ его мірѣ, такъ же одно толкованіе умомъ не раскроетъ вполнѣ свѣта въ словѣ Божественномъ заключеннаго; тайны слова Божественнаго суть тайны жизни—и жизни духовной, и тамъ ключъ ихъ разрѣшенія. Слову Евангелія надобно внимать дѣятельно, упражняться въ немъ жизнію, дотолѣ, когда мы восчувствуемъ, что оно глубоко отпечатлѣлось въ сердцѣ нашемъ, сдѣлалось внутреннимъ словомъ Бога въ душѣ нашей, и струи свѣта высшаго изъ него прольются въ глубину нашей жизни духовной: тогда-то, и тогда только *день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ*, мы получимъ внутреннее духовное просвѣщеніе, и въ этомъ внутреннемъ свѣтѣ будемъ постигать и тайны слова Божія, и тайны жизни; будемъ способны въ Словѣ Божественномъ разгадывать судьбы міра и въ состояніяхъ міра объяснять для себя Слово Божественное. Такимъ образомъ въ одномъ Евангеліи мы нашли бы разрѣшеніе на всѣ времена, на всѣ событія, на всѣ вопросы вѣры и жизни. Перейдемъ къ своему предмету.

Раскрывая 2-е посланіе ап. Петра, въ 3-й главѣ читаемъ: *помянути прежде реченныя глаголы отъ св. Пророкъ, и Апостолъ вашихъ заповѣдь Господа и Спаса: сіи прежде вѣдяще, яко пріидутъ въ послѣднія дни ругателе, по своихъ похотехъ ходяще и глаголюще: гдѣ есть обѣтованіе пришествія его? отнѣлеже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* (ст. 2—4). Вотъ самая открытая и наглая вражда противъ вѣры, однимъ словомъ, невѣріе, которое апостолъ, предрекая, относитъ къ послѣднимъ днямъ міра. Не станемъ исчислять времена и дни, *яже Отецъ единъ положи въ своей власти*, но Церковь видѣла уже много разъ такую вражду и, чтобы не искать примѣра далеко, надобно взглянуть на половину прошедшаго столѣтія, и мы увидимъ точное сбытіе словъ апостольскихъ, даже сбытіе въ тѣхъ буквальныхъ изображеніяхъ развращеннаго невѣрія, какія находимъ у апостола во 2-й главѣ посланія. Явилась толпа развращенныхъ изувѣровъ, толпа буйныхъ и возмутительныхъ умовъ, дерзкихъ хулителей, которые почитали для себя славою явно поносить Бога и потрясать его престолъ въ Церкви; они гордо возставали противъ кроткой любви и ея креста, и съ гнуснымъ презрѣніемъ, съ богопротивною надменностію, ругались надъ религіею, надъ ея таинствами, ученіемъ, законами и Богослуженіемъ; угрозы ея называли пустыми устрашеніями, а обѣтованія ея пышными вымыслами. Отвратительное ученіе безбожія было прелестію для этихъ низкихъ душъ, и они были такъ помрачены, что и себѣ не желали, и несчастнымъ своимъ послѣдователямъ не обѣщали, послѣ сей жизни, ни другаго убѣжища, кромѣ ничтожества, ни другаго жребія, кромѣ вѣчнаго безчувствія. Точно, по изображенію апостола, *источницы безводни облацы и мглы отъ вѣтръ преносимы, имже мракъ темный во вѣки блюдется* (ст. 17).

Въ самомъ дѣлѣ, страшная мгла невѣрія налегла, въ прошедшемъ столѣтіи, на западъ, какъ грозная туча, которая и разразилась самою разрушительною бурею. Нельзя лучше видѣть невѣріе во всей его наготѣ и силѣ, во всей губительности его дѣйствія на бытъ человѣческій, и довольно прочитать исторію того времени, чтобы понять всѣ свойства невѣрія, его глубочайшіе сокровенные источники и его неизбѣжныя слѣдствія. Къ несчастію, этотъ періодъ времени слишкомъ ясно показалъ, какъ религія, ослабляемая продолжительными внѣшними бѣдствіями, раздираемая жалкими распрями, истощаемая потерями, часто возобновляющимися и рѣдко вознаграждаемыми, мало-по-малу приходитъ въ упадокъ въ быту народовъ. И въ древнія времена было такъ, и въ христіанствѣ повторяется то же. Послѣ опасныхъ колебаній и пораженій, причиняемыхъ религіи перемѣнами въ ея древнемъ ученіи и древнихъ постановленіяхъ, умноженіемъ всякаго рода пороковъ, успѣхомъ обольстительныхъ по внѣшнему виду, но вредныхъ въ сущности, новизнъ, вводимыхъ въ нее, религія наконецъ подвергается всякаго рода нападкамъ; первоначальная слава ея, слава внутренняя и чистая, изглаживается; древнія опоры ея обрушиваются; вмѣсто прежняго величія и обаянія внутренней жизни открывается въ ней скудость и слабость. Въ глубинѣ сердецъ развращенныхъ воспитывается среди Церкви, а потомъ, такъ сказать, вырывается въ жизнь невѣріе, которое часто удерживается только лишь нѣкоторою силою совѣсти и стыда и, однакожъ, вырвавшись, быстро достигаетъ необузданнаго своеволія и неограниченной дерзости. Въ невѣріи воспиталось и то страшное чудовище, покрытое личиною просвѣщенія и любомудрія, которое на Западѣ устремилось на вѣру, и совершенно, можетъ быть, говоритъ одинъ писатель, попрало бы ее, если бы она на незыблемомъ основаніи не была утверждена Всемогущимъ и подкрѣплена обѣтованіями непреложными.

Правда, надобно сказать, что такое развращеніе умовъ и сердецъ, которое рождаетъ изъ себя невѣріе, нынѣ, повидимому, вышло изъ обычаевъ; ругательствъ и хулы на Бога и все Божественное стыдятся уже общества и самыя нетвердыя въ нрав-

ственности; безбожіе отвратительно для всѣхъ, сколько-нибудь честныхъ и скромныхъ людей. Согласимся, что это правда, въ отношеніи къ настоящему времени. Раскроемъ другое мѣсто писанія: «*Тако глаголетъ иже есть аминь, свидѣтель вѣрный и истинный... вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ; о, дабы студенъ былъ еси или горящъ!* (Апок. 3; 14, 15). Это хотя написано къ одной извѣстной Церкви первыхъ вѣковъ, но вмѣстѣ съ частнымъ обличеніемъ тутъ заключено и общее предсказаніе на другія времена. Эти слова изображаютъ особенное состояніе, для котораго есть и особенное слово въ новѣйшей исторіи: индифферентизмъ! «Теплая» философія спокойно разсуждающаго разума, который все принимаетъ и ничему не вѣритъ, ни противъ чего не возстаетъ, и все презираетъ. Онъ не принадлежитъ ни къ какой сектѣ, потому что гнушается всякими сектами, но ничего не изслѣдываетъ и ни съ чѣмъ не споритъ, потому что желаетъ въ тишинѣ наслаждаться своими страстями. Онъ не отказывается отъ христіанства, но внутренно презираетъ всякую религію, и собственною религіею онъ хотѣлъ бы имѣть такую, которой правила нисколько не были бы противны чувственнымъ склонностямъ, которая бы ничѣмъ не грозила и не отравляла его удовольствій. Для него, исключая удовлетворенія страстей, совершенно равно—все, и первое правило его мудрости: допускать все, не подчиняя себя самого ничему. Идолопоклонство ли китайское, мусульманство ли татарское, протестанство нѣмецкое или англійское, католичество ли римское или парижское, православіе ли русское: онъ одинаково все признаетъ и равно ни къ чему не принадлежитъ. Вся жизнь человѣка, по такой философіи, есть хроманіе на оба колѣна. Способный сдѣлать много добраго, онъ еще болѣе дѣлаетъ худого; чувства христіанскія и чувства мірскія, самыя предосудительныя, въ душѣ смѣшаны и безразличны; онъ не хочетъ быть врагомъ ни Христа, ни міра, но желалъ бы служить тому и другому и, не отказываясь отъ славы перваго, не упустить славы послѣдняго. Онъ христіанинъ, когда надъ нимъ не смѣются, философъ, когда его испытываютъ, и измѣнникъ, когда ему угрожаютъ. Онъ уважаетъ Св. Писаніе и принимаетъ его догматы, но любитъ, чтобы его не заставляли принимать все Писаніе за чистую истину, потому что много находитъ въ немъ предразсудковъ времени или приспособленій къ предразсудкамъ, во многомъ видитъ не болѣе, какъ оборотъ, или игру словъ, нелѣпость, поэзію, баснь. Предпочитать обязанности вѣры обычаямъ вѣка—для него лицемѣріе; горячность любви ко Христу—для него суевѣріе и фанатизмъ и т. д. Словомъ, жизнь индифферентизма—теплота, ни горячность, ни холодность.

Не много нужно знать свѣта, чтобы увѣриться въ многочисленности такихъ «теплыхъ» христіанъ. Христіанство, основанное на разумѣ, исповѣданіе религіи, которое всякій и во всякомъ случаѣ можетъ доказать, Богопочтеніе, въ которомъ нѣтъ лишняго мѣста вѣрѣ и любви, а есть столько добродѣтели и благочестія, сколько позволяетъ благоразуміе: не есть ли это сочетаніе совсѣмъ различныхъ другъ отъ друга понятій, которыя одно другому противорѣчатъ? Но кто знаетъ свѣтъ, тотъ знаетъ, что такова именно мудрость нынѣшняго свѣта, который полагаетъ въ этой мудрости свое истинное просвѣщеніе и по ея началамъ хочетъ воспитывать просвѣтителей міра. «О, дабы былъ еси студенъ! О, если бы ты былъ прямой, открытый мой врагъ: ты бы не обманывалъ меня, ты бы не осквернялъ моего имени, называя имъ себя; ты бы не дѣлилъ со мною вечера для того, чтобы предать меня, и ты бы не кралъ у меня священнаго достоянія моихъ истинныхъ учениковъ, чтобы измѣннически передавать его міру; но ты не врагъ мой, ты другъ-предатель. Врага я побѣждаю любовію, но ты не хочешь любви моей, и, притворствуя постоянно, ежечасно меня распинаешь».

Сѣмя змія многоплодно; вражда его противъ Агнца многообразна. Откроемъ еще мѣсто Св. Писанія: *Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, говоритъ ученикъ любви, *Кто есть лживый точію отметаяйся, яко Іисусъ нѣсть Христосъ; сей есть антихристъ, отметаяйся Отца и Сына* (1 Іоан. 2, 19, 22). Страшная истина! страшная потому, что и въ новѣйшее время эта вражда нашла себѣ мѣсто и новый образъ приложенія. Это раціонализмъ. Эта язва, заразившая внутреннюю жизнь Запада, открывается въ томъ, что естественный разумъ, всею силою своего любомудрія, вооруженнаго, сверхъ своей тонкой діалектики, коварствомъ и злобою противъ христіанства, и еще тончайшимъ критицизмомъ въ области вѣры, разумъ, говорю, усиливается возстановить всѣ свои права въ управленіи мыслительною и дѣятельною жизнію человѣка самъ собою, по своимъ идеямъ и планамъ, сохранить и поддержать, даже возродить и усовершить всецѣло жизнь человѣчества. Просто, хотятъ обойтись безъ Христа и креста, безъ таинствъ и благодати. Гордость, одна гордость этой философіи вооружаетъ ее противъ всякой вѣры и заставляетъ выдумывать себѣ Бога и религію по своему вкусу. Есть и такіе, которые открыто уважаютъ Евангеліе, но хотятъ понимать его, какъ имъ угодно, и, что несогласно съ образомъ ихъ мыслей, отвергаютъ. Таинства и чудеса: вотъ что ненавистно этимъ философамъ, что смущаетъ, что раздражаетъ ихъ противъ Евангелія, и, иногда признавая глубину и святость его ученія, особенно

нравственнаго, они желали бы вслѣдъ за чувствительнымъ философомъ женевскимъ (Ж. Ж. Руссо) исторгнуть изъ Евангелія и истребить эти камни ихъ претыканія. Изъ краеугольнаго камня вѣры и Церкви дѣлаютъ бюстъ великаго мудреца и учителя истины, только учителя болѣе искуснаго и сильнаго, чѣмъ всѣ прежде него бывшіе проповѣдники истины, и этотъ бюстъ ставятъ возлѣ бюстовъ Сократовъ, Платоновъ и пр. Какъ назвать этихъ оруженосцевъ и воиновъ разума, иногда, впрочемъ, не высказывающихъ безстыднаго невѣрія и наглости противъ религіи, а иногда выражающихъ такія мысли, что сами отъ стыда скрываютъ свое имя, при ихъ выраженіи,—какъ назвать ихъ, какой судъ на нихъ произнести? Ни слова. Есть судъ прежде нашего: апостольскій.

Перейдемъ къ другому мѣсту Св. Писанія. Вотъ еще голосъ апостольскій: *блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (Кол. 2, 8). Это нѣчто другое, нежели то, о чемъ мы сейчасъ говорили; хотя надобно говорить опять о философіи и о разумѣ, однакожъ, не затрудняемся и на этотъ разъ указать особое явленіе въ Церкви враждебной силы противъ вѣры. Есть умы, которые, не касаясь догматовъ и таинъ вѣры, желали бы, однакожъ, ввести въ Церковь Христа вещественныя начала міра, стихіи міра, какъ выражается апостолъ, именно, желали бы ввести эти стихіи такъ, чтобы онѣ управляли жизнію Церкви, чтобы по нимъ расположенъ былъ внутренній составъ ея и внѣшній бытъ; хотятъ, такъ сказать, чтобы Христосъ раздѣлилъ въ Церкви власть свою съ міромъ, чтобы уставы и постановленія Церкви, обычаи и преданія ея, порядокъ ея дѣйствій въ отношеніи къ міру, и въ образованіи и состояніи въ лицѣ ея служителей,—все это было бы устроено по духу и даже по внѣшнему образу міра; не думая, что Церковь должна, по своему назначенію, судить міру, міръ, надменный мечтою просвѣщенія, какъ будто стыдится и скучаетъ видѣть среди себя Церковь, не по немъ устроенную и не его духомъ управляемую! И на этотъ случай есть своя философія. Рѣшаются утверждать, что религія, что Церковь имѣетъ собственную, въ своихъ рукахъ, власть и силу тогда, когда народъ погруженъ еще въ невѣжество и имѣетъ нужду, чтобы держать его совѣсть и волю въ оковахъ; что, достигая свободнаго просвѣщенія и самостоятельности въ мышленіи, народъ естественно приходитъ къ тому, чтобы свергать оковы церковнаго послушанія; что древнія постановленія, преданія и права Церкви, сильныя въ младенческомъ возрастѣ народовъ, не всегда могутъ быть совмѣстимы съ успѣхами и новыми потребностями возрастающей цивилизаціи. Новая система, а главная мысль—старая. Еще до рождества Христова были мыслители, которые точно мыслили, что религія нужна для простого народа, т. е. для душъ обыкновенныхъ, неспособныхъ руководиться началами самостоятельнаго мышленія, что сила и власть религіи и религіозность обществъ полезна для правительствъ только тогда, когда надобно пріучать народъ къ подчиненію, когда нужно убѣждать его и заставлять, чтобы онъ носилъ безъ ропота тяжелое иго законовъ, но что иное дѣло мудрость и мудрые, которые могутъ обойтись и безъ религіи. Однакожъ, если въ самомъ дѣлѣ такъ, то для чего же нужно было низводить религію съ неба, для чего было запечатлѣвать ее кровію,—какою кровію? Кровію Божественною. И къ чему бы такой обширный, глубокій, неизмѣримый планъ спасенія человѣковъ? Нѣтъ; не на время религія, не для толпы только—вѣра; и Церковь, святилище религіи и вѣры, и во внутренней жизни—не отъ міра, и во внѣшней—не для міра.

Еще черта. *Будетъ время*, говоритъ св. Павелъ, *егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся* (2 Тим, 4, 3). Исполненіе сихъ словъ—въ новѣйшее время буквальное! Строгія, чистыя истины вѣры стали тяжелы и скучны для нѣжныхъ сердецъ просвѣщеннаго вѣка; и вотъ, по точному изображенію слова апостольскаго, они избираютъ себѣ учителей по своимъ похотямъ. Есть бѣдствіе, бѣдствіе новое, неизвѣстное въ другихъ вѣкахъ. Духъ вѣка воспитываетъ легкомысліе и надменность ума и фантазіи и обезображиваетъ христіанство недостойнымъ образомъ. Онъ позволяетъ выводить на сценѣ предметы религіи, унижаетъ христіанство, употребляя его одеждою и украшеніемъ романовъ и всякихъ вымысловъ; его священными вдохновеніями жертвуютъ множеству соблазнительныхъ изображеній, и думаетъ даже возвысить достоинство христіанства, представляя его дѣйствіемъ и назначеніемъ—воспламенять и расширять воображеніе живописцевъ ваятелей, поэтовъ, романистовъ, украшать настоящую жизнь, усовершать искусства, которыя, между тѣмъ, по духу своевольства, изнѣженности и развращенія вѣка, служатъ только къ разслабленію душъ, къ раскрытію и воспламененію тысячи страстей, ненавистныхъ для христіанства. Надобно послушать этихъ непризванныхъ изъяснителей христіанства; надобно видѣть, какъ языкъ ихъ, утонченный софизмами и согрѣтый мечтательностію, привлекаетъ за ними легкомысленныя сердца, которыя, точно, чешеми слухомъ отъ истины слухъ отвращаютъ и къ баснямъ

уклоняются: а вѣра страдаетъ! Вотъ, такъ сказать, самая льстивая вражда противъ Евангелія!

Не будемъ далѣе исчислять дѣйствія силъ, враждебныхъ вѣрѣ. Много ихъ мы можемъ видѣть своими глазами, а, безъ сомнѣнія, еще болѣе дѣйствуетъ сокровенно,—болѣе, говорю, поелику сила беззаконія втайнѣ дѣется въ Церкви. Но причины такихъ неутѣшительныхъ явленій въ Церкви многоразличны; эти причины могутъ быть внѣшнія: воспитаніе, ложное направленіе цивилизаціи, зараза чрезъ всѣ пять чувствъ, чрезъ чтеніе и подражанія, напряженныя усилія современнаго міра дать большее и обширнѣйшее развитіе силамъ своей внѣшней, естественной, мнимообразованной жизни, тогда какъ силы жизни духовной внутри Церкви остаются мало развитыми, по дѣятельности и невниманію самихъ членовъ Церкви. Внутреннія, субъективныя причины: невѣжество, суемудріе, гордость, страсти, мечта о просвѣщеніи, стремленіе къ ложной независимости, самообольщеніе и тысячи другихъ причинъ, которыхъ здѣсь исчислять нельзя. Упадокъ нравовъ, безъ сомнѣнія, есть сильнѣйшая причина. Если такое состояніе Церкви ясно предсказывается въ словѣ Божіемъ, то и учители Церкви предвидѣли, что заблужденія, питающія гордость и развращеніе сердца, нововведенія, тайно возстающія на благодать и вѣру и ослабляющія догматы спасенія, будутъ являться и разрушать истинную праведность и истинный духъ въ Церкви христіанской; и учители Церкви при этомъ увѣряютъ, что по мѣрѣ успѣхомъ такого безпорядка, Іисусъ Христосъ, истинное Солнце правды, отниметъ свѣтъ Свой и сокроется отъ неблагодарныхъ и гордыхъ; помраченіе и ожесточеніе, въ которомъ Онъ оставитъ враговъ Своей вѣры, будетъ первою изъ Его казней и повлечетъ за собою безчисленное множество другихъ. Вотъ что говоритъ Августинъ: «между народами, носящими имя христіанъ, будетъ нѣкогда такое множество заблужденій и злоупотребленій, что произойдетъ голодъ слова Божественнаго, пророками предсказанный. Такъ какъ эти народы грѣхами своими отринули отъ себя свѣтъ истины, то Богъ удалится отъ нихъ; люди не сохранятъ болѣе вѣры безъ поврежденія и безъ примѣси развращенныхъ мнѣній, или сохранитъ ее малое число,—то число богоугодныхъ христіанъ, о которомъ Спаситель сказалъ: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ».

Отъ этихъ печальныхъ явленій возвратимся къ утѣшительнымъ доказательствамъ непобѣдимости вѣры христіанской и неистощимости благодати въ Церкви. Церковь, вѣра,—тѣло таинственное и духовное, которое умереть не можетъ; оно носитъ въ самомъ себѣ начало жизни, котораго никакія коварства и враждебныя усилія истребить не могутъ. Правда то, что это тѣло можетъ быть подвержено величайшимъ болѣзнямъ, его члены могутъ быть повреждены, или поражены разслабленіемъ. Но взглянемъ на примѣръ Іова. Все тѣло Іова покрыто гноемъ; онъ лишенъ всѣхъ благъ жизни, онъ потерялъ свои стада, дѣти его побиты; онъ доведенъ до такого состоянія уничиженія и бѣдности, что его друзья не узнаютъ его, что ближніе смѣются его страданіямъ, и онъ становится предметомъ отвращенія и ужаса для всѣхъ, его окружающихъ. Что же? Іовъ между тѣмъ остается пріятнымъ Богу; онъ не умираетъ, и его врагу не дано власти надъ его душею и жизнію. Вотъ живой образъ Церкви: она можетъ страдать въ своей внѣшней и внутренней жизни, можетъ быть покрыта ранами и быть въ гоненіи отъ своихъ враговъ: но пасть, быть побѣжденною врагами—никогда, хотя бы всѣ врата адовы возстали на нее. Препобѣдивъ всѣ препятствія, преодолѣвъ всѣхъ враговъ, Церковь имѣетъ назначеніе—всѣхъ предуставленныхъ ко спасенію привести въ единство вѣры, въ единство и полноту познанія Сына Божія, какъ Искупителя и Главы спасаемыхъ, въ совершенство духовнаго мужества, или зрѣлости силъ духовныхъ, въ предопредѣленную мѣру возраста Христова и полноты жизни благодатной. Это ученіе апостольское. Или посмотримъ на изображеніе судьбы истинной Церкви въ Откровеніи: она тамъ является въ народѣ многомъ, его же исчести никто же можетъ, отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ, стоящемъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ; тамъ она является въ видѣ храма съ алтаремъ и поклонниками. который Іоанну повелѣно было измѣрить: и царство міра дѣлается царствомъ Христа; далѣе—также является великій образъ Церкви въ лицѣ жены, облеченной въ солнце, т. е. въ истину и добродѣтель Христа, какъ свѣта міру, украшенной отъ звѣздъ двунадесяте, т. е. украшенной боговѣдѣніемъ апостольскимъ, и луну—мудрость земную, естественную,—имѣющей подъ ногами. Она облечена въ виссонъ оправданія святыхъ, сама есть станъ святыхъ и градъ возлюбленный. Змій гонитъ жену, но не настигаетъ ее и не низлагаетъ, и самая земля поможетъ женѣ, т. е. подъ устроеніемъ Промысла и земныя учрежденія и происшествія содѣйствуютъ миру и безопасности Церкви. Крилѣ орла несутъ ее въ пустыню, въ мѣсто свое, въ безлюдіе, конечно, внѣшнее, но въ пустыню внутреннюю, все далѣе и далѣе отъ міра, и все ближе и ближе къ Богу: потому что свое мѣсто для Церкви есть близость къ Богу и соединеніе съ Нимъ, въ духѣ благодати, силѣ вѣры, крѣпости любви, полнотѣ жизни, въ лонѣ блаженства (Ап. гл. 7 и 12).

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I. Изъ чтеній по Догматическому богословію.

	стран.
1) Неизмѣняемость и развитіе христіанскихъ догматовъ	1
2) Взаимное отношеніе разума и откровенія	4
3) Христіанское ученіе о Богѣ	14
4) Догматъ о Пресвятой Троицѣ	18
5) О Промыслѣ Божіемъ	51
6) О лицѣ Іисуса Христа (гл. I—X)	59

II. Изъ чтеній по Богословію Дѣятельному, или нравственному.

Вѣра—основаніе истинной нравственности	101
О надеждѣ христіанской	117
Дѣятельнаго христ. богословія часть 3-я: аскетика	141
О силахъ духовныхъ, потребныхъ для подвиговъ христ. благочестія	143
О нравственномъ состояніи человѣка, благодатію возрожденнаго	159
О таинствахъ	174
О покаяніи	176
О причащеніи	207
Объ елеосвященіи	240
О молитвѣ	247
О законѣ Евангельскомъ	254
О благодатномъ возрожденіи и обновленіи человѣка	265
О воспитаніи	270
Объ основныхъ началахъ воспитанія	288
О расположеніяхъ противныхъ вѣрѣ	302